

**ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК**

2023, Том 3, № 6

Подписано к публикации: 30.06.2023

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Мариза Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., Elibrary.ru.

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

Е-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2023

Содержание

Васильева Н.М. Реализация орфографических норм якутского языка как объект изучения лингвистических экспедиций	6-8
Даулань М. Особенности косметической рекламы в русском и английском языках: лингвопрагматический аспект	9-13
Лю Цзясинь К вопросу о конфликте в речевой коммуникации	14-18
Сунь Цзин Составной союз <i>благо что</i> : специфика функционирования	19-22
Тянь Кайгэ От «маркетинговых инструментов» к «социальной ответственности» – вызовы и возможности для корпоративной социальной рекламы	23-27
Таказов В.Д., Чэнь Хаотянь Постправда как явление современности	28-31
Рабазанова М.С., Муртузалиева Е.А. Система образов в «Желтой стреле» В. Пелевина	32-35
Сковорода Е.В. Образы сотрудников Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОНа) в книге очерков Бориса Ширяева «Неугасимая лампада»	36-39
Сунь Лили Перевод метафорических терминов традиционной китайской медицины	40-45
Чжан Жуй Отражение демократии в китайских СМИ: на примере газеты «Жэньминь Жибао»	46-50
Гаврилович И.А., Лунькова Е.С. Особенности появления новой лексики в грамматическом словаре новых слов русского языка (имена существительные)	51-54
Еркович О.Т., Кадырова К.А. Мета-фантастика Владимира Набокова в антиромане «Бледный Огонь»	55-58
Кащенко А.Э. Проблема демаркации понятий «идиостиль» и «идиолект»	59-64
Левина В.А. Значение интерпретации в формировании языковой картины мира	65-72
Матвеева Е.В., Мечников Л.И., Фёдорова А.Л. Перевод немецких реалий в художественном тексте	73-78
Садовская Е.Ю. О некоторых особенностях шуток в поколенческом, межпоколенческом, внутрипоколенческом дискурсах и дискурсе о поколении	79-82

Артамонова А.С. В. Набоков: к проблеме конфликта жизнеподобия и умозрения	83-86
Гаджиалиева М.Г., Магомедова А.Г. Денотативная дивергентность некоторой лексики арабского языка и ее синонимичность в переводных эквивалентах	87-91
Сарафанников М.В. Греко-латинские корневые морфемы в романских фитонимах	92-97
Акинина П.С. Концептуальная метафора социального и бытового характеров (на примере метафоры “Beauty is care”)	98-100
Аминова Х.М., Омариева П.М. Проблема передачи ритма и интонации в переводе У. Шекспира на лакский язык	101-107
Артамонова А.С. Феномен человека и творчества в романе В. Набокова «Бледное пламя»	108-112
Болотова Е.В., Асхаева М.В. Стратегии перевода названий англоязычных художественных фильмов	113-118
Ганиева Н.Р. Анализ общечеловеческой ценности «здоровье/саломатӣ» в языковом сознании у таджиков и русских	119-125
Даулань М. Медицинские термины в медийном дискурсе: на материале русских и английских СМИ (контрастивный аспект)	126-131
Джаватханова Л.А. Особенности организации пространства в русских бытовых сказках	132-137
Дворак Е.В. К вопросу о семантической транспарентности (на материале современных англоязычных СМИ)	138-142
Евсеев А.Б. Структурные и семантические особенности англоязычного печатного рекламного дискурса (на примере материалов британской газеты Evening Standard)	143-147
Жэнь Чуньянь Противоположность и антонимия в контексте логики и философии	148-153
Котова И.Ю. Языковые средства выражения речевой стратегии презентации (на материале англоязычных рекомендательных писем)	154-157
Кузнецова А.А. К вопросу о функционально-семантическом поле интимизации речи	158-162
Новикова Л.В. К вопросу об унификации терминологии в экономической системе в межкультурной коммуникации	163-167

Похаленков О.Е., Никуличева С.Е. Обряд инициации в романе Эриха Марии Ремарка «Жизнь в займы или небо не знает фаворитов»	168-172
Черниченко Е.Н. Прагматические особенности стилистических фигур в сжатых текстах массмедийного дискурса	173-177
Чэнь Чэн Многочисленные темы в стихотворении Ходасевича «Путем зерна»	178-182
Яшкина Е.А. Особенности жанра триллер в рекламном дискурсе	183-187
Демонова Ю.М., Кравец О.В. Жестовые фразеологизмы в художественном тексте	188-192
Мамутова З.С. Особенности межъязыковой интерференции при обучении крымскотатарскому языку в билингвальной среде	193-197
Мирзоева Л.Ю., Есиркепова С.А. Методика обучения профессиональному английскому языку с использованием аутентичных текстов на уровне бакалавриата (на примере русско-английского перевода)	198-203
Сюй Ино Концепция хоры в романе «Тихий Дон» М.А. Шолохова	204-211

*Васильева Н.М., кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук*

Реализация орфографических норм якутского языка как объект изучения лингвистических экспедиций

Аннотация: в статье рассматривается проблема реализации орфографической нормы якутского языка, как объекта лингвистической экспедиции. Выявлено, что ошибки при реализации орфографических норм в материалах улусных (районных) газет имеют интралингвистические и экстралингвистические причины. Основными из них являются следующее: отражение на письме правил орфографии 1962 г., незнание установок новой орфографии, недостаточное ознакомление с “Орфографическим словарем якутского языка”, смешанное использование в речи якутских и русских слов, влияние языка интернет-ресурсов и т.д.

Ключевые слова: якутский язык, лингвистическая экспедиция, орфографическая норма, улусные газеты, якутская орфография

Для цитирования: Васильева Н.М. Реализация орфографических норм якутского языка как объект изучения лингвистических экспедиций // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 6 – 8.

Поступила в редакцию: 18 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Лингвистические экспедиции современности традиционно имеют фольклорные и диалектологические направления, однако в последние годы намечается также тенденция к изучению закономерностей функционирования языковых единиц и их взаимодействия в коммуникации, социолингвистических проблем.

В рамках государственной программы «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020-2024 годы» Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в апреле и сентябре 2022 г. организованы лингвистические экспедиции, объектом исследования которых впервые стало изучение реализации орфографических норм якутского языка.

С учетом расположения улусов в республике, социокультурных условий, влияющих на бытование якутского языка, первые экспедиции проведены в 9 населенных пунктах 2 заречных улусов (районов) Республики Саха (Якутия) – Амгинском и Мегино-Кангаласском.

Цели экспедиций определили сбор материала для исследования соблюдения орфографических норм якутского языка в СМИ на примере улусных (районных) газет “Амма олоҕо” (с якут. «жизнь Амги»), “Эркээйи” (с якут. «метка»).

Выбор публикаций улусных (районных) газет в качестве материала для оценки реализации орфографических норм объясняется двумя основными причинами.

Во-первых, язык средств массовой информации, прежде всего, печатных изданий, относится к одной из основных форм существования и функционирования языка.

Во-вторых, печатные издания – газеты, журналы – и в наше время сохраняют свою востребованность у читателей разных поколений. Они отражают реальные тенденции развития языка и формируют орфографическую культуру читателей.

Можно сказать, газетные и журнальные тексты – это динамичный и информативный материал, который дает возможность проследить процесс адаптации письменного языка к кодифицированным нормам правописания.

В ходе лингвистических экспедиций решались исследовательские задачи по выявлению нарушений/отступлений от орфографических норм современного якутского языка, их систематизации, классификации и описания: проведен анализ отступлений от орфографических норм в газетных публикациях, при этом, основное внимание уделялось правописанию заимствованных из русского языка слов.

Помимо методов сплошной выборки при сборе материала и контент-анализа улусных газет, проведены фокус-интервью с работниками редакций газет, учителями якутского языка и литературы, библиотекарями. При формировании гайда интервью разработали отслеживающие, конкретизирующие, проясняющие и структурирующие вопросы, ответы на которые помогают правильной интерпретации выявленных фактов/случаев нарушения орфографических норм, пониманию экстралингвистических причин орфографических ошибок. Кроме того, проведена статистическая (количественная) обработка полученных данных и све-

дений.

Собран газетный материал для исследования текущего состояния соблюдения орфографических правил якутского языка. Было рассмотрено и проанализировано около 50 номеров газет за 2022 г. (подробный анализ газет см. [1]). Газеты предназначены для широкого круга читателей от 12 лет. В них освещаются, как и в других изданиях СМИ, общественно-политическая, экономическая, культурная и т.д. темы.

В работе с медиатекстами для проверки отступлений от орфографических норм использовались правила якутской орфографии и пунктуации, утвержденные Правительством Республики Саха (Якутия) в 2015 г. (далее – ПЯО) [3] и “Орфографический словарь якутского языка”, изданный в том же году (далее – ОСЯЯ) [2].

Анализ причин допущенных орфографических ошибок с позиции «двухкомпонентности орфографической нормы (орфограмма и правило орфографии)» [4] показывает, что ошибки в написании слов вызваны тем, что носители языка неправильно идентифицируют орфограмму, принимая ее за вариант, с одной стороны, и недостаточно ознакомлены с ОСЯЯ, с другой стороны.

Проблемы реализации орфографических норм якутского языка, приводящие к возникновению отступлений от нормы, связаны с рядом причин, отражающих действие экстралингвистических факторов. Отдельные несоблюдения орфографических правил и словаря при фонетизации заимствованных из русского языка слов в газете “Амма олоҕо”, по мнению редактора газеты, обусловлены особенностями языковой ситуации в Амгинском улусе и ориентированностью газеты на читателей – жителей улуса, для речи которых характерно активное смешанное использование якутских и русских слов.

Материалы лингвистической экспедиции в Мегино-Кангаласском улусе (районе) отражают динамический процесс орфографирования заимствованных слов в фонетизированном виде. Это обусловлено также экстралингвистическими факторами, прежде всего, преобладанием якутского языка как в разговорной, так и официально-деловой речи в улусе (районе), а также целенаправленной языковой политикой редакции газеты «Эркээйи». Так, редакция на страницах своей газеты в 2016 году выступила с призывом к корреспондентам и читателям придерживаться правил орфографии якутского языка.

Фокус-интервью с работниками редакции газет, учителями якутского языка и литературы, библиотекарями по проблемам, связанным с правописанием и нормами якутского литературного языка, состоянием орфографической грамотности и соблюдением орфографического режима в образовательном процессе и повседневной жизни наслегов подтвердил наше предположение о том, что в настоящее время, в условиях падения интереса к чтению художественной литературы, язык газет многими стал восприниматься в качестве нормативного, образцового, по сравнению с языком интернет-коммуникаций, который зачастую не подвластен нормам якутского литературного языка.

В ходе изучения проблем реализации орфографических норм якутского языка выявлена необходимость целенаправленного изучения заимствованных посредством русского языка слов (из английского, немецкого и т.д. языков) – не только их орфографирования, но и уместного использования, в целях сохранения чистоты и красоты родного языка.

Таким образом, лингвистические экспедиции позволили провести наблюдения за практикой письма на примере публикаций улусных газет, собрать материал для определения частотности нарушения орфографических норм, обсудить реализацию орфографических норм в процессе обучения и письменной коммуникации, осуществляемой в разных сферах жизни социума. Собранный материал и первые результаты анализа будут использованы в дальнейших исследованиях, связанных с реализацией орфографических норм современного якутского литературного языка.

Литература

1. Васильева Н.М. Орфографические нормы якутского языка и речевая практика улусных (районных) газет // Современный ученый. 2022. № 6. С. 175 – 182.
2. Орфографический словарь якутского языка. Якутск: Бичик, 2015. 480 с. (на якут. яз.).
3. Правила якутской орфографии и пунктуации. Якутск Бичик, 2016. 48 с. (на якут. яз.).
4. Харченко С.Ю. Орфографическая норма: проблемы реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 159 – 167. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.16>

References

1. Vasil'eva N.M. Orfograficheskie normy jakutskogo jazyka i rechevaja praktika ulusnyh (rajonnyh) gazet. *Sovremennyyj uchenyj*. 2022. № 6. S. 175 – 182.
2. Orfograficheskij slovar' jakutskogo jazyka. Jakutsk: Bichik, 2015. 480 s. (na jakut. jaz.).

3. Pravila jakutskoj orfografii i punktuacii. Jakutsk Bichik, 2016. 48 s. (na jakut. jaz.).

4. Harchenko S.Ju. Orfograficheskaja norma: problemy realizacii. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. 2016. T. 15. № 4. S. 159 – 167. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.4.16>

*Vasilyeva N.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

Implementation of the spelling norms of the Yakut language as an object of study of linguistic expeditions

Abstract: the article deals with the problem of implementing the orthographic norm of the Yakut language as an object of a linguistic expedition. It was revealed that errors in the implementation of spelling norms in the materials of ulus (district) newspapers have intralinguistic and extralinguistic reasons. The main ones are the following: the reflection of the spelling rules of 1962 in writing, insufficient familiarization with the “Spelling Dictionary of the Yakut language”, mixed use of Yakut and Russian in speech, the influence of the language of Internet resources, etc.

Keywords: the Yakut language, linguistic expedition, spelling norm, ulus newspapers, Yakut spelling

For citation: Vasilyeva N.M. Implementation of the spelling norms of the Yakut language as an object of study of linguistic expeditions. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 6 – 8.

Received: May 18, 2023; Revised: June 9, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Даулань М., аспирант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Особенности косметической рекламы в русском и английском языках: лингвопрагматический аспект

Аннотация: мировой рынок перенасыщен предложениями товаров и услуг. Важнейшим инструментом при продвижении (без которого трудно представить существование бизнеса) того или иного продукта, является коммерческое сообщение – реклама. Рекламное произведение имеет конкретную прагматическую направленность – оказать влияние на адресата. Побуждение к совершению действий в рекламе осуществляется посредством языковых средств, стратегий и тактик. Лингвопрагматика предстает в лингвистике рекламы как основа изучения языка и его носителя, является одной из наиболее новых и перспективных направлений в современном языкознании.

Актуальность настоящего исследования обусловлена 1) возрастающей значимостью косметической рекламы на международном рынке и 2) необходимостью выявления лексических особенностей косметического рекламного текста в русском и английском языках. Объектом исследования являются косметические рекламные сообщения на русском и английском языках. В качестве предмета выступают лингвопрагматические особенности данных сообщений, а именно, – лексические средства выразительности как манипулятивный инструмент. Цель исследования – проанализировать лексику и интенциональную составляющую медиа-текстов косметических средств на русском и английском языках. Материалом послужили тексты рекламных видеороликов различных косметических товаров на русском и английском языках, которые были отобраны методом случайной выборки на видеоплощадке «YouTube».

В работе проводится анализ рекламы косметических средств, представленной на русском и английском языках. Все косметические рекламные сообщения наполнены лексическими средствами выразительности, эмоционально окрашенная лексика способствует достижению главной интенции рекламы – побудить адресата к действию. И в русскоязычной, и в англоязычной рекламе наиболее популярными средствами явились эпитет, метафора и сравнение.

Ключевые слова: язык, английский, лингвистическая прагматика, лексика, рекламный текст, реклама косметики, вербализация

Для цитирования: Даулань М. Особенности косметической рекламы в русском и английском языках: лингвопрагматический аспект // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 9 – 13.

Поступила в редакцию: 15 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Введение

Известно, что впервые о прагматике заговорили философы Ч. Пирс и Ч. Моррис в конце XIX в. Доктрина Ч. Морриса о семиотике является классической в изучении прагматики [1]. Ученый считал, что вся действительность состоит из отношений. Так, теорию знаковых систем (семиотику) он представил в виде: 1) семантики (значение знака) – отношение знака к объектам действительности; 2) синтактики (связь знаков) – связь между знаками; 3) прагматики (знак и человек) – отношение к знаку человека, т. е. пользователя. Учения Ч. Морриса о семиотике подтолкнули лингвистов применить постулаты прагматики к языку. Теоретическую оформленность лингвопрагматика обрела под влиянием теории речевых актов (ТРА) Дж. Остина и позднего Л. Витгенштейна.

Большой вклад в становление и развитие лингвопрагматики внесли такие ученые, как Р. Якобсон, А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.В. Дементьев, В.Г. Гак, И.П. Сусов и др. [2, с. 112]. В.Г. Гак писал: «Прагматика касается как интерпретации высказываний, так и выбора их формы в конкретных условиях» [3]. Автор имеет в виду две позиции прагматического аспекта: позиция говорящего (выбор формы высказываний) и позиция слушающего (интерпретация).

Ю.Д. Апресян предлагал следующую трактовку: «Под прагматикой мы будем понимать закрепленное в языковой единице (лексема, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [4, с. 21].

В настоящее время лингвопрагматика – отдельное направление лингвистики, в рамках которого изучается применение и функционирование языкового знака через отношения «знак – человек», особенности создания высказываний, речевые акты, речевые ситуации [5, с. 5]. Кроме перечисленного лингвопрагматика

исследует лексическое значение языковых компонентов в разной языковой среде и при разных условиях применения [6, с. 112]. Применительно к анализу коммерческих текстов лингвопрагматика предстает удобным инструментом, раскрывающим сущность рекламы, исследующим ее эмоциональность и вербальное воздействие на слушателя [7, с. 76].

Основная часть

Прежде всего необходимо отметить сложность осуществления прагматических функций косметической рекламы ввиду отсутствия (в большинстве случаев) обратной связи, которое затрудняет проведение оценки реакции потенциальных покупателей – рекламодателю сложно предсказать результат и поведение аудитории. Поэтому разработчики рекламного сообщения прибегают к эффективным способам манипулирования, которые с большой долей вероятности окажут то или иное воздействие на когнитивные процессы потребителя и вызовут определенные эмоции. Одним из самых популярных способов манипулирования является умелое оперирование богатством лексики национального языка – различные лексические средства выразительности придают речи яркость, воздействуют на эмоции читателя. Р.И. Мокшанцев писал, что реклама воздействует на три уровня сознания адресата: когнитивный, эмоциональный и поведенческий [8, с. 25-44].

Средства выразительности в коммерческих текстах направлены на выполнение контактоустанавливающей функции с потенциальным покупателем – трудно представить современную рекламу косметического товара без эпитетов или метафоры. Действенность и оригинальность рекламного сообщения достигается с помощью включения в текст языковых средств выразительности, тропов, которые, как правило, эмоционально окрашены, тем самым имеют способность оказать влияние на аудиторию, подвигнуть на приобретение рекламируемого косметического товара [9, с. 180].

И в русских, и в английских косметических рекламных текстах доминирующую позицию среди прочих тропов заняли эпитеты. В узком смысле под эпитетом понимаются образные красочные определения [10, с. 172]. И.Р. Гальперин, на наш взгляд, дал наиболее полную трактовку: под эпитетом ученый понимал выразительное средство, которое выделяет качество и признак описываемого объекта, оформляется это средство в виде слов и/или словосочетаний, характеризующих данное явление с точки зрения индивидуального восприятия объекта [11]. Не удивительно, что именно эпитеты пользуются популярностью при составлении рекламных текстов косметики: они просты и более легки в понимании, в отличие от метафоры, хотя и могут носить метафорический характер. Отмечается отсутствие общих эпитетов, не несущих никакой конкретной информации о косметическом продукте. Предпочтение отдается точным определениям, которые подчеркивают конкретные признаки и достоинства товара, восполняют недостающие зрительные и тактильные контакты. Типы эпитетов, употребляемых в косметической рекламе, можно представить следующим образом: 1) эпитеты, отмечающие эффект, который способен создать продаваемый товар, результат после использования косметического продукта: «Телескопическое удлинение и разделение», «Вы получите длинные, объемные, воздушные ресницы», «Совершенный тон», «Лаковый блеск. Color Riche Shine», «Губы такие увлажненные! Сенсация в каждом движении (Помада для губ от Maybelline NY Color Sensational)», «Стойкий, легкий, свежий! L'Oréal Paris» (в данном примере признаки товара переносятся на сам товар), «24 hours of fresh colour», «Looks very soft and natural», 2) определения, характеризующие собственно продукт: «Легендарная тушь Telescopic (Telescopic от L'Oréal Paris)», «Благодаря новой формуле и удобной щеточке», «Ухаживающая формула», «Чувственное нанесение. Color Riche Shine», «Яркий цвет, насыщенная текстура» «Lipfinity has a beautiful range of natural colors that suit most skin tones», «It's really a lovely color», 3) троп, вырисовывающие яркий, выразительный образ: «Самый утонченный образ», «Create your own unique look with Max Factor».

Сравнение также широко представлено в рекламе косметических средств. А.П. Сковородников определял сравнение как «сопоставление двух явлений с тем, чтобы пояснить одно из них при помощи другого» [12, с. 222]. С помощью данного тропа положительные качества (свойства, характеристики) одного объекта переносятся на продаваемый товар: «Ресницы распахнутые, как крылья бабочки» (тушь False Lash Papillon); «Косметика, необходимая как кислород!» (Фаберлик); «Закрученная щеточка завивает ресницы, как бигуди» (Мисс Бэби Ролл L'Oréal Paris); «Меганушистая щеточка, щетинки разной длины придают ресницам дерзкий объем и делают их пушистыми, как перышко» (Мисс Хиппи L'Oréal Paris); «Словно моя кожа – совершенство»; «Thus, choosing a natural shade can be as difficult as, for example, choosing a darker color» (Max Factor Lipfinity); «Soft texture will cover your skin like a feather»; «With our new innovative formula, your skin will become velvety like a baby's» (OLIVIA). Отмечено использование информационно-пустых сравнений, в таких фразах часто используются прилагательные в сравнительной степени без объекта сравнения: «Мы делаем солнце безопаснее, а Ваши загар – красивее!»; «Кожа станет более упругой»; «Больше, чем просто помада»; «Более свежая и ухоженная кожа»; (LANCOME); «Выбирай только лучшее для себя – тушь Эйвон Тру Суперобъем»; «More light, more resistant, your new mascara», «Your skin will become

firmer, more radiant). Использование «пустых» сравнений обусловлено спецификой рекламного текста: такой прием делает текст более убедительным для покупателя и удовлетворяет стандартное требование рекламы – не использовать сравнения с товарами конкурентов.

Рекламодатели широко используют метафору в качестве эффективного инструмента влияния на эмоции и выбор потенциальных покупателей [13, с. 68]. По словарю В. Даля, метафора – это «перенос прямого значения к косвенному по сходству понятий» [14]. Метафора, как и другие средства выразительности, используется в рекламных сообщениях для придания эффекта торговой марки, более изысканного и необычного в силу завуалированности метафоричного высказывания. Метафору называют «скрытым сравнением»; в рекламе она призвана создавать положительный образ, действующий на сознание адресата. В современной науке о языке данный троп активно рассматривается с точки зрения когнитивной лингвистики [15, с. 154]. В рекламе при использовании метафоры срабатывают глубинные психологические механизмы, которые осуществляют связь между сознанием и подсознанием – создается ряд определенных ассоциаций, которые рекламодатель хочет выработать у потенциального покупателя, актуализируя внимание потребителя и вызывая у него положительные эмоции. Так, реклама от компании «Maybelline» подразумевает, что созданная ими тушь способна максимально удлинить и подкрутить ресницы: «Ресницы взмывают до небес с новой тушью *Lash Sensational Sky High* от *Maybelline NY*»; другой продукт от этой фирмы делает ресницы объемными и пышными, как веер: «Восхищай пышным веером ресниц с тушью *Lash Sensational* от *Maybelline NY*»; способности подкручивать ресницы компания называет взлетом: «*Приготовьтесь к бесконечному взлету ваших ресниц*» (*Maybelline NY*). Компания *L'Oréal Paris* сравнивает использование своей туши с чем-то легендарным: «*Прикоснитесь к легенде. Тушь *Telescopic* от *L'Oréal Paris* для бесконечно завораживающего взгляда*». Рекламный текст от компании *Taft* с помощью метафоры вносит в свой продукт значение фантастичности: «*Объём на грани волшебства*». «*With two vibrant looks to choose from – sheer and hyper-saturated – there's something for every London girl who craves a dose of colour adrenaline*» в данном сообщении от «*Rimmel London*» под словами «*a dose of colour adrenaline*» (доза цветного адреналина) подразумевается богатство и разнообразие палитры цветов рекламируемой продукции. «*Life proof*», или доказательство жизнью, – метафора, заключающая в себе значение превосходности продукта, которое обосновывается жизненным опытом: «*Touch proof, shine proof, life proof. FaceFinity All Day Flawless Foundation*». Метафора «*The natural palette...*» раскрывает тот факт, что рекламируемый бальзам для губ изготовлен из натуральных ингредиентов, способных наполнять кожу витаминами и увлажнять ее: «*The natural palette of the composition of the lip balm deeply nourishes the skin and fills it with vitamins*».

Выводы

Анализ русских и английских рекламных текстов косметических товаров показал, что наиболее частотными средствами выразительности являются эпитеты, сравнения и метафоры. С точки зрения лингвопрагматики, тропы являются важнейшими элементами в формировании нужного рекламодателю образа и активно используются в коммерческих текстах как в русскоязычном, так и в английском медиа-дискурсе. Лингвопрагматическая особенность косметических русских и английских рекламных текстов заключается в обильном употреблении лексических средств выразительности, которые используются для достижения большей экспрессивности, необходимой для психологического воздействия на потенциального покупателя. Реклама, наполненная такими средствами, привлечет больше внимания и увеличит сбыт товара.

Литература

1. Морис Ч. Основания теории знаков / под ред. Ю.С. Степанова Екатеринбург: Деловая книга, 1999. 702 с.
2. Сакаева Л.Р., Базарова Л.В., Гилязева Э.Н. Полисемия и омонимия в медицинской терминологии (на материале нозологических терминов английского и русского языков) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социологические науки. 2017. № 6. С. 11 – 120.
3. Гак В.Г. Прагматика. Русский язык. Энциклопедия. М., 1997. 432 с.
4. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 7 – 44.
5. Аматы А.М. Дискурс социальной рекламы: прагматика прагматизма // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. С. 3 – 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-sotsialnoy-reklamy-pragmatika-pragmatizma> (дата обращения: 10.03.2023)
6. Мельничук М.В., Климова И.И. Манипулятивные средства языка в рекламном дискурсе финансовых компаний // Гуманитарные науки. Вестник Финансового Университета. 2019. С. 111 – 115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnye-sredstva-yazyka-v-reklamnom-diskurse-finansovykh-kompaniy> (дата обращения: 13.03.2023)

7. Михайлова Е.В. Ведение блогов о красоте на YouTube как новая медиасреда, опосредующая потребление // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 75 – 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/beauty-blogging-na-youtube-kak-novaya-mediasreda-oposreduyuschaya-potreblenie> (дата обращения: 01.03.2023)
8. Мокшанцев Р. И. Психология рекламы. Новосибирск, 2008. 226 с.
9. Татаринов К. А., Музыка С. М. Психологическое манипулирование в рекламе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 3 (32). С. 179 – 182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-manipulirovanie-v-reklame> (дата обращения: 07.03.2023)
10. Винарская Е.Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). Воронеж: Воронежский университет, 2003. 172 с.
11. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Либроком, 2012. 376 с.
12. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: энциклопедический словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2005. 480 с.
13. Ивинских Н.П., Нечаева А.Д. Использование метафоры в рекламе косметических средств // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2017. С. 64 – 70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metafory-v-reklame-kosmeticheskikh-sredstv> (дата обращения: 11.03.2023)
14. Даль В. Толковый словарь. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 2. С. 329.
15. Арутюнова Н.Д., Журинская М.А. Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

References

1. Moris Ch. Osnovaniya teorii znakov / pod red. Ju.S. Stepanova Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1999. 702 s.
2. Sakaeva L.R., Bazarova L.V., Giljazeva Je.N. Polisemija i omonimija v medicinskoj terminologii (na materiale nozologicheskikh terminov anglijskogo i russkogo jazykov). Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanitarnye i sociologicheskie nauki. 2017. № 6. S. 11 – 120.
3. Gak V.G. Pragmatika. Russkij jazyk. Jenciklopedija. M., 1997. 432 s.
4. Apresjan Ju.D. Pragmatičeskaja informacija dlja tolkovogo slovarja. Pragmatika i problemy intensionalnosti. M., 1988. S. 7 – 44.
5. Amatov A.M. Diskurs social'noj reklamy: pragmatika pragmatizma. Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki. 2021. Т. 7. S. 3 – 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-sotsialnoj-reklamy-pragmatika-pragmatizma> (data obrashhenija: 10.03.2023)
6. Mel'ničuk M.V., Klimova I.I. Manipuljativnye sredstva jazyka v reklamnom diskurse finansovyh kompanij. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta. 2019. S. 111 – 115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnye-sredstva-yazyka-v-reklamnom-diskurse-finansovyh-kompanij> (data obrashhenija: 13.03.2023)
7. Mihajlova E.V. Vedenie blogov o krasote na YouTube kak novaja mediasreda, oposredujushhaja potreblenie. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki. 2018. № 1 (49). S. 75 – 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/beauty-blogging-na-youtube-kak-novaya-mediasreda-oposreduyuschaya-potreblenie> (data obrashhenija: 01.03.2023)
8. Mokshancev R. I. Psihologija reklamy. Novosibirsk, 2008. 226 s.
9. Tatarinov K. A., Muzyka S. M. Psihologicheskoe manipulirovanie v reklame. Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija. 2020. Т. 9. № 3 (32). S. 179 – 182. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-manipulirovanie-v-reklame> (data obrashhenija: 07.03.2023)
10. Vinarskaja E.N. Vyzritel'nye sredstva teksta (na materiale russkoj poezii). Voronezh: Voronezhskij universitet, 2003. 172 s.
11. Gal'perin I.R. Ocherki po stilistike anglijskogo jazyka. M.: Librokom, 2012. 376 s.
12. Vyzritel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety: jenciklopedičeskij slovar'-spravochnik. pod red. A.P. Skovorodnikova. M., 2005. 480 s.
13. Ivinskih N.P., Nechaeva A.D. Ispol'zovanie metafor v reklame kosmeticheskikh sredstv. Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. 2017. S. 64 – 70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metafory-v-reklame-kosmeticheskikh-sredstv> (data obrashhenija: 11.03.2023)
14. Dal' V. Tolkovyj slovar'. M.: Goslitizdat, 1935. Т. 2. S. 329.
15. Arutjunova N.D., Zhurinskaja M.A. Teorija metafor: sbornik. M.: Progress, 1990. 512 s.

*Daulan M., Postgraduate,
Kazan (Volga Region) Federal University*

Features of cosmetic advertising in the Russian and English languages: linguo-pragmatic aspect

Abstract: the world market is oversaturated with offers of goods and services. The most important tool in the promotion (without which it is difficult to imagine the existence of a business) of a particular product is a commercial message – advertising. An advertising work has a specific pragmatic focus – to influence the addressee. The motivation to perform actions in advertising is carried out through language means, strategies and tactics. Linguopragmatics appears in the linguistics of advertising as the basis for the study of the language and its native speaker, and is one of the newest and most promising areas in modern linguistics.

The relevance of this study is due to 1) the growing importance of cosmetic advertising in the international market and 2) the need to identify the lexical features of the cosmetic advertising text in Russian and English. The object of the study is cosmetic advertising messages in Russian and English. The subject matter is the linguopragmatic features of these messages, namely, lexical means of expression as a manipulative tool. The purpose of the study is to analyze the vocabulary and the intentional component of media texts of cosmetics in Russian and English. The material was the texts of advertising videos of various cosmetic products in Russian and English, which were selected by random sampling on the YouTube video platform.

The paper analyzes the advertising of cosmetics, presented in Russian and English. All cosmetic advertising messages are filled with lexical expressive means, emotionally colored vocabulary contributes to the achievement of the main intention of advertising – to induce the addressee to action. In both Russian and English advertising, the most popular means were epithet, metaphor and comparison.

Keywords: language, English, linguistic pragmatics, vocabulary, advertising text, cosmetics advertising, verbalization

For citation: Daulan M. Features of cosmetic advertising in the Russian and English languages: linguo-pragmatic aspect. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 9 – 13.

Received: May 15, 2023; Revised: June 9, 2023; Accepted: June 30, 2023.

Лю Цзясинь, аспирант,
Хэйлунцзянский университет, Китай

К вопросу о конфликте в речевой коммуникации

Аннотация: оптимальное речевое взаимодействие людей принято называть успешным, эффективным, корпоративным, однако так происходит не всегда, и зачастую коммуниканты сталкиваются с языковым конфликтом, либо с коммуникативной неудачей. Такое поведение в современном обществе все более волнует исследователей как в психологической, так и в лингвистической сфере. Различного рода психические, социальные и этические факторы экстраполируются на язык, создают конфликт и придают диалогической речи особый окрас, которая характеризуется множеством особенностей, о чем и будет рассказано в данной статье.

Конфликт предполагает столкновение сторон, что обусловлено противостоянием интересов, взглядов, мнений, коммуникативных намерений, что проявляется в речевой коммуникации. Соответственно, возникает речевой конфликт. Такое состояние коммуникации негативно отражается на ее участниках, их эффективной деятельности и психологическом состоянии, в силу чего важно недопущение конфликта, его элиминация в современном общении, гармонизация и сотрудничество во взаимоотношениях.

Актуальность данного исследования продиктована настоятельной необходимостью в изучении природы речевого конфликта, его причин и важностью гармонизации отношений для нормального и эффективного функционирования человека в социуме.

Предметом исследования являются психологические основы конфликтных ситуаций и их проявление в речевом поведении противопоставленных сторон.

Научная новизна исследования заключается в предложении ряда советов и рекомендаций по гармонизации речевых взаимодействий и устранении конфликтных ситуаций.

Ключевые слова: конфликт, речь, психолингвистика, речевое взаимодействие, конфликт интересов, этические нормы, противоречие, языковая природа

Для цитирования: Лю Цзясинь К вопросу о конфликте в речевой коммуникации // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 14 – 18.

Поступила в редакцию: 8 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

В настоящее время наблюдаются значительные изменения в обществе, касающиеся культуры, образования, ценностных ориентиров. Эти трансформации, к сожалению, зачастую не являются позитивными. Фундаментальные ценности рушатся, отсутствует культура общения, образование и образованность постепенно теряют смысловую значимость. Люди не думают о будущем, наслаждаются сиюминутными аспектами, при этом испытывая интеллектуальный и коммуникативный голод [1].

В данной связи раздражительность, плохое настроение, постоянный стресс значительно сказываются и на речевой коммуникации, которая может превратиться в конфронтацию и открытый конфликт.

Речевое общение – особый процесс, который характеризуется сложностью и многогранностью. Оно включает понимание, сопереживание, воздействия друг на друга. Однако все эти составляющие могут характеризоваться и негативной компонентой, в результате чего происходит конфликтная ситуация, или конфликт. Речевой конфликт – фундаментальное лингвистическое понятие, которое рассматривается многими науками, так как коммуникативная культура есть основополагающая ценность общения в целом.

Речевой конфликт – неадекватное взаимодействие участников общения, когда одна из сторон сознательно совершает речевые действия в ущерб другой стороне [2]. Это могут быть упреки, замечания, оскорбления и прочие негативные речевые выпады. Вторая сторона, понимая, что все это направлено против нее, отвечает зеркально, в результате чего речевое общение строится не на кооперации, а на противостоянии. Все указанные действия и являются речевым конфликтом. Он мотивирован противоречием, общение в данном контексте строится на конфронтации.

Причинами речевого конфликта могут быть следующие аспекты. Во-первых, это несовпадение языкового кода, столкновение различных стилей. Например, один из коммуникантов использует сниженную лексику, второй – слишком профильную, назревает непонимание и, как следствие, речевой конфликт [3].

Во-вторых, употребление слов – агнонимов, которые являются непонятными большинству носителей языка и, соответственно, вызывают дополнительные усилия для понимания, что способствует раздражению

адресата. Одна из сторон общения уверена, что таким образом пытаются указать на ее некомпетентность, несостоятельность. В результате – конфликт.

В-третьих, определенные жесты, случайные или намеренные, которые расцениваются обидными и оскорбительными другой стороной. Возможно, одна из сторон коммуникации даже не обращает внимание на движения рук, головы, которые указывают на игнор или занижение второй стороны. В итоге – непонимание, соответственно, возможна и конфликтная ситуация.

В-четвертых, сбой в вербальном или невербальном ролевом действии. Коммуниканты не выполняют соответствующих роли действий, что вызывает раздражение другой стороны. Например, в магазине продавец не отвечает на вопросы покупателя, игнорирует, пренебрегает интересами, как следствие – конфликт [4].

Конфликтная ситуация может иметь несколько этапов. Начальная стадия представляет собой фиксацию разногласий. Эта стадия словесно маркирована. В ней определяется причина разногласий, эмоциональная напряженность. Здесь уже определены роли, один из участников – инициатор, конфликтант, другому участнику отводится реактивная роль. Именно в данный момент формируется дальнейшее развитие конфликта. Это могут быть либо конструктивные, либо деструктивные стратегии. Выбор стратегии определяется пассивными или активными действиями коммуникантов, совместными или индивидуальными их решениями.

Например, стратегия сотрудничества направлена на поиск решения, удобного для обеих сторон конфликта. Сотрудничество позитивно, так как обе стороны остаются довольны разрешением ситуации. В процессе такой деятельности они вырабатывают конструктивное решение, с учетом претензий каждой из сторон [5]. Но в данном контексте важно подчеркнуть, что для такой стратегии важна мотивация, желание получить желаемое, не ущемляя прав другой стороны. Важно сдерживать эмоции, объяснять свои желания, быть толерантными.

Стратегия приспособления, или уступки основана на пренебрежении своими интересами и принятии позиции второй стороны с целью потушить конфликтную ситуацию. Это выполняется в интересах общего дела. Партнеры могут не высказать своего мнения, и в данном контексте возможно принятие неверного решения. Та сторона, которая игнорирует свои интересы, впоследствии в любом случае будет стремиться к сбалансированным отношениям. Если же вопрос, вызывающий трения, не очень принципиален, уступка осуществляется легко и безболезненно [6].

Стратегия уклонения предусматривает нахождение в ситуации конфликта, не применяя никаких действий по его урегулированию. Это происходит в том случае, когда проблема для стороны не особо важна, либо издержки при ведении конфликта неприемлемы для сторон. Такая стратегия не ведет к устранению конфликта, а наоборот, углубляет его. Более того, такая конфликтная ситуация может разрешиться сама собой, и тогда уход от противостояния приемлем.

Стратегия принуждения предполагает разрешение конфликта путем использования силы, словесного воздействия или манипуляции. Такое решение проблемы возможно при наличии власти у одной из сторон. Такая стратегия приемлема и работает, когда вопрос очень важен, а отношения отходят на второй план, либо имеется чрезвычайная ситуация, которая снимает непонимание и жесткость [7].

Следующая стратегия – это компромисс. Такая модель приемлема в том случае, если обе стороны жертвуют некоторыми своими интересами ради большего общего блага. Отметим, что в такой ситуации нет полной удовлетворенности сторон. Если взаимодействия сторон длительные – компромисс все же приносит частичную пользу оппонентам.

Существуют также стратегии плетения интриг, препирательства, коммуникативного насилия. Первый аспект предусматривает наличие интригана, который умело может вовлечь коммуниканта в дела, с которыми он может не справиться либо вынужден будет использовать служебное положение. Вторая модель предусматривает невосприимчивость к рациональной аргументации оппонента, игнор и сохранение лица. Третья модель обусловлена тем, что начальник, используя свое положение, унижает подчиненного, а тот, в свою очередь, распускает про него сплетни, дает негативную характеристику.

Существует еще одна стратегия деструктивного плана. Это скандал, который происходит, когда стороны не видят решения конфликта, выплескивают негатив друг на друга, что может перейти в драку.

Отметим, что ни одна из этих стратегий не является лучшей. В конфликте может использоваться их несколько. Важно понимать, какая из них наиболее соответствует речевой ситуации, окружению, и способна в той или иной степени прекратить конфликт как таковой [8].

С конфликтом тесно связана речевая агрессия. Это форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или причинение намеренного вреда человеку, использование языковых средств для выражения неприязни, целенаправленное воздействие на установку доминирования над собеседником. Это выражение негативных эмоций в грубой, неприемлемой форме. Эта агрессия представляет реакцию на внешние и внутренние раздражители окружающей среды.

Речевая агрессия может быть активной прямой и непрямой, пассивной прямой и непрямой. Маркерами агрессии могут быть различные единицы языка – лексические, грамматические. К лексическим средствам могут относиться бранные, грубые слова, инвективная лексика и табуированные выражения, метафоры с привлечением названий животных, а также глаголы с осуждающей семантикой. К грамматическим средствам относятся императивные конструкции, риторические вопросы, ирония, переход на «ты». Конфликтными жанрами являются угрозы, предупреждения, упреки, насмешки, жалобы, сплетни. Эти составляющие могут варьироваться в речевом конфликте, но один какой-либо жанр может преобладать во всем этом негативном процессе [9].

В соответствии с типом конфликтной ситуации используются различные модели гармонизации и приведения в норму речевого общения. Это могут быть следующие модели.

Во-первых, предупреждение конфликта. Как такового его нет – нет маркеров, нет нарушений культурного сценария, но существует угроза напряженности, известная собеседникам. Важно не дать развиваться потенциальным конфликтным факторам, упредить конфликтную ситуацию. Можно поговорить с потенциальным оппонентом.

Во-вторых, это нейтрализация конфликта. При такой модели уже налицо отклонение от нормального культурного общения, одна из сторон должна понимать последующие вероятности риска разрастания противостояния. Это результат пренебрежения первой ступенью развития конфликтных ситуаций [10]. В таком контексте конфликтант непредсказуем, соответственно, тот оппонент, который стремится к нейтрализации конфликта, также должен быть креативным, мыслить нестандартно. Нужны гармонизирующие речевые тактики.

В-третьих, непосредственно гармонизация конфликта. Это модель, при которой происходит именно конфликт в его полном проявлении. Они включают нарушение правил поведения, игнорирование ценностей, низкая культурная и лингвистическая составляющая. Такой конфликт может быть вызван и экстралингвистическими факторами. Люди, которые сталкиваются с целями других, успехом и процветанием, что несовместимо с их собственными воззрениями и возможностями, провоцируют конфликтную ситуацию, которая может развиваться в контексте нескольких стратегий, упомянутых ранее [11].

Отметим, что конфликт проще не допустить, чем тушить впоследствии. В силу этого важно при речевом общении соблюдать ряд условий. Говорящему следует понимать, что его высказывания могут вызвать неоднозначную оценку слушающих, поэтому ему нужно смоделировать коммуникативную компетенцию адресата, его общий культурный уровень, эмоциональное состояние. Слушающий, адресат не должен разочаровать говорящего, его задача – поддерживать диалог в желаемом для говорящего направлении. Происходит ориентация на партнера и соответствующее коммуникативное сотрудничество. Срабатывает прагматический фактор общения. Отметим, что прочие особенности – психологические, физиологические и социокультурные также влияют на порождение речи, ее восприятие коммуникантами, соответственно, и ее гармонизацию. Возникает соответствующий темп речи, связность, эксплицитность и имплицитность высказывания, достижение целей и прочие законы дискурса.

Следует обратить внимание на то, что непонимание собеседниками друг друга, вызванное невнимательностью коммуникантов, а также сложностью и двусмысленностью высказывания, легко может привести к конфликтам. В данном ключе к прагматическому фактору подключаются психолого-прагматическое составляющие, которые предусматривают типологию личности, особенности характера, а также темперамент коммуникантов.

Для каждой отдельной конфликтной ситуации наиболее уместен тот или иной вид речевых форм. Уместность является определяющей компонентой. Важно иметь навык уместности, т.е. быть функциональным. Важно к речевому конфликту подходить с функциональной точки зрения.

Важно подчеркнуть, что культурный, развитый и воспитанный человек стремится не создавать конфликтных ситуаций, а если они возникают, пытается их минимизировать, воссоздать гармонию отношений [13]. Важно сдерживать свои эмоции, контролировать речь, постараться успокоиться, даже если ситуация выходит из-под контроля и становится конфликтной. Если конфликт интересов или речевой возник, следует обратиться к специализированным техникам, которые помогут его свести к минимуму.

Литература

1. Церковский А.Л. Основы психологии и педагогики: конспект лекций. Ч. 2 / Министерство здравоохранения Республики Беларусь, УО «Витебский государственный медицинский университет» [Электронный ресурс]. <https://elib.vsmu.by/handle/123/12638>
2. Лихачева О.Н. Некоторые особенности современного подхода при обучении студентов неязыковых вузов иностранному языку в свете коммуникативной компетенции. Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2016. № 3. С. 138 – 143.
3. Пидкасистый П.И. Психология и педагогика. М., Юрайт. 2015, 724 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., Слово, 2020, 544 с.
5. Лихачева О.Н. К вопросу о формировании и развитии дискурсивной компетенции студентов неязыковых вузов на занятиях по иностранному языку. Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2017. № 1. С. 97 – 104.
6. Татарничева С.Н. Методика обучения иностранным языкам: теория и практика. Тольятти, 2021, 329 с.
7. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М., Глосса, 2000, 450 с.
8. Миролубов А.А. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность. М., Наука, 2017, 550 с.
9. Горбунова И.Б., Мезенцева С.В. Влияние цифровых технологий на образовательный процесс в творческих вузах. Антропологическая дидактика и воспитание. 2021. Т. 4. № 2. С. 52 – 61.
10. Нечаев М.П. Теоретические концепции воспитания в развитии воспитательного потенциала образовательной среды. Антропологическая дидактика и воспитание. 2021. Т. 4. № 2. С. 19 – 34.
11. Лихачева О.Н., Богатырева Ж.В., Ивашкин И.И. Проектная методика как элемент оптимизационной составляющей на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе. Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 131. С. 1627 – 1637.
12. Кряжева К.Л. Воображение и мышление как показатели развития индивидуально-творческих способностей // Вестник педагогических наук. 2021. № 8. С. 57 – 60.
13. Татарничева Н.Е. Педагогическое проектирование: история, методология, организационно-методическая система: монография / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. 150 с. URL: <https://new.znaniium.com/catalog/product/1039784>

References

1. Cerkovskij A.L. Osnovy psihologii i pedagogiki: konspekt lekcij. Ch. 2. Ministerstvo zdravoochranenija Respubliki Belarus', UO «Vitebskij gosudarstvennyj medicinskij universitet» [Jelektronnyj resurs]. <https://elib.vsmu.by/handle/123/12638>
2. Lihacheva O.N. Nekotorye osobennosti sovremennogo podhoda pri obuchenii studentov nejazykovykh vuzov inostrannomu jazyku v svete kommunikativnoj kompetencii. Jelektronnyj setevoj politematicheskij zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU». 2016. № 3. S. 138 – 143.
3. Pidkastyj P.I. Psihologija i pedagogika. M., Jurajt. 2015, 724 s.
4. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech'. M., Slovo, 2020, 544 s.
5. Lihacheva O.N. K voprosu o formirovanii i razvitii diskursivnoj kompetencii studentov nejazykovykh vuzov na zanjatijah po inostrannomu jazyku. Jelektronnyj setevoj politematicheskij zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU». 2017. № 1. S. 97 – 104.
6. Tatarniceva S.N. Metodika obuchenija inostrannym jazykam: teorija i praktika. Tol'jatti, 2021, 329 s.
7. Gal'skova N.D. Sovremennaja metodika obuchenija inostrannym jazykam. M., Glossa, 2000, 450 s.
8. Miroljubov A.A. Metodika obuchenija inostrannym jazykam: tradicii i sovremennost'. M., Nauka, 2017, 550 s.
9. Gorbunova I.B., Mezenceva S.V. Vlijanie cifrovych tehnologij na obrazovatel'nyj process v tvorcheskikh vuzah. Antropologicheskaja didaktika i vospitanie. 2021. T. 4. № 2. S. 52 – 61.
10. Nechaev M.P. Teoreticheskie koncepcii vospitanija v razvitii vospitatel'nogo potenciala obrazovatel'noj sredy. Antropologicheskaja didaktika i vospitanie. 2021. T. 4. № 2. S. 19 – 34.
11. Lihacheva O.N., Bogatyreva Zh.V., Ivashkin I.I. Proektnaja metodika kak jelement optimizacionnoj sostavljajushhej na zanjatijah po inostrannomu jazyku v nejazykovom vuze. Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2017. № 131. S. 1627 – 1637.

12. Kryazheva K.L. Voobrazhenie i myshlenie kak pokazateli razvitiya individual'no-tvorcheskih spo-sobnostej. Vestnik pedagogicheskikh nauk. 2021. № 8. S. 57 – 60.

13. Tatarinceva N.E. Pedagogicheskoe proektirovanie: istorija, metodologija, organizacionno-metodicheskaja sistema: monografija. Juzhnyj federal'nyj universitet. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2019. 150 s. URL: <https://new.znanium.com/catalog/product/1039784>

*Liu Jiaxin, Postgraduate,
Heilongjiang University, China*

On the issue of conflict in speech communication

Abstract: optimal speech interaction of people is usually called successful, effective, corporate, but this is not always the case, and often communicants face a language conflict or a communicative failure. Such behavior in modern society is increasingly of concern to researchers in both the psychological and linguistic spheres. Various kinds of mental, social and ethic factors are extrapolated on the language, create a conflict and give dialogic speech a special color, which is characterized by many features, which will be discussed in this article.

The conflict involves a clash of parties, which is due to the confrontation of interests, views, opinions, communicative intentions, which is manifested in verbal communication. Accordingly, there is a speech conflict. Such a state of communication negatively affects its participants, their effective activity and psychological state, therefore it is important to prevent conflict, to eliminate it in modern communication, to have harmonization and cooperation in relationships.

The relevance of this study is dictated by the urgent need to study the nature of the speech conflict, its causes and the importance of harmonizing relations for the normal and effective functioning of a person in society.

The subject of the study is the psychological foundations of conflict situations and their manifestation in the speech behavior of the opposing parties.

The scientific novelty of the study lies in the proposal of a number of tips and recommendations for the harmonization of speech interactions and the elimination of conflict situations.

Keywords: conflict, speech, psycholinguistics, speech interaction, conflict of interest, ethical norms, contradiction, linguistic nature

For citation: Liu Jiaxin On the issue of conflict in speech communication. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 14 – 18.

Received: May 8, 2023; Revised: June 9, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Сунь Цзин, аспирант, старший преподаватель,
Дальневосточный федеральный университет,
Хэбэйский научно-технический педагогический университет, Китай*

Составной союз *благо что*: специфика функционирования

Аннотация: в статье рассматриваются особенности функционирования составного союза *благо что*. Актуальность работы обусловлена возросшим вниманием исследователей к выявлению особенностей использования служебных слов русского языка. Материалом для анализа послужили факты, собранные с помощью Национального корпуса русского языка методом сплошной выборки. Целью работы является выявление специфики контекстов, в которых функционирует союз *благо что*. Результаты исследования показали, что для союза *благо что* характерны контексты с оценочной лексикой положительной семантики, а также контексты с отрицанием. Установлено, что союз *благо что* предназначен для того, чтобы указывать на отношение между двумя ситуациями, одна из которых может служить дополнительным положительным основанием для благоприятного развития другой ситуации. Полученные результаты могут быть использованы в учебных курсах по синтаксису русского языка, в курсе русского языка как иностранного, при подготовке редакторов.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, служебные слова, союз, семантика, благо что

Для цитирования: Сунь Цзин Составной союз *благо что*: специфика функционирования // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 19 – 22.

Поступила в редакцию: 19 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Объектом исследования является союз *благо что*. Цель исследования – описать специфику функционирования союза в современном русском языке. При проведении исследования в Национальном корпусе русского языка найдено 185 фактов с союзом *благо что* в основном корпусе и 343 факта – в газетном корпусе.

Союз *благо что* образовался на базе союза *благо*. Этот союз, в свою очередь, возник в результате грамматикализации существительного *благо*. В толковых словарях *благо* – существительное и *благо* – союз даются как омонимы: БЛАГО 1 и БЛАГО 2. Необходимо назвать признаки, по которым разграничиваются омонимы БЛАГО 1 (существительное) и БЛАГО 2 (союз), так как сочетание *благо что* может быть как единым союзом, так и сочетанием существительного *благо* и союза *что*.

В контекстах к признакам существительного относятся следующие:

1. Наличие у слова *благо* зависимого прилагательного, в том числе местоименного: *большое благо, великое благо, будущее благо, общее благо, своё благо, такое благо, всё благо* и подобные. Например: (1). *Большое благо, что у нас здесь есть этаназия, это прекрасная возможность уйти, когда нет надежды на лечение* (Рогачева М. Суд не отпустил «лимоновца» к умирающему отцу // Известия. 2007. 24 декабря). (2). *Великое благо, что отец Михаил последние годы жил и скончался в родной обители* (архимандрит Алексей (Поликарпов), архимандрит Даниил (Воронин). Схимонах Михаил (Карелин) // Журнал Московской патриархии. 2003. 29 декабря). (3). *Конечно, я не обвиняю этот самый Красный Крест, все благо, что сделано для русских, но мне известны случаи, когда те, кто помогал нуждающимся, встречал в ответ лишь ложь и воровство* (Шепелев А. Russian Disneyla-TV (2008) // Волга. 2011).

2. Слово *благо* имеет форму винительного падежа с предлогом (*в, на*) или без предлога. Например: (4). *Есть мнение: а может, во благо, что проиграли «Ростову» и вылетели из Кубка* (Советский спорт. 2011. 4 июля). (5). *Но они неправы, когда думают, что с мечом в руках можно истребить зло и сотворить благо, что сами добро и зло творятся между собой в политической деятельности и борьбе* (Франк С. Л. Смысл жизни. 1925).

3. Функция слова *благо* в предложении: в форме именительного падежа существительное *благо* выполняет либо роль главного члена односоставного предложения, либо роль именной части сказуемого двусоставного предложения. Например: (6). *В данном случае благо, что детей у Кристенсенов нет* (Лютых С. «Шесть лет ни за что! Это глупо и безумно» // lenta.ru. 2019. 6 февраля). В этом предложении существительное *благо* выполняет функцию главного члена односоставного предложения. (7). *Конечно, это благо, что люди не будут встречать зиму по съёмным углам* (Тарасов А. Хоббитания // Новая газета. 2015. 20 июля). В данном предложении существительное *благо* выполняет функцию именной части сказуемого при подлежащем *это*.

Наблюдения показали, что сложное предложение, в котором в главной части существительное *благо* выполняет функцию главного члена односоставного предложения, часто присоединяется к предшествующему тексту с помощью союзов *и, но*. Например: (8). *Интересное получилось бы кино, захватывающее. До покраснения мочек ушей и желая забыть это позорище. И благо что такое кино теперь не про нас.* (Свой среди своих // Известия, 2015.04.27).

Обратимся к союзу *благо что*.

Это союз аналитический. В его составе есть семантический центр – компонент *благо*. Компонент *что* является нейтральной частью, как и в других союзах аналитической структуры [6, т. 2, с. 583]. Поэтому прежде всего необходимо рассмотреть значение союза *благо*.

В словарях дается следующее описание союза *благо*.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается два значения союза: «1. благодаря тому, что; 2. Если, раз» [5, с. 49].

В «Большом толковом словаре» С.А. Кузнецова также дается два значения, однако для первого значения приводится еще один синоним: «1. Тем более что; благодаря тому что; 2. Если, раз» [2, с. 80]. Синоним *тем более что* позволяет сделать вывод, что автор указанного словаря видит в семантике союза *благо* в первом значении градационный компонент, так как союз *тем более что* исследователи относят к причинно-градационным [1].

В «Объяснительном словаре русского языка» В.В. Морковкина союз *благо* характеризуется как (1) причинно-присоединительный и (2) как условно-причинный [4, с. 34].

Таким образом, у союза *благо* в словарях выделяются два значения, основными семантическими компонентами которых является причина (в первом значении) и условие (во втором значении).

Союз *благо* также кратко представлен в «Русской грамматике» (1980) и в монографии М.В. Ляпон «Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений» [3].

В «Русской грамматике» (1980) союз *благо* определен как устаревший, он включен в группу союзов дифференцирующего типа с собственно причинным значением: «союз указывает на истинную непосредственную причину, порождающую ситуацию» структуры [6, с. 584].

В «Русской грамматике» (1980) указывается, что все союзы дифференцирующего типа вносят «в собственно причинное значение свой дополнительный смысловой элемент». Союз *благо* «указывает на благоприятствующую причину» [6, с. 585]. Отмечается, что он не может начинать сложное предложение, и поэтому в предложениях с этим союзом соположение частей является несвободным: придаточное, которое присоединяет союз *благо*, всегда находится после главного.

М.В. Ляпон указывает, что в семантику союза *благо* входит элемент «самооценки», в контекстах с этим союзом всегда есть оценочное значение [3, с. 180-181].

Анализ фактического материала из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показал, что нет единства в использовании запятой при союзе *благо что*. В основном корпусе между *благо* и *что* есть запятая в 132 употреблениях; в 53 употреблениях между компонентами союза запятая отсутствует. В газетном корпусе между *благо* и *что* есть запятая в 204 употреблениях; в 139 употреблениях между компонентами союза запятая отсутствует. Таким образом, очевидно, что преобладают употребления с запятой. Например, в предложении (9) запятая есть, в предложении (10) запятая отсутствует: (9). *Впрочем, если они вам покажутся неэффективными, вы вполне можете воспользоваться любыми другими советами, благо, что их сейчас достаточно* (Что такое «не везет» и как с ним бороться // Аргументы и факты. 2003. 27 мая). (10). *В отсутствие других козырей Москве приходится ставить на энергетику, благо что потенциал в этой сфере также велик* (Россия открывается Китаю // РБК Daily. 2006. 10 ноября).

Для конструкций с союзом *благо что* характерна парцелляция, что можно считать его синтаксической спецификой. Например: (11). *Потом понял, что ему все равно, и гульнул на весь корректорский цех. Благо, что в нем одни женщины.* (Симонова Д. «Легкие крылышки». 2002).

Анализ материала показал, что контексты, в которых функционирует союз *благо что*, также обладают спецификой.

Предложение, которое присоединяется с помощью *благо что*, обязательно должно включать в себя информацию о благоприятной ситуации, которая позволяет осуществиться ситуации, названной в главном предложении. Это обусловлено семантикой слова *благо*: «счастье, добро».

Представление ситуации как благоприятной причины для возникновения другой ситуации осуществляется в предложениях с союзом *благо что* следующими средствами.

1. Оценочная лексика

В предложении с союзом *благо что* может быть оценочная лексика, относящаяся к разным частям речи. Лексика имеет положительную оценку.

Например: (12). *Между тем далеко не каждый приход может похвастаться колокольной музыкой – а все потому, что мало осталось хороших, опытных звонарей. Вот три года назад и надумал батюшка возродить преподавание этого древнего искусства. Благо, что нашелся хороший специалист – Дмитрий Смирнов, который уже обучал народ в Московском колокольном центре и стал старшим звонарем Успенского собора* (Мухтаров Е. Сладкий голос «Полиелейного» // Труд-7. 2000. 11 сентября).

В примере (12) первая ситуация (ситуация-1) «желание возродить преподавание искусства звонаря» поддерживается дополнительной благоприятной ситуацией-2 «нашелся хороший специалист». При этом ситуация-2 не является первоначальной причиной ситуации-1, а только поддерживающим условием для осуществления ситуации-1. Благоприятная причина обозначена оценочным прилагательным «хороший».

(13). *Лучшему боксеру мира не должно составить труда перебоксовать Герреро, благо что это удавалось и гораздо менее искушенным бойцам вроде Гамалиэля Диаса и Орландо Салидо* (Советский спорт. 2013. 3 мая). В примере (13) ситуация-2, данная в придаточном предложении, представляется как дополнительное подтверждение высказанного предположения о развитии ситуации-1, названной в главном предложении. В этом примере у союза *благо что* есть дополнительная градационная семантика: его можно заметить в этом предложении союзом *тем более что*.

Для контекстов с союзом *благо что* характерно употребление наречий с пространственным значением, указывающих на близость объектов (*близко, недалеко, рядом*). Подобное расположение объектов рассматривается как дополнительная благоприятная ситуация. Например: (14). *В отель Андрей пришел пешком, благо что живет недалеко от отеля в Сокольниках* (Советский спорт. 2010. 27 сентября). (15). *Мы зашли к ней, благо, что ее дом рядом* (Ткаченко Т. Н. Американский дневник. 1991).

2. Лексика с количественным значением

В предложении, вводимом союзом, может быть лексика, передающая количественную информацию. Количественная информация используется говорящим для подтверждения того, что представленная в главном предложении ситуация-1 имеет дополнительную поддерживающую ситуацию-2, дополнительное благоприятное условие для развития ситуации-1.

Например: (16). *Елизабет всегда была жизнелюбивой. Но не очень любила то, что она называет "свидания". Она предпочитала выходить замуж, благо что желающих всегда имелось в избытке.* (Сиснев В. Клеопатра и семь ее мужей // Труд-7. 2002. 2 февраля). (17). *Это было так неожиданно, что мы всей семьей, со стариками, отправились туда, как на экскурсию, благо что вместо привычных для нас длинных очередей покупателей было совсем мало* (Голяховский В. Русский доктор в Америке. 1984-2001).

3. Контексты с отрицанием

Для текстов с союзом *благо что* характерно употребление отрицания в послесоюзной части. Такое отрицание является способом представить ситуацию как положительную, так как отрицание переводит характеристику действия, признака или ситуации в целом в положительную. Например: (18). *Зато есть преданные поклонники, которые любят ходить на концерты «Воскресения», благо что случаются они не так часто, а значит, не предаются* («Воскресение» – грустный праздник // Коммерсант. 2003. 7 марта).

Итак, анализ фактов показал, что в контекстах с союзом *благо что* между ситуацией, представленной в досоюзной части, и ситуацией, представленной в послесоюзной части, должно быть следующее смысловое соотношение: ситуация, представленная в досоюзной части, должна иметь какие-либо положительные стороны, которые поддерживаются дополнительной благоприятной ситуацией, описанной в послесоюзной части. Таким образом дополнительная благоприятная ситуация может рассматриваться как дополнительная причина, позволяющая или позволившая реализоваться ситуации, описанной в главной, досоюзной части.

Литература

1. Байдуж Л.М. Конструкции с союзом *тем более что* и их место в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983. 24 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
3. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: к типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 447 с.
4. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2003. 421 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва: [Азъ], 2003. 941 с.
6. Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.; Т. 2. 709 с.

References

1. Bajduzh L.M. Konstrukcii s sojuzom tem bolee chto i ih mesto v sisteme sredstv vyrazhenija prichinno-sledstvennyh otnoshenij (na materiale sovremennogo russkogo jazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 1983. 24 s.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2001. 1536 s.
3. Ljapon M.V. Smyslovaja struktura slozhnogo predlozhenija i tekst: k tipologii vnutritekstovyh otnoshenij. M.: Nauka, 1986. 447 s.
4. Ob#jasnitel'nyj slovar' russkogo jazyka: Strukturnye slova: predlogi, sojuzy, chasticy, mezhdometija, vvodnye slova, mestoimenija, chislitel'nye, svjazochnye glagoly. pod red. V.V. Morkovkina. 2-e izd., ispr. M.: Astrel'; AST, 2003. 421 s.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij. 4-e izd., dop. Moskva:[Az#], 2003. 941 s.
6. Russkaja grammatika: v 2-h t. gl. red. N.Ju. Shvedova. M.: Nauka, 1980. T. 1. 783 s.; T. 2. 709 s.

*Sun Jing, Postgraduate, Senior Lecturer,
Far Eastern Federal University,
Hebei Science and Technology Pedagogical University, China*

Composite conjunction "fortunately that": specificity of functioning

Abstract: the article focuses on the peculiarities of the functioning of the compound conjunction "fortunately that" in the Russian language. The relevance of the study is due to the increased attention of researchers to identifying the features of using functional words in Russian. The material for analysis was collected from the National Russian Corpus using a continuous sampling method. The aim of the study is to identify the specificity of the contexts in which the conjunction "fortunately that" functions. The results showed that the conjunction "fortunately that" is typically used in contexts with positive evaluative semantic lexicon as well as contexts with negation. It was found that the conjunction "fortunately that" is intended to indicate the relationship between two situations, one of which may be or is an additional positive reason for the favorable development of the other situation. The findings can be used in syntax courses of the Russian language, courses of the Russian language as a foreign language, and in the training of editors.

Keywords: the Russian language, syntax, functional words, conjunction, semantics, fortunately that

For citation: Sun Jing Composite conjunction "fortunately that": specificity of functioning. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 19 – 22.

Received: May 19, 2023; Revised: June 9, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Тянь Кайгэ, аспирант,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова*

**От «маркетинговых инструментов» к «социальной ответственности» –
вызовы и возможности для корпоративной социальной рекламы**

Аннотация: в данной статье анализируются проблемы и возможности, стоящие перед корпоративной социальной рекламой, посредством углубленного обсуждения концепции, характеристик и роли корпоративной социальной рекламы. В статье утверждается, что корпоративная социальная реклама как средство принятия предприятиями социальной ответственности и повышения их корпоративного имиджа должна быть преобразована из традиционного маркетингового инструмента в метод рекламы, ориентированный на социальную ответственность и общественное благосостояние. Рассматриваются проблемы, стоящие перед корпоративной социальной рекламой, включая проблемы с подлинностью рекламы и чрезмерной коммерциализацией рекламы. Обозначаются возможности корпоративной социальной рекламы, включая улучшение корпоративного имиджа и стоимости бренда, повышение осведомленности и доверия общественности к компаниям.

Ключевые слова: корпоративная социальная реклама, социальная ответственность, вызовы, корпоративный имидж

Для цитирования: Тянь Кайгэ От «маркетинговых инструментов» к «социальной ответственности» – вызовы и возможности для корпоративной социальной рекламы // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 23 – 27.

Поступила в редакцию: 17 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Корпоративная социальная реклама (КСР), как важная форма выражения корпоративной социальной ответственности, постепенно привлекает все большее внимание предприятий. В то время как традиционные методы маркетинга преследуют экономические выгоды, они игнорируют влияние предприятий на общество и окружающую среду. Корпоративная социальная реклама, наоборот, делает акцент на корпоративной социальной ответственности и общественном благосостоянии, стремясь передать социальные ценности.

Корпоративная социальная реклама – это использование предприятиями рекламных средств для донесения до общественности информации о своей социальной ответственности, благотворительности, а также о своих социальных ценностях и имидже [1]. Ее роль заключается в том, чтобы подчеркнуть социальную ответственность предприятия и общественное благосостояние, передать социальные ценности сформировать образ предприятия, повысить осведомленность и доверие потребителей к компании, и таким образом добиться улучшения имиджа бренда и роста экономических выгод.

Корпоративная социальная реклама отличается от традиционной маркетинговой рекламы. Вторая из названных обычно фокусируется на преимуществах и особенностях продукта или услуги и на том, как стимулировать их продажу [2]. В отличие от традиционной рекламы, целью корпоративной социальной рекламы является не только продвижение товаров или услуг, но, что более важно, акцентируется на корпоративной социальной ответственности и общественном благосостоянии. Характеристики и КСР делают ее важным инструментом для предприятий по продвижению социальной ответственности и устойчивого развития.

Характеристики корпоративной социальной рекламы в основном включают следующие аспекты: подчеркивание корпоративной социальной ответственности и общественного благосостояния, корпоративного вклада и обязательств перед обществом; повышение корпоративного социального имиджа и авторитета.

Содержание КСР не ограничивается одним аспектом – она обычно включает защиту окружающей среды, общественное благосостояние, социальную ответственность, благотворительные пожертвования и другие аспекты социальных проблем, показывая тем самым социальную ответственность и вклад предприятий в различные сферы социальной жизни общества. Корпоративная социальная реклама имеет разнообразные формы социальной рекламы, которые могут быть представлены в виде телевизионной, газетной, журнальной рекламы, интернет-рекламы и других форм.

Благодаря продвижению социальной рекламы предприятия могут продемонстрировать общественности свою осведомленность и практику социальной ответственности, повысить доверие и доброжелательность потребителей по отношению к ним, тем самым достигая устойчивого развития и экономической выгоды.

Переход от маркетинговых средств к социальной ответственности является одной из важных предпосылок корпоративной социальной рекламы [3], поскольку ее использование демонстрирует ориентацию компаний на общество и его актуальные проблемы, подчеркивая тем самым ценность производимого бренда.

Значение и цели корпоративной социальной рекламы в основном заключаются в трансляции социальных догм предприятия и его концепции, позволяют общественности понять культуру и духовный настрой компании. Корпоративная социальная реклама может также способствовать социальному прогрессу и развитию путем освещения мероприятий по социальному обеспечению и защите окружающей среды, а также усилить чувство социальной ответственности. Она, таким образом, способствует достижению экономических выгод, поскольку повышает социальный имидж и ценность бренда, привлекает больше потребителей и инвесторов.

КСР демонстрирует потребителям приверженность компании к корпоративной социальной ответственности и укрепляет доверительные отношения между потенциальным потребителем и предприятием. Например, для иллюстрации своей заинтересованности в проблемах окружающей среды корпоративная социальная реклама может транслировать концепции охраны окружающей среды предприятием посредством демонстрации корпоративной практики в вопросах экологии (энергосбережение и сокращение выбросов, переработка ресурсов и т.д.). Для продвижения общественных благотворительных инициатив и пожертвований КСР может продвигать корпоративные мероприятия в данной области, стимулируя тем самым потребителей к участию в них (забота об уязвимых группах, поддержка образования и уделение внимания здравоохранению). Такая реклама также может способствовать продвижению корпоративных инноваций и практик в области устойчивого развития. Например, продвигая инновационные инициативы в области новой энергетики, экологически чистых технологий и экономики замкнутого цикла, компании могут подчеркнуть свое лидирующее положение в области устойчивого развития, повышая свою конкурентоспособность на рынке товаров и услуг. Таким образом, подобная практика помогает предприятиям достигать устойчивого развития на экономическом, социальном и экологическом уровнях, способствует долгосрочному развитию предприятий, поскольку КСР, создавая культуру и имидж бренда, может продвигать культурную и духовную коннотацию фирмы.

Корпоративная социальная реклама также может донести корпоративную социальную ответственность и обязательства по поддержке общественного благосостояния другими способами [4]. Например, для пропаганды гуманистической заботы о предприятии КСР может способствовать гуманистической заботе о сотрудниках, потребителях, поставщиках и других участниках совместной деятельности. Это так же создает благоприятный имидж компании и подчеркивает клиентоориентированность. Кроме того, корпоративная социальная реклама может также продвигать научно-технические инновации и применение технологий предприятиями, демонстрировать достижения и вклад предприятий в научно-технический прогресс. Такое содержание КСР повышает общественное признание и доверие к предприятию.

Сразу отметим, что, если содержание рекламы не соответствует реальному поведению компании, это нанесет серьезный ущерб ее репутации и имиджу [5]. Следовательно, предприятия должны соблюдать принцип аутентичности при размещении социальной рекламы, чтобы гарантировать соответствие рекламного содержания реальному положению дел. В противном случае репутация компании ухудшается, что в целом сказывается на количестве и объемах продаж. Следовательно, предприятиям необходимо исходить из реальной ситуации, формулировать планы рекламы социальной ответственности и мероприятий по поддержке общественного благосостояния, которые подкрепляются практическими действиями.

Таким образом, предприятиям необходимо создать реальную и мобильную систему социальной ответственности, открыто и прозрачно демонстрировать свою практику и достижения в данной области и обеспечивать доказательность рекламы. Кроме того, важно создавать эффективный механизм надзора, строго проверять производство и продвижение социальной рекламы и управлять рекламным контентом.

Как показывает практика, действительно существуют некоторые ситуации, когда содержание рекламы не соответствует фактическому поведению предприятия [6]. Некоторые компании используют социальную ответственность и публичность в рамках мероприятий по поддержке общественного благосостояния только для достижения коммерческих целей. Это явление также называется «замаскированным маркетингом». Компании могут ассоциировать свои продукты или услуги с социальной ответственностью или мероприятиями по поддержке общественного благосостояния, чтобы увеличить продажи продуктов или услуг при одновременном улучшении своего имиджа и репутации. Такое поведение может легко вызвать у потенциальных клиентов сомнения и недовольство. Чтобы избежать подозрений в «скрытом маркетинге», компаниям необходимо обеспечить соответствие своих социальных обязанностей и публичности мероприятий по поддержке общественного благосостояния реальному поведению компании, поэтому следует проверять подлинность и точность контента, который они продвигают.

Очень важно измерить и оценить коммуникационный эффект корпоративной социальной рекламы [7]. Однако, по сравнению с традиционной рекламой, коммуникационный эффект КСР более сложен и трудно поддается количественной оценке. Это детерминировано ее целью. Следовательно, необходимо всесторонне рассмотреть коммуникационный эффект корпоративной социальной рекламы со многих сторон, включая следующие аспекты: социальный отклик (может ли корпоративная социальная реклама вызвать социальный отклик, привлекла ли она общественное внимание и породила ли обсуждение); узнаваемость бренда (помогает ли корпоративная социальная реклама повысить узнаваемость и репутацию компании, корпоративных брендов); изменения в общественном мнении (помогает ли корпоративная социальная реклама изменить общественное отношение к предприятию); социальные выгоды (может ли корпоративная социальная реклама способствовать социальному прогрессу и развитию, и приносит ли она реальные социальные выгоды).

В дополнение к обозначенным проблемам, которые трудно измерить и оценить, корпоративной социальной рекламе также не хватает эффективного механизма регулирования. В настоящее время иногда возникают такие проблемы, как ложная реклама и ненадлежащий маркетинг, которые вводят в заблуждение клиентов и сеют путаницу. Поэтому крайне необходимо усилить надзор за корпоративной социальной рекламой и управлением ею, включая проверку аутентичности и законности рекламы, что в целом защищает права и интересы потребителей. Правительству, отраслевым ассоциациям, средствам массовой информации и другим заинтересованным сторонам следует также участвовать в регулировании данного процесса для содействия здоровому развитию КСР.

Чтобы справиться с этими «вызовами», компаниям при формировании рекламного контента необходимо учитывать его соответствие реальным действиям и производимым продуктам. В то же время им необходимо обратить внимание на проблему чрезмерной коммерциализации рекламы, чтобы избежать возникновения сомнений и недовольства общественности. Кроме того, компаниям необходимо уделять внимание проблемам общественного благополучия и социальной ответственности, которые обязательно должны найти отражение в предоставляемой ими рекламе, а также следовать этическим и социальным нормам, чтобы завоевать доверие и поддержку клиентского сообщества.

Корпоративная социальная реклама способствует и повышению рыночной конкурентоспособности предприятия [8]. Когда потенциальный покупатель выбирает товары или услуги, он зачастую принимает во внимание социальный имидж и ценности предприятия и считает, что социальная ответственность и мероприятия по поддержанию общественного благосостояния являются одним из важных проявлений деятельности производителя. Если компания действует в соответствии с вопросами социальной ответственности и общественного благосостояния, то потребительское сообщество может быть более склонно выбирать продукты или услуги компании, тем самым увеличивая долю рынка, занимаемого предприятием.

Благодаря продвижению КСР общественность может повысить привлекательность компании, вызвать положительный резонанс в среде потенциальных покупателей. Потребительское сообщество может выразить свою признательность компании за ее социальную ответственность и меры по поддержанию общественного благосостояния и осознать, что компания обладает «социальной совестью». Такая благосклонность может способствовать установлению у общественности положительной эмоциональной связи с производителем бренда.

Корпоративная социальная реклама также может пропагандировать концепции и поведение клиентского сообщества в области устойчивого потребления и побуждать общественность уделять больше внимания факторам устойчивого развития при совершении покупок и практике потребления. Это помогает ориентировать их на формирование устойчивых грамотных потребительских привычек.

Таким образом, благодаря углубленному обсуждению корпоративной социальной рекламы в статье утверждается, что КСР, как переход от маркетинговых средств к социальной ответственности, сталкивается как с возможностями, так и с «вызовами». Предприятиям следует:

- обращать внимание на достоверность рекламы;
- сконцентрироваться на вопросах социальной ответственности и поддержке общественного благосостояния;
- принимать меры по улучшению корпоративного имиджа и ценности производимого бренда посредством КСР;
- производить оценку эффективности и аутентичности рекламного контента.

– Кроме того, к данным процессам плодотворно подключать правительство, отраслевые ассоциации и СМИ с целью дополнительного контроля над использованием корпоративной социальной рекламы, чтобы обеспечить ее подлинность и эффективность.

Предполагаем, что в перспективе корпоративная социальная реклама продолжит играть важную роль в деятельности предприятий и станет для них важным средством презентации своей социальной ответственности и достижений в области устойчивого развития.

Литература

1. Чжан Ц., Ван И. Эффективность мероприятий по корпоративной социальной ответственности в условиях пандемии COVID-19 // Журнал управления продуктами и брендами. 2022. № 31 (7). С. 1063 – 1076.
2. Цзэн Сяндун, Чжун Хайлянь. Традиционная китайская мудрость и корпоративная социальная ответственность. Нанкин: Издательство Нанкинского Юго-Восточного университета, 2021. 556 с.
3. Ли В. Исследование по построению китайской системы корпоративной социальной ответственности в Интернете. Шанхай: Шанхайский финансово-экономический университет, 2021. 278с.
4. Балакришна Г., Нитин П., Кашаф С. Маркетинг, основанный на данных, для роста и прибыльности // EuroMed Journal of Business. 2020. № 16 (4). С. 381 – 398.
5. Цай Чжаоли, Хуан Цзе. Великолепные 70 лет стремления к новой эре. Шэньси: Народное издательство Шэньси, 2020. 673 с.
6. Чжан Н., Юй Г., Лю С. Эксплуатация и управление промышленными и коммерческими предприятиями. Шэньси: Shanxi Economic Press, 2020. 356 с.
7. Чэнь Л. Исследование маркетинговой стратегии государственных отелей и гостевых домов с рейтингом звезд. Пекин: Китайский университет наук о земле, 2018. 55с.
8. Маркетологи Innovation 100 с нетерпением ждут 2012 года // Успешный маркетинг. 2012. № 03 (40). С. 141.

References

1. Chzhan C., Van I. Jeffektivnost' meroprijatij po korporativnoj social'noj otvetstvennosti v uslovijah pandemii COVID-19. Zhurnal upravlenija produktami i brendami. 2022. № 31 (7). S. 1063 – 1076.
2. Czjen Sjandun, Chzhun Hajljan'. Tradicionnaja kitajskaja mudrost' i korporativnaja social'naja otvetstvennost'. Nankin: Izdatel'stvo Nankinskogo Jugo-Vostochnogo universiteta, 2021. 556 s.
3. Li V. Issledovanie po postroeniju kitajskoj sistemy korporativnoj social'noj otvetstvennosti v Internetete. Shanhaj: Shanhajskij finansovo-jekonomicheskij universitet, 2021. 278s.
4. Balakrishna G., Nitin P., Kashaf S. Marketing, osnovannyj na dannyh, dlja rosta i pribyl'nosti. EuroMed Journal of Business. 2020. № 16 (4). S. 381 – 398.
5. Caj Chzhaoli, Huan Cze. Velikolepnye 70 let stremlenija k novoj jere. Shjen'si: Narodnoe izdatel'stvo Shjen'si, 2020. 673 s.
6. Chzhan N., Juj G., Lju S. Jekspluatacija i upravlenie promyshlennymi i kommercheskimi predprijatijami. Shjen'si: Shanxi Economic Press, 2020. 356 s.
7. Chjen' L. Issledovanie marketingovoj strategii gosudarstvennyh otelej i gostevyh domov s rejtingom zvezd. Pekin: Kitajskij universitet nauk o zemle, 2018. 55s.
8. Marketologi Innovation 100 s neterpeniem zhдут 2012 goda. Uspeshnyj marketing. 2012. № 03 (40). S. 141.

*Tian Kaige, Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University*

**From “marketing tools” to “social responsibility” – challenges
and opportunities for corporate social advertising**

Abstract: this article analyzes the challenges and opportunities facing corporate social advertising through an in-depth discussion of the concept, characteristics, and role of corporate social advertising. The article argues that corporate social advertising as a means for enterprises to take social responsibility and enhance their corporate image should be transformed from a traditional marketing tool into an advertising method focused on social responsibility and public welfare. The problems facing corporate social advertising are considered, including problems with the authenticity of advertising and the over-commercialization of advertising. The possibilities of corporate social advertising are indicated, including improving the corporate image and brand value, increasing public awareness and trust in companies.

Keywords: corporate social advertising, social responsibility, challenges, corporate image

For citation: Tian Kaige From “marketing tools” to “social responsibility” – challenges and opportunities for corporate social advertising. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 23 – 27.

Received: May 17, 2023; Revised: June 9, 2023; Accepted: June 30, 2023.

Таказов В.Д., доктор филологических наук, профессор,
Чэнь Хаотянь,
Российский университет дружбы народов

Постправда как явление современности

Аннотация: данная статья призвана раскрыть особенности феномена постправды, которая актуализируется на современном этапе в медийном дискурсе, поскольку существование такого понятия как «постправда» в контексте СМИ усложняет и обостряет многие информационные и социальные аспекты. В статье определяются предпосылки возникновения и история широкого распространения данного феномена, получившего свое развитие в США, а также рассматриваются критерии определения «постправды» для анализа новостных сообщений. Термин «постправда» стал словом 2016 года по версии Оксфордского словаря, укorenившись в широком использовании различных СМИ и обусловив тем самым необходимость и актуальность исследования данного феномена. С целью выявления происхождения данного явления, автор демонстрирует примеры, свидетельствующие о его существовании задолго до новейшего времени.

Ключевые слова: постправда, общественное мнение, СМИ, современные медиа

Для цитирования: Таказов В.Д., Чэнь Хаотянь Постправда как явление современности // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 28 – 31.

Поступила в редакцию: 13 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 9 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Тема феномена постправды становится все более актуальной в последние годы. Начиная с конца 2019 года и по сей день, мы наблюдаем огромнейшие изменения и всемирные глобальные проблемы, контекст освещения которых в СМИ любой страны имеет большое влияние на формирование общественного мнения. Существование такого понятия, как «постправда» усложняет и обостряет многие информационные и социальные аспекты.

Свое развитие и широкую огласку в современном обществе феномен постправды начинает на просторах Соединенных Штатов Америки. Впервые термин постправды был использован в 1992 году Стивом Тесичем, сербско-американским киносценаристом и драматургом, в статье «Правительство лжи» (англ. «GovernmentofLies») [3] для журнала The Nation (еженедельный журнал в США) [3], где Тесич размышлял о скандале «Иран-контрас» (крупный политический скандал в США во второй половине 1980-х годов) и войне в Персидском заливе. Вот основные тезисы и цитаты из той статьи, которые максимально информативно раскрывают отношение Стива Тесича к американской политике «постправды» того времени:

1. Администрация Джорджа Буша-старшего «чувствовала себя в безопасности», обманывая общественность о войне в Персидском заливе, поскольку «она знает, что правда мало на нас повлияет», потому что «мы, как свободные люди, добровольно решили, что хотим жить в каком-то мире постправды»;

2. Чем больше мы, как общество, отклоняемся от истины, тем ближе мы движемся к тоталитарному правительству. Тесич утверждал, что мы «становимся прототипами народа, о котором тоталитарные изверги могли только мечтать»;

3. Американское общество «надеялось, что наше правительство защитит нас от правды» вместо того, чтобы задаться вопросом, отвечают ли действия интересам нации.

В 2004 году вышла книга Ральфа Киза, американского писателя, «Эра постправды: нечестность и обман в современной жизни» [5], где автор проиллюстрировал свое предвкусение социальных тенденций. В этой книге автор выражает глубокую озабоченность на тему того, что «нечестность» все больше проникает во все сферы жизни человека, тем самым снижая «чувствительность» людей к ее последствиям. Ральф Киз пишет, что «в эпоху постправды у нас есть не просто правда или ложь, а также и третья категория двусмысленных заявлений, которые и не совсем правда, но при этом не соответствуют и категории лжи. Это было бы можно назвать «усиленной правдой», «нео-правдой», «смягченной правдой» или «облегченной истиной». Обман стал современным образом жизни. Когда-то граница между правдой и ложью являлась четкой, теперь же этой границы уже и нет».

В 2005 году Стивен Кольбер, американский комик, телеведущий, актёр и писатель, в одном из первых выпусков «The Colbert Report» (американская сатирическая телевизионная программа) использовал «придуманное» слово «truthiness» (англ. *truth* – правда), приблизительный перевод которого означает «правдивость; видимость правдивости» популяризовав тем самым это неофициальное слово.

В 2010 году Дэвид Робертс, американский журналист и блогер, написал статью «Политика постправды» (англ. *Post-truth politics*) [6] на платформе Grist.org (первоначально Grist Magazine). Данная онлайн-статья была опубликована в преддверии выборов в Палату представителей Конгресса США; она транслирует мнение автора о том, что уровень политической грамотности американского избирателя крайне низок. По мнению автора статьи, верная и политически-грамотная структура выбора должна выглядеть так: 1) сбор фактов; 2) составление выводов; 3) формирование на основании этого своей политической позиции; 4) выбор политической «силы», которая разделяет эти позиции.

Однако, как считает Дэвид Робертс, большинство американских избирателей действуют совершенно противоположным образом: 1) выбор партии на основании своих субъективных, «ценностных» предпочтений; 2) принятие спорных, проблемных постулатов в позиции данной партии; 3) поиск аргументов, подкрепляющих позицию выбранной партии; 4) поиск фактов, подкрепляющих найденные аргументы.

Очевидна «предвзятость подтверждения», в которой люди ищут и находят только ту информацию, которая сможет подтвердить их личные убеждения, и совершенно не стремятся при этом выяснить истинное положение дел. Иными словами, в этом случае, объективная реальность имеет намного меньшую значимость для формирования общественного мнения, чем эмоции, сопровождающие эту реальность, в чем и состоит суть постправды.

В 2016 году Оксфордский словарь, по традиции ежегодного выбора «слова года», назвал таковым «постправду», что стало настоящим триумфом для данного термина [8]. «Словом года» может стать то, что употреблялось наиболее часто, и, согласно проведенному анализу, именно в 2016 году был зафиксирован значительный «всплеск» частоты употребления термина «постправда». Этому поспособствовали президентские выборы в США и референдум по вопросу выхода Великобритании из состава Евросоюза (Брексит). За счет этого контекста термин также стал ассоциироваться в рамках конкретного словосочетания «политика постправды».

Политика в режиме постправды – это подмена подлинных фактов фейками, зачастую, спекуляция на самых низменных человеческих эмоциях и отказ играть по общепринятым правилам. Таким образом, «постправда» – это про всех, кто открыто бросает вызов политическому истеблишменту и экспертному знанию.

Начиная с того самого, «триумфального» 2016 года, и по сей день, термин «постправды» окончательно укоренился в широком использовании различных СМИ, теперь он часто транслируется крупными изданиями, без необходимости дополнительных пояснений или определений, став привычным для людей.

Однако, вернемся немного назад и вспомним широко известные примеры, которые вполне подходят под термин «постправды»:

1. Еще со времен античности существует «быль» о гонце, которому за дурную весть отрубили голову. Вот он наглядный пример того, что коммуникатор заинтересован в искусственном искажении информационного сообщения ввиду субъективных мотивов.

2. Использование политики постправды пропагандировал ещё Платон, афинский философ классического периода Древней Греции. В своём «Государстве» [2] философ рассуждает о том, что всеми знаниями должны обладать только философы, которые осуществляют управление государством. Простым же людям вовсе не нужно обладать всеми знаниями. Таким образом, Платон предлагал вводить народ в заблуждение, намеренно создавая у них ложное представление о мире.

Как мы видим, политика «постправды» – это не исключительно современное явление, оно существовало задолго до новейшего времени, но именно сейчас этот термин приобрел наибольшую актуальность.

В связи с развитием инноваций во всех сферах, после 2016 года, начинается этап пристального научного внимания к стратегии коммуникаций «постправды». Исследования данного феномена можно разделить по следующим группам: 1) общий анализ феномена, его социальных, коммуникационных, культурных и иных оснований; 2) анализ конкретных феноменов и ситуаций, соотносимых с научным концептом постправды; 3) попытки мониторинга социокультурной ситуации и определения перспектив и стратегий борьбы с постправдой.

Количество официальных научных публикаций, несмотря на сравнительно короткий исторический горизонт исследования данного феномена, на сегодняшний момент, лишь в периодических изданиях Российской Федерации составляет более двух с половиной тысяч.

Определение, данное с помощью словаря, представило для исследователей три универсальных критерия определения «постправды» для анализа текстов: игнорирование объективных фактов; апелляция к ценностям и убеждениям человека; использование эмоционального давления для аргументации своей позиции.

Начиная с определения Оксфордского словаря и заканчивая современными научными исследованиями, в большинстве случаев используются все три критерия, и куда реже – два последних.

На сегодняшний день можно условно выделить два типа постправды:

1. Первый тип – несоответствие поступков и слов. Например, политическая партия может публично поддерживать какие-то идеи, чтобы получить лояльность электората, но при этом, на деле, не реализовывать эти идеи или даже сделать что-то им противоречащее.

2. Второй тип – игнорирование фактов, распространение фиктивных сведений и завоевание доверия. Подобная стратегия возможна, если вы занимаете солидное положение в своей сфере деятельности и обладаете серьёзным ресурсом, особенно административным.

В рамках данного исследования мы определяем «постправду», как некую коммуникационную стратегию, направленную на выстраивание искаженной и не соответствующей объективной реальности картины события, или же, если шире – мира, с использованием приемов эристики и различных когнитивных искажений.

Является ли сам феномен «постправды» абсолютно новым, с научной точки зрения? Российские исследователи Пронина Е.Е. и Кириченко А.С. в своем сборнике научных статей утверждают, что новым, в феномене постправды, является только то, что «политтехнологические ухищрения теперь именуется особой формой правды» [1]. Колин Уайт относит зарождение этого феномена к эпохе Макиавелли [7], а Труфанова Е.О. предлагает выйти за рамки медиа-практик и, в итоге, обнаруживает зарождение феномена еще в античном споре между сторонниками «реализма» и «антиреализма» [4].

Таким образом, будь то американская, советская или нацистская пропаганда, они все активно применяли схожие инструменты в течение второй половины двадцатого века. Введение в научный дискурс такого термина, как «постправда», несмотря на историческую схожесть, родство, например, с феноменом «пропаганда», не только оправдано, но и в какой-то степени необходимо. Ведь, как первоначальные частные критерии, так и выдвинутые нами расширительные критерии охватывают не только новостные сообщения масс-медиа. Иначе говоря, «постправда», в отличие от «пропаганды» – нечто выходящее далеко за пределы «классической» сферы СМИ и их институтов.

Само понятие масс-медиа в XXI веке трансформирует свой смысл, по причине повсеместного внедрения таких инноваций, как: широкополосный и мобильный интернет, технологии Web 2.0, социальные сети, которые априори превращают любого участника интернет-коммуникации в потенциальный источник новостного сообщения мирового масштаба.

В современном мире любая интернет-площадка является «плодородной средой» для возникновения множества феноменов, которые могут ассоциироваться с понятием «постправды». Основываясь на выдвинутых ранее общих критериях, можно обнаружить различные культурные феномены, взаимосвязанные с концепцией постправды.

Литература

1. Кириченко А.С., Пронина Е.Е. В поисках постправды (медиалингвистический анализ слова) // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: межфакультетский сборник научных статей. Московский городской педагогический университет; науч. ред. К.М. Баранова, О.Г. Чупрына, сост. и отв. ред. О.Я. Федоренко. Москва, 2018.
2. Платон. Государство: пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
3. Тесич С. (1992, январь). Правительство лжи. Нация. URL: <https://www.thenation.com/> (дата обращения: 15.01.2023)
4. Труфанова Е.О. Истина, знание и реальность в эпоху «постправды» // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее: материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений: сборник статей. 2018.
5. Эра постправды: нечестность и обман в современной жизни. Нью-Йорк: St. Martin's Press, 2004.
6. Post-truth politics. URL: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/> (дата обращения: 15.01.2023)
7. Wight C. A Robert De Niro Theory of Post-Truth: 'Are you talking to me?' November 16, 2017. URL: <https://theconversation.com/a-robert-de-niro-theory-of-post-truth-are-you-talking-to-me-87606> (дата обращения: 15.01.2023)
8. Word of the Year 2016. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (дата обращения: 15.01.2023)

References

1. Kirichenko A.S., Pronina E.E. V poiskah postpravdy (medialingvisticheskiy analiz slova). Tri «L» v paradigme sovremennogo gumanitarnogo znaniya: lingvistika, literaturovedenie, lingvo-didaktika: mezhkafedral'nyj sbornik nauchnyh statej. Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij uni-versitet; nauch. red. K.M. Baranova, O.G. Chupryna, sost. i otv. red. O.Ja. Fedorenko. Moskva, 2018.
2. Platon. Gosudarstvo: per. s drevnegrech. A.N. Egunova. M.: Akademicheskij proekt, 2015. 398 s.
3. Tesich S. (1992, janvar'). Pravitel'stvo lzhi. Nacija. URL: <https://www.thenation.com/> (data obrashhenija: 15.01.2023)
4. Trufanova E.O. Istina, znanie i real'nost' v jepohu «postpravdy». Poisk istiny kak aksiologicheskaja paradigma gumanitarnogo znaniya: proshloe, nastojashhee, budushhee: materialy po itogam VII Ioannovskih nauchnyh chtenij: sbornik statej. 2018.
5. Jera postpravdy: nechestnost' i obman v sovremennoj zhizni. N'ju-Jork: St. Martin's Press, 2004.
6. Post-truth politics. URL: <https://grist.org/article/2010-03-30-post-truth-politics/> (data obrashhenija: 15.01.2023)
7. Wight C. A Robert De Niro Theory of Post-Truth: 'Are you talking to me?' November 16, 2017. URL: <https://theconversation.com/a-robert-de-niro-theory-of-post-truth-are-you-talking-to-me-87606> (data obrashhenija: 15.01.2023)
8. Word of the Year 2016. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (data obrashhenija: 15.01.2023)

*Takazov V.D., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Chen Haotian,
Peoples' Friendship University of Russia*

Post-truth as a phenomenon of modernity

Abstract: this article is intended to reveal the distinctive features of the concept of post-truth, which is updated at the present stage in the media discourse, since the existence of such a concept as "post-truth" in the context of the media complicates and exacerbates many informational and social aspects. The article defines the prerequisites for the emergence and history of the wide spread of this phenomenon, which has developed in the United States, and also considers the criteria for determining "post-truth" for the analysis of news reports. The term "post-truth" has become the word of 2016 according to the Oxford Dictionary, having taken root in the wide use of various media and thus determining the need and relevance of the study of this phenomenon. In order to identify the origin of this phenomenon, the author demonstrates examples that testify to its existence long before modern times.

Keywords: post-truth, public opinion, mass media, modern media

For citation: Takazov V.D., Chen Haotian Post-truth as a phenomenon of modernity. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 28 – 31.

Received: May 13, 2023; Revised: June 9, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Рабазанова М.С.,
Муртузалиева Е.А., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет*

Система образов в «Желтой стреле» В. Пелевина

Аннотация: в данной статье в центре рассмотрения – ключевые символические образы и понятия, такие как путь, движение, стрела и время, характерные для трансформационной эпохи современности. Система образов в статье рассматривается с точки зрения выводимой нами концепции: образы героев повести, вещи/предметы и сами образы-символы.

Рассматривая символизм и философские идеи, лежащие в его основе, статья предлагает понимание сложных смысловых слоев, заложенных в этой истории. Она проливает свет на темы саморефлексии, личной независимости и экзистенциальной природы человеческого существования, которые пронизывают произведение. Это исследование помогает прояснить вклад повести в более широкий контекст русского постмодернизма и его связь с философскими исследованиями природы реальности и человеческого опыта.

Ключевые слова: система образов, стрела, российский постмодернизм, Виктор Пелевин, поезд, цвет, метафора, путешествие

Для цитирования: Рабазанова М.С., Муртузалиева Е.А. Система образов в «Желтой стреле» В. Пелевина // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 32 – 35.

Поступила в редакцию: 16 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Творчество В. Пелевина находится в фокусе внимания современного литературоведения. Целью нашей статьи является анализ системы образов в одной из популярных повестей В. Пелевина «Желтая стрела», выявление своеобразия иерархии в системе образов и их функционального значения.

Остановимся на теоретическом определении понятия «система образов», на которое мы будем опираться.

Понятие «системы образов» в художественном произведении включает в себя совокупность литературных персонажей, которые населяют повествование и вносят свой вклад в его общий смысл и воздействие [4]. Эти персонажи взаимодействуют друг с другом, формируя события повествования и раскрывая идеи, темы и послания автора. В нашем же понимании «система образов» имеет более широкий смысл и включает в себя не только персонажей произведения, но и предметы, и символы с функциональной точки зрения, т.е. их роль в раскрытии идеи, проблематики повести и в развитии сюжета.

Творчество Пелевина было предметом изучения в работах Прохорова Т.Г. и Бабылевой А.Л. Данные исследователи в своих трудах пишут о том, что для Пелевина характерен «особый замкнутый хронотоп и определенный тип героя» [3, с. 135-147], который пытается преодолеть и замкнутость физического пространства, и узость тоталитарного мышления.

Исходя из вышесказанного, поезд – это микрокосм нашего иерархического мира, с его аристократическими купейными вагонами и обычным пассажирским плацкартом. Путешествие Андрея в поезде отражает наше собственное путешествие по жизни с ее ограниченным выбором и закрытыми системами: «С каждым вагоном на восток коридоры плацкарты становились все запущеннее, а занавески... все грязнее и грязнее. В этих местах было небезопасно даже утром. Иногда приходилось перешагивать через пьяных или уступать дорогу тем из них, кто не успел упасть и заснуть...» [1, с. 54].

Когда Андрей садится в этот поезд, его окружает море самодовольных пассажиров, которые, кажется, довольны тем, что живут своей жизнью в состоянии инерции. Их существование напоминает сонный муравейник, где люди бесцельно снуют изо дня в день, без каких-либо значимых изменений. Как и у Л. Толстого, персонажи представлены не как строго хорошие или плохие, Пелевин акцентирует внимание на статичности или нестатичности. Андрей в системе образов героев выделяется как динамичный герой, способный полностью изменить свой взгляд на жизнь и саму жизнь.

Главного героя преследует перспектива потерять свою индивидуальность и быть поглощенным серыми массами в поезде. Такая судьба воплощена и в характере Авеля, ничем не примечательного пассажира, который живет своею жизнью, лишеной какого-либо осмысленного созерцания.

Итак, выходит что в «Желтой стреле» Андрей, главный герой, проводит отведенное ему время в основном с незнакомыми и неинтересными людьми в поезде, от которого пахнет дорогой и повседневной жизнью.

нию. Поезд везет его по тому же маршруту, управляемый тем же машинистом, к Разрушенному мосту. Посреди этого сюрреалистического пейзажа главный герой читает книгу о путешествии на поезде по Индии, мечтая сойти с поезда и избежать бесконечного путешествия «Желтой стрелы». Однако поезд никогда не останавливается, и пассажиры продолжают свое путешествие в неопределенное будущее.

Пассажиры принадлежат к разным этническим группам, включая русских, украинцев, таджиков, негров, абхазов, цыган, арабов и даже китайцев. В поезде есть свой собственный курс обмена валюты, пограничная служба, радио, телевидение и предприятия, торгующие различными товарами – от газет и туалетной бумаги до сигарет и пива. Кондуктор, который в реальной жизни эквивалентен президенту, является самой важной фигурой в поезде, наблюдающей за полным жизненным циклом пассажиров от рождения до смерти.

Путешествующему по вагонам «Желтой стрелы» читателю становится ясно, что здесь безраздельно царит строгая иерархия, которая находит отражение в системе образов:

Во-первых, главный герой – Андрей и персонажи, которые более-менее индивидуализированы и принимают участие в развитии сюжета. К таким относится, к примеру, Хан – герой, который объясняет Андрею его место в поезде (в жизни), указывая ему на то, что они похожи (и, в принципе, оказывается прав).

Во-вторых, это персонажи второго плана, некая «массовка», которая демонстрирует жизнь обитателей «Жёлтой стрелы»: тут можно вспомнить соседа по купе Андрея – Петра Сергеевича, или друзей главного героя – семейную пару Антона и Ольгу, которые живут в поезде и не осознают этого, и рады не осознавать. Антон не мыслит широко, он лишь пытается жить и обеспечивать свою семью, для него реальность поезда – это и есть «здесь и сейчас», это и есть жизнь.

В-третьих, это образы-символы, работающие на раскрытие философии и идей «Жёлтой стрелы». Символика цвета, звука, Разрушенного моста и тд.

Личность «главы» этого причудливого общества остается окутанной тайной; читателям остается размышлять, человек это или сам поезд, и являются ли его намерения злонамеренными или благожелательными. Среди пассажиров есть полицейские, выполняющие функции гидов, в то время как какая-то неизвестная организация распространяет идеологические брошюры, а другая нацарапывает на стенах поэтические размышления. Здесь присутствует эклектичная смесь личностей, начиная от мошенников и предпринимателей и заканчивая певцами, банкирами и профессорами, и все они существуют в этом мобильном микромире. Несмотря на свои различия, все они придерживаются идеологии «поезда», бредовой теории, которая лежит в основе их усилий по построению мира. Однако, в конечном счете, их действия ведут их к разорению и краху, участи, разделяемой другими грандиозными мировыми идеями, такими как коммунизм и фашизм.

Желание Андрея выйти из поезда и исследовать окружающий мир – это метафора человеческого поиска смысла и предназначения. Благодаря своим исследованиям, он получает более глубокое понимание самого себя и окружающего мира и, в конечном счете, находит в себе мужество сойти с поезда и окунуться в новую неизвестную реальность.

В философской повести Виктора Пелевина «Желтая стрела» поезд служит метафорой перехода от социализма к капитализму в постсоветской России. Поезд мчится к разрушенному мосту в конце своего пути, а его пассажиры (граждане) забыли, что они находятся в поезде, или, возможно, даже не осознают этого. Штабного вагона и локомотива нигде не видно, и стук колес остается незамеченным среди повседневного хаоса жизни в поезде.

Поезд в картине В. Пелевина «Желтая стрела» служит мощным символом механизированного существования, непрерывно и без пауз несущего своих пассажиров по жизненному пути. Это изображение проводит параллель с незаметными ритмами человеческого тела, такими как биение сердца, текущая кровь или ритмичное дыхание. Особым образом можно отметить символику стука колёс: «Стук колёс, сопровождающий каждого из нас с момента рождения до смерти, – это, конечно, самый привычный для нас звук» [1, с. 39] читает Андрей в газете «Путь». Она символизирует неустанное движение и автоматизацию, характерные для нашей современной эпохи.

В повести Пелевина движение – это не только физическое понятие, но и метафора движения человеческого сознания. Автор предполагает, что человек способен путешествовать в пределах своего собственного разума, о чем свидетельствует использование таких ключевых слов, как «бездна», «пустота», «переход», «впереди», «туман» и «жизнь». Эти слова используются для исследования центральных тем истории и иллюстрации проблем, с которыми сталкивается главный герой на своем пути к просветлению. Используя эти литературные приемы, Пелевин подчеркивает важность самоанализа и самопознания для достижения более высокого состояния сознания.

Это самое движение героев «Желтой стрелы» представлено как сон, который служит моделью другого мира и средством проникновения во внутреннее пространство архаической памяти. Писатель использует цепочки ассоциаций и различные мифологические образы, чтобы организовать этот переход. Творчество Пелевина отражает буддистские идеи, которые позволяют нам представить сон как метафору иллюзорной пустоты жизни. Философию автора трудно определить, поскольку она представляется смесью разрозненных взглядов того времени, электричка по светлому пути. Творческий стиль Пелевина характеризуется отсутствием традиционных компонентов текста, таких как пространственные описания внешности персонажей и психологические характеристики: «...по-русски он говорил с сильным акцентом и, как и второй, был курчав, черен и небрит» [1, с. 64].

Чтобы вникнуть в символику желтой стрелы в произведении В. Пелевина «Желтая стрела», необходимо рассмотреть значение ее цвета. Желтый цвет, как цвет стрелы, несет в себе глубокие символические коннотации, служащие ключом к пониманию повествования. Это мастерское использование Пелевиным цвета заметно по всему тексту, а повторяющийся мотив желтого цвета служит для подчеркивания болезненности мира и крушения человеческих устремлений. Этот прием напоминает использование Федором Достоевским желтых оттенков в «Преступлении и наказании» для создания образа разлагающегося «желтого Петербурга». Благодаря этой искусной манипуляции с цветом Пелевин придает глубину и символизм своему творчеству, погружая читателей в ярко воображаемый и эмоционально заряженный мир.

Разберем данную символику основательнее: во-первых, желтый цвет символизирует движение, изменение, переход в новые состояния или измерения. Подобно тому, как стрела движется вперед, пронзая ткань времени и пространства, желтый цвет олицетворяет присущий самой истории динамизм и преобразующую природу. Он означает постоянный поток и эволюцию человеческого существования.

Кроме того, желтый цвет можно интерпретировать как символ надежды и оптимизма на фоне хаотичного и неопределенного мира, изображенного в рассказе. Несмотря на трудности и беспорядок, с которыми сталкиваются герои, желтая стрела служит путеводной звездой, освещающая путь к возможности и давая проблеск оптимизма. Она становится маяком надежды, побуждая людей к упорству и поиску преобразующего опыта.

Однако желтый цвет также несет в себе предупреждение и опасность. Предупреждающие знаки на поезде, охватывающее пламя и разрушительная сила стрелы – все это подчеркивает потенциальный риск и последствия, связанные с путешествием героев. Желтый цвет в данном контексте служит предостерегающим оттенком, предупреждая людей проявлять осторожность и осмотрительность при перемещении по непредсказуемой сфере бытия.

По сути, желтый цвет, олицетворяемый стрелой в «Желтой стреле», включает в себя богатый гобелен символических значений. Он символизирует то движение, перемены и переход, о которых мы сказали выше в нашем исследовании, одновременно олицетворяя надежду, оптимизм и потенциал для преобразований. Однако он также служит предупреждением об опасностях и рисках, присущих путешествию. Исследуя многогранную природу желтого цвета, читатели глубже понимают глубокие темы и послания, вплетенные в повествование.

В целом, многогранное использование желтого цвета в рассказе подчеркивает сложность тем и идей, исследуемых Пелевиным:

1. Желтый цвет также ассоциируется с понятием просветления или прозрения. Примером этого может служить метафора проса, упомянутая ранее, где тишина сравнивается с желтым просом, цветом, который символизирует возможность пробуждения и понимания. На человеке, который сумел сойти с поезда, была желтая соломенная шляпа: «...человек с соломенной шляпой на шнурке сильно оттолкнулся от крыши, оторвался от вагона и перелетел над ограждением моста» [1, с. 51].

2. По сюжету желтый цвет олицетворяет определенное отношение к жизни и миру. Те, кто хочет избежать иллюзии реальности, забираются на крышу вагона поезда, где оказываются на необычайно широкой крыше, покрытой облупившейся желтой краской. Этот желтый цвет на крыше символизирует разоблачение иллюзорного существования, которое немедленно открывается им. Кроме того, желтый цвет ассоциируется с радостью и светом, возможно, указывая на эмоциональное состояние тех, кто ищет просветления.

3. В этой истории желтый цвет служит символом непостоянства и необратимости. Это подчеркивается в критический момент сюжета, когда Хан показывает Андрею надпись на стене, оставленную теми, кто смог покинуть поезд. Надпись начинается со следующей фразы «Тот, кто отбросил мир, сравнил его с желтой пылью» [1, с. 231].

Говоря о желтом цвете в произведении, можно провести аналогию с «жёлтым домом». Всем известно о том, что такое «жёлтый дом» и кого туда кладут. Так вот, обитатели «Жёлтой стрелы» тоже полны безумия, если рассуждать здраво. Они живут в поезде, придумывают свои ритуалы, свои верования, культуру: всё доведено до абсурда. Но, жители не думают об этом, они счастливы, быть обманутыми, и лишь единицы выбираются на крышу поезда.

В заключение следует отметить, что анализ произведения В. Пелевина «Желтая стрела» раскрывает глубокие философские основы повести. Рассматривая систему образов в данной философской повести Пелевина в широком ключе: через персонажей, предметы, ключевые символы и понятия, статья проливает свет на исследование в рассказе вопросов развития личности, индивидуальной ответственности и значения настоящего момента в формировании будущего. Этот анализ вносит вклад в наше понимание русского постмодернизма и его участия в решении экзистенциальных вопросов в трансформирующуюся эпоху.

Литература

1. Пелевин В. Желтая стрела. СПб., 1993. 320 с.
2. Кларк А. Космическая одиссея. Москва: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. 848 с.
3. Прохорова Т.Г., Бобылева А.Л. Игра со знаками массовой культуры в прозе В. Пелевина // Новые смыслы, новые формы в рекламной индустрии и рекламном образовании: Материалы Всерос. конф. (21-24 марта 2012 г.): в 2 ч. Казань: КГУКИ, 2012. Ч. 2. С. 135 – 147.
4. Словари – Словопедия – [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: [http:// www.slovopedia.com/](http://www.slovopedia.com/) (дата обращения: 29.05.2023)

References

1. Pelevin V. Zheltaja strela. SPb., 1993. 320 s.
2. Klark A. Kosmicheskaja odisseja. Moskva: Jeksmo; SPb.: Domino, 2010. 848 s.
3. Prohorova T.G., Bobyleva A.L. Igra so znakami massovoj kul'tury v proze V. Pelevina. Novye smysly, novye formy v reklamnoj industrii i reklamnom obrazovanii: Materialy Vseros. konf. (21-24 marta 2012 g.): v 2 ch. Kazan': KGUKI, 2012. Ch. 2. S. 135 – 147.
4. Slovarei – Slovopeidija – [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: [http:// www.slovopedia.com/](http://www.slovopedia.com/) (data obrashhenija: 29.05.2023)

*Rabazanova M.S.,
Murtuzaliev E.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State University*

The system of images in the «Yellow Arrow» by V. Pelevin

Abstract: this article focuses on key symbolic images and concepts, such as way, movement, arrow and time, which are characteristic of the transformational era of modernity. The system of images in the article is considered in terms of the concept we derive: images of the characters of the story, things/objects and the image-symbols themselves.

By examining symbolism and the philosophical ideas underlying it, the article offers insight into the complex layers of meaning embedded in the story. It sheds light on the themes of self-reflection, personal independence, and the existential nature of human existence that permeate the work. This study helps to clarify the story's contribution to the broader context of Russian postmodernism and its relationship to philosophical explorations of the nature of reality and human experience.

Keywords: movement, arrow, Russian postmodernism, Viktor Pelevin, train, color, metaphor, journey

For citation: Rabazanova M.S., Murtuzaliev E.A. The system of images in the «Yellow Arrow» by V. Pelevin. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 32 – 35.

Received: May 16, 2023; Revised: June 9, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Сковорода Е.В., кандидат филологических наук,
Псковский филиал Университета Федеральной службы исполнения наказаний России*

Образы сотрудников Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОНа) в книге очерков Бориса Ширяева «Неугасимая лампада»

Аннотация: статья посвящена рассмотрению художественных образов сотрудников Соловецкого лагеря особого назначения в книге автобиографических очерков Бориса Ширяева «Неугасимая лампада». Раскрытие типов героев способствует пониманию влияния тоталитарного режима на человеческую личность. Прежде всего, автор акцентирует внимание читателя на бездуховности персонала лагеря. Это выражается в поступках и поведении героев, творящих самовольные бесчинства на территории «соловецкой сантрапии». Усиливают эффект реалистичности происходящего отдельные портретные детали сотрудников, также символизирующие произвол, бесчеловечность, бездушность системы. В первую очередь это находит отражение в образе начальника лагеря Ногтева. В тексте статьи наряду с его художественным описанием присутствуют ссылки на архивные источники, позволяющие подчеркнуть связь художественного вымысла с реальными историческими событиями. Помимо этого, в статье уделяется внимание и другим типам героев – сотрудникам, которые относились с пониманием и проявляли заботу об осужденных. Эти случаи единичны, и связаны они с образами начальника лагеря Эйхманса, сменившего Ногтева, охранника грузина, гвардии капитана Петряева, старого еврея Шапиро. Также, как и полярные образы, они раскрываются в поступках и поведении. Персонал Соловецкого лагеря, наделенный отдельными нравственными качествами, символизирует теплящуюся надежду автора на возрождение человечности и духовности в людях, чьи судьбы поломаны воздействием тоталитарного режима.

Ключевые слова: Соловецкий лагерь, осужденные, заключенные, сотрудник, начальник лагеря, соловецкий закон, соловецкая власть

Для цитирования: Сковорода Е.В. Образы сотрудников Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОНа) в книге очерков Бориса Ширяева «Неугасимая лампада» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 36 – 39.

Поступила в редакцию: 20 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Книга очерков Бориса Ширяева «Неугасимая лампада» известна довольно ограниченному кругу читателей, как и все творчество писателя. Между тем его произведения являют собой талантливое развитие традиций русской прозы [1, с. 100].

25 лет Борис Ширяев посвятил работе над книгой «Неугасимая лампада», которая стала подробным автобиографическим очерком о жизненном пути писателя на Соловках.

Соловецкий лагерь особого назначения (далее – СЛОН), созданный в 1923 г. на основании Постановления Совета Народных Комиссаров СССР, является основоположником всех исправительно-трудовых лагерей.

Сюда направляли всех опасных для нового режима людей, уголовных и политических преступников, «кои принесли или могут принести существенный ущерб спокойствию и целостности СССР» [2], в том числе и творческую интеллигенцию.

Организация всех последующих лагерей производилась не только с учетом соловецкого опыта, но и частично с использованием как кадровых сотрудников Управления Соловецких лагерей, так и технического и инженерного персонала из заключенных [2].

В первые годы существования административный аппарат СЛОНа был представлен штатными сотрудниками Объединенного государственного политического управления, в их число входил начальник Соловков – Ногтев, фамилия которого в книге очерков Б. Ширяева «Неугасимая лампада» не изменена.

По архивным данным Ногтев Александр Петрович воевал на Туркестанском и Северном флотах, участвовал в разгроме Уральской безоказачьей армии, с 1921 г. служил в органах ВЧК, с 1923 г. возглавил Соловецкий лагерь особого назначения. Был алкоголиком и патологическим садистом [2].

Именно страсть к спиртному послужила поводом отправить Ногтева на Соловки.

В книге очерков образ начальника лагеря представлен в детальном описании его первой встречи с осужденными. Мы не видим его лица, при этом вместе с автором не сводим глаз с его волосатой красной руки с

толстым указательным пальцем. Эту руку мы рассматриваем до малейшей складки на сгибах коротких пальцев, до рыжеватого пуха, уходящего под обшлаг тюленьей куртки.

Эта красная волосатая рука полупьяного палача становится в книге очерков олицетворением бесправия, самочинства, бесславной бессмысленной собачьей смерти осужденных [3, с. 30]. Неслучайно Б. Ширяев называет начальника лагеря «владыкой острова», приписывая ему особую, исключительную роль в жизни каждого: именно от него зависел не только каждый шаг заключенных, но и сама жизнь.

На Соловках была создана своя модель государства со своим правительством, армией, рабочей силой, тюрьмой и материально-технической базой, доставшейся от монастыря. Раз в год сюда заглядывала комиссия с материка и оценивала работу как заключенных, так и персонала. По словам проверяющих, даже они приходили в ужас от того, что тут вытворяли не знавшие ограничений надзиратели [2].

«У нас здесь власть не советская, а соловецкая!» [3, с. 26] – эта формула, прозвучавшая из уст начальника лагеря, определяла поведение страж порядка на Соловках. Пояснение этого закона при первой встрече с осужденными дается им в малопонятных выражениях, не обещающих ничего хорошего, в очень нецензурной форме.

Вскоре малопонятная речь сменяется конкретными действиями начальника, наводящими ужас даже на «бывалых, видавших виды, не раз смотревших смерти в глаза» заключенных: Ногтев в момент приемки вновь прибывших осужденных стреляет из карабина в тех, кто ему не симпатичен. «Трудно испугать угрозой смерти того, кто уже проходил страшную грань отрешения от надежды на жизнь. Но теперь и он (Тельнов) бледнеет и на минуту замирает на месте, устремив глаза на торчащее из окна будки дуло карабина. Потом быстро, размашисто крестится и словно прыгает с разбега в холодную воду. Пригнувшись, втянув голову в плечи, он почти пробегает двадцать шагов, отделяющих строй от будки. Пройдя ее, распрямляется и снова размашисто крестится» [3, с. 29].

Свои ощущения от перехода грани между жизнью и смертью автор в книге очерков описывает детально, заставляя читателя не только сопереживать, но проживать вместе с ним испытываемый ужас: ноги становятся чугунными, не повинуются; глаза фокусируются на волосатой красной руке Ногтева с толстым указательным пальцем, лежащим на спуске. Мы рассматриваем ее до малейшей складки. Она огромна, она заслонила весь мир. «В ней – жизнь и смерть. Каждая секунда – вечность. Четыре шага...

Зажмуриваюсь и прыгаю вперед.

Бегу.

Должно быть, роковая черта уже пройдена. Открываю глаза.

???

Да!» [3, с. 30].

Позже осужденные узнали, что таким образом Ногтев поступал с каждой партией: убивал одного–двух человек и не по злости, как указывает автор, а с целью нагнать страх на новоприбывших, внедрить в их сознание ужас, чувство безысходности, сковать волю и пресечь в корне попытки протеста, установить полное автоматическое подчинение «закону соловецкому».

Москва знала об этих расстрелах, но молчала. Однако, когда нужда в Ногтеве миновала, он сам был расстрелян, и одним из пунктов обвинения были самочинные расстрелы. Через 15 лет та же участь постигла других начальников лагеря – Ягоду, Ежова [2].

В тексте звучат только фамилии сотрудников, что подчеркивает четкую грань между ними и осужденными и полярное отношение к героям автора книги очерков. Причем фамилия Ногтев оказывается в тексте говорящей: происходя от имени нарицательного «ноготь», она указывает на род занятий героя, который не только «прижимал к ногтю» осужденных своими самодурными поступками, притворяя соловецкий закон в жизнь, но еще до Соловков, когда служил помощником Саенко, знаменитого чекиста времен гражданской войны, устраивал пытки, загоняя под ногти гвозди, о чем признавался в ночных кошмарах, беспощадно его мучивших. Пьянство лишь на время помогало уснуть, но не избавиться от мучений, доставлявших ему воспоминания о собственных жутких деяниях.

Пьянство стало причиной ссылки на Соловки многих других начальствующих особ, среди них командир особого полка, несшего охрану берегов, Петров, его помощник – комиссар Сухов.

Другие также оказались на Соловках не беспричинно – проштрафившись. Так, заместитель Ногтева, а затем начальник, сменивший первого, латыш Эйхманс был откомандирован в лагерь за хищения и растраты. Начальник административной части Васьков, начальник I отделения УСЛОН Баринов также стали «почетными» ссыльными «соловецкой сатрапии». К их числу относилась и М.В. Фельдман, начальник санитарной части, «жена члена верховной коллегии ОГПУ», которая была сослана в лагерь собственным мужем для охлаждения своих страстей.

«Провинившиеся чекисты занимали все крупные должности в управлении, – замечает автор, – из них состояла внутренняя охрана и комплектовался комсостав 15 арестантских рот» [3, с. 37].

В книге очерков Б. Ширяева отсутствует какое-либо описание внешних данных сотрудников лагеря, за исключением тех, кого мы видим вместе с героем первыми в момент прибытия на остров. Это начальник лагеря Ногтев и начальник административной части Васьков. На наш взгляд, это не случайно, поскольку именно эти два персонажа являются зеркальным отражением соловецкого произвола.

В Ногтеве, как уже отмечалось ранее, автор детально описывает руку героя, в которой олицетворяется всевластие и вседозволенность. В свою очередь, образ Васькова символизирует систему управления лагерьем

в целом, – ее уродливость, слепость, бездушность, потому лицо начальника административной части безобразно, бесформенно, без лба и шеи, с огромной, давно не бритой тяжелой нижней челюстью и отвисшей губой. «Эта горилла жирна, жирна, как боров. Красные, лоснящиеся щеки подпирают заплывшие, подслеповатые глаза и свисают на воротник» [3, с. 26].

Все остальные сотрудники лагеря в основном безлики и характеризуются через поведение и поступки.

Так, например, полное отсутствие духовности персонала СЛОНа раскрывается через восприятие осужденными расстрела заключенных. Их ужасает не столько то, насколько легко и быстро сотрудники в лице Отена, прослушав произведения великого композитора Гайдна, откликаются на предложение «шлепнуть» заключенного, столько то, что они при этом не забывают прихватить с собой клещи и плоскогубцы для удаления золотых зубов у расстрелянных и, проделав свою черную работу, возвращаются к прослушиванию духовной музыки.

В книге очерков присутствуют и сотрудники другого типа – интеллигентные, как, например, пришедший на смену Ногтеву – Эйхманс. По архивным данным Эйхманс Федор Иванович с 1915 г. воевал в составе дивизии латышских стрелков, после ранения весной 1917 г. демобилизовался. Член РСДРП(б) с 1917 г. С 1918 г. в органах ВЧК – ОГПУ. Участник Гражданской войны в Туркестане. В 1920 г. председатель Семиреченской областной ЧК, в 1922 г. начальник отделения Восточного отдела ГПУ. С 1923 г. заместитель начальника Управления СЛОН (УСЛОНа), в октябре 1923 г. и в 1927 К мае 1929 г. начальник УСЛОНа [2].

В книге очерков «Неугасимая лампада» с Эйхмансом приходит смена кровавого хаоса Ногтева на «твердую, четкую систему советской каторги» [3, с. 37]. Новый начальник лагеря был гибок и поддерживал инициативу тех, кто умел и хотел работать. Так, он дает возможность заниматься любимым делом егерю, учителю зоологии, бразильскому консулу в Египте с женой и многим другим ссыльным.

Отдельные положительные качества отмечаются и в других сотрудниках лагеря. Так, например, характеризуя начальника воспитательно-просветительской части Неверова, автор подчеркивает, что он был мягкий по характеру человек, при этом неудачник в жизни, чем только объяснялось его добровольное прибытие на Соловки.

Гвардии капитан Павел Александрович Перяев – редактор выпускаемой на каторге газеты, по словам автора, был всегда уравновешен, выдержан и тактичен; «очень отзывчив к чужому несчастью, и я не помню случая, – повествует Б. Ширяев, – когда бы он отказал кому-нибудь в помощи и заступничестве, даже рискуя нанести ущерб своему влиянию» [3, с. 121].

Общение с заключенными позволяет выявить зачатки нравственности и в грузине-наряднике, который в эпизоде отправки осужденных на лесозаготовки, остановив взгляд на ботинках Цыгана («подошва у одного полностью отсутствовала, а у другого не хватало верхней части носка» [3, с. 99]), в морозный день отправил его очищать подвал под бывшей монастырской кухней, где было тепло и тихо.

Показателен также эпизод тайной встречи осужденными Рождества Христова, когда, слабо подперев дверь, в комнату с наряженной елкой, свечами и приготовившимся к службе батюшкой, заглянул дежурный по роте охранник, старый еврей Шапиро. В эту минуту у всех присутствующих пронеслась мысль о неизбежности Секирки – штраф-изолятора [3, с. 274], пребывание в котором в зимнее время зачастую грозило заключенным смертью. Реакция Шапиро на происходящее была неожиданной: он по-детски радовался увиденному – елке, батюшке, свечечкам. И даже принес на праздничный ужин рыбу собственного приготовления, при этом заметив, что о празднике будут знать только присутствующие, «только мы... одни мы» [3, с. 245].

Очевидно, что это «молчание» было жизненно важным для заключенных.

В противном случае их ждали нечеловеческие условия выживания.

Таким образом, в книге очерков Б. Ширяева «Неугасимая лампада» представлены разные типы сотрудников Соловецкого лагеря. В большинстве своем это жестокие и безразличные люди, выступающие ярким примером тоталитарного режима того времени.

В отдельных случаях сотрудники лагеря проявляют человечность и сострадание к заключенным. Эти эпизоды единичны и свидетельствуют о «тепящейся» надежде писателя на возрождение духовности и нравственности общества, способной противостоять хаосу и деградации правящей власти.

Литература

1. Захарова В.Т. Лейтмотивная основа повести Б.Н. Ширяева «Неугасимая лампада» // Пушкинские чтения – 2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX международной научной конференции / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб., 2015. С. 101 – 107.

2. Соловецкие лагеря особого назначения ОГПУ : документы ЦА ФСБ России и ГАОПДФ Архангельской области. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1000545> (дата обращения: 12.03.2022)

3. Ширяев Б. Неугасимая лампада. М., 2018. 431 с.

References

1. Zaharova V.T. Lejtmotivnaja osnova povesti B.N. Shirjaeva «Neugasimaja lampada». Pushkinskie chtenija – 2015. Hudozhestvennye strategii klassicheskoj i novoj literatury: zhanr, avtor, tekst: materialy XX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. pod obshh. red. V.N. Skvorcova; otv. red. T.V. Mal'ceva. SPb., 2015. S. 101 – 107.

2. Soloveckie lagerja osobogo naznachenija OGPU : dokumenty CA FSB Rossii i GAOPDF Arhangel'skoj oblasti. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1000545> (data obrashhenija: 12.03.2022)

3. Shirjaev B. Neugasimaja lampada. M., 2018. 431 s.

*Skovoroda E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Pskov branch of the University of Federal Penitentiary Service of Russia*

Images of employees of the Solovetsky Special Purpose Camp (SSPC) in Boris Shiryaev's book of essays "The Unquenchable Lampada"

Abstract: the article is devoted to the consideration of artistic images of employees of the Solovetsky special purpose camp in the book of autobiographical essays by Boris Shiryaev «The Unquenchable Lampada». The disclosure of the types of heroes contributes to understanding the influence of the totalitarian regime on the human personality. First of all, the author focuses the reader's attention on the lack of spirituality of the camp staff. This is expressed in the actions and behavior of the heroes who commit unauthorized outrages on the territory of the «Solovetsky santrapy». Individual portrait details of employees enhance the effect of realism of what is happening, also symbolizing arbitrariness, inhumanity, soullessness of the system. First of all, this is reflected in the image of the head of the camp Nogtev. In the text of the article, along with its artistic description, there are references to archival sources that emphasize the connection of fiction with real historical events. In addition, the article also pays attention to other types of heroes – employees who treated with understanding and took care of the convicts. These cases are isolated, and they are connected with the images of the head of the camp Eichmans, who replaced Nogtev, a Georgian guard, guard captain Petryaev, an old Jew Shapiro. Just like polar images, they are revealed in actions and behavior. The staff of the Solovetsky camp, endowed with individual moral qualities, symbolizes the author's glimmering hope for the revival of humanity and spirituality in people whose destinies have been broken by the impact of the totalitarian regime.

Keywords: Solovetsky camp, convicts, prisoners, employee, camp chief, Solovetsky law, Solovetsky power

For citation: Skovoroda E.V. Images of employees of the Solovetsky Special Purpose Camp (SSPC) in Boris Shiryaev's book of essays "The Unquenchable Lampada". *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 36 – 39.

Received: May 20, 2023; Revised: June 13, 2023; Accepted: June 30, 2023.

Сунь Лили, аспирант,
Хэйлунцзянский университет, Китай

Перевод метафорических терминов традиционной китайской медицины

Аннотация: объектом данного исследования являются метафорические термины традиционной китайской медицины. Метафорические термины являются распространенным языковым явлением в традиционной китайской медицине. Из-за их высокой абстрактности перевод метафорических терминов традиционной китайской медицины сталкивается со многими трудностями в межъязыковой коммуникации. В предыдущих исследованиях изучались только несколько основных методов перевода и не рассматривались практические проблемы перевода метафорических терминов традиционной китайской медицины. Основываясь на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в данной статье анализируются типы метафорических терминов традиционной китайской медицины и процесс проецирования метафор, а также предлагаются принципы перевода метафорических терминов традиционной китайской медицины, то есть: “только использовать и не опускать (значение)”, “использовать первичное и опускать вторичное” и “использовать внутреннее и опускать поверхностное”. Цель данного исследования – предложить новые идеи для перевода метафорических терминов в китайской медицине, чтобы способствовать межкультурной коммуникации и обмену китайской медицины. Данное исследование показало, что переводчики могут делать точный и обоснованный перевод только в том случае, если они хорошо справляются с метафорическими образами в терминах.

Ключевые слова: традиционная китайская медицина (ТКМ), метафора, термин, перевод, метафорическая проекция, принцип перевода

Для цитирования: Сунь Лили Перевод метафорических терминов традиционной китайской медицины // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 40 – 45.

Поступила в редакцию: 22 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Введение

С момента вспышки эпидемии новой коронавирусной инфекции ТКМ не только приняла активное участие в профилактике и лечении коронавируса в Китае, но и внесла большой вклад в борьбу с эпидемией во всём мире. Благодаря этому ТКМ стала очень популярной темой на международной арене. Однако язык ТКМ, основанный на метафорах, создает большие трудности для понимания и перевода. Поэтому перевод метафорических терминов ТКМ – это проблема, требующая срочного решения. Ранее многие учёные обсуждали проблемы перевода ТКМ и предлагали соответствующие стратегии, но метафорическим терминам ТКМ уделялось недостаточно внимания. Основываясь на теории концептуальной метафоры, в данной статье анализируется механизм проецирования метафорических терминов ТКМ и делается попытка предложить соответствующие принципы перевода.

1 Концептуальная метафора и термин ТКМ

1.1 Теория концептуальной метафоры

Метафора является средством познания действительности, она представляет собой важнейший концептуальный механизм, который помогает нам понять абстрактные понятия [1, с. 803]. В 1980 году была опубликована книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём», которая в корне поменяла традиционный взгляд на метафору. В этой книге авторы раскрыли тему, связанную с когнитивными аспектами метафор и представили “теорию концептуальной метафоры”. Основное положение этой теории заключается в следующем: “В основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и социумом” [2, с. 157]. С тех пор область исследований метафор в рамках более широкой дисциплины *когнитивной лингвистики* получила всё большее развитие.

Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три типа концептуальных метафор: структурные, ориентационные и онтологические. Они также предлагают теорию “метафорическая проекция” (*metaphorical mapping*), согласно которой “в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (*source domain*) и сферы-мишени (*target domain*). В результате однонаправленной метафорической проекции из сферы-источника в

сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющим концептуальные домены, является опыт непосредственного воздействия человека с окружающим миром. Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов” [3, с. 54]. Все вышеизложенное даёт основания заключить, что метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, он представляют собой когнитивный процесс, который лежит в основе языковых средств выражения.

1.2 Метафоры в терминах ТКМ

Богатое философское мышление древнего китайского народа и его уникальный способ мышления породили традиционную китайскую медицину, внутри которой сформировалось большое количество метафорических терминов. По данным исследования китайского учёного Чэнь Сюэ, доля метафорических терминов в терминах ТКМ составляет 75% [4, с. 159]. Мы даже можем сказать, что основные теории ТКМ построены с помощью метафор. Метафоры в языке китайской медицины – это объяснения, которые древние китайцы пытались дать физиологическим и патологическим состояниям человеческого организма, наблюдая за природными и социальными явлениями в когнитивных условиях того времени. Согласно теории концептуальной метафоры, метафоры в терминологии ТКМ можно разделить на следующие три типа:

1) Структурные метафоры

Структурные метафоры являются концептуализацией абстрактных сущностей посредством известных, конкретных элементов человеческого опыта. Основываясь на структурированных и в связи с этим прозрачных элементах опыта, человек упорядочивает и конкретизирует абстрактные области знания [5, с. 192]. Древние китайцы использовали простые структуры в природе и обществе для понимания сложных физиологических систем человеческого организма, и постепенно выработали более четкое понимание физиологической структуры человеческого тела. Например, в древнем китайском обществе война была частой темой для обсуждения. Основываясь на метафорическом мышлении, древние китайцы поняли, что переживание болезни в человеческом теле очень похоже на процесс войны. На основе этого китайцы ввели много слов, выражающих понятие войны в китайскую медицину для объяснения феномена человеческой патологии, образуя типичную концептуальную метафору “лечение – это война”, в которой отношения проецирования между сферой-источника и сферой-мишени могут быть выражены следующим образом:

Таблица 1

Сфера-источника: поле боя	→	Сфера-мишени: человеческое тело
Враг	→	Болезнь
Бойцы	→	Человеческие органы
Система боевой защиты	→	Иммунная система человека
Враг атакует	→	Болезнь вторгается в организм
Бойцы используют оружие	→	Человек принимает лекарства
Враг побеждает	→	Человек заболевает
Враг проигрывает	→	Человек выздоравливает

Процесс войны содержит множество элементов, которые соотносятся со сферой-мишени (человеческим телом) посредством концептуальных метафор. Метафора войны конкретизирует невидимый процесс болезни человека, что приводит к лучшему пониманию, профилактике и контролю заболеваний. Большинство терминов, используемых в теории ТКМ для обозначения причин болезней и заболеваний, являются метафорами войны.

2) Ориентационные метафоры

Люди постоянно находятся в большом или малом пространстве, поэтому пространственная ориентация является наиболее доступным базовым понятием для человека. Ориентационные метафоры отражают наш опыт пространственного ориентирования в более абстрактных репрезентациях [6, с. 308], берут конкретное пространство в качестве сферы-источника и проецируют различные ориентационные отношения в пространстве на сферу-мишени непространственных форм, так что изначально незнакомые и несвязанные вещи могут установить некую связь, тем самым делая абстрактные понятия конкретными и лёгкими для понимания. Ориентационные метафоры ТКМ включают “вверх-вниз”, “спереди-сзади”, “восходящее-

нисходящее” и так далее. Они могут представлять различные метафорические значения. Понятие “вверх-вниз”, например, может использоваться в терминах ТКМ для обозначения частей тела, ци неба и земли (Ци природа. Ци неба обозначает ян, ци земли – инь.), инь и ян (Инь и ян представляют два противоположных, но взаимодополняющих аспекта, существующих во всех существах и во всех вещах, то есть во всех явлениях естественного мира.) и т.д. Например:

Таблица 2

Термин по-китайски	Термин по-русски	Обозначение термина
上焦	верхний центр (начиная от входного отверстия желудка и до основания языка)	части тела
下焦	нижний центр (область от выходного отверстия желудка, кишечника и органы выделения)	
上下周纪	верх и низ соединяются по циклам	ци неба и ци земли
上下不并	верхняя и нижняя части не объединяются	инь и ян

3) Онтологические метафоры

Онтологические метафоры базируются на проецировании свойств предметов окружающей действительности (хрупкость, твердость, и т.д.) на абстрактные сущности. В древнем Китае, когда не было современного медицинского оборудования, китайцы могли понять внутреннюю физиологическую структуру человеческого тела, лишь наблюдая за привычными вещами вокруг себя.

Различные явления или сущности в природе, такие как солнце, луна, горы, жара и холод, облака и дождь, являются основой для выживания и развития человека и представляют собой самое непосредственное восприятие природы. Метафора природы является наиболее типичной и распространенной онтологической метафорой, которая использует представление о различных сущностях в природе для объяснения физиологического строения человеческого тела, причин болезней и заболеваний и других явлений. Метафора природы рассматривает человека как часть природы и считает, что он обладает характеристиками всех вещей в природе. В ТКМ существует множество терминов, связанные с природой, например, термин “меридиан” (область циркуляции энергии ци в живом теле) в ТКМ во многом схож с меридианом на Земле.

Таблица 3

Меридианы человеческого тела	Меридианы на Земле
Распределены в теле человека в продольном направлении	Вертикальные линии, соединяющие Северный полюс с Южным
Это символическая, но невидимая линия, которую нельзя найти в анатомии	Вспомогательные линии, установленные для удобства измерения, нельзя найти на поверхности земли
Акупунктурные точки можно найти в определенных точках на меридианах человеческого тела	Меридианы земли могут определять местоположение определенных мест

Из приведённой выше таблицы видно, что эта метафора формирует наш язык таким образом, что мы рассматриваем меридианы человеческого тела как меридианы на Земле.

Метафора контейнера также является одним из видов онтологических метафор. Из-за своего конкретного и образного характера люди часто переносят это понятие на другие незнакомые и абстрактные понятия, формируя метафору контейнера в языке. Теория ТКМ рассматривает человеческое тело как большой контейнер, а внутренние органы – как несколько маленьких контейнеров. Поведение человека – дыхание, плач, еда и выделения – можно рассматривать как обмен веществ внутри и снаружи контейнера. В теории ТКМ метафора контейнера в основном применяется для обозначения внутренних органов человеческого тела. Взаимосвязи, реализуемые этим проецированием, можно резюмировать следующим образом:

Таблица 4

Сфера-источника: контейнер	→	Сфера-мишени: человеческое тело
Контейнеры имеют определенное пространство для размещения предметов	→	ТКМ рассматривает человеческое тело и внутренние органы как контейнеры, в котором материя постоянно движется внутрь и наружу
Контейнеры могут быть внутренними и внешними, глубокими и неглубокими	→	В теории ТКМ есть понятия “внутреннее” и “внешнее” для определения степени тяжести заболевания

Продолжение таблицы 4

Контейнеры поставляются в заполненном и незаполненном состоянии	→	В теории ТКМ есть понятия “недостаток” и “избыток”, отражают относительную силу патогенной и жизненной Ци.
Контейнеры с дверями, отверстиями и другими проходами для обмена веществами с внешним миром	→	Тело обменивается материалом и энергией с внешним миром через “семь отверстий” (в голове человека: уши, глаза, ноздри), поры и т.д.

Видно, что в процессе проецирования многие характеристики контейнера также проецируются на человеческое тело, создаётся концептуальная метафора “человеческое тело – это контейнер”.

2 Принципы перевода метафорических терминов ТКМ на китайский язык

Изучив литературу по ТКМ мы обнаружили, что существует ещё много проблем с переводом метафорических терминов ТКМ на китайский язык. Например, существуют проблемы неправильного перевода из-за незнания переводчиком медицинской теории, непонимания культурной коннотации терминов, перевода терминов в сложные и длинные определения. Эти проблемы создают огромные препятствия для понимания и коммуникации. Поэтому необходимо решить эту сложившуюся запутанную ситуацию. Ли Чжаогуо, известный ученый, изучавший перевод ТКМ, указывает, что “Перевод любой дисциплины должен руководствоваться определенными принципами, только после этого можно говорить о конкретных методах перевода” [7, с. 50]. В настоящее время большинство исследований по переводу ТКМ просто обсуждают некоторые основные методы перевода, и мало поднимают тему о принципах перевода. Поэтому в данной работе мы не будем рассматривать конкретные методы перевода, а обсудим принципы, которых следует придерживаться при переводе.

Культуры разных народов имеют как общие черты, так и различия. Метафорические образы терминов ТКМ могут быть явлениями, общими для обоих народов, или специфическими для их собственной культуры. При переводе часто приходится искать компромисс между метафорическими образами. В данной статье утверждается, что “уместно использовать или опускать” – это основной принцип, которого переводчик должен всегда придерживаться в процессе перевода, этот принцип можно разделить на три аспекта: “только использовать и не опускать (значение)”, “использовать первичное и опускать вторичное” и “использовать внутреннее и опускать поверхностное”. Далее метафорические термины в «Хуанди Нэйцзин» и их переводы двумя переводчиками будут проанализированы на примерах.

2.1 Принцип “Только использовать и не опускать”

Этот принцип означает полное сохранение метафорического образа термина исходного языка. Человеческие культуры имеют общие черты в некоторых областях. Поэтому метафорические образы, основанные на общем восприятии двух народов, должны быть сохранены. Идеальный перевод метафоры – это перевод, который полностью восстанавливает метафорические образы исходного языка на переводимый язык, так что читатель языка, на который осуществляется перевод, может создавать те же ассоциации, что и автор исходного языка.

Пример 1

Оригинал: 水谷之海

Перевод Аланова: море воды и зерна

Перевод Виноградского: море, в котором накапливается вода и злаки

“水谷之海” относится к человеческому органу – желудку. “水谷” означает пищевые продукты. “之” соединяет определение и определяемое слово. “海” означает море. Желудок – это место, где еда и питье собираются, готовятся и перевариваются, подобно тому, как сто рек сливаются в море. Этот термин ярко отражает метафорическую особенность ТКМ. Море – это понятие, которое обычно понимают люди разных национальностей, и из приведённых выше примеров видно, что оба переводчика сохранили этот метафорический образ. В этом случае можно отразить образность языка ТКМ, не вызывая трудностей в его понимании.

2.2 Принцип “Использовать первичное и опускать вторичное”

Этот принцип означает, что следует опускать вторичные метафорические образы и переводить только первичное содержание. В процессе перевода с одного языка на другой неизбежно возникают несоответствия, поэтому переводчик должен следить за тем, чтобы перевод мог точно передать ключевую информацию, и стремиться к краткости перевода.

Пример 2

Оригинал: 足厥阴肝经

Перевод Аланова: ножной канал Инь Печени

Перевод Виноградского: меридиан Инь печени

Ключевая информация в этом термине содержится в “肝经” (меридиан печени). “足” (стопа) здесь относится к тому факту, что этот меридиан начинается на стопе. “厥阴” означает заключительный этап развития инь, и он начинает возвращаться к трансформации ян. Поэтому при переводе можно обойтись без второстепенной информации, такой как “足厥阴”, поскольку она является лишь описанием термина и при необходимости может быть переведена путём добавления примечаний. Полный перевод термина не только затруднил бы понимание читателя, но и сделал бы язык слишком громоздким. Исключив второстепенную информацию и переведя только “肝经”, можно отражать ключевые понятия термина и делать его более лаконичным. Этот принцип решает проблему громоздкости терминов в переводе ТКМ. С точки зрения терминологии, перевод метафорических терминов ТКМ должен соответствовать терминологическим нормам и не должен быть чрезмерно длинным. Фэн Чживэй указывает, что “термины обычно не бывают слишком длинными, чрезмерно длинные термины часто неудобны для общения и часто делают выражения двусмысленными” [8, с. 2]. Лаконичные термины больше способствуют популяризации и продвижению концепций, тем самым облегчая распространение ТКМ.

2.3 Принцип “Использовать внутреннее и опустить поверхностное”

Этот принцип означает бросить тяжёлые метафорические образы исходного языка, чтобы передать истинный смысл термина и заложенной в нём медицинской теории. Многие метафорические термины ТКМ являются литературными и философскими по своей природе, и такой язык несовместим с научными принципами. Хотя этот принцип может привести к тому, что язык ТКМ потеряет свою образность, мы должны чётко уяснить, что основной целью перевода ТКМ является распространение теории ТКМ, а не красочное выражение китайского языка. То, о чём читатели хотят узнать больше, — это теория ТКМ и то, как их использовать для поддержания здоровья и лечения болезней. Поэтому, когда сохранение метафорического образа вступает в противоречие с коннотацией термина, следует придерживаться этого принципа.

Пример 3

Китайский язык: 玄府

Перевод Аланова: таинственный орган фу; потовые поры

Перевод Виноградского: сюань-фу, хранилище тайны; выход пота; поры кожи

Анализ: Термин “玄府” относится к потовым порам на поверхности кожи, которые невидимы из-за своей тонкости. “玄” означает скрытый, незаметный, тайный; “府” здесь означает склад. В литературе существует три различных способа перевода этого термина: эквивалент, транслитерация и описательный перевод. В данной статье мы утверждаем, что при переводе этого термина следует бросить метафорический образ и сосредоточиться на передаче медицинской теории. Переводы “таинственный орган фу” и “сюань-фу, хранилище тайны” затруднили бы читателю понимание связи между “тайной” и “органом”. В этом случае не нужно подчеркивать метафорический образ исходного языка, а рассматривать его как биологический термин, и перевести его как общепринятый биологический термин “поры кожи” или “потовые поры”.

Заключение

В результате проведённого выше анализа мы обнаружили, что метафора повсеместно распространена в языке ТКМ. Опираясь на теории концептуальной метафоры, мы получили более глубокое понимание метафорического термина ТКМ. Исходя из этого, в данной статье представлен сравнительный анализ с конкретными примерами русского перевода и выдвинуты принципы перевода метафорических терминов ТКМ. Мы считаем, что переводчик должен твердо использовать или опускать метафорические образы, когда сталкивается с различными ситуациями перевода метафорических терминов ТКМ. Переводчики могут делать точный и обоснованный перевод только в том случае, если они хорошо справляются с метафорическими образами в терминах. Данное исследование показывает, что переводчики могут добиться точного и обоснованного перевода только в том случае, если будут разумно подходить к метафорической образности терминов.

Литература

1. Сенцов А.Э. К проблеме исследования концептуальной метафоры // Молодой ученый. 2015. № 4 (84). С. 802 – 804.
2. Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image – Schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. № 1. P. 54 – 71.

4. 陈雪. 认知术语学概论[M]. 北京: 商务印书馆, 2017年. Чэнь Сюэ. Введение в когнитивную терминологию. Пекин.: Коммерческая пресса, 2017. 283 с.
5. Егорова О.А., Калашникова В.В. Теория концептуальной метафоры в когнитивной лингвистике // Электронный научный журнал. 2016. № 10-1(13). С. 190 – 195.
6. Федосеева Д.А. Когнитивная теория метафоры и обзор имбодимент-подхода к познанию. (обзор) // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2017. № 7. С. 306 – 314.
7. 李照国. 中医翻译导论[M]. 西安: 西北大学出版社, 1993年. Ли Чжаогуо. Введение в перевод ТКМ. Сиань: Издательство Северо-Западного университета, 1993. 252 с.
8. 冯志伟. 现代术语学引论[M]. 北京: 语文出版社, 1997年. Фэн Чживэй. Введение в современную терминологию. Пекин.: Издательство “Филологии”, 1997. 225 с.

References

1. Sencov A. Je. K probleme issledovanija konceptual'noj metafory. Molodoj uchenyj. 2015. № 4 (84). S. 802 – 804.
2. Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. Metafory, kotorymi my zhivjom. M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.
3. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image – Schemas? Cognitive Linguistics. 1990. № 1. P. 54 – 71.
4. 陈雪. 认知术语学概论[M]. 北京: 商务印书馆, 2017年. Chjen' Sjuje. Vvedenie v kognitivnuju terminologiju. Pekin.: Kommercheskaja pressa, 2017. 283 s.
5. Egorova O.A., Kalashnikova V.V. Teorija konceptual'noj metafory v kognitivnoj lingvistike. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2016. № 10-1(13). S. 190 – 195.
6. Fedoseeva D.A. Kognitivnaja teorija metafory i obzor imbodiment-podhoda k poznaniyu. (obzor). METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskih disciplin. 2017. № 7. S. 306 – 314.
7. 李照国. 中医翻译导论[M]. 西安: 西北大学出版社, 1993年. Li Chzhaoguo. Vvedenie v perevod TKM. Sian': Izdatel'stvo Severo-Zapadnogo universiteta, 1993. 252 s.
8. 冯志伟. 现代术语学引论[M]. 北京: 语文出版社, 1997年. Fjen Chzhivvej. Vvedenie v sovremennuju terminologiju. Pekin.: Izdatel'stvo “Filologii”, 1997. 225 s.

*Sun Lili, Postgraduate,
Heilongjiang University, China*

Translation of traditional Chinese medicine metaphorical terms

Abstract: the object of this study is the metaphorical terms of traditional Chinese medicine. Metaphorical terms are a common linguistic phenomenon in traditional Chinese medicine. Because of their high abstractness, translation of metaphorical terms of traditional Chinese medicine faces many difficulties in interlingual communication. Previous studies have only studied a few basic translation methods and have not considered the practical problems of translating metaphorical terms of traditional Chinese medicine. Based on J. Lakoff and M. Johnson's theory of conceptual metaphor, this article analyzes the types of metaphorical terms of traditional Chinese medicine and the process of metaphorical mapping, and proposes the translation principles of metaphorical terms of traditional Chinese medicine, that is: “only use and not omit (meaning)”, “use the primary and omit the secondary” and “use the internal and omit the surface”. This study aims to provide new ideas for the translation of TCM metaphorical terms in order to promote the cross-cultural communication and exchange of TCM. The results of the study show that translators can only make accurate and reasonable translations if they deal with the metaphorical imagery in the terms in a proper way.

Keywords: traditional Chinese medicine (TCM), metaphor, term, translation, metaphorical mapping, translation principle

For citation: Sun Lili Translation of traditional Chinese medicine metaphorical terms. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 40 – 45.

Received: May 22, 2023; Revised: June 13, 2023; Accepted: June 30, 2023.

**Чжан Жуй,
Санкт-Петербургский государственный университет**

Отражение демократии в китайских СМИ: на примере газеты «Жэньминь Жибао»

Аннотация: основное внимание в исследовании уделяется освещению демократии в Китае газетой «Жэньминь Жибао», в частности в период с 14 марта 2013 г. по 10 марта 2023 г. Изучая частоту, объем и содержание статей, связанных с демократией, исследование позволяет получить представление о позиции китайского правительства в отношении демократии и ее последствиях для внутренней и внешней политики. «Жэньминь Жибао», как официальная газета Коммунистической партии Китая, играет значительную роль в формировании общественного мнения и определении восприятия демократии китайским населением. Кроме того, в исследовании исследуются источники информации в «Жэньминь Жибао», классифицируя их по оригинальным публикациям, другим газетам, авторам и организациям.

Ключевые слова: «Жэньминь Жибао», демократия, китайские СМИ, контент-анализ, освещение, политические события, официальная точка зрения, китайское правительство, Коммунистическая партия Китая

Для цитирования: Чжан Жуй Отражение демократии в китайских СМИ: на примере газеты «Жэньминь Жибао» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 46 – 50.

Поступила в редакцию: 20 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 13 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

«Жэньминь Жибао» – очень влиятельная газета в Китае, которая выходит уже более 70 лет. Она считается визитной карточкой китайской журналистики и является официальной газетой Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Основанная в 1948 г., газета сыграла ключевую роль в китайской политике, пропагандируя политику и идеологию Коммунистической партии и отражая позицию правительства по внутренним и международным делам. Тираж газеты составляет 2,8 млн. экземпляров, она считается надежным источником информации для миллионов читателей в Китае и за рубежом. У газеты есть корреспондентские отделения в 70 странах и регионах, что делает его важным источником для понимания Китая во всем мире. Газета издается на нескольких языках, включая китайский, русский, английский, японский, французский, испанский и арабский. Его веб-сайт «Жэньминь Жибао онлайн» был создан в 1997 году для того, чтобы донести голос Китая до всего мира. Более того, «Жэньминь Жибао» была признана ЮНЕСКО одной из десяти ведущих газет мира. Его международный охват позволяет ему играть значительную роль в продвижении культурных обменов между Китаем и зарубежными странами [1].

Данное исследование, изучая частоту, объем и содержание статей, связанных с демократией, опубликованных в период с 14 марта 2013 г. по 10 марта 2023 г., стремится дать представление о том, как газета представляет демократию, ее роль в формировании представлений о демократии в Китае и ее последствиях для внутренней и внешней политики Китая. В работе используется подход контент-анализа для изучения отражения демократии в китайских СМИ.

Изучение отражения демократии в материалах китайских СМИ, особенно в контексте газеты «Жэньминь Жибао», имеет большое значение по нескольким причинам. Во-первых, «Жэньминь Жибао» является официальным рупором Коммунистической партии Китая и правительства, что делает ее важнейшим источником для понимания официальных точек зрения и политики китайского руководства. Анализируя статьи, опубликованные в газете исследователи и политические обозреватели могут получить представление о позиции китайского правительства в отношении демократии и ее последствиях для внутренней и внешней политики Китая.

Во-вторых, изучение отражения демократии в материалах китайских СМИ дает ценное представление об идеологическом и политическом ландшафте Китая. «Жэньминь Жибао» играет ключевую роль в формировании общественного мнения и побуждении китайского населения придерживаться правильной ориентации общественного дискурса. Изучая освещение демократии в газете, исследователи могут лучше понять усилия китайского правительства по продвижению своей версии демократии и ценностей, которые оно подчеркивает.

Более того, изучение отражения демократии в материалах китайских СМИ имеет значительные внешнеполитические последствия. «Жэньминь Жибао» служит для Китая платформой для изложения своей официальной позиции по международным делам и своего взгляда на демократическую практику в других

странах. Анализируя статьи, опубликованные в газете, исследователи могут получить представление о внешнеполитических целях Китая и его подходе к демократическому управлению во всем мире.

Исследование сосредоточено на публикациях с 14 марта 2013 г. по 10 марта 2023 г. Этот период выбран исходя из значительных событий и изменений в руководстве, которые произошли за это время, включая избрание Си Цзиньпина председателем КНР (Китайской Народной Республики) в 2013 году и его последующее переизбрание президентом Китайской Народной Республики на третий срок в 2023 году[2]. В течение этого периода освещение демократии в «Жэньминь Жибао» колебалось, причем пик наблюдался с 2021 г. по 2022 г. Примечательно, что внимание, уделяемое демократии, снизилось в 2020-2021 гг. из-за пандемии COVID-19, но оно вновь проявилось в 2021 г. во время важных политических событий и дискуссий об улучшении демократической системы Китая.

Количество публикаций о демократии за десятилетний период: Анализ отобранных материалов показывает, что в период с 14 марта 2013 г. по 10 марта 2023 г. в газете «Жэньминь Жибао» было обнаружено в общей сложности 788 публикаций, связанных с демократией. Эти публикации были получены путем поиска по ключевому слову «демократия» в базе данных газеты.

Структура газеты «Жэньминь Жибао»:

- Газета «Жэньминь Жибао» состоит из 24 полос, в которых есть специальные разделы, посвященные различным темам.

- Основной раздел новостей занимает полосы 1-6, раздел внутренних новостей находится на полосах 9-15, еженедельный и специальный раздел – на полосах 17-20, а раздел международных новостей – на полосах 21-23.

- Первая полоса (страница 1) газеты считается наиболее важным и всеобъемлющим разделом.

- В отобранной выборке 95 публикаций, связанных с демократией, были размещены на первой странице.

Тема демократии появлялась на первой полосе «Жэньминь Жибао» на протяжении всех лет, охватываемых исследованием. Самый высокий процент освещения демократии на первых полосах наблюдался в 2014-2015 гг., за которыми следовали 2016-2017 гг. и 2021-2022 гг. Тема демократии в разной степени появлялась на первой полосе каждый год, что свидетельствует о постоянном внимании к теме демократии со стороны правительства и КПК.

Помимо полос, раздел рубрики в газете также может показать степень, в которой газета придает значение теме. По поводу демократии в выпуске газеты было более 17 рубрик. Среди них «Важные известия», «Теория», «Политика», «Международные новости», «Наблюдения», «Приложения», «Общий раздел», «Прочее», «Комментарии», «Специальный репортаж о съезде», «Специальный репортаж о ВСНП и НПКСК», «Еженедельник демократической политики», «Документы», «Социальные вопросы», «Политические предложения», «Еженедельник партийного строительства» и «Научный».

Анализ заголовков и жанров публикаций:

- Большинство тем, связанных с демократией, в «Жэньминь Жибао» появляются под заголовком «Важные новости», что составляет 52% от общего числа.

- В других рубриках, таких как «Теория», «Наблюдения» и «Политика», представлены статьи и эссе, в которых излагаются различные точки зрения на демократию.

Стоит отметить, что освещение в газете вопросов демократии отражает нацеленность правительства на повышение уровня и качества демократии в Китае. Это также служит средством донесения официальной точки зрения Пекина на внутренние и международные дела Китая. Репортаж в «Жэньминь Жибао» дает представление о политике китайского правительства, мнениях и конкретных политических посланиях.

Кроме того, постоянное появление темы демократии на первой полосе газеты и ее присутствие в различных разделах и рубриках свидетельствует о постоянном внимании и важности, придаваемых этой теме. «Жэньминь Жибао» выступает рупором Коммунистической партии Китая и правительства, играя решающую роль в формировании общественного мнения и повествовании о демократии.

Основные факторы, которые могли повлиять на освещение демократии в газете рассмотренный период:

1. Политические события и юбилеи: На освещение демократии влияют важные политические события, такие как пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая в 2021 г., который был посвящен повышению уровня и качества демократии в Китае. Юбилеи, такие как 100-летие основания Коммунистической партии Китая в 2021 г., также влияют на освещение демократии.

2. Международные мероприятия: На освещение вопросов демократии влияют международные события, такие как виртуальный саммит в поддержку демократии, который состоялся в Соединенных Штатах в 2022 г. Отсутствие материкового Китая в списке гостей и приглашение, направленное Тайваню, повлияли на освещение событий.

3. Пандемия COVID-19: Вспышка пандемии COVID-19 в 2020 г. привлекла внимание газет и общественности к новостям и событиям, связанным с пандемией. Это привело к снижению охвата демократии в тот период.

4. Политика и приоритеты правительства: Освещение демократии в «Жэньминь Жибао» отражает официальные точки зрения и политику Коммунистической партии Китая и правительства. Газета играет определенную роль в продвижении политики и мнений правительства, а также в освещении происходящих изменений в Китае. На охват влияют приоритеты и направленность правительства в разные периоды.

Также широкое освещение вопросов демократии происходит во время Общих конгрессов и пленарных заседаний. Так, «Жэньминь Жибао» публикует специальные репортажи во время Общих конгрессов и пленарных заседаний, которые проводятся ежегодно. Демократия является важной темой, обсуждаемой на этих сессиях, наряду с другими вопросами, связанными с Коммунистической партией Китая. В газете также публикуются еженедельные публикации, такие как «Еженедельник демократической политики», «Политические предложения» и «Еженедельник партийного строительства», в которых обсуждаются демократия и связанные с ней вопросы.

При рассмотрении различных источников информации в газете «Жэньминь Жибао», их можно классифицировать на:

- Оригинальные: Это публикации, подготовленные непосредственно самой газетой «Жэньминь Жибао».
- Другие газеты: Ссылки на статьи или информацию из других газет или информационных агентств.
- Авторские: Публикации отдельных авторов, включая ученых, профессоров и официальных лиц.
- Организации: Материалы получены от различных организаций, таких как правительственные учреждения или научно-исследовательские институты.

Для лучшего понимания структуры газеты стоит провести анализ распределения источников и степени их достоверности:

1. Оригинал: Оригинальные публикации газеты «Жэньминь Жибао» пользуются высоким уровнем доверия, поскольку они подготовлены официальным изданием Коммунистической партии Китая. Эти статьи отражают точки зрения и политику китайского правительства и дают представление о позициях партии по различным вопросам, включая демократию.

2. Другие газеты: Ссылки на статьи или информацию из других газет или информационных агентств указывают на то, что «Жэньминь Жибао» использует внешние источники для дополнения своего освещения. Достоверность этих источников зависит от репутации и надежности конкретных цитируемых газет или агентств.

3. Авторы: Публикации отдельных авторов, таких как ученые, профессора и официальные лица, могут содержать экспертные мнения и анализ по теме демократии. Достоверность этих источников зависит от компетентности и репутации самих авторов.

4. Организации: Материалы, полученные от различных организаций, таких как правительственные учреждения или исследовательские институты, могут содержать данные, отчеты или официальные заявления, связанные с демократией. Достоверность этих источников зависит от репутации и авторитета конкретных участвующих организаций.

Стоит отметить, что оригинальные публикации, т.е. материалы, подготовленные «Жэньминь Жибао», составляют большую часть публикаций газеты – 43%. Следующими идут авторские публикации (36%), эти материалы написаны учеными, профессорами и официальными лицами. Ссылки на другие источники, включая информационное агентство Синьхуа, составили 18% публикаций. Организации представляют только 3% публикаций.

В целом газета «Жэньминь Жибао» считается официальным рупором Коммунистической партии Китая и китайского правительства. Таким образом, его оригинальные публикации имеют значительное влияние и высоко ценятся в Китае. Однако важно отметить, что «Жэньминь Жибао» представляет официальную линию партии и, возможно, не представляет широкий спектр точек зрения на тему демократии. Поэтому рекомендуется обратиться к другим источникам, включая независимые средства массовой информации и научные исследования, чтобы получить более полное представление о предмете.

При рассмотрении отобранных нами для анализа публикаций, представленных в газете «Жэньминь Жибао», можно провести следующую классификацию материалов по объему:

- Короткие публикации (49%): новости, сообщения и корреспонденция, занимающие половину полосы или меньше.

- Публикации среднего уровня (19%): эссе, статьи, репортажи, интервью и управленческие отчеты, занимающие целую полосу.

- Объемные публикации (32%): Всестороннее освещение вопросов демократии, включая углубленный анализ и отчеты.

В рассмотренной нами выборке представлена следующая тематика публикаций:

- Демократические институты: Наибольшая доля докладов была посвящена демократической системе и институтам в Китае.

- Зарубежная демократия: Освещение демократической практики в других странах и встречи с лидерами демократических республик.

- Социалистическая демократия: Материалы, освещающие социалистические ценности и принципы демократии.

Таким образом, анализ свидетельствует о постоянном внимании, уделяемом демократии в «Жэньминь Жибао», с колебаниями в освещении в зависимости от важных политических событий и глобальных демократических изменений. Большое количество статей, связанных с демократией, на первой странице и в важных разделах подчеркивает важность, придаваемую этой теме.

В целом, анализ материалов газеты «Жэньминь Жибао» показывает следующее:

- охват темы демократии менялся на протяжении многих лет, причем пик наблюдался в 2021-2022 годах;

- тема демократии постоянно появлялась на первой полосе, что указывало на ее важность в освещении газеты;

- газета освещает демократию в различных разделах, причем большинство тем подпадают под рубрику «Важные новости»;

- тема демократии постоянно обсуждается на Общих конгрессах, пленарных заседаниях и в еженедельных публикациях, посвященных Коммунистической партии Китая;

- проанализированные материалы включают оригинальные публикации, вклады авторов и ссылки на другие китайские агентства, такие как информационное агентство Синьхуа.

- объем материалов варьировался: более короткие фрагменты составляли 49% публикаций, а более длинные статьи – 32%.

- тематика освещения газеты включает китайскую демократию, зарубежную демократию, социалистическую демократию, демократическую систему, встречи с лидерами демократических республик и демократических партий.

Вывод: Газета «Жэньминь Жибао», являясь официальным рупором Коммунистической партии Китая и правительства, играет значительную роль в формировании представлений о демократии в Китае. Анализ его освещения демократии в период с 2013 по 2023 гг. показывает важность, придаваемую этой теме, и изменение ее внимания с течением времени. Представление газеты о демократии отражает политику, мнения и политические послания китайского правительства. В то время как «Жэньминь Жибао» дает ценную информацию о позиции китайского правительства в отношении демократии, важно рассмотреть другие источники и точки зрения, чтобы получить всестороннее представление об этом сложном предмете.

Литература

1. О газете «Жэньминь Жибао». URL: <http://www.people.com.cn/GB/50142/104580/index.html> (дата обращения: 20.03.2023)

2. Председателем КНР избран Си Цзиньпин. Российская газета. URL: <https://web.archive.org/web/20200728134808/https://rg.ru/2013/03/14/si-anons.html&> (дата обращения: 16.03.2023)

References

1. О газете «Zhjen'min' Zhibao». URL: <http://www.people.com.cn/GB/50142/104580/index.html> (data obrashhenija: 20.03.2023)

2. Predsedatelem KNR izbran Si Czin'pin. Rossijskaja gazeta. URL: <https://web.archive.org/web/20200728134808/https://rg.ru/2013/03/14/si-anons.html&> (data obrashhenija: 16.03.2023)

*Zhang Rui,
St. Petersburg State University*

Reflection of democracy in Chinese media: a case study of the People's Daily newspaper

Abstract: the article aims to analyze the reflection of democracy in Chinese media materials focusing on the People's Daily newspaper's coverage between March 14, 2013, and March 10, 2023. By examining the frequency, volume, and content of articles related to democracy, the research offers insights into the Chinese government's stance on democracy and its implications for domestic and foreign policies. The People's Daily, as the official newspaper of the Communist Party of China, plays a significant role in shaping public opinion and guiding the Chinese population's perception of democracy. Furthermore, the article explores the sources of information in the People's Daily, categorizing them into original publications, other newspapers, authors, and organizations.

Keywords: "People's Daily", democracy, Chinese media, content analysis, coverage, political events, official point of view, Chinese government, Communist Party of China

For citation: Zhang Rui Reflection of democracy in Chinese media: a case study of the People's Daily newspaper. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 46 – 50.

Received: May 20, 2023; Revised: June 13, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Гаврилович И.А., аспирант,
Лунькова Е.С., кандидат филологических наук, доцент,
Смоленский государственный университет*

Особенности появления новой лексики в грамматическом словаре новых слов русского языка (имена существительные)

Аннотация: в статье рассматривается процесс образования новых слов в русском языке на основе словарного материала Грамматического словаря новых слов русского языка. Для исследования словарь был проанализирован и разделен на четыре группы, отдельно в этом исследовании изучались имена существительные. Также были отсеяны слова, образовавшиеся раньше 90-х годов XX века. Были определены основные способы пополнения лексики русского языка. Выяснили, что около 70% новых слов появляются с помощью разных процессов словообразования из уже известных слов или с совмещением исконной и заимствованной лексики.

Ключевые слова: новые слова, неологизмы, заимствования, иноязычная лексика, словообразование

Для цитирования: Гаврилович И.А., Лунькова Е.С. Особенности появления новой лексики в грамматическом словаре новых слов русского языка (имена существительные) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 51 – 54.

Поступила в редакцию: 27 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Введение

На протяжении веков русский язык непрерывно пополняется новой лексикой. Это происходит по разным причинам, в том числе из-за отсутствия речевых эквивалентов для названия ранее не существовавших предметов или явлений, также прослеживается тенденция к замене уже существующей лексики на заимствованную, особенно часто использование иноязычных слов встречается среди молодежи.

Актуальность исследования данной темы заключается в том, что процесс словообразования в русском языке уникален, с течением времени и в зависимости от внешних и внутренних факторов меняются способы появления новых слов. В связи с этим необходимо подробное изучение данного процесса.

Исследователями лексики русского языка отмечается интенсивный рост появления новых слов в 90-х годах XX века. В первую очередь это связывается с распадом государства и созданием новой страны, происходили изменения практически во всех сферах жизни общества. В связи с культурным влиянием других стран в русский язык проникало всё больше заимствований из иностранных языков, Н. С. Валгина дает этому периоду такое наименование, как «неологический бум» [4, с. 75].

В XXI веке количество новых слов в русском языке продолжает расти в связи с появлением новых явлений, профессий, предметов, которые активно внедряются в повседневную жизнь россиян. Немалую роль в появлении неологизмов сыграло развитие и проникновение во все уровни жизни интернета и сфер, связанных с ним. Помимо общеупотребительных слов также в большом количестве появляются сленговые слова, чаще всего используемые среди молодежи.

Литературный обзор

Несмотря на то что тема новых слов в русском языке активно исследуется, на данный момент нет единого и общепринятого описания термина «неологизм» или «новое слово». Существует понимание данных понятий в широком и узком смысле. В нашем исследовании мы придерживаемся формулировки Н.З. Котеловой. Согласно данному определению, «неологизм» и «новое слово» равны друг другу и служат для определения всей новой лексики, которая появляется в русском языке независимо от источника – это может быть как иноязычная лексика, так и исконно русские слова или известные ранее, вышедшие в определенный период из употребления, но ставшие широко употребляемыми в связи с новыми реалиями жизни общества [6, с. 7].

Соответственно, существует два пути пополнения русского языка новой лексикой. Первый – с помощью различных словообразовательных средств на исконной почве, а второй – заимствований из других языков.

Другие языки ещё с древних времен являлись одними из важнейших источников новой лексики. При этом одним из основных условий возникновения процесса заимствования является двуязычие общества, проявляющееся в образовательной, политической и других сферах жизни. В конце XX века заимствования

чаще всего происходили из английского языка, что подтверждается М.А. Брейтер, в статье которой больше 90% заимствований представлено именно англицизмами [3].

Обратившись к российской истории, можно заметить, что заимствование не только языковых, но и культурных единиц из других стран достаточно типично. Ещё во времена Петра I Россия активно перенимала элементы из французской, немецкой, английской и других культур. Можно говорить о том, что на протяжении многих веков общество было восприимчиво к элементам иностранной культуры и активно их перенимало.

Говоря о процессе заимствований из других языков, Л.П. Крысин отмечает, что иноязычная лексика преобладает в тематических группах, связанных с наукой, техникой, тесно связанных с процессом глобализации [8]. Появляется потребность в названии явлений, не имеющих эквивалента в русском языке.

Рассматривая заимствования в качестве полноценного процесса, Л.П. Крысин описывает его как «перемещение различных элементов из одного языка в другой» [7, с. 35]. Под перемещаемыми элементами учёный подразумевает синтаксические, лексические, морфологические, семантические и фонологические единицы языка. [7, с. 4]. Однако, гораздо реже мы можем рассматривать заимствование в виде отдельных фонем и морфем из иностранного языка. Схожее определение понятия заимствование формулируется в исследованиях Л. Блумфилда [2] и Н.Н. Амосовой [1].

Если рассматривать внутренние лингвистические причины заимствования более подробно и со стороны внутренних лингвистических причин, то следует обратиться к классификации, которую даёт Л.П. Крысин. Лингвист говорит о том, что заимствования используются для устранения многозначности, если требуется разграничить какое-либо понятие, например *импорт* вместо *ввоз*, для подробного уточнения или придания конкретных смысловых оттенков понятию, при структурно или тематически похожих заимствованиях, а также для экономии языковых усилий [8, с. 27-33].

Анализ словарного материала

Для изучения особенностей и создания характеристики новых слов в русском языке было необходимо собрать словарную базу такой лексики. В качестве источника для анализа был выбран Грамматический словарь новых слов русского языка под редакцией Е.А. Гришиной и О.Н. Ляшевской, основанный на материалах Национального корпуса русского языка [5]. В данный словарь входит новая лексика, появившаяся в русском языке со 2-й половины XX – начала XXI века. Выбор словаря обусловлен тем, что языковой материал содержит в себе достаточно обширную словарную базу новой лексики – почти 7500 наименований.

Словарный материал был разделен на четыре группы. Каждой группе соответствует одна из частей речи. Таким образом были отсортированы 2853 имен существительных, 2435 прилагательных, 1884 наречий и 252 глагола.

Около половины представленных в данном словаре слов появились в русском языке ещё во второй половине XX-го века. На данный момент часть словарного материала уже потерял свою актуальность и вышел из употребления. Более 200 слов были связаны с жизнью общества в СССР, внутренней и внешней политикой государства. Часто встречались сложносокращенные слова, характерные для наименований должностей в то время: *наркоминдел*, *наркоминдел*, *наркомпрос*, *наркомтяжпром*, *наркомфин*. В наше время такие слова вышли из употребления и упоминаются лишь в художественных произведениях, фильмах, учебных материалах.

Для актуализации словарного материала мы обратились к Национальному корпусу русского языка [11]. Каждое слово было проанализировано по годам в основном и газетном корпусе. Главным критерием было упоминание слова не раньше 1990 года. Таким образом мы отделили новые слова и те, которые вышли из употребления или уже укоренились в русском языке. По итогу анализа 1284 слова упоминались в российских ресурсах и литературе с 90-х годов.

Проведенный анализ показал, что снятие «занавеса», активное взаимодействие с другими государствами и культурный обмен сильно повлияли на русский язык. Это четко прослеживается на примере собранной лексики. Более половины слов являются заимствованиями, некоторые из них уже прошли адаптацию в языке и активно участвуют в словообразовательном процессе.

Большой пласт заимствований, около 300, относится к терминологии в разных тематических областях, таких как медицина, экономика и политика: *ацетальдегид*, *ацикловир*, *маркетинг*, *спикер* и др. Такие слова практически не изменились при попадании в русский язык, однако некоторые, такие как *маркетинг*, активно используются в процессе словообразования: *геомаркетинг*, *интернет-маркетинг*.

Однако словообразовательный процесс в русском языке является уникальным и пополнение языка не ограничивается заимствованием из другого языка.

Одним из способов словообразования в собранном списке является присоединение приставок *анти-* (*антигенность*, *антиглобалист*, *антиоксидант*, *антитеррор*), *супер-* (*суперпозиция*, *суперсерия*, *супертан-*

кер, супертурнир, суперфинал, суперхит), а также префиксов евро... (еврооблигация, европарламент, евроремонт, евростандарт, евротур), нано... (наноструктура, нанотехнология, нанотрубка, наночастица). При таком способе словообразования в процессе участвуют как уже укоренившиеся и исконно русские слова, так заимствования из иностранных языков.

Часто встречаются слова, образованные способами осново- и словосложения, связанные с политической или экономической сферой, обозначающие какую-либо государственную структуру, должность, промышленную отрасль и т.д. Преобладающее большинство таких слов в словаре образованы с помощью следующих трех способов сложения:

1. Начальная часть + целое слово: *госгарантия, госдолг, госзаказ, госзакупка, госимущество, госказна*;

2. Начальная часть + начальная часть + целое слово (сложносокращенные слова): *замгендиректора, замгенпрокурора*;

3. Начальная часть + начальная часть: *госдеп, замрук, облизбирком*.

В четвертую группу мы включили лексику, которую можно отнести к жаргонизмам, просторечиям или сленгу. Встречались слова, которые можно отнести к политическому жаргону, например *жириновец*, описывающее принадлежность человека к партии ЛДПР. Немало слов из преступного жаргона: *мент, ментура, ментовка, схрон*.

Появляются в языке и сленговые слова, чаще используемые среди молодежи: *папик, отходняк, оторва, отморозок, падла, лям, мобила*.

Заключение

Краткий обзор Грамматического словаря новых слов русского языка позволил определить основные способы образования лексики, появившейся в русском языке с 90-х годов XX века. Несмотря на то что многие исследователи отмечают сильный прирост иноязычной лексики, на основе полученных данных можно сказать о том, что около 70% новых слов появляются также с помощью разных процессов словообразования из уже известных слов или с совмещением исконной и заимствованной лексики. Результаты данного исследования и собранный материал будут использованы в дальнейшем исследовании для изучения семантических особенностей новых слов в русском языке.

Литература

1. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М.: Изд-во литры на иностр. яз. 1956. 218 с.
2. Блумфилд Л. Язык: пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат; Коммент. Е.С. Кубряковой / Под ред. и с предисл. М.М. Гухман. 2. изд., стер. М.: УРСС, 2002 (Калуга: ГУП Облиздат). 606 с.
3. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы: пособие для иностранных студентов-русистов. Владивосток, Диалог-МГУ, 1997. С. 132 – 135.
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. Москва: Логос, 2003. 304 с.
5. Грамматический словарь новых слов русского языка [Электронный ресурс // dict.ruslang.ru. URL: <http://dict.ruslang.ru/gram.php?act=search> (дата обращения: 5.02.2023)
6. Котелова Н.З. Предисловие // Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Москва, 1973. С. 5 – 15.
7. Крысин Л.П. К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965. С. 104 – 116.
8. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 883 с.
9. Мигранова Л.Ш. Актуализированная лексика русского языка как объект изучения // Современный ученый. 2021. № 6. С. 255 – 260.
10. Букаренко С.Г. Раздел «лексика» в школьных учебниках: поиски путей его совершенствования // Вестник педагогических наук. 2021. № 4. С. 82 – 86.
11. Национальный корпус русского языка. 2003-2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru

References

1. Amosova N.N. Jetimologicheskie osnovy slovarnogo sostava sovremennogo anglijskogo jazyka. M.: Izd-vo litry na inostr. jaz. 1956. 218 s.
2. Blumfild L. Jazyk: per. s angl. E.S. Kubrjakovoj i V.P. Murat; Komment. E.S. Kubrjakovoj. Pod red. i s predisl. M.M. Guhman. 2. izd., ster. M.: URSS, 2002 (Kaluga: GUP Oblizdat). 606 s.

3. Brejter M.A. Anglicizmy v russkom jazyke: istorija i perspektivy: posobie dlja inostrannyh studentov-rusistov. Vladivostok, Dialog-MGU, 1997. S. 132 – 135.
4. Valgina N.S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke: uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moskva: Logos, 2003. 304 s.
5. Grammaticheskij slovar' novyh slov russkogo jazyka [Elektronnyj resurs. dict.ruslang.ru. URL: <http://dict.ruslang.ru/gram.php?act=search> (data obrashhenija: 5.02.2023)
6. Kotelova N.Z. Predislovie. Novye slova i znachenija: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-h godov. Moskva, 1973. S. 5 – 15.
7. Krysin L.P. K opredeleniju terminov «zaimstvovanie» i «zaimstvovannoe slovo». Razvitie leksiki sovremenogo russkogo jazyka. M., 1965. S. 104 – 116.
8. Krysin L.P. Pusskoe slovo, svoe i chuzhoe. Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 883 s.
9. Migranova L.SH. Aktualizirovannaya leksika russkogo jazyka kak ob"ekt izucheniya. Sovremennyj uchenyj. 2021. № 6. S. 255 – 260.
10. Bukarenko S.G. Razdel «leksika» v shkol'nyh uchebnikah: poiski putej ego sovershenstvovaniya. Vestnik pedagogicheskikh nauk. 2021. № 4. S. 82 – 86.
11. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka. 2003-2023. Dostupen po adresu: ruscorpora.ru

*Gavrilovich I.A., Postgraduate,
Lunkova E.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Smolensk State University*

Features of the appearance of new vocabulary in the Grammatical dictionary of new words of the Russian language (nouns)

Abstract: the article examines the process of formation of new words in the Russian language on the basis of the vocabulary of the Grammatical dictionary of new words of the Russian language. For the study, the dictionary was analyzed and divided into four groups, nouns were studied separately in this study. Words formed earlier than the 90s of the XX century were also eliminated. The main ways of replenishing the vocabulary of the Russian language were identified. We found out that about 70% of new words appear with the help of different word formation processes from already known words or with a combination of native and borrowed vocabulary.

Keywords: new words, neologisms, borrowings, foreign language vocabulary. word formation

For citation: Gavrilovich I.A., Lunkova E.S. Features of the appearance of new vocabulary in the Grammatical dictionary of new words of the Russian language (nouns). Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 51 – 54.

Received: May 27 , 2023; Revised: June 17, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Еркович О.Т.,
Кадырова К.А., кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный университет*

Мета-фантастика Владимира Набокова в антиромане «Бледный Огонь»

Аннотация: в статье анализируется мета-фантастика в творчестве Владимира Набокова на примере его антиромана «Бледный огонь». Особое внимание уделено тому, как автор показал, что происходит при внедрении в текст тех элементов, которых, по общепризнанным канонам, там быть не должно, тем самым умышленно акцентируя внимание читателя на выдуманную «реальность»: безумный мир больного, разрушающегося сознания.

В большинстве случаев, при чтении того или иного художественного текста, события, персонажи, описываемый автором мир хоть и являются вымышленными, кажутся читателю реальными. Существует значительное количество художественных произведений, в которых представлена особая реальность. При изучении такой литературы у читателя возникает множество вопросов и ощущение сомнения, однако, погружаясь вглубь текста, он становится готовым согласиться с автором и его идеей, поверить в созданный мир и одновременно сохранять критическое отношение, несмотря на фантастическую природу рассказа.

В таких произведениях умело используются мета-фантастика и элементы, противоречащие общепринятым нормам и ожиданиям. Возникает с особое представление о реальности. Читатель сталкивается с необычными ситуациями, вымышленными мирами и персонажами, и с каждой страницей глубже погружается в созданный автором текст.

Цель статьи – посредством анализа структуры повествования произведения Владимира Набокова «Бледный огонь», дать определение жанру мета-фантастики.

Исходя из цели статьи, ставим перед собой задачи:

- проанализировать произведение «Бледный огонь»;
- выделить основные приёмы и элементы, которые использовал в художественном тексте В. Набоков;
- исследовать основные понятия о мета-фантастике в художественной литературе.

Возможности практического применения данного исследования заключаются в том, что оно актуально для литературы на сегодняшний день, поскольку увеличилось число массовой литературы; мета-фантастика помогает исследовать отношения между литературой и реальностью, и зачастую напоминает читателю, о том, что он потребляет фиктивную литературу.

Ключевые слова: мета-фантастика, антироман, фантастика, жанр, художественный текст, читатель, автор

Для цитирования: Еркович О.Т., Кадырова К.А. Мета-фантастика Владимира Набокова в антиромане «Бледный Огонь» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 55 – 58.

Поступила в редакцию: 25 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Мета-фантастика – это жанр литературы, в котором автор произведения намеренно делает акцент на том, что произведение является вымышленным, придуманным.

Мета-фантастика, в своей сути, нарушает соглашение между автором и читателем, известное как «четвертая стена». Жанр мета-фантастики целенаправленно разрушает эту «четвертую стену» и намеренно сообщает читателю, что он не должен верить в полную реальность представленного художественного текста. Мета-фантастический текст активно напоминает нам, читателям, о том, что происходит, через вмешательство автора в произведение, прямые комментарии персонажей к читателю и другие средства, и такое демонстрируется на протяжении всего произведения [7, с. 17].

Подобное разрушение «четвертой стены» и признание вымышленности произведения предоставляет автору возможность влиять на восприятие и понимание текста. Читатель становится более осведомленным о характере произведения и отношении автора к своим литературным творениям. Мета-фантастика играет с идеей реальности и фиктивности, вызывая у читателя чувство недоверия и стимулируя его к более активному восприятию и анализу произведения.

Другими словами, можно сказать, что мета-фантастика – это некое устройство, через которое читатель противостоит различия между вымышленным / фантастическим и реальным. Мы, как читатели, не можем просто убежать в вымышленный мир, как это часто практикуется в чтении фантастических произведений,

тогда как автор продолжает привлекать наше внимание к самой организации текста, устройству, которое он/она использует. В моменте прочтения, когда границы размыты, мы (читатели) задумываемся о том, как реальность определяет вымысел, и наоборот, как вымысел определяет реальность [2, с. 211].

Если сравнивать со всем известным жанром фантастики, то важно указать отличие, так как в фантастике ключевым элементом является – фантастическое допущение: то, что не встречается или вовсе невозможно в реальности, некий феномен произведения, в котором живут его герои, и в который погружается читатель. Фантастическое допущение противопоставляется реалистическому вымыслу, который не противоречит возможному, и применяется в реалистической литературе. При этом остальные элементы – проблематика, литературные приемы, построение сюжета – у фантастических произведений принципиально не отличаются от реальных.

«В фантастике основной акцент делается на принципиально другую реальность, во многом отличную от нашей» [5, с. 105-106]. В мета-фантастике, как было сказано выше, акцент делается на намеренной выдуманности текста.

Исходя из того, что данный жанр и его приёмы часто характерны направлению постмодернизма, который, по сути своей, является движением, реагирующим или исследующим способы, которыми мы (люди) как личности и как социальный процесс являемся реальностью, то мета-фантастика – ещё одно средство, благодаря которому можно ставить под сомнение идею «реальности».

Продолжая тему статьи, скажем о творчестве Владимира Набокова. Художественное наследие В.В. Набокова является по-своему уникальным: его разрыв с родиной и языком был мучителен – его стилистические достижения как «писателя американского» во многом связаны с преодолением персонально значимых потерь, и, несмотря на виртуозное владение английским языком, на котором были созданы его романы в 1940–70-х годах, он и в 1960-е, и в 1970-е годы продолжал писать по-русски. Ранее же, на протяжении двадцати лет, Набоков (Сирин) являлся и одним из крупнейших представителей эмигрантского сообщества «первой волны» [4, с. 113].

Еще Н. Берберова высказала мысль об уникальности, «всемирности» набоковского таланта: «Набоков – единственный из русских авторов <...>, принадлежащий всему западному миру (или – миру вообще), а не России только. Принадлежности к одной определенной национальности или к одному определенному языку для таких, как он, в сущности, не играет большой роли: уже лет семьдесят тому назад началось совершенно новое положение в культурном мире. <...> Язык для Кафки, Джойса, Ионеско, Беккета, Хорхе Борхеса и Набокова перестал быть тем, чем он был в узконациональном смысле восемьдесят и сто лет тому назад. И языковые эффекты, и национальная психология в наше время, как для авторов, так и для читателей, не поддержанные ничем другим, перестали быть необходимостью» [1, с. 189].

Набоков Владимир является ярким представителем постмодернистского литературного направления. Принято считать, что выдающимися его произведениями являются роман «Лолита» (Набоков отмечал этот роман своей «любимицей») или же «Дар», а также «Приглашение на казнь», «Защита Лужина» и др. Но, «Бледный огонь» поистине является одним из самых интересных произведений писателя, а также одним из самых масштабных и проработанных в его творчестве.

«Бледный огонь» – это антироман, и это доказывает форма его повествования. Данный роман является постмодернистским, и числится в списках лучших произведений этого направления [7, с. 105-106].

Структура антиромана такая: произведение делится на три части. Первая часть представлена поэмой некоего Шейда в четырёх песнях, вторая – комментарий Кинбота, третья – указатель Кинбота. В этом детище Набокова, можно сказать, важно не столько его прямое значение, сколько организация текста.

Джон Фрэнсис Шейд (1898-1959) – поэт, выдуманный Набоковым, и, данная в тексте поэма – его последняя работа. По стечению обстоятельств Шейда убивает беглый безумец. Спустя время его коллега по колледжу – Чарльз Кинбот получил рукопись, пишет к ней комментарий и оставляет указатель. Эта сама поэма занимает примерно четверть романа Набокова. В комментарии же разворачивается весь основной сюжет.

В ходе прочтения текста, думается, что поэма Шейда – автобиографична. Как уже было сказано, самое любопытно происходит в комментариях Кинбота. Он уверен, что в поэме Шейда зашифрована история про короля Земблы. Короля этого как-то свергли экстремисты, после чего он просидел под арестом во дворце. Но, есть подземный ход, и он сбегает, и скрывается в другой стране. К тому же, в поэме есть мистический план. Мистика заключается в поэме в предугадывании маршрута убийцы короля – Градуса, которого отравили в погоню экстремисты.

Далее понятно, что поэма говорит о скромном американце и его житейских перипетиях. Кинбот пользуется интересным методом, для обнаружения всех удивительных вещей в поэме. Вот как выглядят первые строки второй песни:

*«...Был час в безумной юности моей,
Когда я думал: каждый из людей
Загробной жизни таинству причастен,
Лишь я один – в неведение злосчастном:
Великий заговор людей и книг*

Скрыл истину, чтоб я в нее не вник...» [3, с. 109].

Кинбот оставляет к этим строкам вот такие комментарии:

1. Был час – это время, когда именно Шэйд написал эти строки;
2. Загробной жизни – тут были мысли о религиозных взглядах (о христианских и атеистических) на жизнь после смерти;
3. Великий заговор – подробно описываются различные операции роялистского подполья Земблы по спасению короля, здесь же даётся биография убийцы;
4. Людей и книг – перечисляются доводы поэта Шейда об авторах и учениях, в том числе и марксизм с фрейдизмом.

Получается, что в указанных нами шести строках второй песни скрыто большое количество отсылок к самым разным происшествиям, временам, идеям, в которых замаскирован огромный объем информации [8, с. 163].

Так мы раскрыли метод, которым Кинбот комментирует не только эти шесть, но и все 999 строк поэмы. И есть ещё одна особенность набоковской мысли: во всех комментариях идут отсылки друг на друга. Кинбот признается, что в некоторых моментах он привирал и подделывал текст, и это заметно, так как одним и тем же событиям он порой даёт несколько объяснений. В целом во всей этой огромной схеме ссылок, отсылок и кодов заключена вся жизнь вышеупомянутого короля и тех, кто его знает, и в ней хранятся ответы на любые вопросы о современном мире.

Можно сделать вывод о мета-фантастике Набокова: писатель показывает нам структурой «Бледного огня» то, как можно на практике авторскую мысль передавать и со стороны автора текста, и со стороны множества читателей, которые создают бесчисленные толкования. Возникает идея вселенной в миниатюре, как модели культурного космоса.

Понятно и то, что «Бледный огонь» обратил на себя внимание критиков и исследователей сразу после того, как был опубликован, и не все из них по достоинству оценили новаторство писателя.

Вот, к примеру, немало известный Энтони Бёрджесс писал: ««Бледный огонь» можно распутывать до бесконечности. Эта книга – образец постджейсовской литературы: мы сталкиваемся с праздничным волшебством на первой же странице. Большинство романистов отдали бы всё за то, чтобы хотя бы приступить к созданию этой книги, не говоря о том, чтобы дописать ее до конца» [6, с. 282].

Произведение в целом очень сложное для восприятия, но, оно однозначно стоит внимания.

Литература

1. Берберова Н. Из книги «Курсив мой: Автобиография» // В.В. Набоков: proetcontra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; коммент. Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. СПб.: РХГИ, 1997. С. 184 – 193.
2. Бёрджесс Э. Произносится Vla-DEEM-eag Nah-BOAK-off: пер. с англ. А. Курт // Иностранная литература. 2017. № 2. 282 с.
3. Ефремов И. Наука и научная фантастика // Наука и техника. Латвия, 1962. № 2. С. 38 – 39.
4. Касторский С.В. Реалистическая проза. История русской литературы: в 10 т. М., 1954. Т. 10. 560 с.
5. Набоков В.В. Предисловие к автобиографии «Другие берега» // В.В. Набоков: proetcontra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; коммент. Е. Белодубровского, Г. Левинтона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. СПб.: РХГИ, 1997. С. 94 – 95.
6. Набоков В.В. Бледный огонь. Лондон: 1991. 286 с.
7. Низовцева Т.В. Особенности фантастической и научно-фантастической литературы // Сборник статей XXV международной научно-практической конференции. Москва: 2019. С. 105 – 106.
8. Цейтлин А.Г. Труд писателя: Вопросы психологии творчества, культуры и техники писательского труда. 2-е изд. М.: Советский писатель, 1968. 563 с.

References

1. Berberova N. Iz knigi «Kursiv moj: Avtobiografija». V.V. Nabokov: proetcontra. sost. B. Averina, M. Malikovej, A. Dolinina; komment. E. Belodubrovskogo, G. Levintona, M. Malikovej, V. Novikova; bibliogr. M. Malikovej. SPb.: RHGI, 1997. S. 184 – 193.
2. Bjordzhess Je. Proiznositsja Vla-DEEM-ear Nah-BOAK-off: per. s angl. A. Kurt. Inostrannaja literatura. 2017. № 2. 282 s.
3. Efremov I. Nauka i nauchnaja fantastika. Nauka i tehnika. Latvija, 1962. № 2. S. 38 – 39.
4. Kastorskij S.V. Realisticheskaja proza. Istorija ruskoj literatury: v 10 t. M., 1954. T. 10. 560 s.
5. Nabokov V.V. Predislovie k avtobiografii «Drugie berega». V.V. Nabokov: proetcontra. sost. B. Averina, M. Malikovej, A. Dolinina; komment. E. Belodubrovskogo, G. Levintona, M. Malikovej, V. Novikova; bibliogr. M. Malikovej. SPb.: RHGI, 1997. S. 94 – 95.
6. Nabokov V.V. Blednyj ogon'. London: 1991. 286 s.
7. Nizovceva T.V. Osobennosti fantasticheskoy i nauchno-fantasticheskoy literatury. Sbornik statej XXV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva: 2019. S. 105 – 106.
8. Cejtin A.G. Trud pisatelja: Voprosy psihologii tvorchestva, kul'tury i tehniki pisatel'skogo truda. 2-e izd. M.: Sovetskij pisatel', 1968. 563 s.

*Yerkovich O.T.,
Kadyrova K.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Dagestan State University*

Meta-fiction of Vladimir Nabokov in the anti-novel «Pale fire»

Abstract: the article analyzes the meta-fiction in the works of Vladimir Nabokov on the example of his anti-novel Pale Fire. Particular attention is paid to how the author showed what happens when elements are introduced into the text that, according to generally accepted canons, should not be there, thereby deliberately focusing the reader's attention on a fictitious "reality": the crazy world of a sick, collapsing consciousness.

In most cases, when reading a literary text, events, characters, the world described by the author, although they are fictional, seem real to the reader. There is a significant number of works of art in which a special reality is presented. When studying such literature, the reader has many questions and a feeling of doubt, however, plunging into the depths of the text, he becomes ready to agree with the author and his idea, to believe in the created world and at the same time maintain a critical attitude, despite the fantastic nature of the story.

Such works skillfully use meta-fiction and elements that are contrary to generally accepted norms and expectations. There is a special idea of reality. The reader is confronted with unusual situations, fictional worlds and characters, and with each page he plunges deeper into the text created by the author.

The aim of the article is to define the genre of meta-fiction through the analysis of the narrative structure of Vladimir Nabokov's work «Pale Fire».

Proceeding from the purpose of the article, we set ourselves the tasks:

- to analyze the work «Pale Fire»;
- to highlight the main techniques and elements that V. Nabokov used in the fiction text;
- to explore the basic concepts of meta-fiction in fiction.

The potential for practical application of this study is that it is relevant to literature today, as mass literature has increased; meta-fiction helps to explore the relationship between literature and reality, and often reminds the reader that he or she is consuming fictional literature.

Keywords: meta-fiction, anti-novel, fantasy, genre, literary text, reader, author

For citation: Yerkovich O.T., Kadyrova K.A. Meta-fiction of Vladimir Nabokov in the anti-novel «Pale fire». *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 55 – 58.

Received: May 25, 2023; Revised: June 17, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Кащенко А.Э.,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)*

Проблема демаркации понятий «идиостиль» и «идиолект»

Аннотация: статья посвящена проблеме демаркации понятий "идиостиль" и "идиолект" в рамках парадигмы современных лингвистических исследований. Главная цель данной работы – поиск релевантной модели разграничения понятий "идиостиль" и "идиолект" на теоретическом уровне. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие задачи. Во-первых, необходимо выявить исторический процесс изучения данных феноменов, а также проследить разницу подходов в отечественной и зарубежной филологии. Во-вторых, необходимо сформулировать проблемы и вопросы, касающиеся исследования идиолекта и идиостиля в ракурсе их взаимодействия. В-третьих, необходимо зафиксировать определения данных понятий, а также особо подчеркнуть как общие характеристики, так и разграничительные факторы на разных системных уровнях. Наконец, необходимо произвести анализ соотношения данных понятий в иерархической последовательности и систематической взаимообусловленности. Новизна настоящей статьи обусловлена отсутствием в современной лингвистической парадигме консенсуса по вопросу демаркации данных понятий. В статье рассматриваются различные подходы к определению, структуризации и функционированию идиолекта и идиостиля. Выявляются основополагающие сходства и отличия данных явлений. Осуществляется демаркация понятий "идиостиль" и "идиолект". Прикладная функция данной статьи реализуется за счёт трёх аспектов: 1) облегчения демаркационного процесса в рамках практических литературоведческих исследований; 2) усовершенствования теоретического материала для педагогических целей; 3) углубления характеристики идиостиля и идиолекта для лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: идиостиль, идиолект, язык, речь, демаркация, когниция, языковая личность

Для цитирования: Кащенко А.Э. Проблема демаркации понятий «идиостиль» и «идиолект» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 59 – 64.

Поступила в редакцию: 23 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Феномен идиолекта и идиостиля является одним из актуальных векторов современных лингвистических исследований как в русскоязычной традиции (В.В. Виноградов, В.П. Григорьев, Е.В. Старкова, Е.С. Криныцина), так и в зарубежной литературе (А. Рабатель, Р. Барт, Ж. Филипп).

В зарубежной академической парадигме, однако, вопрос о соотношении понятий «идиолект» и «идиостиль» не актуален, потому что западные лингвисты 1) отождествляют данные термины и не делают между ними существенных различий [6, с. 3]; 2) рассматривают идиостиль и/или идиолект как часть языковой личности, а не как отдельный предмет научного интереса; 3) не выделяют, в принципе, отдельных понятий «идиолект» или «идиостиль», а включают их в общую концепцию «стиль» [10, с. 40].

Тем не менее, для русскоязычного языкознания и литературоведения важной проблемой остаётся демаркация смежных понятий «идиостиль» и «идиолект».

История исследований различий между категориями «идиостиль» и «идиолект» отмечена рядом работ, заложивших основы демаркационного процесса для данных понятий. Е.Р. Корниенко выделяет ряд основополагающих характеристик рассматриваемых явлений: 1) соотношение идиолекта и идиостиля как языка и речи; 2) коммуникативную природу идиостиля; 3) первичность идиолекта по отношению к идиостилю. Е.И. Бойчук также отмечает связь идиолекта с идиостилем как отношения «общего» и «частного». Д.С. Гордашников отмечает похожее соотношение идиостиля и идиолекта как системы языка и индивидуальной речевой репрезентации, как глубинной и поверхностной структуры. Аналогичные корреляции между явлениями «идиостиль» и «идиолект» находят исследователи Е.В. Богданова, Т.А. Чернышева, Л.Р. Якупова, М.Д. Рыжикова и др.

Однако, несмотря на фиксацию фундаментальных отличительных параметров понятий «идиостиль» и «идиолект», остаётся существенное пространство для разработки и углубления данных теоретических положений. Какой научный базис лежит в основе разделения идиолекта и идиостиля по линии язык – речь? Какие внутренние свойства данных явлений отражают данную демаркационную линию? Каков принцип формирования иерархии идиолекта и идиостиля? Каковы общие и частные характеристики данных феноменов?

Кроме того, возникает закономерный вопрос о достаточности выделенных аспектов для исчерпания исходной проблемы. Возможно ли найти дополнительные критерии и принципы для разделения идиостиля и идиолекта? Для углубленного анализа данных вопросов необходимо ещё раз обратиться к проблеме демаркации понятий «идиостиль» и «идиолект».

Данные понятия обладают фундаментальными различиями. Во-первых, различия прослеживаются на уровне структуры и методологической концепции идиолекта и идиостиля [9, с. 266]. Во-вторых, различия между данными явлениями обнаруживаются не только в теоретическом, но и в практическом аспекте. Ряд исследователей (Кухаренко В.А., Леденёва В.В., Суворова П.Е.) постулируют двухступенчатый подход при анализе текста: на первом этапе изучается идиолект, а на втором – идиостиль, что предполагает разграничение данных феноменов на уровне прагматики [7, с. 13]. Таким образом, можно зафиксировать потребность лингвистической науки в сепарации понятий «идиолект» и «идиостиль».

Проблема сепарации заключается в том, что конвенциональная терминология и методологическая база для изолированной концептуализации данных явлений до сих пор находится в разработке [2, с. 102]. Следовательно, образуется потребность в теоретическом анализе вопроса о границах между понятиями «идиостиль» и «идиолект». Для исследования данного вопроса предлагается провести изучение феноменов «идиостиль» и «идиолект» в русле коммуникативно-деятельностного (Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева, а также Ю.Н. Караулов) и семантико-стилистического (В.В. Виноградов, Б.А. Ларин) подходов.

Рассмотрим определения терминов «идиостиль» и «идиолект». Идиостиль, согласно В.В. Виноградову, – это «система индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения» [7, с. 11]. Идиолект, согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, – это совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка [8, с. 171].

Оба феномена (идиостиль; идиолект) произошли из теории языковой личности (В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, М.В. Панов) и являются разными аспектами реализации языковой личности в объективной вербальной деятельности или же в субъективных паттернах когнитивной активности [12, с. 211].

Языковая личность как концепция, выработанная в рамках коммуникативно-деятельностного, антропоцентрического и психопоэтического методов, рассматривающих не только язык автора, но и его картину мира, тип мышления и другие личностные аспекты, предполагает детерминирование в структуре языка/речи автора «доминантных личностных смыслов» [2, с. 36]. Данная задача предполагает последовательное моделирование знаковых внутритекстовых систем на уровне когниции, эмотивности, экспрессивности и информативности с последующим формированием уникального авторского тезауруса, отражающего индивидуальность мировосприятия писателя. Именно тезаурус автора позволяет исследователям проникнуть в его идиолект, рассмотреть уникальные лингвистические паттерны среди пластов конвенциональной и универсальной массы знаков и форм. Идиостиль, на наш взгляд, это рефлексия идиолекта на каждый конкретный текст, ибо в отдельном произведении реципиент взаимодействует непосредственно с идиолектом, однако сам идиолект в рамках определённого текста функционирует по-разному, тем самым отражая стиль присутствующей особой линии повествования – так и формируется идиостиль.

Это подтверждается мнением В.В. Виноградова, отметившего именно инструментальную сторону идиостиля: способы построения диалогической речи персонажей, приёмы развёртывания повествования, особенности смены стиля и т.д., что отражает вариативность идиостиля по сравнению с идиолектом и динамичность, имманентность его проявления в оппозиции с более статичным, системным идиолектом [7, с. 14]. Об этом же говорит и проф. Болотнова, указывая на наличие в структуре идиостиля как стабильных, так и переменчивых параметров, зависящих от жанра, коммуникативной ситуации, авторской интенции, субъективных факторов и нарративных особенностей конкретного текста [3, с. 205]. Это указывает на возможность идиостиля всегда быть разным, всегда по-новому отражать неисчерпаемые глубины авторского идиолекта. Таким образом, уточняясь и специализируясь в каждой конкретной текстовой среде, идиолект являет себя наблюдателю в форме идиостиля, показывает определённую грань своей структуры, чтобы соблюсти релевантность и актуальность отражения авторской интенции в точных словах и конструкциях.

По словам Е.Р. Корниенко, понятия «идиостиль» и «идиолект» также обладают общим семантическим ядром: они реализуют категорию индивидуальности, которая является фундаментальной характеристикой обоих явлений, ибо выделяет их среди смежных формаций (язык эпохи, язык жанра, литературный язык) [9, с. 266]. Данные «языки» отличаются коллективным характером: их элементы вырабатываются в рамках социально-исторического процесса и закрепляются в виде конвенций, правил, стандартов. Индивидуальный язык и стиль, наоборот, не опосредован влиянием общественных факторов и не фиксируется в жёстких структурах, а пребывает внутри сознания писателя, в его языковой картине мира.

Другим общим свойством идиолекта и идиостиля является их когнитивная природа. Как отмечает Т.А. Чернышева, оба феномена неразрывно связаны с ментальными процессами анализа и синтеза языковой и внеязыковой информации для кристаллизации авторской индивидуальности как таковой [11, с. 30]. Соответственно, уникальность и неповторимость индивидуального языка и стиля обусловлена спецификой психокогнитивных процессов, которые, хотя и обладают общим для всех людей базисом, обнаруживают разительные отличия в частных проявлениях и конкретных процессах, протекающих в человеческом сознании.

Наконец, по замечанию Е.И. Бойчука, идиостиль и идиолект определяются индивидуальной картиной мира, мировоззрением, мотивационной базой и перцептивными особенностями автора, что обуславливает психологизм данных феноменов, их когнитивную природу [7, с. 17]. Эта характеристика индивидуального языка и стиля является фундаментальной для понимания диалектической природы данных явлений: с одной стороны, они уникальны и обусловлены личностными качествами; однако с другой стороны, они неразрывно связаны с эмпирическим опытом и его отражением в нашем сознании. Именно дуализм нашей психики, как и дуализм наших когнитивных процессов, делает стиль и язык отдельного автора как бы интерсубъективным, т.е. представляющемся нам в форме индивидуального феномена тем не менее доступно для общечеловеческой интерпретации, культурной интеграции и коммуникации как таковой.

Несмотря на ряд общих параметров, «идиостиль» и «идиолект» обладают отличительными чертами, показывающими их лингвистическую дистанцированность. Можно высказать предположение о том, что данные феномены находятся в двух совершенно разных лингвистических сферах. Идиостиль принадлежит к сфере речи в то время, как идиолект принадлежит к сфере языка. Рассмотрим данную гипотезу.

Согласно концепции Ф. де Соссюра, язык – это набор инструментов (лексических, грамматических, фонетических), а речь – это непосредственная реализация данных инструментов в конкретной коммуникативной ситуации [5, с. 110]. Итак, одним из главных отличий языка и речи становится их отношение к процессу коммуникации. Язык служит базисом, представляет собой фундамент и потенциал коммуникации. Речь выступает в роли конкретного воплощения языка в изолированной рамке межличностных отношений.

Ф. де Соссюр также отмечал, что язык – это область диахронии, а речь – это область синхронии, поэтому дополнительным критерием отличия данных явлений можно считать их темпоральную ориентацию [5, с. 112]. Язык пребывает в некоторой абстракции (лингвистической, когнитивной) и служит матрицей человеческого мышления. Он опосредует наше взаимодействие с миром и другими людьми, участвует в концептуализации и формализации наших знаний. Таким образом, язык представляет собой открытую саморазвивающуюся систему. Однако речь существует лишь в моменте. Она способна претендовать лишь на внутреннюю структуру и систематическую включенность в широкий дискурсивный контекст. Речь, хотя она и связана с языком и происходит от него, не тождественна языку как таковому. Их различия проникают глубже темпоральности и захватывают также структурные, функциональные и многие другие сопутствующие дифференциальные признаки.

Рефлексируя различия между языком и речью в рамках лингвистической концепции Ф. де Соссюра на проблему демаркации понятий «идиолект» и «идиостиль», можно заметить, что идиолект аналогичен языку, а речь аналогична идиостилю по следующим критериям: 1) коммуникативная ориентация; 2) темпоральное измерение; 3) систематические связи 4) имманентность реализации; 5) мотивационный комплекс. Таким образом, наша гипотеза предполагает анализ соотношения идиолекта и идиостиля по линии язык – речь.

Это подтверждается исследованием структуры идиостиля, в рамках которой А.В. Болотнов выделяет три уровня организации: коммуникативный, когнитивный, культурно-речевой [9, с. 267]. На наш взгляд, когнитивный уровень присущ как идиостилю (речь), так и идиолекту (язык) в силу их психокогнитивной природы. Культурно-речевой уровень уже амбивалентен: с одной стороны, он включает в себя универсальные категории «лексикон», «грамматикон», «семантикон», которые характерны для языка; с другой стороны, он подчёркивает важность стилистических приёмов, нарративных паттернов и культурных факторов. Наконец, коммуникативный уровень выявляет наибольшее различие между идиостилем и идиолектом, ибо апеллирует к функциональной принадлежности идиостиля – быть инструментом живой речи, что противоположно относительно пассивной функции «матрицы» – языка индивида. Таким образом, именно коммуникативный и в определённой степени речетекстовый параметры становятся дифференциальными признаками для разграничения понятий идиостиль и идиолект.

Данную точку зрения поддерживает исследователь Е.И. Бойчук, обозначивший в структуре идиостиля уровень, отвечающий за имманентные аспекты речи: выбор темы, идеи, жанра, символики, концептов, конкретных лексико-грамматических и стилистических структур [7, с. 14]. Все эти аспекты присущи речи как форме организации чисто языкового материала в целостные коммуникативные построения. Более того, идиостиль характеризуется не только набором инструментальных приёмов организации лексического и

грамматического материала, но и продуманным мотивационным комплексом, отвечающим за авторскую интенцию, репрезентацию идей и трансляцию смыслов в прагматическом ключе.

Наконец, Т.А. Чернышева отмечает, что основной особенностью идиостиля является специфика отбора и комбинации единиц из всего массива языкового материала [11, с. 30]. Организация элементов языка является одновременно и коммуникативно-когнитивной процедурой, и синхроническим процессом, разворачивающемся в определённых пространственно-временных координатах конкретной речевой ситуации. Кроме того, при отборе конкретного материала вся сумма языкового потенциала редуцируется до ограниченного набора функционально значимых элементов, что подчёркивает селективную задачу речи и позволяет нам наметить сравнение идиостиля (речь) и идиолекта (язык) по линии общее – частное.

Таким образом, идиостиль возможно охарактеризовать как явление речевой ипостаси языковой личности автора, его живой голос. Перейдём теперь к более подробному изучению понятия «идиолект».

В.В. Виноградов предлагал рассматривать идиолект как 1) совокупность речетекстовых произведений конкретного автора (в широком смысле); и 2) совокупность лингвоспецифических особенностей индивидуального языка автора (в узком смысле) [4, с. 3]. Близкое по духу толкование идиолекта дал В.П. Григорьев, который также предлагал понимать под идиолектом тезаурус, т.е. совокупность всех итераций отдельно взятого автора [4, с. 4]. Таким образом, идиолект выступает в роле собственно «языка», «базы данных» языковой личности. Стоит отметить, что понятие «язык» в отношении к идиолекту используется лишь относительно, ибо индивидуальный язык автора может включать в себя множество уровней общепринятой, специальной, профессиональной, жанровой, разговорной, литературной и т.п. лексики или грамматики. Тем не менее, как справедливо отметили Виноградов и Григорьев, корпус текстов писателя позволяет нам собрать воедино весь его языковой материал и вычленить уникальные элементы, отличающие его от конвенциональных форм.

Концептуализация идиолекта в термине «язык» в основе своей совпадает с трактовкой американского лингвиста Н. Хомского. В своих трудах учёный утверждает, что человек обладает «внутренним языком», который формируется в результате глубинных мыслительных процессов обработки лингвистического и экстралингвистического материала и репрезентируется в виде индивидуальной системы языка, т.е. идиолекта [4, с. 2]. Хомский по этому поводу говорит: «Внутренний язык, по большому счету, является идиолектом, индивидуальной системой языка» [1, с. 301]. Таким образом, идиолект можно считать своеобразным «языком» автора.

Именно чисто «языковая» природа идиолекта позволяет исследователям рассматривать его как отдельного представителя парадигмы «национальный язык – литературный язык – диалект» [11, с. 31]. Следовательно, идиолект анализируется как специфическая разновидность самостоятельной языковой системы. Соответственно, идиолект совпадает по своим характеристикам с членами данной парадигмы и является совокупностью относительно стабильных структурно элементов, присущих конкретной языковой личности.

Идиостиль же, по замечанию исследователя А.Ш. Зубиновой, является представителем ипостаси речи, ибо именно в идиостиле вербализуется и объективно представляется вся та система лексико-семантических, грамматических и фонетических особенностей, присущих уникальной языковой структуре индивида [6, с. 2].

Итак, зафиксировав релевантную концептуальную модель понятий «идиолект» и «идиостиль», можно обратиться к вопросу о соотношении данных явлений.

По мнению Е.Р. Корниенко, понятие «идиолект» первично по отношению к понятию «идиостиль», ибо является основополагающим структурным компонентом языковой личности и фундаментальной языковой базой для её непосредственной репрезентации в речи [9, с. 270]. Следовательно, идиолект является предпосылкой идиостиля. Похожую позицию озвучивает исследователь Е.И. Бойчук, рассматривающий идиолект как «общее» по отношению к «частному» - идиостилю [7, 12].

На уровне анализа практического материала обнаруживается ещё одно доказательство первичности идиолекта по отношению к идиостилю. По словам исследователя А.А. Ворожбитовой, идиостиль обладает определённой динамикой [3, с. 95]. Один и тот же автор 1) может модифицировать свой собственный идиостиль, с течением времени приходя к новым формам и новому содержанию; 2) способен использовать разные идиостили в разных произведениях, что отвечает специфической для каждого отдельного текста авторской задумке, сопряжённой со специфическими жанровыми, тематическими, стилистическими и языковыми преобразованиями.

С теоретической точки зрения данная позиция поддерживается исследователем Л.Р. Якуповой, отметившей, что в рамках функционально-доминантного подхода (С.Т. Золян, Ю.А. Борисенко) идиостиль выступает в роли «формы» или «структуры» идиолекта, что обуславливает «возможность смены установки и

потенциальной множественности идиостилей, соотносимых с идиолектом в ходе эволюции индивидуальной художественной системы» [12, с. 210].

Об этом же говорит М.П. Котюкова, указывая на то, что идиолект соотносится с языковой личностью во всей её полноте и комплексности в то время, как идиостиль соответствует не холической языковой личности, а отдельным социально детерминированным ролевым моделям языковой личности, что и обуславливает естественную способность идиостиля к изменению и объясняет наличие у одного писателя нескольких дистинктивных стилистических манер [6, с. 6].

Похожий взгляд разделяют исследователи Д. Кристалл и Д. Дейви, утверждавшие, что лингвистам стоит разделять «индивидуальность» и «оригинальность» автора, ведь «индивидуальность» («идиолект» в понимании учёных) обладает определённой статикой и в силу своего постоянства, хотя и относительного, занимает высшую иерархическую позицию по отношению к «оригинальности» («идиостилю» в понимании учёных), которая имеет тенденцию к динамической трансформации [6, с. 4].

Таким образом, понятия «идиостиль» и «идиолект» соотносятся следующим образом. Во-первых, данные явления обладают общими категориальными чертами: «языковая личность», «индивидуальность» и «когниция». Во-вторых, понятия «идиостиль» и «идиолект» обладают структурными и функциональными различиями, позволяющими разделять их по линии «язык-речь», а также по иерархической линии «общее-частное».

Литература

1. Chomsky N. *New Horizons in the Study of Language and Mind*. U.K. Cambridge University Press:2000, 345p.
2. Богданова Е.В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-izucheniya-termina-idiolekt-v-otechestvennoy-i-zapadnoy-lingvistike> (дата обращения: 24.04.2023)
3. Ворожбитова А.А. Соотношение понятий «идиолект» и «идиостиль» в лингвистической парадигме [Электронный ресурс] // eLibrary: научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38955123> (дата обращения: 23.04.2023)
4. Гордашникова Д.С. О соотношении понятий «идиолект» и «идиостиль» [Электронный ресурс] // eLibrary: научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38589335> (дата обращения: 24.04.2023)
5. Звегинцев В.А. «История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях». М.: Просвещение, 1960. Ч. 1. 464 с.
6. Зубинова А.Ш. Идиолект и его связь с понятием идиостиля и языковой личности [Электронный ресурс] // eLibrary: научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32330476> (дата обращения: 23.04.2023)
7. Бойчук Е.И., Воронцова И.А., Шляхтина Е.В., Беляева О.В. Идиостиль и ритм текста: коллективная монография. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. 184 с.
8. Кожина М.Н. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: ФЛИНТА, 2015. 613 с.
9. Корниенко Е.Р. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотношении понятий [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiolekt-i-idiostil-k-voprosu-o-sootnesenii-ponyatiy> (дата обращения: 22.04.2023)
10. Рыжикова М.Д. Понятия «идиолект» и «идиостиль» в лингвистических разработках [Электронный ресурс] // eLibrary: научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29649031> (дата обращения: 21.04.2023)
11. Чернышева Т.А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения [Электронный ресурс] // eLibrary: научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15215804> (дата обращения: 20.04.2023)
12. Якупова Л.Р. О соотношении понятий «идиолект» и «идиостиль» [Электронный ресурс] // eLibrary: научная электронная библиотека. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19095749> (дата обращения: 25.04.2023)

References

1. Chomsky N. *New Horizons in the Study of Language and Mind*. U.K. Cambridge University Press:2000, 345p.
2. Bogdanova E.V. O nekotoryh aspektah izuchenija termina idiolekt v otechestvennoj i zapadnoj lingvistike [Jelektronnyj resurs]. KiberLeninka: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-izucheniya-termi-na-idiolekt-v-otechestvennoj-i-zapadnoj-lingvistike> (data obrashhenija: 24.04.2023)
3. Vorozhbitova A.A. Sootnoshenie ponjatij «idiolekt» i «idiostil'» v lingvisticheskoj para-digme [Jelektronnyj resurs]. eLibrary: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38955123> (data obrashhenija: 23.04.2023)
4. Gordashnikova D.S. O sootnoshenii ponjatij «idiolekt» i «idiostil'» [Jelektronnyj resurs]. eLibrary: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38589335> (data obrashhenija: 24.04.2023)
5. Zvegincev V.A. «Istorija jazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlechenijah». M.: Prosveshhenie, 1960. Ch. 1. 464 s.
6. Zubinova A.Sh. Idiolekt i ego svjaz' s ponjatiem idiostilja i jazykovej lichnosti [Jelektronnyj resurs]. eLibrary: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32330476> (data obrashhenija: 23.04.2023)
7. Bojchuk E.I., Voroncova I.A., Shljahtina E.V., Beljaeva O.V. *Idiostil' i ritm teksta: kollektivnaja monografija*. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2019. 184 s.
8. Kozhina M.N. *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka*. Moskva: FLINTA, 2015. 613 s.
9. Kornienko E.R. Idiolekt i idiostil': k voprosu o sootnesenii ponjatij [Jelektronnyj resurs]. KiberLeninka: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/idiolekt-i-idiostil-k-voprosu-o-sootnesenii-ponyatij> (data obrashhenija: 22.04.2023)
10. Ryzhikova M.D. Ponjatija «idiolekt» i «idiostil'» v lingvisticheskikh razrabotkah [Jelektronnyj resurs]. eLibrary: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29649031> (data obrashhenija: 21.04.2023)
11. Chernysheva T.A. Idiostil': lingvisticheskie kontury izuchenija [Jelektronnyj resurs]. eLibrary: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15215804> (data obrashhenija: 20.04.2023)
12. Jakupova L.R. O sootnoshenii ponjatij «idiolekt» i «idiostil'» [Jelektronnyj resurs]. eLibrary: nauchnaja jelektronnaja biblioteka. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19095749> (data obrashhenija: 25.04.2023)

*Kashchenko A.E.,
Rostov State University of Economics (RINE)*

The problem of demarcation of the notions of “idiostyle” and “idiolect”

Abstract: the article is devoted to the problem of demarcation of the concepts of "idiostyle" and "idiolect" within the paradigm of modern linguistic research. The main purpose of this work is to search for a relevant model for distinguishing the concepts of "idiostyle" and "idiolect" at the theoretical level. To achieve this goal, the following tasks were planned. Firstly, it is necessary to identify the historical background of studying these phenomena, as well as to trace the difference to approaches in domestic and foreign philology. Secondly, it is necessary to formulate problems and questions concerning the study of idiolect and idiostyle in the perspective of their interaction. Thirdly, it is necessary to determine the definitions of these concepts, as well as to emphasize both the general characteristics and the distinguishing factors at different system levels. Finally, it is necessary to analyze the relationship of these concepts in a hierarchical structure and systematic interdependence. The novelty of this article is due to the lack of consensus in the modern linguistic paradigm on the issue of demarcation of these concepts. The article discusses various approaches to the definition, structuring and functioning of idiolect and idiostyle. The fundamental similarities and differences of these phenomena are revealed. The concepts of "idiostyle" and "idiolect" are being demarcated. The applied function of this article is realized due to three aspects: 1) facilitating the demarcation process within the framework of practical literary studies; 2) improving theoretical material for pedagogical purposes; 3) deepening the characterization of idiostyle and idiolect for linguistic expertise.

Keywords: idiostyle, idiolect, language, speech, demarcation, cognition, linguistic personality

For citation: Kashchenko A.E. The problem of demarcation of the notions of “idiostyle” and “idiolect”. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 59 – 64.

Received: May 23, 2023; Revised: June 17, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Левина В.А., доцент,
Московский международный университет*

Значение интерпретации в формировании языковой картины мира

Аннотация: целью настоящей статьи является исследование современного состояния научного знания о способах формирования в сознании человека картины мира и языковой картины мира как её составной части. Научная новизна состоит в анализе фактора влияния интерпретации как целенаправленной смыслообразующей функции сознания человека в различных условиях от обыденных обстоятельств жизни до научной, публицистической, юридической, художественно-творческой деятельности. Кроме того, интерпретация, являясь в своей основе биологической функцией, позволяет использовать в смыслообразовании факторы эмоционально-оценочного, ментального характера, которые раньше не относили к функциям языка.

В результате показана очевидная взаимосвязь в сознании человека бессознательных, биологических интерпретаций, факторов личного и общественного менталитета, особенностей национального и профессионального опыта интерпретатора. В качестве теоретической базы использованы труды отечественных учёных из областей филологии, психологии, биологии, физиологии. Практическая значимость работы заключается в возможности углублённого подхода к составлению методических материалов программ обучения специалистов филологов.

Кроме того, анализ эмоционально-оценочных, эмотивных элементов в различных текстах, аналитических статьях и телепередачах, в том числе зарубежных СМИ, позволит в процессе интерпретации более точно выявлять смысловые комбинации, скрытые смыслы, шаблоны и ярлыки, а также целенаправленные эмоционально-когнитивные приемы воздействия на аудиторию с целью создания ложной или целенаправленной точки зрения на обсуждаемый вопрос. Дополнительный эффект можно получить в дальнейшем улучшении качества программ автоматического перевода текстов, в том числе художественных произведений.

Ключевые слова: интерпретация, картина мира, языковая картина мира, языковая личность, смыслообразование

Для цитирования: Левина В.А. Значение интерпретации в формировании языковой картины мира // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 65 – 72.

Поступила в редакцию: 18 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Современная антропоцентрическая парадигма науки прочно связывает такие явления как язык, речь, мышление с проявлением высшей нервной деятельности человека, то есть имеющих биологическую основу. В лингвистику фундаментальные представления о филогенезе психических функций мозга перешли из психологии. В частности, в отечественной науке в основе этих исследований лежат работы И.М. Сеченова в его труде «Рефлексы головного мозга» 1863 г., В.М. Бехтерева, Г.И. Челпанова, И.П. Павлова. Важную роль играют и работы зарубежных авторов: Дж. Уотсон – автор теории бихевиоризма, то есть повседневной психологии. Эти идеи продолжил Э. Торндайк.

В процессе научной полемики различных научных школ наиболее приемлемым стала формулировка что: Человек – это биосоциальное существо, которое обладает сознанием, речью, абстрактно-логическим мышлением, логической памятью. Он способен создавать орудия труда и пользоваться ими. Все эти качества не передаются человеку в порядке биологической наследственности, а формируются у него в процессе жизнедеятельности, усвоения культуры и опыта созданных предшествующими поколениями.

Личный опыт человека не приводит к формированию общей системы понятий. Таким образом, вся жизнедеятельность человека базируется на взаимодействии социального и биологического факторов, где ведущую роль играет именно социальный фактор. Он проявляет себя как инструмент влияния на личность человека в качестве социально-психологических явлений в процессе взаимодействия личности и других групп в различных обстоятельствах и условиях, включая как позитивные факторы, так и проявление агрессии, конфронтации, неприязни и так далее. С точки зрения психологии, социальная среда – это всё, что окружает человека в его социальной жизни.

Социальная среда не является статичной. Она может радикально изменяться вместе с социально-политическим строем, экономическим укладом климатической зоной проживания людей. К индивидуальным чертам личности принято относить характер, жизненные ценности, эмоциональность, историю семьи.

Интерпретация, то есть психическое отражение мира в сознании человека, не является автоматическо-механическим копированием всего, что чувствует организм через свои рецепторы. Это по сути постоянный поиск и выбор в потоке поступающей информации каких-либо факторов положительного либо отрицательного характера с целью их применения, либо напротив отторжения в сознании. Часть этих факторов является биологическими реакциями, часть проявлением субъективной рефлексии личности, часть как реакция личности на известные ей общеустановленные правила в социуме.

Психологическая наука сегодня трактует понятие «психика», как системное качество мозга, которое реализуется через функциональные, многоуровневые нейронные системы головного мозга.

К основной функции сознания относят формирование целей деятельности человека, в способности мысленно анализировать свои поступки и их последствия, регулировать собственную эмотивность в отношениях с другими людьми. Самая простая классификация свойств сознания дает три основных его функции: познание, переживание, построение отношений. Таким образом, мышление и эмоции являются неотъемлемой частью сознания.

Не менее важную роль играет определение понятия «смысл» именно как субъективное понимание и отношение личности к ситуации, информации, состоянию общества, своему месту в этом обществе, к личным и общественным целям. Каждый человек представляет собой личность, которая рассматривается как феномен, существующий в человеке в форме сознание и самосознание. Сознание личности во многом определяет мотивы поступков человека.

Лингвистический поворот во многом произошёл благодаря трудам отечественных учёных: А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, П.Я. Гальперина, Л.С. Выготского, А.В. Запорожца, Н.Г. Морозова и многих других. Они позволили прогнологически связать теоретические психологические исследования в психологии и лингвистике, и создали фактически новые направления исследований, такие как психолингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, позже лингвокультурология.

О.К. Тихомиров пишет: «Мыслительная деятельность всегда не только личностно, но и индивидуально своеобразна. Индивидуальные особенности проявляются в возможности увидеть проблемную ситуацию, в формулировании задачи, в особенности анализа и использования условий задачи, в соотношении осознанного и неосознанного в характере эмоциональной регуляции поиска, в тактиках целеобразования [1, с. 197].

Аналогичную позицию занимает и А.А. Залевская: «Естественные понимания текста обеспечиваются работой ансамбля соответствующих психических механизмов и протекают на разных уровнях осознаваемости при взаимодействии комплекса внутренних и внешних факторов» [2, с. 147].

Специфика процессов понимания и интерпретации во многом будет зависеть от того, какой именно объект или явление подвергается осмыслению. Интерпретация является одной из фундаментальных смыслообразующих функции познавательной деятельности.

«Интерпретация – это понимание создаваемого в коммуникации значения на основе единства социальных и индивидуальных знаний, применения опыта, познания, общения. Любая интерпретация отдельных познавательных актов, выраженных в тех или иных языковых структурах, может быть адекватной только при учёте всей цепи соответствующих познавательных актов, другими словами, не только самого языкового выражения, но и знания о действительных ситуациях, приобретённых человеком как на основе своего индивидуального опыта, так и общественного опыта, закреплённого и переданного в языковых формах [3, с. 59].

Существует ещё одна важная формулировка понятия интерпретации в составе когнитивной науки, которая исследует в том числе такие факторы как мышление, сознание, восприятие, внимание, узнавание [4, с. 152].

Понимание и интерпретация как осуществления понимания могут происходить только в результате мыслительных операций анализа и синтеза. Анализ в этом случае выступает как метод расчленения объекта на отдельные части и выделение их отдельных свойств.

Синтез напротив позволяет соединить отдельные части в целое и изучить виды связи между ними. В.И. Карасик пишет: «Человеческое сознание многомерно, и многомерны составляющие его ментальные образования, поскольку мир многопричинен и многовариантен, человеческая отдельность объясняет наше челночное движения от системы наших субъективных представлений и знаний о мире к внешнему миру и обратно и, соответственно, объясняет неизбежных постоянных изменений тех единиц опыта, которые хранятся в индивидуальной памяти человека» [6, с. 9-10].

Ниже в рис. 1 мы приводим наиболее объективную, на наш взгляд, систему взаимосвязей видов и способов интерпретаций, которые охватывают весь спектр этого мыслительного процесса.

Рис. 1. Виды и способы интерпретации

Исм.: Психолог <https://psychologos.ru/articles/view/interpretaciya>

Эта схема позволяет в целом понять методологический подход к классификации видов интерпретаций, однако существуют и другие методики, основанные на предметных областях знаний, в которых производятся интерпретации. Имеется ввиду, что в точных, гуманитарных науках, в художественных произведениях различных жанров подход к вариативности смыслов совершенно различный.

В точных науках логико-понятийная система позволяет сопоставлять результаты экспериментов, измерений величин строго в рамках научной области. В юридических науках напротив обвинение и защита выступают с противоположных позиций интерпретации фактов. В художественных произведениях количество интерпретаций может быть очень небольшим. Иногда авторы создают сложную сюжетную ситуацию, намеренно создавая, «фондовые» коннотации текста именно с целью повышения интереса зрителя к произведению в том числе различных по образованию слоев общества.

В современной Москве существуют более 100 театров. В каждом театральном сезоне одновременно идут 4-5 постановок одной и той же пьесы, но в совершенно различной интерпретации. В рамках новых научных дисциплин, где количество сложных научных терминов очень быстро увеличивается используют знаково-интерпретационный метод в терминоведении для анализа свойств плана содержания терминологических единиц. [6, с. 8].

Многие аналитические телевизионные программы изначально задуманы в сценарном плане, как арена для столкновения различных по направленности интерпретаций на заданную в передаче тему. Относительно новым явлением стали авторские блоги в социальных сетях, которые могут намеренно искажать факты целью провокационной интерпретации, для повышения собственных рейтингов и получения личной выгоды. В рекламных целях создаются технологии, связанные со способами интерпретаций, которые могут привлечь внимание потенциальных покупателей. Визуально они могут усиливаться видеоматериалами, создающими различные иллюзии эффективности средства, низкой цены, престижности, ограниченного объема выпуска и так далее.

Виды интерпретации по смысловой направленности:

- Объединённая, то есть в процессе жизнедеятельности человека (бессознательная при получении физиологических ощущений, автоматизмы, привычки, традиции).

- С использованием личной ментальности (характер, особенности жизни, работы, уровня материального достатка, уровня образования, степени эмотивности и так далее)
- С использованием менталитета общества (уровень развития науки, образования, экономики, политические процессы, развитость СМИ, общественных институтов, истории народа)
- По установленным правилам (с ограничением), (интерпретация законов в юридическом процессе, в науке, в официальных государственных документах)
- В традициях государственной политики (религия, традиции, нравственные доминанты в обществе)
- С учётом интернационализации специальной лексики (методов распространения новостей и другой информации, глобальных торговых сетей)
- Когнитивные технологии направленного действия (лингвистическое программирование, создание искусных приоритетов и целей. Рекламные и политические технологии)
- С целью осмысления творчества и художественных произведений, в том числе скрытых и неявных смыслов, чувственных интуитивных оттенков смысла в различных жанрах
- Интерпретация экспериментальных данных в рамках научной концепции в точных науках.

К новым направлениям изучения природы интерпретации можно отнести работы В.И. Шаховского в области исследования значения эмоций в науке о языке.

«Ещё одним шагом, приблизившим формирование лингвистической парадигмы изучения эмоций, следует считать признание наукой факта о единстве разума и эмоции в структуре языковой личности.

Долгое время в психологической науке эмоции и разум языковой личности многими учёными рассматривались как отдельные проявления психики. Многочисленные эксперименты доказали, что психика, сознание, мышление и язык тесно взаимосвязаны и что в любом языке имеются эмотивные знаки, с помощью которых вербализуются и выражаются, эмоциональное отношение человека к миру и к себе» [7, 13].

Ещё в 1997-ом году американский психолог Даниель Гоулман ввёл термин «эмоциональный интеллект» [8, с. 320].

В любом языке можно выделить лексику эмоций, в которой существует закономерность в виде дихотомии номинации эмоций по типу оценочного знака. Статистика показывает, что в целом количество эмотивов с отрицательной оценочной семантикой количественно больше, чем с положительной. Однако частота употребления негативной лексики меньше. С.Г. Воркачев пишет: «Любая личность – индивидуальная или групповая имеет собственные взгляды на мир и на свое место в нём, обладает собственным характером и присущими только ей стереотипами поведения, и все это безусловно отражается в ее языке.

Под термином «языковой менталитет» понимается совокупность специфически национальных мировоззренческих, психологических и поведенческих установок языковой личности как усредненного представителя множества носителей языка, зафиксированная в семантической системе последнего. Национальный менталитет, национальная ментальность и национальный характер – понятия соположенные и пересекающиеся, и в лингвокультурологических исследованиях часто не различающиеся» [9, с. 16].

Новый взгляд на эмотивность, который мы разделяем, заключается в утверждении о том, что эмоциональность является в своей природе биологической реакцией тела человека на внешний раздражитель. Однако из сферы биологии и физиологии, эмоциональность находит свое отражение в лингвистике через лингвистическую эмотивность вследствие интерпретации физических ощущений через работу психического аппарата человека.

Экспрессивность в свою очередь отражает субъективную оценку информации и события конкретным человеком. Кроме того, эмотивная лексика активно участвует в создании оценочных коннотаций, без которых невозможно сохранить смысл некоторых высказываний. Эмоционально-оценочные лексемы – это абстрактные единицы морфологического анализа, которые несут в своем значении эмоционально-оценочный компонент. В реальных условиях эмотивы можно различить на две основные группы: номинативы, которые могут вербализовать семантику полярности эмоции, и ассоциативы, которые могут быть эмоциональными ассоциациями с животными (зоонимы), с различными цветами (колоронимы), и реакциями (рофлексивы).

Эмоциональные отношения в языке могут быть представлены непосредственно междометиями и инвективной лексикой, а в некоторых случаях и прямой номинацией. В исследовании эмотивности образовались новые термины: эмоциональная память, эмоциональные валентности, эмоциональные ситуации, эмоциональная мотивация, вербализация эмоций, эмоциональная концептосфера, эмоциональное поведение, ядерные и периферийные эмоции, толкование эмоций, эмоциональное состояние, словарно-эмотивное значение, эмоциональное отношение.

Исследования показывают, что мысли и чувства в процессе взаимодействия нашего сознания с окружающим миром являются двумя способами его восприятия. Отражение может включать две стороны аффективную и интеллектуальную. Так взаимодействуют рациональное и эмоциональное, что говорит о возмож-

ности эмоционального отношения языковой личности к предмету коммуникации, которое может включать формы эмоциональных образов. Например, это могут быть «ушедшие в народ» фразы из кинофильмов, или различных литературных произведений сатирического, юмористического, и даже драматических жанров. Таким образом появляется ещё один новый термин – эмоциональный тип познания.

Особого внимания заслуживает процесс использования эмотивной лексики в политическом дискурсе.

М.Я. Блох пишет: «Экспрессивность заключается в усилении впечатляющей силы высказывания в соответствии с планируемым целенаправленным воздействием на адресата. Политическая речь, как любой текст, состоит из элементарных тематических единиц – дегтем. К функциям диктемы относятся номинация, предикация, тематизация и стилизация. Эффект стилизации реализуется посредством импрессивной и эмотивной рубрик информации, выдвигаемых в политическом красноречии на первый план и создаваемых при помощи эмотивов и экспрессивов разных уровней языка» [10, с. 14-18]

К дополнительным средствам воздействия на публику можно считать высокую плотность употребления эмотивов, использование тропических и аранжировочных средств. В этой связи выделяются следующие группы эмотивов: эмотивы – ассоциативы, эмотивы – экспрессивы, эмотивы – номинативы, окказиональные эмотивы.

Кроме того, в политических дискурсах часто используются имплицитно-оценочные приемы риторики, основанные на эффекте сравнения часто с несопоставимыми фактами или несоразмерными явлениями. Политические ярлыки и идеологемы также могут быть эмоционально окрашены иногда в определённом контексте, переходя в реальные оскорбления. Рассматривая проблемы интерпретации событий, фактов, вещей А.Ф. Лосев писал: «В процессе интерпретации мы создаем интерпретативные формы жизни вещи. Понимание дается бесчисленными способами интерпретаций» [11, с. 226-227].

Основным контекстом интерпретации языковых знаков в переводе является концептуальная тема человека. «Понимание концепта формируется в процессе развития способности понимать интонацию и экспрессию. Никакой речи и никакого звука речи не существует ни без интонации, ни без экспрессии» [12, с. 22].

Однако, сегодня понятия эмоциональность, экспрессивность, эмотивность, оценочность, образность не признаны синонимами, и рассматриваются как самостоятельные понятия. Продукт интерпретации есть реализованное понимание смысла, а также является смысловым целым.

Интерпретация являясь целенаправленным смыслообразующим явлением способствует образованию или выявлению новых смысловых, коннотативных значений не только в языке, но и посредством языка в картине мира человека или сообщества. Картина мира как абстрактная категория существует только в сознании человека. Изучению картины мира посвящены труды многих авторов: А.Н. Леонтьева, А.Ф. Лосева, Ю.Д. Апресяна, Б.А. Серебряникова, А.А. Уфимцевой. В этой области исследований уже сложилась теоретическая база, не вызывающая возражений. В частности, принято считать, что языковая картина является только частью общей картины мира. Это объясняется очевидным фактом того, что индивидуальная, или групповая языковые картины мира репрезентованы в рамках своего национального языка, то есть этническо-фольклорной, культурно-исторической общности людей на конкретной территории. В этом смысле можно говорить о картине мира как о ментальной структуре.

«Картина мира может быть глобальной, общечеловеческой, поскольку включает в себя логику человеческого мышления. В этом смысле картины мира у всех людей имеют общие черты, так как человеческое мышление осуществляется по единым законам. Однако у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, различных областей научного знания и профессий, картины мира могут быть различными» [13, с. 401].

В.В. Морковкин предложил перечень источников познания окружающей реальности: врождённое знание (как результат филогенеза человека), знания получаемые в процессе жизни, практической, социальной жизни (в том числе в результате взаимодействия личного менталитета с миром знания, полученные из различных текстов (в том числе с учётом личной интерпретации), знания существующие в этносе (в том числе с интерпретацией общественным менталитетом) [14, с. 32-43].

Аналогичное мнение выражает Б.А. Серебряников: «Однако понимание определённой картины мира не может ограничиваться только названием предметов, явлений их свойств. Оно предполагает познание их различных свойств, связей с другими предметами и явлениями, их отношений. Познание сущности окружающей картины мира предполагает размышление, исследование этих связей, сопоставление изучаемых предметов и явлений с другими предметами и явлениями. Познание картины мира в таком понимании может быть осуществлено только в связной речи. Известно, что основная сущность предположения в различных языках мира состоит в раскрытии различных качественных и процессуальных признаков интересующего предмета или явления» [15, с. 57].

В темпе современной жизни картина мира человека может быстро изменяться, однако языковая картина мира более консервативна. Она тоже может изменяться, но не так быстро. Кроме того, под влиянием таких факторов, как например изменение научной парадигмы в науке или общественного мнения в политологии, картина мира может измениться частично.

«Постепенность развития языка при непрерывности выполнения им коммуникативной функции, более того, в прочная связность этих явлений (язык развивается только в процессе коммуникации) ведёт к тому, что в каждом синхронном состоянии языка присутствует большое количество единиц и категорий, лишь частично изменивших свое качество, находящихся в процессе образования. Наличие переходных, промежуточных элементов резко отличает язык от искусственно созданных семиотических систем» [16, с. 171, 162]

В повседневной жизни, в современных СМИ, существует упрощенная общеупотребительная (наивная) лексика. Однако в её составе, конечно, присутствуют фрагменты картины мира, которые могут включать и сленг, жаргонизмы, штампы, ярлыки и так далее. В этом случае происходит эмотивная интерпретация, о которой мы говорили выше, и которая считается эмоционально-чувственной сферой как части интеллектуальной деятельности человека. То есть самостоятельное значение может быть окрашено эмоционально.

«Окружающая нас материальная действительность постоянно изменяется, развивается по законам диалектики, все взаимосвязано, она текуча, в ней отсутствуют строго разграничительные линии. Поэтому процесс познания действительности связан с выделением каких – то отдельных предметов с их наименованием, с их отождествлением между собой, с превращением непрерывного в дискретное, текущего в жёсткое» [17, с. 76].

В герменевтике методы использования анализа и синтеза проявляются в принципах интерпретации в том числе в принципе герменевтического «круга части и целого».

«Конечный продукт работы интерпретатора – вербализованное понимание. Интерпретация также являет собой смысловое целое, продукт, синтезированный на основе проанализированного. Подлежащий пониманию и интерпретации текст есть сложная система, многомерное образование, обязательным условием осмысления которого является вычисление более простых элементов (анализ). Выявить иерархию смыслов можно лишь синтезируя многообразные текстовые элементы в их различных конфигурациях [18, с. 279].

«В устной коммуникации большое значение имеет интерпретация высказывания на основе знания языка, знания права, морали, науки, мировоззрения, истории, искусства народа» [19, с. 3].

И.А. Зимняя полагает, что в основе интерпретации текста лежит развитие умения понимания единства трех планов высказывания (текста): предметного плана, плана смыслового содержания, плана языкового оформления [20, с. 168].

Современная антропоцентрическая научная парадигма рассматривает сознание человека как совокупность нескольких составных частей: логико-понятийной, сенсорно-рецептивной, эмоционально-оценочной, нравственно-ценностной, или логической. В сознании окружающий нас мир не отражается зеркально, а преломляется (интерпретируется), в том числе с помощью языка, что составляет языковую картину мира.

Заключение

Первые модели картины мира возникли ещё в античности (Анаксимандр из Милета 624 – 547 гг. до нашей эры), Гераклид, Пифагор, Аристотель 384 – 322 гг. до нашей эры, Евклид, Клавдий Птолемей. Модели природы и окружающего мира менялись с появлением научных открытий, формированием более совершенных социальных отношений, возникновению государств, развитием торговли и правовой системы. В настоящее время существует много научных подходов к определению языковой картины мира. Наиболее употребительной является схема её деления на концептуальную и языковую.

Мы полагаем, что большой объем исследований в этой области подтвердил правоту отечественной школы языкознания. Наиболее точным по глубине анализа процессов мышления, смыслообразования, взаимозависимости языковых знаков, мы считаем понятие «лингвокреативное мышление». Этот тип мышления является отражательно – гносеологическим и оперирует ассоциациями, интерпретациями, возникающими на базе понятий, и уже закреплённых в языке в форме значений. Современные языки, особенно в разных странах развиваются очень быстро, то есть намного быстрее чем это было ещё 30-40 лет назад. И языкознание отчётливо показывает следующую зависимость: чем развитее язык, тем более разветвленными и дифференцированными лексико – семантическими системами он обладает.

В процессе развития технологий, общественно-политических процессов, то есть познания и осмысления действительности, выявляются, интерпретируются все больше новых явлений, их особенности, свойства, оттенки, эмотивность, явные и скрытые смыслы, жанровые направленности и таким образом создаются новые системы. В различных областях знания существуют собственные наименования интерпретаций: естественно-научная, логико-математическая, гуманитарная, в психоанализе: генетическая, динамическая, ана-

логическая. В компьютерной лингвистике: принципы гипотетической интерпретации, композиционной интерпретации, множественности и упорядоченности видов интерпретации, максимальных ограничений, предпочтения, слева направо, оптимальности, параллельности.

В системах автоматического перевода существует технология морфологической интерпретации. Разнообразие этих методов говорит о существенном усложнении глобальной картины мира, и как следствие о необходимости постоянной работы сознания человека в осмыслении целостной истинной картины мира и принятия в ней правильных решений.

Литература

1. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.изд. МГУ 1984. С. 262.
2. Залевская А.А. Текст и его понимание. М.: Изд. ТГУ, 2001 г. С. 177.
3. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и в языке. М.: Изд. Комкниге, 2006. С. 128.
4. Демьянков В.З. Доминирующие теории и теории меньшинства в лингвистике конца XX века // Материалы международной конференции М., 1995. Т. 1. С. 151 – 152.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Изд. Гнозис, 2009. С. 409.
6. Виноградов С.Н. Знаково-интерпретационный аспект русской лингвистической терминологии: автореф дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2011. С. 27.
7. Шаховский В.И. Эмоции. Долигвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Изд. Либроком, 2015. С. 128.
8. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М. изд. Манн, Иванов и Фербер 2022 г. С. 514.
9. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология и ее терминосистема (продолжение дискуссии) / Уральский государственный педагогический университет. «Политическая лингвистика». 2014. № 3 (49). С. 12 – 20.
10. Блох М.Я., Резникова Н.А. Средства эмоционального воздействия политических выступлений // Вестник ТГПУ. Вып. 9 (60). Серия: Гуманитарные науки (филология). 2006. С. 14 – 18.
11. Лосев А.Ф. Вещь и имя. Спб.: Изд. О. Абышко, 2008. С. 576.
12. Лосев А.Ф. Знак, символ, миф. М.: Изд. МГУ, 1982. С. 480.
13. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания. Тула. Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Изд. ТулГУ, 2012. С. 396 – 405.
14. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы М. изд. АО Астра семь, Руссловари. Ин-т рус. яз. им. Пушкина 1997. С. 415.
15. Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Изд. Либроком, 2010 г. С. 248.
16. Серебрянников Б.А. Общее языкознание. М.: Изд. Наука, 1970. С. 604.
17. Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. М.: Изд. АН СССР, 1961. С. 352.
18. Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. Спб.: Изд. ООО Книжный дом, 2007. С. 472.
19. Вежицкая А. Язык, культура, познание. М.: Изд. Русские словари, 1998. С. 411.
20. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. Воронеж: Изд. НПО «МОДЭК», 2001. С. 432.

References

1. Tihomirov O.K. Psihologija myshlenija. M.izd. MGU 1984. S. 262.
2. Zalevskaia A.A. Tekst i ego ponimanie. M.: Izd. TGU, 2001 g. S. 177.
3. Kolshanskij G.V. Ob#ektivnaja kartina mira v poznanii i v jazyke. M.: Izd. Komknige, 2006. S. 128.
4. Dem'jankov V.Z. Dominirujushhie teorii i teorii men'shinstva v lingvistike konca HH veka. Materialy mezhdunarodnoj konferencii M., 1995. T. 1. S. 151 – 152.
5. Karasik V.I. Jazykovye kljuchi. M.: Izd. Gnozis, 2009. S. 409.
6. Vinogradov S.N. Znakovo-interpretacionnyj aspekt russkoj lingvisticheskoj terminologii: avtoref dis. ... dokt. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2011. S. 27.
7. Shahovskij V.I. Jemocii. Doligvistika, lingvistika, lingvokul'turologija. M.: Izd. Librokom, 2015. S. 128.
8. Goulman D. Jemocional'nyj intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ. M. izd. Mann, Ivanov i Ferber 2022 g. S. 514.
9. Vorkachev S.G. Lingvokul'turnaja konceptologija i ee terminosistema (prodolzhenie diskussii). Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. «Politicheskaja lingvistika». 2014. № 3 (49). S. 12 – 20.

10. Bloh M.Ja., Reznikova N.A. Sredstva jemocional'nogo vozdejstvija politicheskikh vystuplenij. Vestnik TGPU. Vyp. 9 (60). Serija: Gumanitarnye nauki (filologija). 2006. S. 14 – 18.
11. Losev A.F. Veshh' i imja. Spb.: Izd. O. Abyshko, 2008. S. 576.
12. Losev A.F. Znak, simvol, mif. M.: Izd. MGU, 1982. S. 480.
13. Goncharova N.N. Jazykovaja kartina mira kak ob#ekt lingvisticheskogo opisanija. Tula. Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. Vyp. 2. Izd. TulGU, 2012. S. 396 – 405.
14. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russkie agnonimy M. izd. AO Astra sem', Russlovari. In-t rus. jaz. im. Pushkina 1997. S. 415.
15. Serebrjannikov B.A. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i myshlenie. M.: Izd. Librokom, 2010 g. S. 248.
16. Serebrennikov B.A. Obshee jazykoznanie. M.: Izd. Nauka, 1970. S. 604.
17. Gorskij D.P. Voprosy abstrakcii i obrazovanie ponjatij. M.: Izd. AN SSSR, 1961. S. 352.
18. Shhirova I.A., Goncharova E.A. Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretacija. Spb.: Izd. OOO Knizhnyj dom, 2007. S. 472.
19. Vezhbickaja A. Jazyk, kul'tura, poznanie. M.: Izd. Russkie slovari, 1998. S. 411.
20. Zimnjaja I.A. Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti. Voronezh: Izd. NPO «MODJeK», 2001. S. 432.

*Levina V.A., Associate Professor,
Moscow International University*

The meaning of interpretation in the formation of language picture of the world

Abstract: the purpose of this article is to study the current state of scientific knowledge about the ways of forming a picture of the world and the language picture of the world in the consciousness of a person as its component. The scientific novelty consists in the analysis of the factor of interpretation influence - as a purposeful meaning-forming function of a person's consciousness in various conditions from ordinary circumstances of life to a scientific, journalistic, legal, artistic and creative activity. In addition, the interpretation, which is based on a biological function, allows you to use the factors of an emotionally – evaluative, mental nature in meaning, which have not previously attributed to the functions of the language.

As a result, an obvious relationship is shown in the minds of a person of unconscious, biological interpretations, factors of personal and social mentality characteristics of national and professional experience of interpreter. As a theoretical base, the works of domestic scientists from the fields of philology, psychology, biology, and physiology were used. The practical significance of work lies in the possibility of in-depth approach to the compilation of methodological materials of training programs for specialists of philologists.

In addition, the analysis of emotional - evaluative, emotional elements in various texts, analytical articles and television programs, including foreign media, will allow in the interpretation the semantic combinations, hidden meanings, templates and labels, as well as targeted emotionally and cognitive techniques of impact on the audience in order to create a false or focused point of view on the issue under discussion. An additional effect can be obtained in the future improvement of the quality of programs for automatically translation of texts, including works of art.

Keywords: interpretation, picture of the world, language picture of the world, linguistic personality, meaning-making

For citation: Levina V.A. The meaning of interpretation in the formation of language picture of the world. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 65 – 72.

Received: May 18 , 2023; Revised: June 17, 2023; Accepted: June 30, 2023.

Матвеева Е.В.,
Мечников Л.И.,
Фёдорова А.Л.,

Уфимский университет науки и технологий

Перевод немецких реалий в художественном тексте

Аннотация: многие учёные в разное время предпринимали попытки создать единую классификацию реалий. Они давали разные определения данному понятию и разграничивали явления, относящиеся к нему. В данной статье рассматриваются несколько определений термина «реалия», типологии реалий и способы их перевода. Цели исследования заключаются в сравнении классификаций реалий В.С. Виноградова, Г.Д. Томашина, Л.В. Сусловой, С. Влахова, С. Флорина и К. Хеншельманна, выявлении статистических данных о переводе реалий немецкой жизни и анализе способов их передачи в литературе. В качестве материала для исследования послужил сборник рассказов Хартмута фон Хентига «Deutschland in kleinen Geschichten» (в переводе – «Немцы о Германии и о себе»). Для достижения целей были поставлены и решены следующие задачи: составление обобщённой таблицы реалий, объединяющей все упомянутые классификации, подсчёт числа реалий по видам, подсчёт случаев применения разных способов перевода реалий, приведение данных по видам реалий в порядке убывания согласно частоте упоминания с разделением по способам перевода.

Ключевые слова: перевод реалий, немецкий язык, лингвокультурология, национально-культурная специфика, классификации реалий, межкультурная коммуникация, художественный перевод

Для цитирования: Матвеева Е.В., Мечников Л.И., Фёдорова А.Л. Перевод немецких реалий в художественном тексте // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 73 – 78.

Поступила в редакцию: 28 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

При переводе художественных произведений возникает много сложностей, одной из которых является адекватный перевод реалий. В художественных произведениях реалии используются для воссоздания национального, исторического и местного колорита и, соответственно, являются важной составляющей оригинала, которая должна быть передана в переводе. Необходимость передачи национально-культурной специфики исходного текста представляет собой **актуальную** проблему переводоведения. **Объектом** исследовательской работы являются реалии, т. е. слова и выражения, отражающие культурные особенности немецкого народа. **Предметом** исследования является перевод немецких реалий на русский язык в художественной литературе. **Материалом** исследования послужил сборник рассказов Хартмута фон Хентига «Deutschland in kleinen Geschichten» (в переводе – «Немцы о Германии и о себе»).

Цель исследования заключается в выявлении статистических данных о переводе реалий немецкой жизни и анализе способов их передачи на примере литературных текстов. **Методологическую и теоретическую основу** работы составили труды отечественных и зарубежных исследователей в области художественного перевода (В.Н. Комиссарова, В.В. Сдобникова, О.В. Петровой и др.), перевода реалий (Л.С. Бархударова, Г.Д. Томашина, А.Д. Швейцера, С. Влахова и С. Флорина, Л.Н. Соболева, А.Е. Супруна, В.С. Виноградова, К. Хеншельманна). Основными **методами** исследования послужили сравнительно-сопоставительный метод, метод переводческого и семантического анализа, а также методы сплошной выборки, классификации изучаемого материала и обобщения.

Теоретическая значимость работы заключается в представленной статистике о частоте употребления различных видов реалий в художественных текстах, а также о способах перевода реалий по видам. **Практическая значимость** работы заключается в возможности использования результатов исследования на занятиях по теории перевода, лингвокультурологии, страноведению немецкоязычных стран и при подготовке учебного материала по лингводидактике. Исследование может быть полезно при разработке теоретических и практических материалов по коммуникативному подходу в обучении немецкому языку в целях закрепления новых лексико-семантических навыков и фоновых знаний, которые позволят учащимся свободно ориентироваться в иноязычной среде и грамотно осуществлять межкультурную коммуникацию.

Термин «реалия» (лат. realis-e, realia – вещественный, действительный) был введен отечественным лингвистом Л.Н. Соболевым в 1952 г. Л.Н. Соболев пишет, что реалия – это лексика, описывающая бытовые явления, отсутствующие в других странах [5].

Болгарские лингвисты С. Влахов и С. Флорин дают следующее определение: реалия – это лексика, характерная для культуры, повседневной жизни, социального и исторического развития народа без полных эквивалентов в других языках, и которую нельзя перевести обычным способом [3]. В свою очередь, Г.Д. Томахин относит к реалиям не только понятия, процессы, предметы и явления, но и особенности восприятия и жестикюляции [7].

Согласно А.Д. Швейцеру, реалии относятся к безэквивалентной лексике. Он описывает реалии как лексику, обозначающую уникальные референты национального языка, которые отсутствуют в других языках и культурах [9]. Л.С. Бархударов также относит реалии к безэквивалентной лексике. По его мнению, реалии – это лексика, обозначающая явления, отсутствующие в жизненном опыте людей, разговаривающих на других языках [1]. Что касается имён собственных, то одни лингвисты относят их к реалиям, другие строго разграничивают данные понятия. Авторы статьи выражают согласие с позицией Г.Д. Томахина, поскольку она учитывает обе точки зрения и отражает особенности отношений понятий «реалия» и «имя собственное». Г.Д. Томахин выделяет особую группу национально окрашенных имён собственных, так называемые онотомологические реалии (топонимы, антропонимы и идеонимы).

Не все учёные положительно относятся к использованию самого термина «реалия». А.В. Федоров подчеркивает, что можно переводить только названия реалий, а не сами реалии, потому что реалия – это экстралингвистическое понятие, т. е. явление реального мира, и его нельзя перевести [8]. Л.Л. Нелюбин же говорит о реалиях одновременно как об экстралингвистическом и лингвистическом явлении [4]. Авторы статьи вслед за Л.Л. Нелюбиным признают двойственность сущности реалий как явлений окружающего мира и как языковых единиц. Однако в настоящей работе реалии были рассмотрены в лингвистическом аспекте. После обобщения трактовок понятия предлагается следующее определение: реалии – это лексика, называющая явления, уникальные для определенной страны. Данное определение взято за основу настоящей работы.

Многие учёные в разное время предпринимали попытки создать единую классификацию реалий. В ходе исследования был осуществлён сравнительный анализ классификаций реалий советских и российских лингвистов В.С. Виноградова [2], Г.Д. Томахина [7], Л.В. Суловой [6], С. Влахова и С. Флорина [3], а также немецкого учёного-филолога К. Хеншельманна [11]. Авторы придерживались разных концепций относительно термина «реалия»; они были собраны вместе, некоторые близкие по смыслу или повторяющиеся пункты были обобщены и объединены, и была составлена таблица соответствия классификаций, в которой наглядно показаны общие позиции в работах авторов (табл. 1).

Наиболее полной является классификация реалий С. Влахова и С. Флорина, однако в данном исследовании была выбрана классификация К. Хеншельманна, основанная на предметном принципе и отличающаяся логичным построением и компактной формой выражения. Географические и природные реалии в разных вариантах присутствуют во всех классификациях авторов, причём общественные и этнографические реалии появлялись чаще остальных.

Таблица 1

Сравнительный анализ классификаций реалий

Виды реалий	Авторы				
	Виноградов	Томахин	Сулова	Влахов, Флорин	Хеншельманн
Географические и природные	*	*	*	*	*
Этнографические	*		*	*	*
Фольклорные		*	*		
Мифологические	*				
Реалии, обозначающие государственно-административное устройство	*		*		
Ономастические	*	*			
Ассоциативные	*		*		
Антропонимы, идеонимы, слова-обращения к людям, титулы, звания, регалии		*	*		
Реалии, обозначающие единицы измерения и меры, деньги			*		

Продолжение таблицы 1

Архитектурные			*		*
Военные			*		*
Трудовые			*		
Религиозные			*		*
Реалии, представляющие собой иносказания, метафоры, афоризмы, цитаты, крылатые слова и выражения, пословицы и поговорки, аллюзии, слова-символы		*	*		
Исторические					*
Общественные	*		*	*	*
Политические				*	*

Писатели часто вводят в текст реалии с целью воссоздания национального колорита. Художественный текст всегда отражает национально-культурные и временные особенности автора и языка, на котором он пишет. При переводе реалий могут возникать потери, поэтому цель переводчика – сохранить максимальную адекватность оригиналу с минимальными потерями. При этом, по словам С. Влахова и В. Флорина, реалии нужно вводить таким образом, чтобы их восприятие читателем происходило без усилий [3]. Согласно мнению исследователей, главными вызовами переводчика являются отсутствие эквивалента в языке перевода, а также необходимость передачи как семантики реалии, так и её национальной и исторической окраски.

В результате обобщения трудов Л.В. Сусловой, В.С. Виноградова, С. Влахова и С. Флорина были выявлены следующие способы перевода реалий, которые могут быть применены для решения обозначенных выше проблем: калькирование, транскрипция, контекстуальный перевод, транслитерация, гиперонимический перевод (конкретизация/ генерализация), функциональный аналог, переводческий комментарий и описательный перевод. Безусловно, переводческие комментарии и описательный перевод передают смысл реалий очень точно, однако недостатками его использования являются потеря колорита реалии и увеличение объёма текста перевода по сравнению с оригиналом. В случае, если комментарий размещён в сноске или в другой части книги, это доставляет неудобство читателю, вынуждая его отрывать от чтения и искать нужную информацию [3]. Переводческий комментарий применяется, как правило, в тех случаях, когда остальные переводческие приёмы не подходят, и реалия требует подробного объяснения.

В настоящее время передача реалий облегчается межкультурными связями в рамках глобализационных процессов: многие реалии приобретают интернациональный характер и, как следствие, не требуют пояснений со стороны переводчика. Но вместе с тем, по замечанию С. Влахова и С. Флорина, переводчик может иметь завышенное представление о фоновых знаниях читателя и, соответственно, не видеть необходимости в добавлении сносок с пояснениями [3]. Перед введением комментариев следует проверять наличие эквивалента в языке перевода и адекватность его возможного применения. Сноски, примечания и комментарии переводчика – это хорошая практика в переводе художественной литературы. В случае, если переводчик решил не прибегать к ней, он волен заменить реалию исходного языка реалией языка перевода. Например: водка – *der Schnaps*.

Книга «Deutschland in kleinen Geschichten» представляет собой сборник рассказов с параллельным переводом под редакцией публициста, журналиста и психолога Хартмута фон Хентига. Книга адресована русскоязычным читателям. Её цель – познакомить целевую аудиторию с жизнью, культурой и традициями Германии через описание типично немецких предметов и явлений. Главная коммуникативная задача текстов – наладить контакт с целевой аудиторией, сообщить важные сведения о немцах и Германии и тем самым осуществить успешную межкультурную коммуникацию.

С целью выявления немецких реалий и способов их перевода было проанализировано 32 рассказа сборника и их переводы, написанные Н. Гурчинской, В. Кравченко и Н. Носовой. В ходе проведения исследования было выявлено 180 реалий и 4 способа их перевода. Реалии в текстах сборника представлены всеми типами, выделяемыми Хеншельманном, причём самыми частыми оказались географические реалии (28,3%). На долю этнографических реалий приходится 22,2%, исторических – 15%, политических – 13,9%, бытовых и общественных – по 6,1%, религиозных – 5%. Оставшаяся часть приходится на военные и архитектурные реалии. Результаты частотности применения различных типов реалий представлены в виде следующей диаграммы (рис. 1).

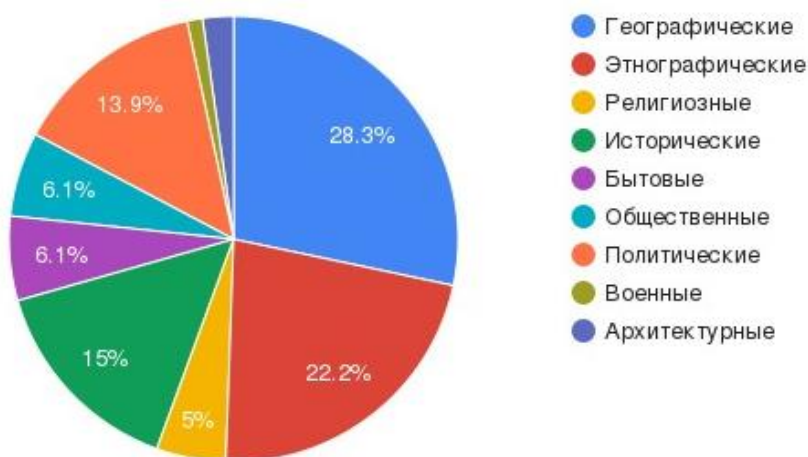

Рис. 1. Типы выявленных реалий

Ниже приведены примеры переведённых реалий, распределённые по способам перевода и видам реалий в порядке убывания. В табл. 2 представлены виды реалий, переведённые определённым способом в порядке убывания с количеством упоминаний.

Таблица 2

Частотность видов реалий в зависимости от вида перевода

Методы перевода, частотность видов реалий и их количество.			
Калькирование	Транслитерация	Транскрипция	Описательный перевод
Истор. 12	Геогр. 16	Геогр. 33	Истор. 2
Полит. 6	Истор. 6	Этногр. 28	Быт. 1
Быт. 5	Этногр. 5	Полит. 14	Геогр. 1
Этногр. 5	Религ. 5	Истор. 8	Этногр. 1
Религ. 3	Полит. 4	Общ. 8	Религ. 1
Геогр. 1	Быт. 3	Быт. 3	-
Общ. 1	Общ. 2	Воен. 2	-
Арх. 1	Арх. 2	Арх. 2	-

Согласно результатам исследования чаще всего при переводе реалий использовались транскрипции (53,9%). При помощи транскрипции переводятся, в частности, географические реалии и имена собственные. Также приём транскрипции применялся при переводе тех реалий, которые известны иностранному читателю. Географическая: Riesengebirges – Ризенгебирге. Этнографическая: Friedrich Silcher – Фридрих Зильхер. Политическая: Honecker – Хонеккер. Историческая: hohenzollerische – гогенцоллернские. Общественная: des Magazins der Frankfurter Allgemeinen Zeitung – журнал Франкфуртер Альгемайне Цайтунг. Бытовая: VW – Фольксваген. Военная: der Leutnant von Ilseman – лейтенант Ильземан. Архитектурная: Villa Wiesenstein – вилла Визенштайн.

Транслитерация как способ передачи реалий составляет 24,4% выборки. Географическая: Agnetendorf – Агнетендорф. Историческая: Seine Majestät Kaiser Wilhelm II – Их величество кайзер Вильгельм II. Этнографическая: Kellermann – Келлерман. Религиозная: Abt Ildefons Herwegen – аббат Ильдефонс Хервеген. Политическая: Hitler – Гитлер. Бытовая: Zentner – центнер. Общественная: die Amerikanisierung – американизация. Архитектурная: Reichskanzlei – рейхсканцелярия.

Приём калькирования встречается реже (18,3%). Историческая: Antiimperialistischen Schutzwalls – антиимпериалистический защитный вал. Политическая: DDR – ГДР. Бытовая: die Deutsche Mark der Deutschen Notenbank – немецкая марка Немецкого эмиссионного банка. Этнографическая: Gemälde Der Abendstern – Картина «Вечерняя звезда». Религиозная: die Stephanskirchener Kirche – штефанскирхенская церковь. Географическая: SED – СЕПГ. Общественная: Sehr geehrte Frau – Глубокоуважаемая госпожа. Архитектурная: Schloss Doorn – Дорнский замок.

4% реалий переводились с использованием приёма описательного перевода. Неупотребительность данного способа перевода объясняется, по-видимому, тем, что он используется переводчиками лишь в крайних случаях, когда нет другой возможности передать единицу исходного языка. Историческая: Alten Fritzen – кайзер Фридрих II, Старый Фриц. Бытовая: das Ladenschlussgesetz – закон о закрытии магазинов. Геогра-

фическая: auf Rügen – на острове Рюгене. Этнографическая: Friedenslinde – липа, деревце мира. Религиозная: Maria Laach – монастырь Марии в Лахе.

В целом, перевод сборника является эквивалентным оригиналу и отражающим исторические, культурные и политические особенности Германии. Далее предлагаем свои варианты перевода некоторых отрывков с реалиями.

«Mindestens zwölf **Zentner** gelangten in unseren Keller» [10]. «Минимум двенадцать **центнеров** оказывались в нашем погребе» [10]. Немецкий центнер составляет 50, а не 100 килограммов, поэтому перевести следует как «Минимум 600 килограммов оказывались в нашем погребе».

«...direkt gegen den **Bundeskanzler**...» [10]. «...непосредственно на **бундесканцлера** ...» [10]. Описательный перевод «федеральный канцлер» более релевантен, поскольку не только объясняет значение реалии иноязычному читателю, но и сохраняет её колорит (слово «канцлер» передано при переводе).

«...Bundestag gegen die **SPD** Kurt Schumachers gespielt...» [10]. «...в Бундестаге, против **СПД** Курта Шумахера...» [10]. «SPD» традиционно переводят как «Социал-демократическая партия Германии» (СДПГ).

«Ein Detail aus der Lebensgeschichte **Johannes R. Bechers**...» [10]. «Один эпизод из жизни **Йоханнеса Р. Бехера**...» [10]. Фамилия и имя немецкого прозаика и поэта переводится на русский, как правило, с помощью транслитерации: Иоганнес Роберт Бехер.

«...entstandenen Gedichten von **Johann Peter Hebel**...» [10]. «...во многих стихах **Йоханна Петера Хебеля**...» [10]. В данном случае возможен также традиционный вариант перевода фамилии и имени немецкого писателя: Иоганн Петер Гебель.

«Sie haben mit **Auschwitz** nichts zu tun» [10]. «Вы не имеете к **Аушвицу** никакого отношения» [10]. Видится более верным перевести название немецкого концентрационного лагеря смерти на русский язык традиционным «Освенцим».

«...in **Maria Laach** Zuflucht suchte und fand» [10]. «...убежище в **монастыре Марии в Лахе**...» [10]. Поскольку название данного монастыря традиционно переводится с удвоенной буквой «а», представляется правильным использовать устоявшийся вариант: «монастырь Марии Лаахской».

Результаты проведенного анализа частотности применения обозначенных выше способов перевода немецких реалий представлены на рис. 2.

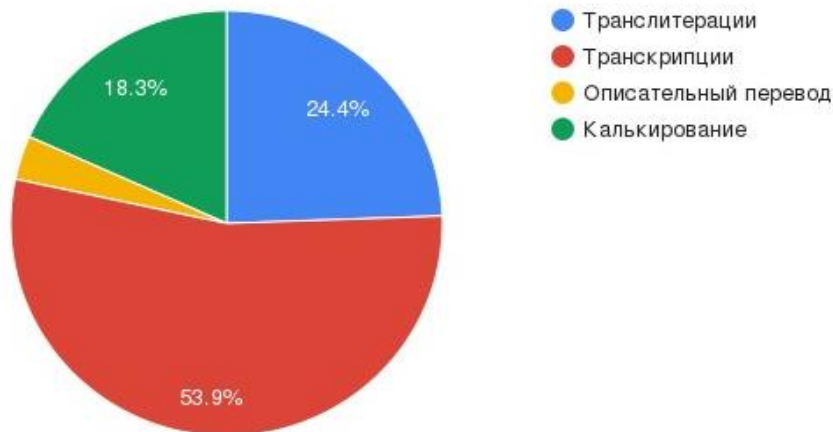

Рис. 2. Способы перевода реалий

По результатам анализа полученных данных можно сделать вывод о том, что в сборнике преобладают географические, этнографические и политические реалии, причем географические и этнографические реалии составляют приблизительно половину от общего количества реалий, что, вероятно, связано с многообразием культурных и географических особенностей федеральных земель Германии. Далее идут политические и исторические реалии; прочие виды реалий малочисленны. Наиболее распространённым способом перевода является транскрипция, что связано со стремлением переводчиков к лаконичности и сохранению национального колорита реалий.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования, РАО, 2001. 224 с.

3. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 340 с.
4. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
5. Соболев Л.Н. О переводе образа образом. М.: Вопросы художественного перевода, 1955. С. 290.
6. Сулова Л.В. Теория и практика перевода. Немецкий язык. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2020. 103 с.
7. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
8. Федоров А.В. О художественном переводе. Л.: ОГИЗ, 1941. 260 с.
9. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
10. Deutschland in kleinen Geschichten. Herausgeben von Hartmut von Hentig. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1996. 262 p.
11. Henschelmann K. Problembewußtes Übersetzen: Französisch – Deutsch. Ein Arbeitsbuch. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1999. 250 p.

References

1. Barhudarov L.S. Jazyk i perevod. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. 240 s.
2. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy). M.: Izdatel'stvo instituta obshhego srednego obrazovaniya, RAO, 2001. 224 s.
3. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1980. 340 s.
4. Neljubin L.L. Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. M.: Flinta: Nauka, 2003. 320 s.
5. Sobolev L.N. O perevode obraza obrazom. M.: Voprosy hudozhestvennogo perevoda, 1955. S. 290.
6. Suslova L.V. Teorija i praktika perevoda. Nemeckij jazyk. Vladimir: Izd-vo VIGU, 2020. 103 s.
7. Tomahin G.D. Realii – amerikanizmy. Posobie po stranovedeniju. M.: Vysshaja shkola, 1988. 239 s.
8. Fedorov A.V. O hudozhestvennom perevode. L.: OGIZ, 1941. 260 s.
9. Shvejcer A.D. Teorija perevoda. Status, problemy, aspekty. M.: Nauka, 1988. 215 s.
10. Deutschland in kleinen Geschichten. Herausgeben von Hartmut von Hentig. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1996. 262 p.
11. Henschelmann K. Problembewußtes Übersetzen: Französisch – Deutsch. Ein Arbeitsbuch. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1999. 250 p.

*Matveeva E.V.,
Mechnikov L.I.,
Fedorova A.L.,*

Ufa University of Science and Technology

Translation of German realities in literary texts

Abstract: numerous attempts have been made by scientists at different times to establish a unified classification of realia, encompassing both differences and similarities in the view of the term itself and what should be attributed to it. This article presents an analysis of various definitions of the term "realia", classifications of realia, and translations of culture-specific words and expressions. The study aims to compare classifications of realia by V.S. Vinogradov, G.D. Tomakhin, L.V. Suslova, S. Vlahov, S. Florin, and K. Henschelmann, and to identify statistical data on the translation of German realia into Russian, as well as analyzing their translation in literary texts. The material for the study is drawn from the collection of short stories by Hartmut von Hentig, titled "Deutschland in kleinen Geschichten" (translated as "The Germany and Germans about themselves"). To achieve the study's objectives, the following tasks were undertaken: compiling a generalized table of realia that incorporates all the classifications mentioned, counting the number of realia by type, counting episodes of different methods of realia translation, and sorting data by types of realia in descending order by frequency of mentioning, with separation by translation methods.

Keywords: the German language, translation of realia, classifications of realia, linguoculturology, national-cultural specifics

For citation: Matveeva E.V., Mechnikov L.I., Fedorova A.L. Translation of German realities in literary texts. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 73 – 78.

Received: May 28, 2023; Revised: June 17, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Садовская Е.Ю., кандидат филологических наук, доцент,
Минский государственный лингвистический университет, Республика Беларусь*

О некоторых особенностях шуток в поколенческом, межпоколенческом, внутр поколенческом дискурсах и дискурсе о поколении

Аннотация: взаимодействие поколений может изучаться с разных ракурсов, в частности, тщательно анализируются особенности разных поколений, изучаются механизмы трансмиссии ценностей. С точки зрения лингвистики интерес представляет использование сленга и связанное с этим непонимание между поколениями. Однако юмор поколений и шутки, встречающиеся в поколенческом, межпоколенческом и внутр поколенческом дискурсах оставались в стороне и требуют изучения. В отдельную группу можно вынести шутки о поколениях, функционирующих в рамках дискурса о поколении, которые также необходимо изучить. Статья носит практический характер и базируется на анализе эмпирического материала, который позволяет проанализировать шутки и анекдоты в вышеназванных дискурсах. Критерием разграничения выступает такой компонент коммуникативного процесса, как состав участников вербального взаимодействия и наличие либо отсутствие адресата. Это позволяет разделить шутки и анекдоты на несколько групп (отличия между шутками и анекдотами не рассматриваются в ракурсе данного исследования). В зависимости от состава участников шутки оперируют либо в поле поколенческого дискурса, либо межпоколенческого, либо внутр поколенческого видов дискурсов, либо дискурса о поколении. Среди структурных форматов шуток и анекдотов, встречающихся в данных дискурсах, представлены диалог, однорепликовые высказывания, а также отдельные словосочетания. Диалоги чаще представлены в межпоколенческом и внутр поколенческом видах дискурсов, в то время как однорепликовые высказывания преобладают в поколенческом дискурсе, а также в дискурсе о поколении.

Ключевые слова: шутка, поколение, поколенческий, межпоколенческий, внутр поколенческий, дискурс о поколении

Для цитирования: Садовская Е.Ю. О некоторых особенностях шуток в поколенческом, межпоколенческом, внутр поколенческом дискурсах и дискурсе о поколении // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 79 – 82.

Поступила в редакцию: 26 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 17 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Взаимодействие поколений концентрируется, главным образом, на передаче опыта и сохранении традиций, трансфере ценностей и поддержании порядка в социуме. Вместе с тем, хотя механизмы трансмиссии, особенности каждого из взаимодействующих поколений, использование сленга и отличия в манере общения изучаются достаточно активно, юмор и шутки поколений пока не получили должного внимания. Данная статья направлена на выявление ряда особенностей шуток в ракурсе поколенческого, межпоколенческого и внутр поколенческого дискурсов, а также в дискурсе о поколении.

Шутки и анекдоты, как правило, классифицируются на основании ряда критериев. А.М. Морозова выделяет тематику и источник шуток и анекдотов в качестве наиболее частых признаков. Шутки и анекдоты также могут разграничиваться на основе характеристик тех, кто их рассказывает и слушает [1].

При обращении к шуткам, используемым в поколенческом, межпоколенческом и внутр поколенческом дискурсах, а также в дискурсе о поколении наиболее заметными критериями разграничения особенностей являются состав коммуникантов и характер адресата (его наличие либо отсутствие). Состав участников вербального взаимодействия также детерминирует использование таких структурных форматов диалога, монолога и однорепликовых высказываний.

Под шуткой в данной статье понимаем «цельный текст ограниченного объема (или автономный элемент текста) с комическим содержанием» [2] (данная статья не ставит своей целью разграничить шутку и анекдот – шутка рассматривается как более широкая категория, включающая в себя в том числе анекдот). В качестве эмпирического материала были выбраны шутки со специализированного сайта nekdo.ru [3], представляющего анекдоты в 27 различных категориях. Материал был отобран по маркеру «шутки о поколениях». Количество шуток с поколенческой составляющей составило 193.

При анализе особенностей шуток следует отделить, прежде всего, шутки с поколенческим компонентом от шуток о возрасте. Шутки о возрасте и особенностях людей разных возрастов подразумевают актуализацию возрастной характеристики одного и более участников общения. Специфика подобных шуток (в част-

ности, так называемых старческих анекдотов) «состоит в ироничной (чаще - самоироничной) оценке здоровья и душевного состояния человека» [1], хотя взаимодействие разновозрастных коммуникантов не ограничивается только данными аспектами. Также встречаются шутки, связанные с обменом опытом, обращение за помощью как со стороны молодых, так и со стороны людей старшего возраста. Использование подобных шуток и анекдотов делает их близкими, по сути, поколенческому юмору:

– Бабушка, я его полюбила на всю жизнь! А он даже не смотрит на меня...

– Не отчаивайся, ты еще так молода! Вот, если бы ты влюбилась в моем возрасте – это была бы действительно любовь до гроба.

В качестве идентифицирующего признака шуток с поколенческой составляющей используется либо вербализованная поколенческая идентичность одного и более коммуникантов либо наличие лексемы «поколение» в тексте шуток:

Не повезло будущему поколению – все нормальные логины уже заняты.

Шутки в рамках поколенческого и межпоколенческого дискурсов можно разграничивать в зависимости от способа взаимодействия, т.е. состава коммуникантов. Данный критерий позволяет разделить эмпирический материал на несколько групп: 1) коммуниканты относятся к разным поколениям; 2) коммуниканты являются представителями одного и того же поколения; 3) есть только один обозначенный участник (адресант). Наличие либо отсутствие адресата выступает еще одним критерием разделения шуток на группы. В первой и второй группах адресат обозначен (поколенческая идентичность адресата либо совпадает, либо отличается от поколенческой идентичности адресата) и, соответственно, присутствует. В третьей группе адресат не обозначен (соответственно, не актуализирована его поколенческая идентичность).

Шутки первого типа характеризуются эксплицитированной несовпадающей поколенческой идентичностью участников общения и наличием диалоговой формы взаимодействия; подобные шутки присутствуют в поле межпоколенческого дискурса (коммуниканты являются представителями разных поколений), например:

– Пап, а чем наши поколения отличаются?

– Если мы нажремся, то утром я удивлюсь, кто это рядом лежит. А ты удивишься, кто у тебя в друзьях появился в ВКонтакте.

Разница в поколенческой принадлежности актуализуется вопросом сына (*Пап, а чем наши поколения отличаются?*) Тематика общения направлена на выявление различий между поколениями отца и сына.

В случае совпадающей поколенческой идентичности участников общения и при условии наличия как адресанта, так и адресата/адресатов, шутки можно отнести ко второй группе. Шутки могут быть представлены как в формате диалога, так и в формате однорепликовых высказываний. Такие шутки функционируют в поле внутр поколенческого дискурса:

– А давайте вспоминать, чем можно заниматься при полном отсутствии компьютера. Ну, у нас же всех такое время было, вроде поколение относительно взрослое собралось.

– Пяять. Но есть риск, что снова получится компьютер.

Поколенческая идентичность коммуникантов вербализуется посредством использования не только лексемы «поколение» (в сочетании с глаголом «собираться», подразумевающим объединение группы людей в определенном месте), но также благодаря обращению к собеседникам с помощью местоименной группы (*у нас же всех*), в которой местоимение «нас» представляет собой форму множественного числа, т.е. адресант относит присутствующих и себя к одному поколению.

Третья группа шуток характеризуется отсутствием обозначенного адресата и представлена преимущественно в виде монолога/однорепликовых высказываний Монолог, по мнению Т. Т. Гоперхоевой, не подразумевает обязательного наличия адресата (адресат может быть воображаемым): «Монолог не поддерживается ситуацией или вопросами в отличие от диалога, В монологе наличие обратной связи имеет факультативный характера» [4]. Многие шутки в данной группе представлены однорепликовыми высказываниями, например:

Я из того поколения, чем комп был слабее нынешних телефонов!

Часть шуток содержат лексему «поколение» при отсутствии обозначенной поколенческой принадлежности участников речевого акта. Выбираемое значение лексемы определяет направленность шуток. Если шутка о людях, то она оперирует в поле дискурса поколений. Данные шутки могут быть представлены как в виде диалога, так и в виде однорепликовых высказываний, ср.:

– Как много молодежи на самокатах.

– Да, растет поколение с одной длинной и сильной ногой.

Или

Оказывается, передача богатого жизненного опыта, накопленного старшим поколением, неупутевому младшему относится к ременным передачам...

В шутке про самокаты поколенческая идентичность коммуникантов не определена, но тематика шутки обращена к определенному поколению. В случае шутки про передачу жизненного опыта участники речевого акта также не обозначены, также и как их поколенческая принадлежность. Тематика также обращена к поколениям.

Шутки о поколениях (при отсутствии указания на адресанта и адресата и их поколенческой принадлежности) могут также быть представлены в виде словосочетаний:

Загугленное поколение.

Наконец, есть шутки, использующие фразеологизмы, содержащие лексему «поколение» и представленные в поле дискурса о поколении (без идентификации коммуникантов и их поколенческой соотносительности):

Пожалуй, единственный слова, передаются из поколения в поколение в каждой семье – это:

– Вот будут у тебя свои дети, тогда поймешь!

Еще одна группа шуток, не манифестирующая поколенческую принадлежность коммуникантов и не обращенная к какому-либо поколению, использует лексему «поколение» в значении совокупности каких-либо объектов:

Выросло уже целое поколение котов, не умеющих спать на телевизорах. Но появилось поколение псов, умеющих дремать на планшетах.

Еще один вариант использования существительного «поколение» - для обозначения группы изделий:

Известная автомобильная компания «Порше» и Запорожский автомобильный завод готовят крупный инвестиционный проект, по выпуску автомобиля нового поколения под названием «Запоршивец».

Таким образом, в результате анализа эмпирического материала были выявлены наиболее характерные особенности шуток и анекдотов, оперирующих в поле поколенческого, межпоколенческого, внутривоколенческого видов дискурсов, а также дискурса о поколении. В качестве разграничивающих критериев выступили состав участников общения и характера адресата. К первой группе относятся шутки с вербализованной несовпадающей поколенческой идентичностью коммуникантов. Вторая группа состоит из шуток с вербализованной совпадающей поколенческой идентичностью коммуникантов. В третьей группе присутствуют шутки с наличием только адресанта с обозначенной поколенческой принадлежностью. Структурно шутки, разделенные по разным группам, представлены в виде диалога (преимущественно в межпоколенческом и внутривоколенческом видах дискурсов и в виде однорепликовых и монологических высказываний (во всех четырех дискурсах). Было выявлено, что в рамках дискурса о поколении поколенческая идентификация коммуникантов не обозначена, а шутки о поколении могут касаться как людей, так и различных объектов и технических изделий. Еще одну группу составляют отдельные словосочетания, содержащие лексему «поколение». Дальнейшие исследования поколенческого юмора и шуток о поколениях могут быть направлены на выявление их тематического содержания и оценочности.

Литература

1. Морозова А. М. Предпосылки появления юмористической тональности в дискурсах разного типа // Известия ВГПУ. 2013. № 4 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-poyavleniya-yumoristicheskoy-tonalnosti-v-diskursah-raznogo-tipa> (дата обращения: 31.05.2023)
2. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999. 544 с.
3. Анекдоты про поколения. URL: <https://nekdo.ru/pokoleniya/> (дата обращения: 01.06.2023)
4. Гоперхоева Т.Т. Формы речевой коммуникации: диалог, монолог // Вестник науки. 2021. № 4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-rechevoy-kommunikatsii-dialog-monolog> (дата обращения: 05.06.2023)

References

1. Morozova A. M. Predposylki pojavleniya humoristicheskoy tonal'nosti v diskursah raznogo tipa. Izvestija VGPU. 2013. № 4 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-poyavleniya-yumoristicheskoy-tonalnosti-v-diskursah-raznogo-tipa> (data obrashheniya: 31.05.2023)
2. Sannikov V. Z. Russkij jazyk v zerkale jazykovoj igry. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 544 s.
3. Anekdoty pro pokolenija. URL: <https://nekdo.ru/pokoleniya/> (data obrashheniya: 01.06.2023)
4. Goperhoeva T.T. Formy rechevoj kommunikacii: dialog, monolog. Vestnik nauki. 2021. № 4 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-rechevoy-kommunikatsii-dialog-monolog> (data obrashheniya: 05.06.2023)

*Sadovskaya Ye.Yu., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Minsk State Linguistic University, Republic of Belarus*

**About some features of jokes in generational, intergenerational,
intragenerational discourses and in the discourse about a generation**

Abstract: interactions of generations can be studied from different angles, for instance, characteristic features of different generations and mechanisms of the transmission of values can be analysed. Linguists are interested in studying slang and misunderstanding between different generations that occurs because of it. However, the humor and jokes of generations that are used in generational, intergenerational, intragenerational discourses have been left out and deserve a separate study. Jokes about generations that are found in the discourse about a generation can be studied as well. The article has a practical nature and is based on the analysis of the empirical material that allows to examine jokes and anecdotes in the above-mentioned discourses. The dividing criterion is the component of the communication process, namely, the communications involved in the verbal interaction process and the presence or lack of the addressee. This allows to divide jokes and anecdotes into several groups (the differences between jokes and anecdotes are not studied within the frame of this research). Depending on the combination of the communicants jokes can operate within the domain of the generational, intergenerational, intragenerational discourses or the discourse about a generation. The structural formats of jokes and anecdotes in these discourses include a dialogue, a single sentence, or a word combination. Dialogues are mostly present in the intergenerational and intragenerational discourses, while single sentences dominate the generational discourse as well as the discourse about a generation.

Keywords: joke, generation, generational, intergenerational, intragenerational, discourse about a generation

For citation: Sadovskaya Ye.Yu. About some features of jokes in generational, intergenerational, intragenerational discourses and in the discourse about a generation. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 79 – 82.

Received: May 26, 2023; Revised: June 17, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Артамонова А.С., кандидат филологических наук,
Иркутский национальный исследовательский технический университет*

В. Набоков: к проблеме конфликта жизнеподобия и умозрения

Аннотация: в статье рассматривается переход от классического реалистического жизнеподобия к интеллектуальной модели творчества. Дается определение интеллектуального типа мышления и классического с опорой на концепции К.Г. Юнга и В. Вейдле. Рассматривается функция воображения в новой парадигме искусства и раскрывается роль вымысла и фантазии, присущая классическому типу мышления. Прояснение функции воображения в произведениях Набокова, уточнение позиции автора и принципов сюжетосложения позволило говорить о том, что творчество писателя не относится ни к одной из рассматриваемых парадигм, но представляет собой синтез модернистской культуры и традиционной.

Ключевые слова: Набоков, умозрение, модернистское мышление, интеллектуальное искусство, Вейдле

Для цитирования: Артамонова А.С. В. Набоков: к проблеме конфликта жизнеподобия и умозрения // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 83 – 86.

Поступила в редакцию: 31 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 20 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Двадцатый век – век технического прогресса, научных открытий и аналитического знания – потребовал от человека поиска новых форм существования, не только бытового, но и духовного. Осознание системных изменений действительности, определение в ней места человека и поиск художественных аналогов этих преобразований становятся главными задачами литературы. А наиболее адекватной формой осмысления происходящих в мире перемен становится интеллектуальная проза. Классическое реалистическое жизнеподобие с его исследованием реальности и игрой воображения, рисующего живые характеры, уступает место интеллектуальной модели творчества, где в центре внимания оказывается самопознание, рефлексия приемов, уход в игру ассоциаций и установка на создание новых форм.

Имманентность и замкнутость в поиске форм, присущих модернистскому дискурсу, вызвали немало упреков. Прежде всего, со стороны приверженцев классической модели творчества. Излишняя рассудочность, аналитичность, механистичность героя и механизация формы, по мнению многих теоретиков культуры, привели не только к угрозе культурного разложения, но «отравили самые родники искусства, и прежде всего источники поэтического вымысла» [1, с. 7]. Русская классическая литература, последовательно воплощавшая в ходе истории своего развития принцип художественной «неправды», или вымысла, где последнему была отведена роль «животворящая и организующая», в 20 веке оказалась противопоставлена литературе западной, где самопознание средств и технологий воображения заменили собой жизненное содержание художественного творчества. В тот момент, когда литература Зарубежной России вынужденно оказалась включенной в европейский и культурный контекст, эти различия обнаружились в полной мере. Историки и теоретики русского зарубежья внесли немалый вклад в осмысление процессов, происходящих в современной им литературе. И те перемены, которые коснулись теперь и русской литературы, заставили вновь обратиться к феномену воображения, как одной из центральных категорий художественного творчества, и его миссии в модернистской литературе. Одним из главных теоретиков культуры первой волны русской эмиграции, в поле рефлексии которого попали понятия воображения и вымысла, стал Владимир Вейдле.

В своей работе 1937 г. «Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества» В. Вейдле предпринимает попытку проанализировать кризис современного западного искусства. Факторами, обусловившими «умирание искусства», называются главные приметы новой парадигмы творчества: рассудочные построения, анализирующее научное познание, принципы механичности, машинности, саморефлексия [1, с. 9, 21, 27]. «Литература <...> все чаще предлагает читателю в Америке, в Европе, во всем мире одни лишь кирпичи не построенного здания, сырой материал, сырую действительность, пусть ничем особо не искаженную, но автоматически воспринятую, мертвую, не оживающую в нас, не рождающего никакого образа именно потому, что *воображение не произвело над ней своей животворящей и организующей работы*» (курсив наш – А.А.) [1, с. 8]. Апологет классики, где вымысел – непосредственная основа художественного творчества – «не будучи “подражанием” жизни, есть, прежде всего, заново сотворенное живое бытие, неразложимое ни на какие рассудочные формулы и механически выделенные составные части», Вейдле отказывает новому искусству в жизнеспособности.

Но, очевидно, что никакие «рассудочные построения» не способны вытеснить то, что составляет саму природу искусства. На фоне глобальных изменений, происходящих в мире, феномен воображения также трансформируется. Категория воображения в первой половине 20 века не только не «умирает», но становится одной из ведущих в раскрытии культурно-антропологического опыта и опыта сознания. Так происходит и в неклассической модернистской философии, и в художественном творчестве.

Но для того чтобы понять, какова функция вымысла в новом искусстве, следует начать с определения интеллектуального типа творчества.

Очевидно, что в интеллектуальном типе творчества доминирует функция сознания, которую К.Г. Юнг охарактеризовал как определенно-направленное мышление, целью которого является логическое постижение мира. Ему противопоставлено мышление фантазийное – источник творческого потенциала. Позднее, в своей работе «Психология и поэтическое творчество» (1947), Юнг говорит уже не о типе рефлексии, а обращается к предмету изображения. Первый – психологический – «движется в пределах досягаемости человеческого сознания, как-то: жизненный опыт, определенное потрясение, страстное переживание <...> Материал такого творчества происходит из сферы вечно повторяющихся скорбей и радостей; он сводится к содержанию человеческого сознания, которое истолковывается и высветляется в своем поэтическом оформлении» [2]. Психологически понятное событие разворачивается в сфере «прозрачной психологии». Второй – визионерский – «не имеет в себе ничего, что было бы привычным» и потому всегда требует «комментариев и истолкований». Визионерское переживание в отличие от психологического, таким образом, никак не соотносится со всеобщим опытом. Юнг не только уловил умонастроения эпохи, разделив миметическое, эмоциональное искусство и экспериментальное, умозрительное, но и предугадал доминирование интеллектуального типа творчества.

Таким образом, в первой трети 20 века оформилась очевидная оппозиция классического художественного сознания, в котором фантазия являла собой принцип познания и творчества, и интеллектуального, ориентированного на рациональное осмысление мира и запечатление своего опыта в художественном произведении. И если вся классическая парадигма искусства строилась на принципе жизнеподобия, где организатором существования являлась сама жизнь в ее непредсказуемости и изменчивости, то модернистская парадигма творчества опиралась на умозрение как эксперимент (немиметический вид творчества) – некое отвлечённое фантазирование, создающее новую реальность.

Умозрение как мыслительный эксперимент, помноженный на особое отношение к языку и слову, легло в основу поэтики Набокова. Писатель создает иную реальность, рассматриваемую как пространство чистой фантазии, недетерминированное законами наличествующего мира. Творчество, таким образом, не просто фантазия (в той или иной степени искусство – всегда фантазия), не перекомбинация известного, а проекция собственного образа мышления – с его психологическими доминантами, идеями и представлением о детерминизме.

В. Набокова не раз обвиняли в «рационалистичности» и «лабораторности», против которых так непримиримо выступал В. Вейдле. Но, несмотря на очевидную сконструированность его произведений, бесспорным остается тот факт, что в художественной системе автора проблема познания решается силой именно воображения. Нам представляется возможным на примере творчества В. Набокова говорить о еще одном типе художественного мышления: не натуралиста-реалиста и не абстракциониста-деформатора, но пластически-достоверного визионера, открывающего невидимое как узнаваемое.

Задачи исследования – определить роль воображения в парадигме творчества В. Набокова, рассмотреть принципы сюжетостроения и прояснить позицию автора в художественной системе писателя.

Набоков не раз заявлял, что «литература – это выдумка. Вымысел есть вымысел. Назвать рассказ правдивым значит оскорбить и искусство, и правду. Всякий большой писатель – большой обманщик» [3, с. 28]. «Писательское искусство, – по его словам, – вещь совершенно никчемная, если оно не предполагает умения видеть мир прежде всего как кладовую вымысла. Если материя мира и реальна (насколько реальность вообще возможна), то она отнюдь не является целостной данностью: это хаос, которому автор говорит: “Пуск” – и мир начинает вспыхивать и плавиться. Он переменился в самом своем атомном составе, а не просто в поверхностных, видимых частях. Писатель первым наносит на карту его очертания, дает имена его элементам» [3, с. 24]. Эта мысль неоднократно варьируется и в многочисленных интервью писателя, и в его письмах, и художественных текстах.

Демон, герой «Ады», заметив на картине Иеронима Босха «Сад земных наслаждений» неправильно написанных бабочек, так говорит о природе творчества: «Мне <...> наплевать на эзотерический смысл, на скрытый в бабочке миф, на потрошителя шедевров, нудящего Босха выражать какую-то дурь своего времени, у меня аллергия на аллегории, и я совершенно уверен, что он попросту забавлялся, скрещивая мимомо-»

лётные фантазии единственно ради удовольствия, которое получал от красок и контуров» [курсив мой. – А.А. 4. Т. 4, с. 423-424]. Очевидно, что герой в этих рассуждениях следует за своим создателем.

Таким образом, для Набокова важна не материальная достоверность рисуемой картины, а конструирование новой реальности, но психологически оправданной и узнаваемой: «“Реальность” не является ни субъектом, ни объектом истинного искусства, которое творит свою, особливую “реальность”, ничего не имеющую общего с “реальностью”, доступной общинному оку» [4, Т. 3, с. 392]. Творческий акт, прорываясь за пределы действительности, творит бытие. Набоков сделал выбор в пользу творческой свободы, когда отказался от служения общественной цели, точного отображения мира, познания его как описания и подражания очевидному. Таким образом, автор, защищая собственные идеалы, находится не в оппозиции миру, но отстаивает суверенитет собственного «я».

Творчество как возможность выйти за пределы реального мира и освободиться от социальной детерминированности составляет модель сюжетосложения большинства набоковских текстов, в том числе и романа «Приглашение на казнь». Писатель противопоставляет тоталитаризм мышления абсолютной духовности и свободе творческого мышления. И если возможность спасения Цинцинната в рамках несвободного общества заключается в принятии законов социума, будь то моральных, эстетических, религиозных и т.п., то спасение его как личности, сопричастной тайне творения, находится в руках воображения. Так, на вопрос м-сье Пьера: «Кто этот спаситель?», – Цинциннат отвечает – «Воображение» [7, Т. 4, с. 114].

Противопоставляя талант неспособности человека видеть и осознавать красоту в ее непохожести, индивидуальности и изменчивости, Набоков выводит антитезу прекрасного и пошлого, где способом разрешения этого противоречия силой воображения в пользу прекрасного становится творчество. Преступление в «Приглашении на казнь» совершает само общество, и преступление это, по мысли Набокова, метафизическое. В силах писателя найти ему наказание, по крайней мере, в рамках созданной им вселенной. Набоков вносит неразбериху в строго организованные ряды собравшихся: «Кругом было странное замешательство... Все распалось. Все падало. Винтовой вихрь забирал и кружил пыль, тряпки, крашенные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши; летела сухая мгла...» [5, Т. 4, с. 186]. Паук же, как олицетворение всякого зла, в конечном счете, оказывается механической игрушкой, а бабочка, как красота и душа Цинцинната, обретает свободу. Общество, пытаясь подчинить Цинцинната своему образу существования в замкнутом мире, в мире, где реальность условна, но для обывателей она безусловна, потерпело фиаско. Герой смог преодолеть рамки этой действительности и уйти в сотворенный им мир: «И Цинциннат пошел среди пыли, и падших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему» [5, Т. 4, с. 187]. Художник-фантазер уходит в свой мир, а вымысел заявляет о себе как о подлинности существования.

Набоков – по существу, писатель одной темы и одного героя. Современные Набокову критики писали, что «основная тема Сирина <...> само творчество. Его главные герои, кем бы внешне они ни были <...> являются в каком-то плане символами творца, художника, и в конце концов, героями, несомненно, лирическими» [6, с. 234-235]. Сам же автор не наблюдатель, но демиург, соразмерный в своем творчестве Богу: «Искусство – божественная игра. Эти два элемента – божественность и игра – равноценны. Оно божественно, ибо именно оно приближает человека к Богу, делая из него истинного полноправного творца» [3, с. 185]. Разрабатывающий собственную эстетическую версию бытия, Набоков претендует на обладание абсолютной истиной и создает новую реальность по законам абсолютной свободы: «Замысел романа прочно держится в моем сознании, и каждый герой идет по тому пути, который я для него придумал. В этом призрачном мире я совершеннейший диктатор, и за его истинность и прочность отвечаю я один» [7, с. 185].

Таким образом, не раз подчеркивавший свою обособленность от социальной действительности, Набоков с его бесспорной любовью к миру, осязаемой пластичностью образов и чувств, но при этом интеллектуально свободный от материальной детерминанты занимает исключительное положение в русской литературе. Силой своей фантазии писатель очеловечивает условные понятия, визуализируют математические или философские категории, а игра воображения переводит умозрение на плоскость узнаваемого.

Литература

1. Вейдле В. Умирание искусства. М., 2001. 448 с.
2. Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество. <https://carljung.ru/Library/Poezia.htm>
3. Набоков В. О хороших читателях и хороших писателях / В. Набоков Лекции по зарубежной литературе. М., 2000. 328 с.
4. Набоков В. Собрание соч. американского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2003.
5. Набоков В. Собрание соч. русского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2003.

6. Толстая М. Рец.: The Real Life of Sebastian Knight. Norfolk, Conn.: New Direction, 1941. / Классик без ретуши : Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. М., 2000. С. 234 – 236.
7. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002. 703 с.

References

1. Vejdle V. Umiranje iskusstva. М., 2001. 448 s.
2. Jung K.G. Psihologija i pojeticheskoe tvorchestvo. <https://carljung.ru/Library/Poezia.htm>
3. Nabokov V. O horoshih chitateljah i horoshih pisateljah. V. Nabokov Lekcii po zarubezhnoj literature. М., 2000. 328 s.
4. Nabokov V. Sobranie soch. amerikanskogo perioda: v 5 t. SPb.: Simpozium, 2003.
5. Nabokov V. Sobranie soch. russkogo perioda: v 5 t. SPb.: Simpozium, 2003.
6. Tolstaja M. Rec.: The Real Life of Sebastian Knight. Norfolk, Conn.: New Direction, 1941. Klassik bez retushi : Literaturnyj mir o tvorchestve Vladimira Nabokova. М., 2000. S. 234 – 236.
7. Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'ju, recenzii, jesse. М., 2002. 703 s.

*Artamonova A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk National Research Technical University*

V. Nabokov: to the problem of the conflict of lifelikeness and speculation

Abstract: the article discusses the transition from classical realistic lifelikeness to an intellectual model of creativity. The definition of the intellectual type of thinking and the classical one is given based on the concepts of C. G. Jung and V. Veidle. The function of imagination in the new paradigm of art is considered and the role of fiction and fantasy inherent in the classical type of thinking is revealed. The clarification of the function of the imagination in Nabokov's works, the clarification of the author's position and the principles of plot construction made it possible to say that the writer's work does not belong to any of the paradigms under consideration, but is a synthesis of modernist and traditional culture.

Keywords: Nabokov, speculation, modernist thinking, intellectual art, Veidle

For citation: Artamonova A.S. V. Nabokov: to the problem of the conflict of lifelikeness and speculation. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 83 – 86.

Received: May 31, 2023; Revised: June 20, 2023; Accepted: June 30, 2023.

Гаджиалиева М.Г., кандидат филологических наук, доцент,
Магомедова А.Г.,
Дагестанский государственный университет

Денотативная дивергентность некоторой лексики арабского языка и ее синонимичность в переводных эквивалентах

Аннотация: статья посвящена проблеме синонимии, классификации синонимов, их интерпретации, а также анализу особенностей перевода синонимов с арабского на русский язык. Анализ проводился с учетом подхода, который позволил сформировать комплекс методов лингвистического анализа феномена синонимии с акцентированием внимания на контексте. Комплексность исследования была достигнута благодаря использованию метода прагматического анализа синонимических рядов, реализованного на примере изучения синонимии арабского языка.

Данное исследование определяется большим интересом к проблеме синонимии и одновременным отсутствием четкой теории синонимии, необходимостью обоснования путей изучения такого важного лингвистического феномена, как прагматики синонимии вообще, и синонимии в контекстуальной подсистеме арабского языка в частности.

Актуальность работы обусловлена тем фактом, что комплексное исследование феномена синонимии, а именно, изучение ее корреляций в прагматической лексической подсистеме современного арабского языка ранее не проводилось.

Научная новизна полученных результатов достигнута благодаря формированию научного вывода о том, что исключительно комплексный подход с учетом как семантических характеристик, так и стилистических свойств лексических единиц и словосочетаний, позволяет выявить все особенности синонимической подсистемы арабского языка и создать целостную картину синонимической прагматики для русскоязычного перевода.

Практическая ценность работы в том, что ее материалы могут быть использованы в курсах общей и арабской лексикологии и стилистики, в частности, в таких разделах, как стилистика текста и функциональная стилистика, а также в курсе интерпретации текста.

Ключевые слова: синонимы, контекст, лингвокультура, эквивалентность

Для цитирования: Гаджиалиева М.Г., Магомедова А.Г. Денотативная дивергентность некоторой лексики арабского языка и ее синонимичность в переводных эквивалентах // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 87 – 91.

Поступила в редакцию: 30 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 20 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Многочисленные исследования в области синонимии (Ю.Д. Апресян, Ш. Балли, С.Г. Бережан, В. Вильман, А.П. Евгеньева, В.А. Звегинцев, В. В. Левицкий, А.А. Уфимцева, С. Ульман и другие), несмотря на уникальность и значение для современной науки, не сформировали определенную целостную теорию синонимии для определения сущности данного явления.

В лингвистике все разнообразие точек зрения сводится к трем основным позициям:

- близость значений, второго;
- тождество обозначенных словом предметов;
- способность синонимов заменять друг друга в контексте, то есть фактор взаимозаменяемости.

Все перечисленные подходы только в совокупности дают возможность определить суть этого сложного явления.

Данное исследование обусловлено большим интересом к проблеме синонимии и отсутствием четкой теории синонимии, необходимостью обоснования путей изучения такого важного лингвистического феномена, как прагматики синонимии вообще, и синонимии в контекстуальной подсистеме арабского языка в частности. Поэтому **актуальность** работы обусловлена тем фактом, что комплексное исследование феномена синонимии, а именно, изучение ее корреляций в прагматической лексической подсистеме современного арабского языка ранее не проводилось.

Определение общих и дифференциальных признаков межъязыковых коррелятов синонимов и синонимических рядов арабского и русского языков, объяснение денотативной дивергентности номинируемых реалий явились целью нашего исследования.

Синонимия – характерное явление языков разных типов. Синонимические отношения слов «играют значительную роль в организации лексико-семантической системы языка. Они раскрывают специфику структурной организации лексики так, как почти никакие другие семантические отношения» [1]. Примеры слов-синонимов из диалектов: *قمح* и *حنطة* «пшеница»: у слова *قمح* левантийское и арамейское происхождение, а у *حنطة* – куфическое. Был сформирован общий язык, который, по мнению, некоторых ученых, состоит из всех языков арабов.

Со времен возникновения арабского языкознания среди лингвистов идёт широкая полемика в вопросе существования синонимии. Некоторые из них утверждали, что существует полная или абсолютная синонимия, когда одно слово полностью заменяет другое, другие – что синонимии в арабском языке как таковой не существует, поскольку есть небольшие различия между значениями слов, которые считаются синонимами.

Традиционно синонимы делят на абсолютные и частичные или квазисинонимы. Чтобы дать наиболее полное определение синонима в основном упор делается на тот признак, по которому синонимы разграничиваются. Слова, которые абсолютно идентичны по значению, рассматриваются как лексические варианты, дублиеты, и собственно синонимы. Ю. Д. Апресян по данному вопросу подчеркивает: «В множественности слов, которые обычно называют синонимами, следует различать лексические синонимы в узком смысле слова и квазисинонимы» [2]. И те, и другие должны быть определены в чисто семантических терминах.

Средневековые авторы как Ибн Джинни, Ибн аль-Асир, и др. и современные – Из-Зуддин ат-Танухи, Ибрагим Анис, которые сходятся во мнении по вопросу о существовании синонимии и синонимов, определяли синонимы как разные по звучанию, но полностью совпадающие по значению слова. Они объясняют это тем, что «арабы использовали два слова с одним и тем же значением, чтобы указать на богатство своего языка, (...) что их речь обширна и что их язык не ограничивает их в речи, в ее плодovitости и многословии» [3].

К определению синонимичности слов или выражений в семасиологии подходят с разных позиций. Все разнообразие признаков синонимичности можно свести к трем основным:

1. близость/тождество обозначаемых компонентов значения (то есть все то, что называют «близостью значений», «тождественностью понятия»);
2. близость/тождество обозначаемых словом предметов (то есть денотативная общность);
3. близость/тождественность структурного значения слова [4].

Утверждающие наличие синонимов видят, что их присутствие в языке необходимо и, что оно не лишено преимуществ, наиболее важными из которых являются:

1. Потребность людей, говорящих на этом языке, в объяснении и толковании.
2. Расширение способов красноречия и методов риторики в стихах и прозе: возможно, поэт пришел к двум разным именам с одинаковым значением в одном месте в качестве акцента и преувеличения, как, например, высказывание Аль-Хаттаха:

ألا حَبِذا هَندٌ وأَرْضٌ بها هَند

"как прекрасны индийцы и их земля "

وهَندٌ أتى من دونها النأي والبعد

"индийцы пришли из отдалённых низов и издалека"

У слов *نأي* и *بعد* одно значение.

Возможно здесь автор, приводя два разных слова для одного понятия, пытается показать, насколько красноречив арабский язык.

3. Для наиболее точного выражения говорящими своих чувств. Например, *الود* «дружеская любовь», *العَرام* «любовь, сильное увлечение, страсть»

4. . Возможность прибегнуть к другому слову, если забыто одно, например,

حَسَنٌ – جَمالٌ «красота» *عِلْمٌ – مَعْرِفَةٌ* «знание»

Следует подчеркнуть, что феномен синонимии был спорным вопросом среди европейских и арабских лингвистов. В русском языке, например, существуют две точки зрения на синонимии: строгая точка зрения и гибкая. Первый вообще отрицает существование синонимии. С другой стороны, гибкая точка зрения утверждает, что любые два слова, имеющие хотя бы один общий смысл, являются синонимами. В случае арабского языка важно отметить, что для арабского языка характерно чрезмерное использование синонимичных лексических единиц. Это богатство синонимов в арабском языке может быть приписано целому набору факторов, которые выходят за рамки данного исследования. Как и в русском, есть две группы уче-

ных, занимающихся синонимией в арабском языке: те, кто категорически отвергает это понятие, и те, кто верит в него (ср. Al-Saleh, 1960: 292-301). Первая команда основывает свое утверждение на том факте, что любые два слова, имеющие хотя бы один общий семантический компонент, лучше всего описывать как атрибуты, а не как синонимы. Соответственно, лексические единицы جواد (быстрая лошадь), أدهم (полностью черная лошадь), حصان (конь) являются атрибутами, а не синонимами. Вторая команда, однако, принимает существование синонимии как должное и верит в незначительные различия между синонимичными лексическими единицами.

Абу Али аль-Фариси, Иззуддин аль-Мадаини, Абу Халил Аль-Аскари, Ибн Дурейд, Ибн Кутейба и другие арабские ученые, отвергавшие синонимии, утверждали, что слова, даже с минимальными семантическими различиями, хотя и указывают на одно понятие, не могут считаться синонимами.

Отрицает также и Абу Хилал аль-Аскари (400 г. хиджры), один из противников, что بعد и نأي являются синонимами, объясняя это следующим образом:

نأي – это когда, человек удаляется на некоторое расстояние и достигает места назначения

То же утверждал Ибн Дарстейх: «Недопустимо, чтобы две разные формы имели одинаковые значения, если только одно из них не встречается на языке одного народа, а второе – на языке другого».

В опровержении синонимии значительное внимание уделялось конкретизации лексических значений слов. Ибн Фарис доказывал, что всякое слово своей внутренней формой указывает на различия, которые не позволяют считать их синонимами, например, различия глаголов جلس и قعد заключаются в том, что действие يعود выполняется из положения «стоя», а действие جالس из положения «лежа». Также различие между словами حلم и رؤية «сновидение» истолковывалось таким образом, что رؤية «хорошее, приятное сновидение», а حلم «неприятный, скверный сон» и т.д. [3].

Приведем эквиваленты. В арабском языке для определения семемы «колодец» присутствует 10 лексических единиц, например: البئر القليل: البئر (1 «обычный колодец, с неизвестным владельцем (у которого нет хозяина), а также неизвестно, кто его вырыл»); الجب: البئر لم تُطَوَّ (2 «колодец, который не обложили камнем»); الركية: البئر التي فيها ماء قل أو كثير (3 «колодец, в котором мало или много воды»); الرس: البئر (4 «колодец, в котором много воды»); العروشة: البئر التي بعضها بالحجارة وبعضها بالخشب (5 «колодец, часть которой обложено камнем, а часть травой»). Все перечисленные слова передаются в словаре Х.К. Баранова одной лексемой «колодец» [5].

Определений синонимии много, все они отражают сущность этого понятия, каждое со своей стороны, делая акцент на тех или иных его характеристиках. Однако, есть то, что объединяет все толкования – это «условная ментальная структура – результат мыслительного процесса» [6].

Вне языка, понятие синонимии не может быть реализовано. Понятие «синонимия» отмечается в контексте лингвокультуры, поскольку отражает взаимосвязь языка и культуры, которое является сложным феноменом в результате того, что язык и есть следствие культуры. С точки зрения когнитивной лингвистики, синонимия отражает процесс мышления, суть гносеологического процесса.

В арабском языке есть сотни названий верблюда. Каждая лексема выражает конкретное, точное описание верблюда с точки зрения возраста, внешних признаков, пола, вплоть до ситуации, в которой находится верблюд.

«Верблюд напоминает обо всем, что важно в жизни условиях пустыни. Он обладает безграничным терпением и является не только самым сильным, но и самым нежным из животных» – говорит доктор философии Саад Соваян. Он утверждает, что у бедуинов все, что связано с любовью и привязанностью – выражения, лексика и обычаи – так или иначе связаны с верблюдами. Например, по словам профессора, арабский глагол حن «тосковать по чему-то» заимствовано от характерного звука, который издает верблюд, когда тоскует по верблюжонку.

Общеарабский термин, обычно используемый для обозначения верблюда – ابل. Столь же распространенным именем самки является ناقه (или по-другому

بنات النجائب или أم حوار) – верблюдица, самка верхового верблюда в возрасте старше пяти лет, так как она считается самой быстрой.

Согласно анализу отобранного для исследования материала и классификации изученных фактов, приведем описание полученных результатов на основе некоторой лексики арабского языка. Так лексему «верблюд» можно классифицировать по ряду признаков:

1. По возрасту

جمل (иногда أيوب أبي или البوادي ابن) – строго относится к верблюду мужского пола в возрасте от шести до двадцати лет (в некоторых источниках - от 4-х лет);

حوار – так называют детеныша верблюда с момента рождения до окончания кормления молоком;

2. Потомству

- خلفة – родившая верблюдица, дающая молоко;
 أُنْقَحَة – беременная верблюдица или верблюдица при родах;
 عُشْرَاء – жеребая верблюдица, на 10 или 9 месяце беременности;
 الخفوت – верблюдица, кормящая грудью чужих детей;
 المسوح – верблюдица, которая сможет давать молоко, если её доить, даже если у нее нет детёнышей;
 النحوس – верблюдица, которая не позволяет её доить;

3. По частоте питья воды

- الغب – верблюд, пьющий воду каждые два дня;
 الرفة – верблюд, пьющий мало воды;
 التندية – верблюд, который возвращается к воде, чтобы выпить воду ещё раз;
 السلوف – верблюдица, которая ведёт другого верблюда к водоему, чтобы тот выпил;

4. По внешним качествам:

- (أدماء للأنتى) آدم – полностью белый верблюд;
 دهامج/الطيز/ فُرْ غُوشْ – двугорбый верблюд;
 الوجناء – верблюдица, предназначенная для верховой езды;
 العوصاء – верблюдица, предназначенная для верховой езды и отличающаяся силой.

Раньше арабы жили в бесплодной, обширной пустыне, и когда они находили источник воды, это было так, будто они находили ценное сокровище, и из-за нехватки источников воды в пустыне, арабы сосредоточили большую часть своего внимания на дождь и время его выпадения. На данный момент известно около 200 наименований дождя, когда-либо использовавшиеся арабами. Приведем некоторые из них:

1. **الدَّيْمَة** (почти такое же значение у **الرَّهْمَة**) : - длительный дождь без грома и молнии, длится не менее трети дня или ночи. Ас-Саалиби дает описание «тихий дождь»;

В хадисе от Аиши رضي الله عنها говорится, ее спросили о деяниях и поклонении нашего Господина, Посланника Аллаха صلى الله عليه وسلم, и она сказала:

كان عمله ديمة

«Его деяния были постоянны и умеренны». Она сравнила его деяния в своем постоянстве с умеренным длительным дождем;

2. **الحيا** – **ما يحيى الأرض بالنبت** – дождь, после которого оживляются растения; дождь и плодородие;

3. **حيا الربيع** – весенний дождь оживляющий землю

وأحيا الله الأرض : أخرج فيها النبات ، وقيل : إنما أحيها من الحياة كأنها كانت ميتة بالمحل فأحيها بالغيث

И Аллах оживил землю, произвел из нее растения. И было сказано, он оживил ее, как будто бы она была омертвлена засухой и Он оживил его дождем **الوابل** . – дождь с огромными каплями

Аль Манзур говорит

فاستوبلوا المدينة أي استوخموها ولم توافق أبدانهم . يقال : هذه أرض وبله أي وبنه وخمة . وفي الحديث : أن بني قريظة نزلوا أرضا غملة وبله . والوبيل : الذي لا يستمرأ . وماء وبييل ووبيء وخيم إذا كان غير مريء ، وقيل : هو التقييل الغليظ جدا ، ومن هذا قيل للمطر الغليظ وابل .

«Город оказался непригодным для них, то есть климат и местность оказались нездоровыми для них и не подошел им (букв. их телам). Говорится: эта земля губительна, то есть чумная и затхлая. И в хадисе: Бану Курайза поселились в стране тьмы и беспорядков. {...}. И вода непригодная и нездоровая и затхлая, {...} и сказано: тяжелая, очень густая, и отсюда тяжелый дождь получает название вабиль».

Языки развиваются в соответствии с культурными, историческими и социальными факторами, и поэтому разные языки могут иметь различные способы выражения и описания определенных понятий.

В русском языке слово "супруга" обычно используется в общем значении, обозначая человека, состоящего в браке с другим человеком. Русский язык имеет другие слова, которые могут указывать на различные роли или отношения в браке, но они не имеют такого богатого набора значений, как в арабском языке.

В арабском языке существует богатый набор слов и выражений, связанных с понятием "супруга" или "жена". Это связано с тем, что в арабской культуре и традициях семейные отношения, роли и динамика в браке имеют особое значение. Различные арабские слова и выражения могут отражать разные аспекты и нюансы супружеских отношений, положение и статус жены в семье:

- قرينة – супруга, супруг;
- عفيفة – жена, супруга;
- حرم – жена, супруга;
- عرسُ الرجلَة – свадьба, женитьба;
- طلنته – внешность, облик любимой;
- حننته – та, что ласкала его, обнимала его;
- وجه ألتته – женщина, его лик, его выражение.

Синонимия имеет фундаментальное значение в языке, поскольку она влияет на значение. Его изобилие в языке отражает его богатство. Что действительно важно при переводе синонимов, так это значение, которое определяется контекстом; как следствие, переводить синонимы следует с особой осторожностью. Следовательно, ненужное использование синонимов является признаком плохого перевода.

Литература

1. Кошматова Ф.К. Синонимические отношения в арабском языке. М.: РАМ, 2016. 53 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Филин, 1995. 137 с.
3. احمد بن فارس «الصاحبي في فقه اللغة العربيه ومسائلها وسنن العرب في كلامها»
4. Вилюман М. Семантические особенности арабской лексики. М.: Сигма, 1980. 35 с.
5. Гаджалиева М.Г. К вопросу о денотативной дивергентности некоторой лексики арабского языка и ее синонимичности в переводных эквивалентах // Материалы конференции Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка. Грозный, 10-11 ноября 2017 г.
6. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология: учеб. для студентов вузов. 4. изд., испр. Москва: Высш. шк., 2003 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). 414 с.

References

1. Koshmatova F.K. Sinonimicheskie otnoshenija v arabskom jazyke. M.: RAM, 2016. 53 s.
2. Apresjan Ju.D. Leksicheskaja semantika: Sinonimicheskie sredstva jazyka. M.: Filin, 1995. 137 s.
3. «Кلامها في العرب وسنن ومسائلها العربيه اللغه فقه في الصاحبي» فارس بن احمد
4. Viljuman M. Semanticheskie osobennosti arabskoj leksiki. M.: Sigma, 1980. 35 s.
5. Gadzhialieva M.G. K voprosu o denotativnoj divergentnosti nekotorej leksiki arabskogo jazyka i ee sinonimichnosti v perevodnyh jekvivalentah. Materialy konferencii Aktual'nye problemy arabskoj filologii i metodiki prepodavaniya arabskogo jazyka. Groznyj, 10-11 nojabrja 2017 g.
6. Fomina M.I. Sovremennyj russkij jazyk. Leksikologija: ucheb. dlja studentov vuzov. 4. izd., ispr. Moskva: Vyssh. shk., 2003 (GUP Smol. obl. tip. im. V.I. Smirnova). 414 s.

*Gadzhialieva M.G., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Magomedova A.G.,
Dagestan State University*

Denotative divergence of some Arabic vocabulary and its synonymy in translation equivalents

Abstract: the article is devoted to the problem of synonymy, the classification of synonyms, their interpretation, as well as the analysis of the features of the translation of synonyms from Arabic into Russian. The analysis was carried out taking into account the approach that made it possible to form a set of methods for the linguistic analysis of the phenomenon of synonymy with an emphasis on context. The complexity of the study was achieved through the use of the method of pragmatic analysis of synonymic series, implemented on the example of studying the synonymy of the Arabic language.

This study is determined by the great interest in the problem of synonymy and the simultaneous absence of a clear theory of synonymy, the need to substantiate the ways of studying such an important linguistic phenomenon as the pragmatics of synonymy in general, and synonymy in the contextual subsystem of the Arabic language in particular.

The relevance of the work is due to the fact that a comprehensive study of the phenomenon of synonymy, namely, the study of its correlations in the pragmatic lexical subsystem of the modern Arabic language has not been previously carried out.

The scientific novelty of the results obtained is achieved due to the formation of a scientific conclusion that an exclusively integrated approach, taking into account both the semantic characteristics and the stylistic properties of lexical units and phrases, allows us to identify all the features of the synonymic subsystem of the Arabic language and create a holistic picture of synonymic pragmatics for the Russian translation.

The practical value of the work is that its materials can be used in courses of general and Arabic lexicology and stylistics, in particular, in such sections as text stylistics and functional stylistics, as well as in the course of text interpretation.

Keywords: synonyms, context, linguistic culture, equivalence

For citation: Gadzhialieva M.G., Magomedova A.G. Denotative divergence of some Arabic vocabulary and its synonymy in translation equivalents. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 87 – 91.

Received: May 30, 2023; Revised: June 20, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Сарафанников М.В., аспирант, старший преподаватель,
Государственный университет просвещения*

Греко-латинские корневые морфемы в романских фитонимах

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые морфолого-семантические изменения (трансформации) латинских фитонимических корневых морфем, унаследованных романскими языками. История слов рассмотрена в тесной связи с историей концептуализации обозначаемых ими реалий (растений). Раскрываются некоторые закономерности морфолого-семантических трансформаций фитонимических лексем в ходе развития романских языков из латыни. Исследование проводится на материале латинских и романских фитонимов пяти литературно развитых языков романского ареала. По результатам исследования удастся установить факт преобладания греко-латинских (латинизированных) этимологических корневых основ в общей структуре романских фитонимов. Приведенные в статье примеры показывают общую лингвогеографическую закономерность, а именно наибольшую сохранность латинского фитонимического корнеслова в языках «непрерывной Романии» (итальянский, окситанский, испанский, португальский) и наименьшую в языках «прерывистой Романии» (французский, румынский). В целом показано, что лексико-семантическая группа «фитонимы» в романских языках имеет латинское происхождение с весьма незначительным количеством лексем нелатинского происхождения.

Накопленный опыт семасиологического изучения других ЛСГ, новые методы когнитивной лингвистики открывают перспективу воссоздания картины формирования фитонимической лексики конкретных романских языков и фитонимии ареала Романии в целом, где ключевым и наиболее важным элементом выступает понятие «корневая морфема», на основе которого может быть выстроено дальнейшее историко-лексикологическое и этимологическое изучение. Исследование темы греко-латинских корневых морфем в романских фитонимах показывает, что несмотря на частое обращение исследователей к отдельным сторонам и аспектам данной темы, ни обобщающего, ни конкретизирующего рассмотрения не предпринималось.

Ключевые слова: фитоним, лексика, романский, латинский, значение

Для цитирования: Сарафанников М.В. Греко-латинские корневые морфемы в романских фитонимах // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 92 – 97.

Поступила в редакцию: 27 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 20 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Введение

Фитонимы, то есть названия растений, будучи с лингвистической точки зрения одной из лексико-семантических групп (далее ЛСГ) всякого языка, представляют довольно употребительный слой лексики, что относится и к современным романским языкам. Связано это, безусловно, с бытовым, хозяйственно-экономическим, а также культурным значением растений в жизни человека и общества. Люди привыкли иметь дело с самими растениями, продуктами и вещами, производимыми из растений, а повседневная речь регулярно воспроизводит имена представителей зелёного мира. Как известно, для романской группы языков характерна общность лексики, унаследованной от латинского языка. Эта важная черта проявляется и в фитонимической лексике. Обычное различие в звучании фитонимов разных языков романского ареала при внимательном подходе и знании исторических закономерностей формирования романских языков стирается, и в таком случае обнаруживается поразительное сходство не столько фитонимов современных романских языков, сколько романских фитонимов и их латинских предшественников. Необходимо заметить, что, являясь по функциям терминологическими образованиями, рассматриваемые фитонимы, даже в своём древнем, античном состоянии имеют следующую весьма существенную формальную черту, которая выделяет их как отдельную ЛСГ, но при этом легко объяснима своим происхождением в латинском языке. Древнеримская цивилизация возникла и развивалась значительно позже во многом опередившей её цивилизации греческой. Отсюда обилие культурных и лексических заимствований из древнегреческого языка. В основании римской науки лежит прочный фундамент достижений греческих научных школ эпохи недифференцированного научного знания. Это относится и к ботанике. Отцом ботаники принято считать греческого учёного Теофраста (Феофраста) из Эреса (о. Лесбос) (372-288 до н.э.), ученика и друга Аристотеля. Объясняется это тем, что ботанические труды других авторов, в частности и Аристотеля, возможно, более полные и более основательные, до нас не дошли либо сохранились в очень

фрагментарном виде. Римская ботаника была преимущественно прагматической (медицина, растениеводство). Римляне рано заимствовали очень существенную часть греческих названий растений (многим более двух третей части), придав им фонетико-морфологический облик латинских и, таким образом, подвергнув греческий фитонимикон (совокупность названий растений) полной **латинизации**. Что, впрочем, присуще и другим разрядам заимствованной греческой лексики. Вот почему латинский фитонимикон состоит из небольшого числа чисто латинских (италийских) фитонимов и значительного числа латинизированных греческих названий. Замечено, что греческие лексемы (включая фитонимы) довольно прочно закрепились в латыни и обычными носителями языка чаще всего не воспринимались как чужеродные. Это можно связать также с преклонением, уважительным отношением к более высокоразвитой традиционной эллинской и современной им эллинистической культуре и к греческому языку.

Проведённый нами анализ примерно двухсот родовых (апеллятивных, не являющихся видовыми эпитетами) латинских названий растений, встречающихся в источниках периода «золотой латыни» (классической) показывает преобладание греческих лексем, причём обычно это прямые заимствования. Таких латинизированных фитонимов-грецизмов насчитывается более двух третей анализируемого списка.

Само собой, при таком обилии греко-латинских (латинизированных, а позже романизированных) заимствований, все больше исследователей должно привлекать изучение природы их возникновения и поиска все новых возможностей изучения природы формально-семантических трансформаций в данной лексико-семантической группе (далее ЛСГ). Однако общая направленность и акцентуация современных исследований в романистике направлена преимущественно на вопросы лексической нормы и работу в сфере новых (актуальных) течений в лингвистических науках. Одним из них, в частности, является когнитивная лингвистика. В нашей работе нас особенно интересует, когнитивная сторона лексических изменений, связанная с морфонологическими и семантическими трансформациями фитонимов. Актуальность работы объясняется также и тем, что когнитивная лингвистика до сих пор остается активно развивающимся перспективным направлением, где только намечены многие пути поиска и пока глубоко не изучены вопросы, связанные с когнитивными аспектами лексикологии. Содержательным, смысловым изменениям латинских фитонимов там, где такие изменения наиболее показательны и существенны, уделено особое внимание. Естественно, что в фитонимических названиях, заимствованных из соседних с романскими языков, такие изменения детально нами не рассматриваются.

Мыслительные процессы отражают происходящее во внешнем мире, но то, как совершается концептуализация знаний о мире, как они обретают свое языковое воплощение, благодаря каким факторам, способностям, возможностям – это одна из главных исследовательских задач когнитивного подхода в исследованиях лексики. Несомненна роль такого подхода не только при синхроническом изучении лексики, но и в раскрытии исторических семантических, а значит, и когнитивных процессов изменения лексики, где требуется диахронический подход к рассматриваемым процессам и явлениям.

Цель данной статьи – выявить особенности лексико-семантических изменений греко-латинских фитонимических корневых морфем в процессе их перехода в романские языки и усвоения носителями новых европейских языков.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

1. Кратко осветить современные подходы к исследованию лексики и основные особенности латинской и романской фитонимических систем.
2. Рассмотреть основные примеры лексико-семантических изменений фитонимических наименований, проследить связь истории наименования с историей формирования конкретного концепта, сложную связь концепта как ментального феномена с реалией им обозначаемой (с растением).
3. Рассмотреть случаи и мотивы замены латинских корневых морфем заимствованиями из нероманских языков, а также новыми наименованиями романского происхождения.

Основные методы исследования – сравнительно-исторический, метод морфемного анализа, этимологический.

Основная часть

Ещё почти за столетие до формирования когнитивной лингвистики отечественный лингвист, филолог-классик Михаил Михайлович Покровский (1869-1942) разработал некоторые методы диахронических исследований в лексической семантике, относящиеся к древним языкам, но неизбежно затрагивающие языки новые. В наше время работы академика Покровского считаются основными по общей семасиологии. В 1959 году в свете возрождения в нашей стране интереса к сравнительно-историческим исследованиям были переизданы относящиеся к концу XIX века его фундаментальные труды в сборнике «Избранные работы по языкознанию» (позже под названием «Семасиологические исследования в области древних

языков»), где сопоставительные методы сочетаются с семасиологическими. Эти глубокие исследования не утратили своей актуальности по сей день, а приёмы и методы, предложенные академиком Покровским, применимы к любой группе лексики любого диахронического среза. Другим учёным, открывшим дорогу к семантическим исследованиям, уже в области романистики, стал Р.А. Будагов. Работа 1963 года «Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки)» обращена к проблематике романской семасиологии. Полисемия, диахрония, неравномерность смыслового развития непосредственно касаются темы нашего исследования. В работе Будагова целая глава посвящена когнитивным вопросам – история слов непосредственно связывается с историей реалий (вещей, предметов) [1, с. 253-265]. История языка привлекается для объяснения семантических (семасиологических) процессов в лексике романских языков.

Переход от народной (впрочем, и ещё живой на тот момент литературной) латыни, конечно же не был и не мог быть одномоментным. Таковы общие законы языкового развития. Вот почему необходимо отметить здесь действие такого существенного фактора как интерференция. В условиях сложившегося двуязычия (а в ряде регионов и многоязычия) языковые системы непрерывно взаимодействовали. Возникали отклонения от нормы и системы латыни под довольно мощным влиянием родных языков разнородного населения складывающейся Романии, менялся словарь. При этом действовали языковые контакты, обусловленные коммуникативной функцией языка, одновременно происходило индивидуальное и коллективное усвоение неродного языка (латыни). По своему механизму интерференция сходна с основными диахроническими изменениями в фонологии, это преимущественно подмены. А сами отношения заменяющих и заменяемых лексических элементов языка (объектом нашего изучения является лексика) называют диасемией или диалексией. Результат процесса – интерференция.

В качестве одного из способов теоретического исследования выбрано «рассмотрение лингвистического материала на фоне культурологического, социолингвистического, психологического порядка» [3, с. 2-38]. В качестве одного из основных понятий в описании различных исторических переходов и трансформаций фитонимов выделяется корень, а точнее корневая основа, обычно (хотя не всегда) уже подвергнувшаяся деэтимологизации в ходе многоступенчатого процесса освоения языком. При этом мы сознательно избегаем углублённых экскурсов в историческую фонетику и морфологию конкретных романских языков, так как все эти процессы и закономерности подробно изложены в соответствующих учебных руководствах по истории и исторической грамматике конкретных языков, а также в общих работах по романской филологии и современному романскому языкознанию. Уже даже при самом общем рассмотрении формально-смысловых соотношений легко выделяются общероманские (латинского происхождения) слова-фитонимы для какого-либо значения, которые в отдельных языках были заменены, в других вышли из употребления, в третьих встречаются как диалектные.

Характеризуя генетическую преемственность романского фитонимического корнеслова, необходимо отметить следующую закономерность. Языки так называемого непрерывного ареала (по терминологии испанского лингвиста А. Алонсо) [2, с. 112], а именно итальянский, провансальский, испанский, португальский, демонстрируют наибольшую сохранность латинских корневых фитонимических морфем. Языки изолированные (французский, ретороманский, румынский), наоборот, проявляют лексическую инновативность: фитонимы этих языков по формально-семантическим особенностям, как правило, существенно отличаются от таковых в языках непрерывного ареала. Лексика румынского языка, включая и фитонимы, отличается сильным влиянием славянского и тюркского адстрата. Рассматриваемые далее фитонимы взяты из двуязычных и одноязычных (толковых и специальных) словарей современных романских языков и Латинско-русского словаря (И.Х. Дворецкий. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2009).

В качестве примера наименее подвергнувшегося трансформациям латинского фитонима отметим обозначение водорослей. Общая закономерная особенность самого концепта «водоросль», как растения практически малозначимого и сокрытого от повседневного созерцания в толще водной стихии создала единое обозначение для довольно разнообразной сборной группы низших растений. Для человека античного мирозозерцания все похожие друг на друга растущие в водоёмах растения обозначались одним словом **algae** (водоросли во множественном числе, в единственном числе **alga**). В практически неизменном виде слово перешло в новые романские языки: рум. *alge*, итал. *alga*, франц. *algue*, исп. *alga*, порт. *alga*. Графически эти названия, кроме румынского и французского мало отличимы от латинского прототипа, и отличаются, разумеется, лишь произношением в конкретном языке. Иначе обстоит дело с названиями у высокоорганизованных растений, более значимых для человека, более близких ему физически и ментально. Латинское **abies**, **abietis** «ель, ёлка» (слово приводится в соответствии со словарно-грамматической традицией классических языков в двух падежах – номинативе и генитиве) в итальянском стало *abète*. Центральные корневые гласные подверглись общим фонетическим изменениям, характерным для итало-

романского языкового ареала. А итальянское слово восходит к романскому прототипу существительных, как правило, принимавших уже в предроманской латыни формальный вид сингулярного аккумулятива (латинского винительного падежа единственного числа **abietem**), и утративших впоследствии конечное **m**, которое отпало везде в позиции конечного согласного (**abietem** – **abéte**). Из фитонимов, обозначающих известное хвойное дерево только румынский вариант не восходит к латинскому корню. Рум. **brad**, франц. **sapin** (но прилагательное «еловый» – **abiétin**), исп. **abeto**, порт. **abeto**. Такая же картина развития фитонима наблюдается и для лат. **acacia**: итал. **acacia**, франц. **acacia**, исп. **acacia**, порт. **acácia**, рум. **salcím**. **Rumex** – обозначавшее щавель, дестимологизированное латинское название, в романских языках подверглось замене на простое и понятное носителям языка именование, переводимое на русский язык как «кислица, кисличник» и восходящее к латинскому **acetum** «уксус»: итал. **acetósa**, франц. **oseille**, исп. **acedera**, порт. **azeda**, рум. **ştevie** (славянского происхождения). Так же случилось и с **armeniaca** «абрикос», названного так греками потому, что те познакомились с ним, когда дошли до Армении, где по сей день эту плодую культуру считают национальной, несмотря на то, что современные ботаники установили настоящую родину абрикоса – северо-восточные районы нынешнего Китая, откуда он и попал в Персию, а затем успешно освоил горные склоны и долины Армении. В итальянском языке, прямом потомке латыни, растение подверглось переименованию: **albicóssa** (букв. «белый шар» по округлой форме и светлой окраске плода), франц. **abricotier** исп. **albaricoque**, порт. **abricó** (**abricote**, **damasco**), рум. **abricos** (также **cais**). Определённая территориальная периферийность и изолированность португальского языка определили не только его фонетическую специфику (лузофония), но и своеобразие фитонимических наименований. Выше отмечалось также влияние славянского и тюркского адстратов на фитонимическую лексику восточнороманского диалектного континуума Румынии и Молдовы. **Allium** могло обозначать в латыни как чеснок, так и лук. В итальянском **aglio** это только «чеснок». Франц. **ail**, исп. **ajo**, порт. **alho**, рум. **usturoi**. Лат. **laurus** преобразовалось в итальянское **allòro**, франц. **laurier**, исп. **laurel**, порт. **loureiro**, рум. **laur** (**dafin**). Наглядным примером полного переосмысления старого латинского наименования служит история номинации арбуза, современное научно-ботаническое номенклатурное имя которого **Citrullus colocynthis**. Этим именем было именовано открытое в новое время в районе пустыни Калахари на юге Африки и сразу введённое в культуру известное теперь во всём мире десертное растение с крупным округлым плодом, содержащим внутри сладкую сочную зернистую мякоть. Родовое название (производное) образовано от античного названия одного из видов африканской туи **citrus**, очень дорогостоящей древесной породы. Римский писатель Палладий (IV в. н.э.) в своём агрономическом сочинении под именем **citrus** упоминает ставшее в то время известным в Европе восточноазиатское дерево (и плод), которое мы знаем как лимон; сегодня в научной ботанике многочисленный род **Citrus** включает в себя все так называемые цитрусовые культуры (апельсин, мандарин, кумкват, грейпфрут и т.д.). Африканский цитрус переименован в тую в соответствии с требованиями современной научной ботанической систематики. А что касается видового эпитета **colocynthis**, то **colocynthis** – это римское латинизированное название родственного арбузу колоквинта. Так ботаники нового времени активно использовали богатейший арсенал античных фитонимов, когда совершенно не родственные растения могли получать произвольные наименования от учёных-систематиков. Хотя в данном случае туя, цитрус и арбуз, совершенно разные по их внешнему облику, объединяет всё-таки один признак – запах. Туя и цитрус содержат душистые эфирные масла и потому обладают характерным запахом, этот признак сближает их с привлекательным запахом спелой мякоти арбуза. Новая культура в итальянском закрепила под именем **angùria**, восходящим к латинскому **anguis** «змея», мотивированному стелющейся извитой формой стебля растения. Франц. **melon d'eau** (букв. «водянистая дыня») – название с корневыми морфемами латинского происхождения. Исп. **sandía** восходит к латинскому корню, обозначавшему ярко-красный цвет (мякоть арбуза), а латиноамериканское название арбуза аналогично французскому: **melón de agua**. Порт. **melancia** этимологически восходит к латинскому названию дыни. Рум. **repepe verde** можно охарактеризовать как романское, но с бесспорно латинскими корнями. **Repepe** в румынском «арбуз, дыня», а в диалектах «огурец». **Реро, репонис** – так римляне вслед за греками именовали всякое тыквенное растение. Это следует из того, что в античных источниках под этим именем описаны либо упомянуты разные растения, по габитусу (внешнему облику) легко относимые к ботаническому семейству тыквенных. Итальянское название вышеупомянутого апельсина **arància**, проникшее в изменённом виде в другие романские и нероманские языки, не является латинским по своему происхождению, оно восходит к староитальянскому заимствованию из арабского языка. Латинское **anisum** «анис», греческого происхождения, перешло в итальянский в форме **ànise**, франц. **anis**, исп. **anís**, порт. **anis**, рум. **anason**. Здесь явно представлено латинское корневое происхождение фитонимов, обозначающих анис в романских языках. Примером новообразованного именованья, отсутствовавшего в античной ботанике, служит номенклатурное латинское **Arachis** (букв. «без хребта, без гребня», так как створки плода лишены

шва, хребта в отличие от плодов других, родственных ему бобовых растений), созданное из греческих морфем в новое время. Арахис – южноамериканская культура, поэтому европейским ботаникам до открытия Америки известен не был. Удачно сконструированное имя в несколько изменённом виде было усвоено итальянским языком как *arachide*, а также французским – *arachide*. Испанское *cahuete* и португальское *amendoim* отражают историческое южноамериканское происхождение культуры, но не имеют ничего общего с античными фитонимами. А румынское *arahide* закрепилось из номенклатурного научно-ботанического новолатинского названия как заимствование. В последнем случае, как и в истории с итальянским названием, и с французским, возможно, речь может идти о процессе релатинизации, когда романский язык обращается к латинским словам и корням для обозначения каких-либо новых понятий, явление нередкое.

Говоря о когнитивном подходе в изучении фитонимов, отметим важное значение референциального подхода. Латинская корневая морфема **-acet-** с ядерной семьей «кислый, имеющий кислый вкус» стала основой для развития метонимического обозначения растения с кислым вкусом. Концепт (референт) может образовываться из дискурсного опыта носителей языка, из мыслительных операций человека с другими концептами его сознания (типа «сладкий/горький») – подобные операции обычно способны приводить к образованию совершенно иных, новых концептов, но главным мотивом образования приводимого концепта в нашем случае представляется непосредственный сенсорный опыт человека, как в случае с романскими названиями абрикоса. Самостоятельное познание значений набора языковых единиц, усваиваемых самим человеком предоставляет человеческому сознанию выбор наиболее подходящего концепта для нового денотата. Названные механизмы нуждаются в дальнейшем более углублённом изучении, это одна из важнейших задач когнитивной лингвистики. Языковое общение как таковое, коммуникация носителей языка также один из способов формирования концепта (референта), в рассматриваемых случаях как представления, понятия.

Выводы

Таким образом, изучив словарные материалы, историю нескольких произвольно выбранных романских фитонимов из пяти известных литературно развитых романских языков, используя современные лингвистические подходы к анализу языкового материала, мы можем прийти к выводу о преобладании греко-латинских (латинизированных) корневых морфем в фитонимических наименованиях на территории обширного ареала романской речи (Романии). Историческая лексикология романских языков, изучая фитонимы с точки зрения традиционного системно-структурного и инновационного антропоцентрического принципов современной лингвистики, открывает новые аспекты исследования, касающиеся механизмов возникновения и развития новых значений лексем, образования в новых языках денотатов для обозначения вновь возникающих, использования богатого корнеслова классических языков для новых фитонимических наименований. Рассмотрение конкретных примеров позволяет сделать вывод о сложности и многообразии исторических изменений в фитонимической лексике романских языков на пути её формирования, несмотря на определённую известность и изученность её главного источника – латинского языка.

Литература

1. Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М.: Издательство Московского университета, 1963. 302 с.
2. Гак В.Г., Мурадова Л.А. Введение во французскую филологию: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2016. 303 с.
3. Кубрякова Е.С. Проблемы представлений знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представлений знаний. М., 1992. С. 2 – 38.

References

1. Budagov R.A. Sravnitel'no-semasiologicheskie issledovaniya (romanskije jazyki). M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963. 302 s.
2. Gak V.G., Muradova L.A. Vvedenie vo francuzskuju filologiju: uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2016. 303 s.
3. Kubrjakova E.S. Problemy predstavlenij znanij v sovremennoj nauke i rol' lingvistiki v reshenii jeti problem. Jazyk i struktury predstavlenij znanij. M., 1992. S. 2 – 38.

*Sarafannikov M.V., Postgraduate, Senior Lecturer,
State University of Education*

Greek-Latin root morphemes in Roman phytonyms

Abstract: the article deals with some morphological and semantic changes (transformations) of Latin phytonymic root morphemes inherited by the Romance languages. The history of words is considered in close connection with the history of conceptualization of the realities (plants) they designate. Some patterns of morphological and semantic transformations of phytonymic lexemes are revealed in the course of the development of Romance languages from Latin. The study is conducted on the material of Latin and Romance phytonyms of five literary developed languages of the Romance area. Based on the results of the study, it is possible to establish the fact of the predominance of Greek-Latin (Latinized) etymological root bases in the general structure of Romance phytonyms. The examples given in the article show a general linguo-geographic pattern, namely, the greatest preservation of the Latin phytonymic root word in the languages of "continuous Romagna" (Italian, Occitan, Spanish, Portuguese) and the least in the languages of "discontinuous Romagna" (French, Romanian). In general, it is shown that the lexical-semantic group "phytonyms" in the Romance languages is of Latin origin with a very small number of lexemes of non-Latin origin.

The accumulated experience of the semasiological study of other LSGs, new methods of cognitive linguistics open up the prospect of recreating the picture of the formation of the phytonymic vocabulary of specific Romance languages and the phytonymy of the area of Romania as a whole, where the key and most important element is the concept of "root morpheme", on the basis of which further historical research can be built. lexicological and etymological study. The study of the theme of Greek-Latin root morphemes in Romance phytonyms shows that despite the frequent reference of researchers to certain aspects and aspects of this topic, neither generalizing nor concretizing consideration has been undertaken.

Keywords: phytonym, vocabulary, Romance, Latin, meaning

For citation: Sarafannikov M.V. Greek-Latin root morphemes in Roman phytonyms. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 92 – 97.

Received: May 27, 2023; Revised: June 20, 2023; Accepted: June 30, 2023.

Акинина П.С., кандидат филологических наук, доцент,
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Концептуальная метафора социального и бытового характеров (на примере метафоры “Beauty is care”)

Аннотация: в статье оговаривается вопрос концептуальной метафоры социального и бытового характеров, примером служит метафора “Beauty is care”. Материалом для исследования послужила статья *Hepbern voted “ultimate screen beauty”*. *Audrey Hepburn is named the ultimate screen beauty in a survey of actresses through the ages* из “Digital Spy”. Целью данного исследования является анализ когнитивной структуры концептуальной метафоры “Beauty is care”. Основой для этого послужили процессы ее актуализации в популярной англоязычной прессе. Автором представлены основные идеи лингвистического и когнитивного подходов в изучении метафоры, а также рассмотрено определение понятия «концепт». В практической части исследования рассматривается информационный компонент, ядро и периферия концепта “care”. При анализе контекста статьи автором были выделены языковые репрезентации концепта, представленные определенными лексическими единицами. Полученные результаты могут найти применение в области когнитивной лингвистики, а также в области лингвокультурологии.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, концепт, beauty is care, когнитивная структура, ядро, периферия

Для цитирования: Акинина П.С. Концептуальная метафора социального и бытового характеров (на примере метафоры “Beauty is care”) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 98 – 100.

Поступила в редакцию: 2 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Концептуальная метафора является предметом исследования как отечественных, так и зарубежных лингвистов (А.П. Чудинов, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, О.Д. Вишнякова, Дж. Лакофф, М. Джонсон). Говоря о концептуальной метафоре, необходимо обратить внимание на различия в терминологии. Для отечественных лингвистов более традиционны понятия «метафора» или «метафорическое моделирование». Зарубежные лингвисты пользуются термином «концептуальная метафора».

Основные идеи лингвистического подхода в изучении метафоры

Согласно мнению английского лингвиста А. Ричардса, наши мысли метафоричны, поэтому метафоры появляются в языке [9].

Американский лингвист М. Блэк не рассматривает метафору в качестве сравнения, а видит ее значение в способности отражать мир [3].

Другой американский лингвист-философ М. Бирдсли полагает, что цель метафоры – обнаружение дополнительных черт объекта [2].

Американские лингвисты В. Олдридж и М. Хэстер придерживаются мнения, что метафора объединяет совершенно различные объекты, находя нечто общее у них [10].

Французский ученый П. Рикер считает, что метафора не существует без воображения и ощущения [8].

Основные идеи когнитивного подхода в изучении метафоры

Когнитивная лингвистика начала развиваться в Америке в 1970 годах. Первоначально это направление было известно как когнитивная грамматика. К ученым, занимающихся исследованиями в этой области, можно отнести Ч. Филлмора, У. Чейфа, Т. ван Дейка, Р. Лангакера, Дж. Лакоффа, М. Тернера, Ж. Фоконье. Среди отечественных лингвистов стоит назвать Е.С. Кубрякову, Н.Д. Арутюнову, Ю.С. Степанова и др.

Поворотным пунктом в изучении концептуальной метафоры стала попытка американского лингвиста Рэя Джекендоффа в 1997 году осуществить когнитивный подход к языку. Был поставлен вопрос о соотношении языка и мышления.

Два других американских ученых – лингвиста, Дж. Лакофф и Марк Джонсон работают над книгой «Metaphors we live by». Авторами книги была разработана теория, указывающая на эвристический потенциал метафоры. По мнению ученых, метафора не может относиться к одной лишь языковой области, поскольку процессы мышления метафоричны.

Впоследствии Дж.Лакофф приходит к выводу, что метафора – это концептуальный феномен, взаимодействующий с психикой и связанный с сенсорными механизмами. Само содержание находится в области источника и цели. Между ними существуют соответствия, которые и называются концептуальными метафо-

рами. Они репрезентируются в языковых и культурных традициях [6].

Также автор считает необходимым, рассмотреть более подробно определение такого понятия, как «концепт».

1) Согласно С.А. Аскольдов-Алексееву, концепт – это мыслительное образование [1].

2) Д.С. Лихачев под концептом понимает обобщенную мыслительную единицу, интерпретирующую действительность, в зависимости от нашего языкового опыта [7].

3) Е.С. Кубрякова полагает, что концепт – это единая оперативная единица памяти [5].

4) О.Д. Вишнякова полагает, что концепты могут выражаться как вербально, так и ментально [4].

Обобщая все вышесказанное, можно прийти к выводу, что концепт – это ментальная единица, несущая в себе культурологический аспект, способная меняться в результате накапливаемого опыта, знаний. В концепте присутствуют много слоев, образующих концептосферу. Концепт взаимосвязан с вербальными средствами, содержит в себе понятийный, ценностный и образный компоненты. Базовый слой концепта образует ядро. Периферия содержит интерпретацию отдельных когнитивных признаков.

Рассмотрим более подробно метафору социального и бытового характеров “Beauty is care”. Материалом для исследования является статья Нерберн voted “ultimate screen beauty”. Audrey Hepburn is named the ultimate screen beauty in a survey of actresses through the ages [11], в которой вербализуется концептуальная метафора «Beauty is care». Статья посвящена обсуждению эталонов красоты.

Как известно, стандарты красоты менялись, в зависимости от эпохи. Несмотря на такую изменчивость, существовали женщины, чей внешний вид во все времена оставался образцом для подражания. К примеру, Одри Хепберн и Грейс Келли. К ним применимо такое выражение, как красота вне времени. Таким образом, вербализованная концептуальная метафора выглядит следующим образом: «Beauty is care».

Рассмотрев информационный компонент концепта «care», согласно кембриджскому словарю, можно выделить следующие значения:

1. процесс защиты кого-то или чего-то и предоставление того, в чем человек нуждается;
2. серьезное внимание, особенно к деталям ситуации или предмета;
3. ощущение беспокойства [12]

Рассмотрев информационный компонент концепта «care», согласно оксфордскому словарю, можно выделить следующие значения:

1. [в качестве неисчисляемого существительного] предоставление того, что необходимо для здоровья, благосостояния и поддержки кого-либо или чего-либо;

2. программа защиты или опекунов, предоставляемое местными властями в Британии для детей, чьи родители умерли или неспособны исполнять свои родительские обязанности должным образом;

3. серьезное внимание или рассмотрение чего-либо, с целью выполнения этого корректным образом, во избежание нанесения ущерба или риска;

4. [в качестве исчисляемого существительного] предмет, вызывающий беспокойство или внимание;

5. [в качестве исчисляемого существительного] ощущение или повод для беспокойства [13]

Таким образом, смысл концепта заключается во внимательном отношении к себе, своему здоровью, внешнему виду. Чувство гармонии делает человека красивым. Понятие концепта «care» включает в себя всю человеческую деятельность.

На следующем этапе анализа рассмотрим ядро и периферию концепта «care». Согласно словарным дефинициям и контексту, ядро концепта составляет человеческая красота, которую можно назвать вечной. К понятийному компоненту относится следующий признак: *taking yourself both inside and out*. Языковые репрезентации концепта представлены следующим образом: *timeless, appealing, sophisticated, admired, loved, confidence, sense of humour, enticing, taking yourself both inside and out*.

Рассмотрев языковые репрезентации концепта, приходим к выводу, что лексический слой представлен образом современной и уверенной в себе женщины. Именно о такой красоте говорят как о красоте вне времени. Следовательно, женская красота – это достаточно трудоемкая работа, требующая постоянного совершенствования.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / под ред. В.Н. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267 – 280.
2. Бирдсли М. Метафорическое сплетение // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 201 – 218.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 153 – 172.

4. Вишнякова О.Д. Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка) // Вестник Московского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация 1/2018. С. 17 – 25.
5. Кубрякова Е.С. Концепт//Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 90 – 93.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН – СЛЯ. 1993. № 1. С. 3 – 9.
8. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 416 – 434.
9. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 44 – 67.
10. Hester M. Metaphor and Aspects Seeing // Journal of Aesthetics. 1966. Vol. 25. № 21. P. 205 – 212.
11. Hepburn voted “ultimate screen beauty”. Audrey Hepburn is named the ultimate screen beauty in a survey of actresses through the ages. Электронный ресурс: <https://www.digitalspy.com/movies/a146430/hepburn-voted-ultimate-screen-beauty/> (дата обращения: 1.06.2023)
12. Электронный кембриджский словарь. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 1.06.2023)
13. Электронный оксфордский словарь. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 1.06.2023)

References

1. Askol'dov S.A. Koncept i slovo. Russkaja slovesnost': Antologija. pod red. V.N. Neroznaka. M.: Academia, 1997. S. 267 – 280.
2. Birdslі M. Metaforicheskoe spletenie. Teorija metafory: sb. M.: Progress, 1990. S. 201 – 218.
3. Bljek M. Metafora. Teorija metafory: sb. M.: Progress, 1990. S. 153 – 172.
4. Vishnjakova O.D. Jazyk kak instrument smyslovoj interpretacii (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka). Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija 1/2018. S. 17 – 25.
5. Kubrjakova E.S. Koncept. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. M., 1996. S. 90 – 93.
6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforы, kotorymi my zhivem. M.: Editorial URSS, 2004. 256 s.
7. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka. Izv. RAN – SLJa. 1993. № 1. S. 3 – 9.
8. Riker P. Metaforicheskij process kak poznanie, voobrazhenie i oshhushhenie. Teorija metafory: sb. M.: Progress, 1990. S. 416 – 434.
9. Richards A. Filosofija ritoriki. Teorija metafory: sbornik. M.: Progress, 1990. S. 44 – 67.
10. Hester M. Metaphor and Aspects Seeing. Journal of Aesthetics. 1966. Vol. 25. № 21. P. 205 – 212.
11. Hepburn voted “ultimate screen beauty”. Audrey Hepburn is named the ultimate screen beauty in a survey of actresses through the ages. Jelektronnyj resurs: <https://www.digitalspy.com/movies/a146430/hepburn-voted-ultimate-screen-beauty/> (data obrashhenija: 1.06.2023)
12. Jelektronnyj kembriidzhskij slovar'. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru> (data obrashhenija: 1.06.2023)
13. Jelektronnyj oksfordskij slovar'. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (data obrashhenija: 1.06.2023)

*Akinina P.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs*

Conceptual metaphor of social and domestic character (on the example “Beauty is care”)

Abstract: the question of conceptual metaphor of social and domestic character is highlighted in the article, on the example of “Beauty is care”. The research material is the article *Hepburn voted “ultimate screen beauty”*. *Audrey Hepburn is named the ultimate screen beauty in a survey of actresses through the ages* from “Digital Spy”. The purpose of this research is to analyze the cognitive structure of the conceptual metaphor “Beauty is care”. The basis for this is the process of its actualization in the popular English press. The author submitted the main ideas of linguistic and cognitive approaches in the study of the metaphor, also the definition of “concept” is considered. In the practical part of research the information component, core and periphery of the concept “care” are considered. When analyzing the author identified linguistic representations of the concept, presented by the certain lexical units. The results can be applied in the sphere of cognitive linguistics, also in the sphere of linguoculturology.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, concept, beauty is care, cognitive structure, core, periphery

For citation: Akinina P.S. Conceptual metaphor of social and domestic character (on the example “Beauty is care”). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 98 – 100.

Received: June 2, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Аминова Х.М., кандидат филологических наук, доцент,
Омариева П.М.,
Дагестанский государственный университет*

Проблема передачи ритма и интонации в переводе У. Шекспира на лакский язык

Аннотация: в статье проводится анализ переводов драматических произведений У. Шекспира на лакский язык, осуществленный С. Хайдаковым и С. Мусаевым для постановки на сцене лакского театра. В дагестанском переводоведении до сих пор не поднимался вопрос о качестве перевода драматических произведений на языки народов Дагестана. Перевод драматического произведения в тесной связи с его интерпретацией и воплощением на сцене редко становится предметом научных изысканий. Переводы драм Шекспира рассматриваются в стиховедческом аспекте. При анализе и оценке переводов стихотворной драмы мы руководствовались методологическими идеями высказанными отечественными стиховедами – в переводе все структурные элементы стиха (ритм, интонация, строфика, рифма) должны быть адекватны оригиналу. Переводчики стремились адекватно перевести ритмико-интонационные особенности трагедий У. Шекспира на лакский язык, учитывая все разнообразные приемы писателя. Лакским переводчикам пришлось приложить немало усилий, чтобы произведения У. Шекспира стали частью национального драматического искусства.

Ключевые слова: художественный перевод, стихотворная драма, стихосложение, ритм, интонация

Для цитирования: Аминова Х.М., Омариева П.М. Проблема передачи ритма и интонации в переводе У. Шекспира на лакский язык // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 101 – 107.

Поступила в редакцию: 3 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

По заказу Лакского музыкально-драматического театра им. Э. Капиева на лакский язык были переведены произведения У Шекспира: трагедия «Ромео и Джульета» С. Хайдаковым, трагедия «Гамлет» и комедия «Укрощение строптивой». С. Мусаевым. Все эти пьесы в разные годы были поставлены на сцене и прочно закрепились в репертуаре театра. Перевод драматургических произведений для театральной сцены является одной из наиболее актуальных и неоднозначных тем как для переводчиков, так и для театральных профессионалов. Обычно сценическое воплощение драмы и ее перевод изучаются и оцениваются отдельно друг от друга. Между тем взаимовлияние перевода драмы и его показа на сцене очевидно, так как от качества перевода зависит успех постановки. Данная статья должна внести ясность в проблему переводимости У. Шекспира на национальные языки народов Дагестана.

Передача ритма в переводе – такого же важного выразительного средства как слово и образ – наиглавнейшая задача переводчика. При переводе поэтического текста перед переводчиком стоит серьезная задача передачи, как ее содержательной стороны, так и формальной, важной частью которой являются вопросы метрики, ритмики, строфики, звукописи и рифмы. Наша задача наметить основные стиховедческие проблемы при переводе драматического произведения – драм У. Шекспира с английского и русского на лакский язык.

При анализе и оценке переводов С. Хайдакова и С. Мусаева мы будем руководствоваться методологическими идеями высказанными отечественными стиховедами – в переводе все структурные элементы стиха (ритм, интонация, строфика, рифма) должны быть адекватны оригиналу, поскольку «Ни в каком другом тексте игра формы не имеет такого важного значения, нигде больше эстетическая информация не представлена такой концентрацией средств, как в поэзии» [1, с. 318]. «Чтобы не быть мертвым, а живым, перевод должен воспроизводить форму оригинала, ибо в этой форме живет, разлито в ней и неотделимо от нее содержание» [5, с. 98].

Однако передать в переводе в точности все структурные элементы стиха невозможно, поэтому важно «сохранить лишь формы, несущие определенные семантические функции» [5, с. 98].

Главное для переводчика, как считают исследователи, – передача «наиболее существенных сторон подлинника» [3, с. 91].

Как известно, любое национальное стихосложение связано с языком, с его фонетикой и синтаксисом. Простое сравнение русского и лакского стихосложения показывает различия в языковых особенностях: в силе ударения, в длине слов, их звучании и т.д. В отличие от русского, дагестанское стихосложение, развившееся на силлабической основе, не допускает большего количества метрико-ритмических вариаций.

Основными размерами лакской поэзии были и есть 7 и 11-сложник. Отсюда можно сделать вывод, что задача перевода, сохраняя размер подлинника, выбор ритмических эквивалентов становится наиболее сложной при переводе неродственных языковых систем. Конечно, не стоит пытаться сохранить принципы стихосложения, не только потому что невозможно на лакском языке адекватно передать ритм стиха, но и потому, что лакский читатель не смог бы воспринять этот чужеродный ритмический ряд либо воспринял бы его искаженно [4, с. 254].

Поэтому при переводе с русского на лакский язык, переводчику необходимо искать функциональное подобие в своем языке, чтобы переводимое произведение соответствовало оригиналу и адекватно звучало в традиционной поэтической системе, т.е. важно не только метрическое подобие, но и функциональное подобие форм в системах лакского и русского языка.

У. Шекспир сделал стих своих драматических произведений ритмически многообразным, используя различные приемы ритмизации. Лучшие переводчики всегда старались передать ритмико-интонационную сущность стиха У. Шекспира.

Добиваясь качественного перевода лакские переводчики стремились воплотить на родном языке произведения У. Шекспира во всем богатстве их формы и содержания. Для них нет незначительных деталей, важен каждый элемент поэтической структуры: и смысл произведения, и образы, и ритм, и интонация и т.д.

Все стихотворные драмы Шекспира за редким исключением написаны пятистопным ямбом. В начале творческой деятельности английского драматурга стиховая форма его драм была недостаточно гибкой, каждая строка представляла собой отдельное предложение, законченную фразу. Даже в тех случаях, когда предложение занимало несколько строк, каждая из них представляла законченную ритмическую единицу. Вот пример, из трагедии «Ромео и Джульетта»:

Ромео: Но тише! Что за свет блеснул в окне?

О, там восток! Джульетта – это солнце.

Встань, солнце ясное, убей луну –

Завистницу: она и без того

Совсем больна, бледна от огорченья. [9]

Здесь шекспировский герой выражает свои мысли и чувства восхищения красотой Джульетты. Слова Ромео – это реакция на появление Джульетты в окне. Можно ли было увидеть глаза Джульетты с такого расстояния. Это вопрос. Как видно Шекспир уводит своего героя из мира реального в царство грез, в мир неземной красоты. Монолог Ромео можно воспринимать как самостоятельное стихотворение, восхищению Ромео придана идеальная форма, какую может создать поэтическое слово. Влюбленный Ромео проводит ночь в саду Капулетти в размышлениях о предмете своей любви и поднимает образ Джульетты в глазах зрителей до необычайных поэтических высот.

В лакском переводе С. Хайдакова этот фрагмент также поэтичен:

Ромео:

К1а ци нурдивавли лахъ ларзулувусса?

К1а ци чанирвавли экъи нанисса

Джульеттай, ина х1акъсса баргъ бура,

Ч1авахъулттуч1а бац1у зурун къащи дан,

Къащилул ц1уц1аврил бувгъуну **бурча**,

Вия бивзсса чаннал аргъ ларсун **бурча**.

Циванни зуруха къуллугъ буллайсса

К1анияр бак1 ххуйсса инава буна,

Машара к1а зурул ич1ува душну... (пер. С. Хайдакова) [7]

В этом фрагменте мы видим стремление переводчика к напевности, к ритмической мелодизации, этому способствует слоговое единство. Традиционный пятистопный ямб излюбленный размер шекспировских стихотворных драм в лакском переводе представляет 11-сложник. Напевности служат анафорические повторы, конечные созвучия, аллитерации и ассонансы.

В ранних стихотворных драмах У. Шекспира начало речи обычно совпадало с началом строки, а конец с концом. Множество примеров можно привести из перевода комедии «Укрощение строптивой» в переводе С. Мусаева:

Катарина. Тгукралгу духхайссар хъус, ина кунна.

Петручио. Хъаннилгур духхайсса хъус, ина кунна. (пер. С. Мусаева)[6]

Катарина. И ослы носят поклажу, как ты.

Петручио. И женщины носят поклажу, как ты. (подстр. перевод наш)[8]

Отрывистый характер реплик Петруччо и Катарини превосходно переданные С. Мусаевым существенно дополняет их образы, соответствует их нравам. В более сложных поздних произведениях У. Шекспир стал использовать другую технику стиха. К примеру, в трагедии «Гамлет» мы видим, что реплики персонажей ритмически уже более плавны и совпадают с течением речи.

Паччах1щар.

Агъ, къаагъу, лажин вич1ив ччучлай дур.
Ххаржан щилай щаврду хъусса куннача,
Рах1му ба!

Гьамлет.

Оьх1алчу, уч1иакъу, лагъ,
Хъхьич1ма ласнал канил багъа акъасса,
Паччах1нал тахлийсса къяцри-къурттичи,
Лавлав-шавшав дурну хазналул к1улли,
Паччах1лугъ дацайсса жипливунухху,
Жипливу бивхъусса цурку!..

Здесь Гамлет прерывает реплику матери-королевы и продолжает ее в том же ритме. Части реплики королевы и Гамлета в целом составляют пятистопную ямбическую строку. В переводе С. Мусаева также охранен этот прием, обе части составляют 11-сложную строку. С помощью этого приема автор достигает непрерывности диалога, стремительности его темпа. Один персонаж подхватывает реплику другого и произносит с незначительным интервалом, сохраняется темпоритм мизансцен, скорость движения самого драматического действия.

Перевод С. Мусаева близок к оригиналу благодаря верно найденной интонации. В более поздних произведениях У. Шекспир более чаще использует прием энжабемана. К примеру, в знаменитом монологе Гамлета «Быть или не быть» он встречается три раза. С. Мусаеву удалось в своем переводе в точности воспроизвести эти моменты.

Гьамлет.

Ях1 бан ягу къабан – вана вин суал.
Цири лайкъмурвагу – оь къадарданул
Къапазру мют1ийну дух1лах1авуриу,
Юхссагу, баранбул увккун, балардал
Аьтарттушчал талай, гай бух бавуриу?

Ивч1ан, шанан – анжагъ. Ва к1улну ик1ан

Учин бюхъайшиву, утти къурталссар
Дақ1нил дардисан ва чурххал аьзият.
Цияр ч1а учинсса дуссарив ахир?

Ивч1ан, шанан. – Шанан! Ва мак1ру ккаклан? (пер. С. Мусаева)[6]

Быть или не быть вот в чем вопрос

Что же лучше злой судьбе

Удары послушно терпеть

Или же восстать, бороться

С потоком бед и победить их?

Умереть, заснуть. – и только. И знать,

Что могут сказать, что это конец

Душевному страданиям и телесным болям

О чем мы можем молить, наконец?

Умереть, спать. – Спать! И сны видеть? (подстр. перевод наш)

В приведенном фрагменте – два случая энжабемана. Здесь отсутствует фразовое деление на строки, паузы в конце строк исчезают строки плавно переходят одна в другую. Ритмической единицей становится уже не одна строка, а несколько строк, паузы возникают в соответствии с содержанием строки. Первая часть строки «Ивч1ан, шанан – анжагъ» («Умереть, заснуть. – и только») состоит из 6 слогов. Остальные 5 слогов из 11 сложника добиваются другим предложением «Ва к1улну ик1ан» («И знать»), которое переходит на следующие две строки «Учин бюхъайшиву, утти къурталссар //Дақ1нил дардисан ва чурххал аьзият» («Что могут сказать, что это конец //Душевному страданиям и телесным болям») Во втором случае строка состоит из трех коротких предложений «Ивч1ан, шанан» – Шанан! Ва мак1ру ккаклан?» («Умереть, спать – Спать! И видеть сны?»).

В переводе сохранены повторы и созвучья обеих строк, в которых встречается энжабеман, они звучат как рефрен.

«Ивч1ан, шанан – анжагъ. Ва к1улну ик1ан»
 («Умереть, заснуть. – и только. И знать»)
 Ивч1ан, шанан. – Шанан! Ва мак1ру ккаклан?
 Умереть, спать. – Спать! И сны видеть?

Переводчику удалось сохранить и анафорическое начало каждого предложения, изосинтаксизм, т.е. синтаксическую идентичность предложений. Отличаются они лишь интонацией: первое предложение повествовательное, второе – вопросительное. Фрагмент из диалога Гамлета с матерью имеет сложный ритмико-интонационный рисунок, в котором преобладает говорная интонация, мысль господствует над стихом. Интонационно этот фрагмент построен на переплетении повествовательных и вопросительных предложений. Гамлет взволнован, он задает вопросы, делает паузы, остановки.

Все вопросительные предложения в переводе семантически однотипны: Гамлет упрекает мать в слепоте, невозможности видеть очевидного.

Вил яру чув биярч лахъ барзунттая,
 Дукамуних луглай, кунц1уллун гъан?
*Где были ваши глаза, чтоб с вершин
 В поисках пропитанья в яму сойти?*
Чув бия вил яру? Ччаву мачара –
 Вил оьрмулийн бивний оь къагъалакссар,
*Где ваши глаза? Любовь не говорите –
 В вашем возрасте кровь не горяча
 И вверх над чувствами голова берет.*

В первой строке энжабеман, вторая фраза переносится на вторую строку «Та вил лас-я. Утти вана к1илчинма, / Аьвсса ч1али хханссар бувц1у ч1аллуч1а» («Это ваш муж. Теперь вот второй, / Как сгнивший колос возле целого колоска»).

У Шекспира часто паузы служат для того, чтобы подчеркнуть какое-либо слово. Фразой «Have you eyes?» («У тебя есть глаза?») заканчивается строка и пауза после вопроса приобретает силу удара. Переводчик перенес эту часть в начало, и фраза «Чув бия вил яру?» («Где были ваши глаза?») завершается в середине строки, речь прерывается – пауза и тот же эффект – ударение на значимое слово.

Для драматического текста, который сочетает в себе диалоги, монологи, просто короткие реплики, важно соотношение длинных и коротких строк. Овладев разными приемами драматической речи, комбинируя их У. Шекспир «создавал разные ритмы то повышая, то ослабляя драматическое напряжение» (2 с 208) Один из таких приемов, который У. Шекспир чаще всего использовал в комедиях, где много споров, словесных перебранок – это стихомифия – обмен короткими репликами размером в строку.

Трагедия «Ромео и Джульетта» переведена С. Хайдаковым 11-сложным силлабическим стихом наиболее адекватным размером для передачи ритма пятистопного ямба. Здесь наблюдается параллелизм стихомифии. Каждая строка – одно предложение, одна фраза. Этот эффектный прием наиболее часто встречается в ранних произведениях в комедиях и хрониках, в которых английский драматург стремился к симметрии форм. Но со временем зрелый У. Шекспир стал воспринимать этот прием как искусственный, и в его поздних произведениях мы наблюдаем больше ассиметричных форм во всем тексте.

В «Гамлете» Шекспир отказывается от нарочитого параллелизма, предпочитая ассиметрию. На первый взгляд может показаться, что драматург отказался от какой-либо системы, трудно найти какие-либо закономерности. Однако нужно исследователи отмечают, что «мастерство Шекспира построено на определенных законах дозирования речи персонажей» [2, с 209]. К примеру, на длинную речь одного персонажа, ответом может быть короткая фраза. Этот, казалось бы, простой прием, но его сущность в том, чтобы показать отношение одного персонажа к другому. К примеру, трагедия «Гамлет» начинается с пространной речи короля, в которой тридцать две строки. В ответ на эту долгую плавную речь послы в Норвегию произносят лишь одну фразу «Здесь, как во всем, мы явим наше рвенье».

В «Гамлете» стихомифия также используется, но для краткого обмена реплик, которые уже звучат естественно, не так нарочито, как в комедиях.

Гьамлет. Ци ливкри, ттул нину, вич1илий ура?
Паччах1шар. Къаччан бик1ан бунни, арс, ина буттан.
Гьамлет. Къаччан бик1ан бувссар ттул буттал шар.
Паччах1шар. Аьдадасса махъру мабусларда ттухъ.
Гьамлет. Бунагъсса мазрал ттухъ за мац1ухларда.

Паччах1шар. Му ци махъри Гъамлет?
Гъамлет Вин цукун ххива?
Паччах1шар. На вин хъамабивтрив?
Гъамлет. Юх, дак1ний бура.
 Ина паччах1шарда – буттауссил шар
 Ва, ттунсса къащилун, ттулгу нинура.
Гамлет. *Что случилось, мать моя, я слушаю?*
Королева. *Ты обидел, сын, своего отца.*
Гамлет. *Обидела его моего отца жена*
Королева. *Не говори мне пустых слов.*
Гамлет. *Греховным языком меня не спрашивай.*
Королева. *Что за слова, Гамлет*
Гамлет. *Как ты думала?*
Королева. *Ты забыл меня?*
Гамлет. *Нет, помню я*
Ты королева – жена отца брата
И к сожалению, мать моя.

Этот фрагмент пример того, как переводчик разрывают стих на реплики персонажей, сохраняют длину строки: у Шекспира в итоге пятистопный ямб, у С. Мусаева – 11-сложник.

Лакские переводчики стремились передать ритм с максимальной точностью средствами лакского языка. Сам оригинальный текст У. Шекспира был изначально написан с учетом последующего воплощения его на сцене. Для смены темпа, его ускорения драматург использует короткие строки или замедляет, используя сверхдлинные строки. Укорочение строки, т.е. перемены метра, пауза используется драматургом в тех случаях, когда актеру необходимо произвести какие-либо действия на сцене по тексту пьесы. Такие метрические перебои, цезурные паузы и другие приемы стихосложения У. Шекспир использует в моменты перемен эмоционально-чувственного состояния персонажа. Чаще всего при переводе подобные моменты переводчиками сглаживаются, так как переводчики больше внимания уделяют передаче содержания и образной системы, как отмечает И. Левый переводчики «поправляют» Шекспира. Там, где у него укороченная строка дополняют ее до полного размера пятистопного ямба» [4, с. 203].

Проследим, как эти моменты учитываются в переводе С. Мусаева.

King Claudius

O Gertrude, come away!

The sun no sooner shall the mountains touch,
 But we will ship him hence: and this vile deed
 We must, with all our majesty and skill,
 Both countenance and excuse. Но, Guildenstern!

Guildenstern

Friends both, go join you with some further aid:
 Hamlet in madness hath Polonius slain,
 And from his mother's closet hath he dragg'd him:
 Go seek him out; speak fair, and bring the body
 Into the chapel. I pray you, haste in this. (У. Шекспир. IV, сцена 1)

Паччах1

Агъ, Гертрудай бачу!

Ххаххабургъил чани барзунтгайн шуннин
 Мунащалсса жами щичча гъант1 иссар.
 Ва обсса иш т1урча хъисвагу лайкъну
 Бувч1ин бан аьркинссар жува, - Гилдестерн!
(Розенкрейц ва Гилдестерн зана шай)
 Ттул дустал, насира кумаг буцара.
 Х1ал бивсса Гамлетлул Полоний увтун,
 Нурч1и ххюрхху дурну, чуннив дуртун дур.
 Нурч1и диян дара килисалувун.
 Ттухъ зухъ тавакьюри, анавар буки.

Король

О, Гертруда пойдём

*Пока лучи зари не тронут с вершин
Корабль с ним уйдет отсюда.
А это злое дело как можно лучше
Должны объяснить мы, – Гильдестерн!
(Розенкрейц и Гильдестерн возвращаются)
Мои друзья, идите, приведите подмогу.
Обезумевший Гамлет убил Полония.
Потащил и куда-то бросил труп.
Отнесите тело в часовню*

Я вас очень прошу, поспешите. (подстрочный перевод наш)

Этот монолог короля, узнавшего, что Гамлет убил Полония, как и пьеса в целом переведен одиннадцатисложным силлабическим стихом. Примечательно здесь то, что первая строка «Агъ, Гертрудай бачу!» («Ах, Гертруда, пойдем») усечена – в ней всего шесть строк. Переводчик максимально точно это передал. Здесь отчетливо видно, что драматург использовал этот прием: сделал небольшую паузу, чтобы Гертруда успела подойти к нему ближе, и дальнейший разговор был приватным. Последняя строка также укорачивается, делается пауза для того, чтобы, сохранив ритм, позвать Гильдестерна помочь разобраться с телом убитого. И вновь пауза. Она сделана для того, чтобы Гильдестерн перешел сцену и успел подойти и слышать слова? произносимые королем. В оригинале в конце строфы мы видим прием энжабемена. Предложение третьей строки переходит на четвертую строку и заканчивается «Into the chapel» («в часовню»). И после паузы продолжение строки «I pray you, haste in this» («И прошу вас, поскорее»)

В лакском варианте нет энжабемена. Можно предположить, что переводчик не придавал значения данной ритмической конструкции, так как в лакском стихе подобные явления крайне редки. Однако в тексте перевода трагедии Гамлет мы находим множество примеров Энжабемена. В оригинале третья строка переходит в четвертую, точка посреди строки и продолжение. С Мусаев в этом фрагменте делает попытку использовать прием энжабемена: переносит конец третьей строки на четвертую, но не заканчивает предложение, ставит точку, а запятую (делает паузу) и продолжает.

Анализ передачи переводчиками ритмико-интонационных особенностей драм У. Шекспира на лакском языке позволил нам сделать вывод, что С. Мусаев и С. Хайдаков стремились адекватно перевести ритмико-интонационные особенности комедий и трагедий У. Шекспира на лакский язык, учитывая все разнообразные приемы английского драматурга. Лакским переводчикам пришлось приложить немало усилий, чтобы произведения У. Шекспира стали частью национального драматического искусства. Воплощая английского драматурга на лакском языке, они использовали помимо свойств английской стихотворной драмы и свои национальные стиховые формы эквивалентные подлиннику. Переводчики сохранили избранную У. Шекспиром стихотворную форму и адекватно передали ритм и интонацию подлинника. Богатство ритмических, синтаксических средств лакского языка позволяет создавать адекватный английской драме стихотворный текст.

Литература

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 346 с.
2. Аникст А.А. Шекспир. Ремесло драматурга. М., 1974. 607 с.
3. Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М.: Советский писатель, 1980. 255 с.
4. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 396 с.
5. Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. 638 с.
6. Шекспир У. Трагедия о Гамлете принце Датском: пер. на лак.яз. С. Мусаева. Махачкала, 2012. 180 с.
7. Шекспир У. Ромео и Джульетта: пер. на лак.яз. С. Хайдакова: рукопись. 42 с.
8. Шекспир У. Укрощение строптивой: пер. на лак.яз. С. Мусаева: рукопись. 38 с.

References

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. 346 s.
2. Anikst A.A. Shekspir. Remeslo dramaturga. M., 1974. 607 s.
3. Gachechiladze G. Hudozhestvennyj perevod i literaturnye vzaimosvjazi. M.: Sovetskij pisatel', 1980. 255 s.
4. Levij I. Iskusstvo perevoda. M.: Progress, 1974. 396 s.
5. Lozinskij M.L. Iskusstvo stihotvornogo perevoda. Perevod – sredstvo vzaimnogo sblizhenija narodov. M.: Progress, 1987. 638 s.

6. Shekspir U. Tragedija o Gamlete prince Datskom: per. na lak.jaz. S. Musaeva. Mahachkala, 2012. 180 s.
7. Shekspir U. Romeo i Dzhul'etta: per. na lak.jaz. S. Hajdakova: rukopis'. 42 s.
8. Shekspir U. Ukroshhenie stroptivoj: per. na lak.jaz. S. Musaeva: rukopis'. 38 s.

*Aminova Kh.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Omarieva P.M.,
Dagestan State University*

**The problem of the transmission of rhythm and intonation
in the translation of W. Shakespeare into the Lak language**

Abstract: the article analyzes the translations of W. Shakespeare's dramatic works into the Lak language, carried out by S. Khaydakov and S. Musaev for staging on the stage of the Lak theater. In Dagestan translation studies, the question of the quality of the translation of dramatic works into the languages of the peoples of Dagestan has not yet been raised. The translation of a dramatic work in close connection with its interpretation and embodiment on stage rarely becomes the subject of scientific research. Translations of Shakespeare's dramas are considered in the poetic aspect. When analyzing and evaluating translations of a poetic drama, we were guided by methodological ideas expressed by Russian verse scholars – in translation, all structural elements of the verse (rhythm, intonation, stanza, rhyme) should be adequate to the original. The translators sought to adequately translate the rhythmic and intonational features of W. Shakespeare's comedies and tragedies into the Lak language, taking into account all the various techniques of the English playwright. The Polish translators had to put a lot of effort into making the works of W. Shakespeare part of the national dramatic art.

Keywords: literary translation, poetic drama, versification, rhythm, intonation

For citation: Aminova Kh.M., Omarieva P.M. The problem of the transmission of rhythm and intonation in the translation of W. Shakespeare into the Lak language. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 101 – 107.

Received: June 3, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Артамонова А.С., кандидат филологических наук,
Иркутский национальный исследовательский технический университет*

Феномен человека и творчества в романе В. Набокова «Бледное пламя»

Аннотация: написанный в 1961 году роман «Бледное пламя» по праву является сложнейшим текстом В. Набокова. Вызвав при своем появлении огромное количество отзывов, по преимуществу отрицательных, чему способствовала запутанность сюжета и содержательное несоответствие всех частей, роман и сегодня стоит особняком в творчестве писателя. Несоответствие поэмы и комментария – один из вопросов, который решается в процессе нашего анализа. Кроме того, в статье рассматривается до сих пор не решенная в набоковедении проблема авторства текста поэмы и комментариев. Так, некоторые критики полагают, что все произведение – поэма, комментарии, предисловие с указателем – написаны одним человеком. Соответственно, остается решить, кем – Шейдом или Кинботом, а может быть, неким третьим персонажем. Нас этот вопрос будет интересовать лишь в связи с проблемой определения статуса одного из предполагаемых авторов – Чарльза Кинбота: кто он – король-изгнанник, фантаст, русский эмигрант или же сумасшедший, вообразивший себя королем? В статье рассматриваются одни из ключевых понятий художественной эстетики В. Набокова – феномен человека и феномен творчества. На примере романа «Бледное пламя» делается вывод о двойственной природе творчества, характерной и для самого писателя. Сопоставительный анализ двух центральных персонажей – поэта Шейда и автора комментариев Кинбота – позволяет прояснить позицию Набокова относительно феномена человека. Кроме того, рассмотрение феномена человека и творчества помогает уточнить главную тему Набокова – тему потусторонности.

Ключевые слова: Набоков, Бледное пламя, феномен человека, Шейд, Кинбот

Для цитирования: Артамонова А.С. Феномен человека и творчества в романе В. Набокова «Бледное пламя» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 108 – 112.

Поступила в редакцию: 30 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Роман «Бледное пламя», написанный Набоковым в 1961 году, сразу же после опубликования вызвал огромное число критических высказываний и споров. После появления нового, столь противоречивого и не поддающегося однозначной трактовке романа литературный мир разделился на два лагеря: принимающих и понимающих новации Набокова и категорически отрицающих их. Причинами разногласий в оценке критики послужили, во-первых, сложность формы произведения, во-вторых, нелепость смысла, вызванная несоответствием между содержанием поэмы и комментария. Вопрос о статусе романа – чистая игра или самый серьезный и глубокий из всех набоковских текстов – и обусловил полярность мнений.

Мери Маккарти, одна из немногих критиков, восторженно принявших роман «Бледное пламя», так отзываясь о нем: «Этот набоковский роман – кентавр – наполовину стихи, наполовину проза, этот тритон глубоких вод, произведение редкостной красоты, симметрии, оригинальности и нравственной истины. Как ни старается автор представить его безделушкой, ему не удастся скрыть тот факт, что этот роман – одно из величайших творений нашего столетия, доказывающий, что роман вовсе не умер, а только притворился мертвым» [1, с. 359-360].

Намного было больше тех, кто не принял роман. Так, Дуальд Макдональд обвинял Набокова в пустой изощренной игре, сам же роман был назван «скучным, как любая демонстрация мастерства, лишенная мысли и чувства» [1, с. 362]. Макдональду вторит и Джордж Стайнер, говоря, что «роман – педантичные упражнения в остроумии, растянутые на множество страниц» [1, с. 365]. Найджел Деннис обращает внимание на «слишком громоздкую» композицию романа. Подобные критические отзывы можно множить и множить. Сегодня все исследователи творчества В. Набокова сходятся на том, что «Бледное пламя» – один из самых запутанных и сложных романов писателя.

Роман состоит из предисловия, поэмы с одноименным названием, комментария и указателя. Как свидетельствует предисловие, поэма в героических куплетах объемом в 999 строк, разделенная на четыре песни, написана Джоном Френсисом Шейдом в последние 20 дней его жизни. Предисловие и комментарии принадлежат перу Чарльза Кинбота, литературоведа и преподавателя, работающего вместе с Шейдом. По словам самого Кинбота, он был «ближайшим другом Шейда, его литературным советником, редактором и комментатором» [2, т. 3, с. 538]. Поэма представляет собой автобиографию самого Шейда: описания детства, знакомство с будущей женой, рождение и гибель дочери, переживание временной смерти и т.д.

Комментарии наряду с толкованиями событий жизни Шейда содержат еще и жизнеописание некоего Карла П Ксаверия – Всеслава, короля Земблы. Вынужденный бежать из своей страны, он оказывается в Америке, где скрывается под вымышленным именем Ч. Кинбота. На его поиски отправляется член экстремистской организации «Тени» Градус, получивший задание убить короля. Благодаря счастливой случайности Кинбот избегает смерти, которая по ошибке настигает Шейда. Поэма остается недописанной, а Кинбот становится обладателем и комментатором «Бледного пламени».

При чтении набоковского текста складывается впечатление, что поэма и комментарии совершенно самостоятельные произведения. По сути, судьба Шейда должна была найти свое отражение в комментариях; но на начальном уровне восприятия текста композиция романа не оправдывает ожидания читателя, для которого естественным было бы увидеть зеркальное отражение одной части романа в другой. Несоответствие поэмы и комментария – один из вопросов, который мы должны будем решить в процессе нашего анализа. Еще одна проблема, до сих пор не решенная в набоковедении, – проблема авторства. Так, некоторые критики полагают, что все произведение – поэма, комментарии, предисловие с указателем – написаны одним человеком. Соответственно, остается решить, кем – Шейдом или Кинботом, а может быть, неким третьим персонажем. Нас этот вопрос будет интересовать лишь в связи с проблемой определения статуса одного из предполагаемых авторов – Чарльза Кинбота: кто он – король-изгнанник, фантаст, русский эмигрант или же сумасшедший, вообразивший себя королем?

Невозможность определить, кто такой Кинбот, влечет за собой вопрос о реальном образе Градуса: царевубийцы, преступника, бежавшего из тюрьмы с целью отомстить судье, дом которого снимал Кинбот и был принят за того самого судью, или же Градус такой же сумасшедший, как и Кинбот?

Такая многозначная трактовка сюжета и героев ставит перед нами вопрос о феномене человека. Для определения этого феномена необходимо рассмотреть человека в отношении к себе, другому и творчеству. Прежде чем перейти к рассмотрению взаимоотношений двух главных героев, Кинбота и Шейда, необходимо остановиться на образе каждого из них.

Джон Шейд, поэт и ученый, на протяжении всей своей жизни стремившийся выйти за пределы обыденного знания. Смыслом его существования становится желание проникнуть в тайну смерти, найти «истину о бытии загробном»: «Однажды, лет в одиннадцать, лежал, / Я на полу, следя как огибала / Игрушка (заводной жестяный малый / С тележкой) стул, вихляя на бегу. / Вдруг солнце взорвалось в моем мозгу! / И сразу ночь в роскошном тьмы убранстве / Спустилась, разметав меня в пространстве / И времени <...> / Так до весны нырял я по утрам / В мгновенное беспмятство. А там – / Все кончилось, и память стала таять. / Я старше стал. Я научился плавать. / Но отрок, чей язык однажды / Несытой девки удовлетворил жажду, / Я был растлен, напуган и заклят [2, т. 3, с. 315].

Это видение, первое в жизни поэта, повторяется еще раз. Так, в момент своего выступления с Шейдом случается припадок, и в этом состоянии близком к смерти, он видит, как «ударил из мути фонтана белоснежная струя», принятая поэтом за знак существования потусторонности [2, т. 3, с. 331].

По мере приближения Шейда к разрешению драмы тяготения к смерти и к ответу о сущности бытия, поэт делает другое открытие: он понимает, что его дочь покончила жизнь самоубийством.

Шейд, задумывая поэму с целью приоткрыть завесу иного мира, приходит к осознанию того, что сначала необходимо разгадать тайну судьбы его дочери Хейзил. Она и будет для Шейда тем другим «я», с помощью которого возможно восстановление личного «я» и преодоление его границ. Поняв тайну смерти Хейзил, Шейд приблизится и к ответу на главный вопрос своей жизни: существует ли иной мир, где обитают не мертвые, но пережившие смерть. Постигая судьбу дочери, Шейд движется к собственной смерти. В конце поэмы он уже уверен, что «смерти нам / Не следует бояться, – где-то там / Она нас ждет, как верую, что снова / Я встану завтра в шесть, двадцать второго / Июля, в пятьдесят девятый год» [2, т. 3, с. 339]. Но следующего дня для Шейда не наступило – его застрелили. И тогда уверенность в том, что Хейзил обрела посмертное существование, которое ждет и Шейда, пропадает.

Но именно в этом и проявляется игра Набокова: на уровне фавулы происходит отрицание жизни в иных формах, кроме земной, но на композиционном уровне появляются другие смыслы, и акценты расставляются по-иному.

Автор комментариев более загадочная фигура, нежели автор поэмы. Из самого произведения практически невозможно понять, кто же Кинбот на самом деле: сам герой настаивает на том, что он беглый король; для Шейда и всех окружающих Кинбот – это анаграмма из Боткин, и тогда он может быть эмигрантом из России. Если же придерживаться той версии, что Градус – это умалишенный, сбежавший из больницы, а вовсе не один из «Теней», получивший задание убить короля, то очень может быть, что и Кинбот – такой же сумасшедший, вообразивший себя королем. И знает ли сам Кинбот – кто он? Перед нами встает вопрос о подлинности человека: исчерпывается ли человек тем статусом и той ролью, которую он по необходимости

сти должен исполнять в обществе. Или же «я» подразумевает бесконечное множество превращений, но при условии сохранения своей целостности.

Набоковский герой – это почти всегда герой-артист, свободный в своих проявлениях, не сдерживаемый общественно навязываемой системой или системой единообразия поведения. Кинбот, несомненно, обладает артистическим потенциалом. Набоков подчеркивает это и на уровне фабулы. Во-первых, важен тот факт, что королю, одной из ипостасей Кинбота, помогает бежать Одон – «один из величайших земблянских актеров» [2, т. 3, с. 383]. На протяжении всей этой запутанной истории он продолжает оберегать героя. Во-вторых, Карл совершает побег через потайной ход, связывающий дворец с гримерными театра. К тому же гримерная, куда он попадает, принадлежала Ирис Акт, фаворитке Тургуса Третьего, деда Кинбота. Кроме того, после побега короля появилось огромное количество псевдокоролей: «Чтобы походить на него, они обрядились в красные свитера и красные кепки и возникали то здесь, то там, совсем заморочив революционную полицию» [2, т. 3, с. 365]. Заметим, что Кинбот во всех своих ипостасях – король, фантаст, литературовед, безумец – сохраняет свое «я». И если Набоков не дает в тексте разгадки образа Кинбота, то, по всей вероятности, это связано с тем, что определяя, мы тем самым заключаем в рамки: назвать – значит, ограничить. Возможно, Кинбот на самом деле Боткин. Но реальность – условность, соответственно, реальный образ – Боткин – тоже условен. «Я» Кинбота включает в себя Боткина, так как цельное «я» складывается в том числе и из отношения видимости тебя другими. Но «я» не исчерпывается взглядом со стороны, оно определяется и воображением: я тот, кем себя представляю. И в этом случае Кинбот в одном из своих воплощений – Карл Излюбленный.

Таким образом, «я» складывается, во-первых, из «я» как взгляд другого (Боткин), во-вторых, как желание быть тем, кем я хочу (Кинбот). Так же, как существует множество взглядов со стороны, так и внутреннее «я» может менять маски до бесконечности. Так, в своем последнем монологе Кинбот заявляет: «Я еще поживу. Я, может статься, приму иные образы и обычаи, но я еще поживу. Я могу еще объявиться в каком-нибудь кампусе в виде пожилого, счастливого, крепкого, гетеросексуального русского писателя в изгнании – без славы, без будущего, без читателей, без ничего вообще, кроме искусства. Я могу соединиться с Одоном и отснять новую фильму... Я могу подслужиться к простеньким вкусам театральных критиков и сострять пьесу» [2, т. 3, с. 533-534].

Мы рассмотрели отношения «я» к своему сущностному «я», теперь нам необходимо остановиться на проблеме отношения к творчеству, в рамках которого реализуется и отношения «я» к другому.

Наиболее точно представление о природе творчества дано А.С. Пушкиным в трагедии «Моцарт и Сальери». Поэт говорит о двух сторонах творческого процесса. Представителем первого направления является Моцарт, движимый вдохновением, наделенный гением создавать, не прилагая усилий, по Божественному наитию. Второй же – Сальери – безусловно талантливый, наделенный расчетливым и холодным разумом. И Моцарт, и Сальери – творцы, но разница заключается в степени таланта: первый – гений свободного творчества, последний – четкий исполнитель предписанных правил и систем. Рядом с Моцартом Сальери никогда не будет замечен, в тени Моцарта Сальери быть не согласен.

Эта двойная модель творческого сознания находит отражение и у Набокова в «Бледном пламени». Так, в четвертой песне Шейд размышляет о «двух способах писания»: «Способ А, / Когда трудится только голова, – / Слова плывут, поэт их судит строго / И в третий раз все ту же мылит ногу; / И способ Б: бумага, кабинет / И чинно водит перышком поэт» [2, т. 3, с. 335]. Герой Набокова принадлежит к тому типу художников, для которого творчество – процесс, неподвластный желанию и воле человека, но зависимый от вдохновения: «Ведь сколько раз, бывало, / Устав черкать, ч выходил из дома, / И скоро слово нужное, влекомо / Ко мне немой командою, стремглав / Слетало с ветки прямо на рукав» [2, т. 3, с. 336].

Если Шейд – воплощение свободного познания, то Кинбот – диктатор. Навязчивая идея Кинбота о том, что Шейд в своей поэме воссоздаёт историю Земблы, историю, не имеющую ничего общего с реальным содержанием текста, становится лейтмотивом комментария. Более того, на протяжении всего произведения мы встречаемся с такими утверждениями Кинбота, как «моя поэма», «мой труд завершен», «поэт мой умер». Навязывание своих фантазий Шейду – это попытка Кинбота выразить собственное понимание мира, попытка запечатлеть то идеальное представление о реальности или просто ее возможности, которое существует в воображении, но неспособно осуществить себя. Поэтому Шейд для Кинбота является тем, в ком последний хочет увидеть себя, но не замечает за этим желанием сущность другого человека. Комментирование, безусловно, творчество, но не подлинное, первичное, коим является творчество Шейда, а творчество литературоведа (Кинбот – Боткин во множестве своих превращений и есть литературовед). Кинбот стремится не подавить Шейда диктатом своей воли, не предстать перед зрителями в качестве главного героя поэмы и вдохновителя автора, но осуществить себя посредством запечатления памяти о своей стране. Па-

мать, являющаяся в парадигме творчества Набокова «одним из типов самосознания» [3, с. 125], позволяет «восстановить свою личность, поддерживая свое существование» [3, с. 123].

Таково отношение Кинбота к Шейду. И какова же была трагедия Кинбота, когда он «чудесной, буйной романтики» получил «автобиографическое, отчетливо аппалачское, довольно старомодное повествование <...> лишенное всей магии, той особенной складки волшебного безумия, которое, как верилось мне, пронижет поэму, позволив ей пережить свое время» [2, т. 3, с. 530]. Для Кинбота его комментарии были способом найти подлинное «я» в условиях постоянно меняющихся собственных масок. Раскрытие взаимоотношений реального образа и гипотетического – Боткина и Кинбота – по всей видимости, и преследовал Кинбот, или Боткин, или Карл Ксаверий, или сумасшедший безумец.

Что же преследовал Шейд, начиная свою поэму. Очевидно, что «Бледное пламя» было задумано не как простое «автобиографическое повествование». Автобиография – лишь способ самораскрытия, фокусирование своего внимания на собственной личности. У Кинбота такой способ – память. Шейд, как мы заметили ранее, движим вдохновением: «Гораздо лучше мыла / То ощущение ледяного пыла, / Которым жив поэт, – как точных слов стеченье, / Внезапный образ, холод вдохновенья / По коже трепетом тройным скользнет, – / Так дыбом волосы» [2, т. 3, с. 337-338]. Чем же является творчество для Шейда? В четвертой песне поэт сам определяет суть искусства: «И мне посильно / Постигнуть бытие (не все, но часть / Мельчайшую, мою) лишь через связь / С моим искусством» [2, т. 3, с. 339]. Творчество воспринимается Шейдом как познание. Через творчество человек приходит к определению себя и, соответственно, приближается к разрешению тайн существования.

Цель Шейда – познание смерти и бессмертия, цель Кинбота – познание Земблы. Желание Кинбота приближало его к познанию самого себя, а тем самым, к тайнам существования, главная из которых – тайна вечности, то есть бессмертия. Таким образом, и Шейд, и Кинбот посредством своего творчества решают одну проблему – проблему инобытия, или потусторонности. Если так, то мы можем предположить, что Кинбот и Шейд – это две ипостаси одного автора: первая – свободное, вдохновенное мышление Шейда, вторая – четко организованная система творчества Кинбота. Заметим, что подобная двойственность была свойственна и самому автору романа «Бледное пламя». Писатель неоднократно подчеркивал, что в своем творчестве он является абсолютным диктатором. С другой стороны, известны следующие слова Набокова: «Как сочинитель, самое большое счастье я испытываю тогда, когда чувствую или, вернее, ловлю себя на том, что не понимаю <...> как и откуда ко мне пришел тот или иной образ или сюжетный ход» [4, с. 184]. Но приблизившись к разгадке природы творчества, а значит, человека, никакого конкретного знания мы не достигли – мы не знаем, кто такой Кинбот и кто действительно написал весь текст. Если верить Набокову, это и невозможно: «Мы никогда не узнаем ни о происхождении жизни, ни о смысле жизни, ни о природе пространства и времени, ни о природе природы, ни о природе мышления» [4, с. 157]. Непознаваемость как неоднозначность понимания, как недостоверность однозначной трактовки, как антонимичность толкований и бесконечная вариативность этих толкований и легла в основу определения феномена человека и творчества в романе Набокова «Бледное пламя».

Литература

1. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве В. Набокова. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 687 с.
2. Набоков В. Собрание соч. американского периода: в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2003.
3. Хасин Г. Театр личной тайны. Русские романы Набокова. М., СПб.: Летний сад, 2001. 239 с.
4. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М., 2002. 703 с.

References

1. Klassik bez retushi. Literaturnyj mir o tvorchestve V. Nabokova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. 687 s.
2. Nabokov V. Sbranie soch. amerikanskogo perioda: v 5 t. SPb.: Simpozium, 2003.
3. Hasin G. Teatr lichnoj tajny. Russkie romany Nabokova. M., SPb.: Letnij sad, 2001. 239 s.
4. Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'ju, recenzii, jesse. M., 2002. 703 s.

*Artamonova A.S., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk National Research Technical University*

The phenomenon of person and creativity in V. Nabokov's novel "Pale Fire"

Abstract: written in 1961, the novel "Pale Fire" is rightfully the most complex text of V. Nabokov. Having caused a huge number of reviews, mostly negative, with its appearance, which was facilitated by the intricacy of the plot and the content inconsistency of all parts, the novel still stands apart in the writer's work today. The discrepancy between the poem and the commentary is one of the issues that is resolved in the course of our analysis. In addition, the article deals with the problem of the authorship of the text of the poem and comments, which has not yet been resolved in Nabokov studies. Thus, some critics believe that the entire work – the poem, the commentaries, the preface with the index – were written by one person. Accordingly, it remains to decide who – Shade or Kinbote, or maybe some third character. We will be interested in this question only in connection with the problem of determining the status of one of the alleged authors – Charles Kinbote: who is he – an exiled king, a science fiction writer, a Russian emigrant, or a madman who imagined himself a king? The article discusses one of the key concepts of V. Nabokov's artistic aesthetics – the phenomenon of person and the phenomenon of creativity. Based on the example of the novel "Pale Fire", a conclusion is made about the dual nature of creativity, which is also characteristic of the writer himself. A comparative analysis of the two central characters – the poet Shade and the author of comments by Kinbote – makes it possible to clarify Nabokov's position regarding the phenomenon of person. In addition, consideration of the phenomenon of person and creativity helps to clarify the main theme of Nabokov – the theme of otherworldliness.

Keywords: Nabokov, Pale Fire, phenomenon of person, Shade, Kinbote

For citation: Artamonova A.S. The phenomenon of person and creativity in V. Nabokov's novel "Pale Fire". *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 108 – 112.

Received: May 30, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Болотова Е.В., кандидат филологических наук, доцент,
Асхаева М.В.,
Стерлитамакский филиал Уфимского государственного университета науки и технологий*

Стратегии перевода названий англоязычных художественных фильмов

Аннотация: в статье представлены особенности перевода и используемые при переводе англоязычных художественных фильмов на русский язык стратегии. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в настоящий момент проблема, касаемая выбора методов и способов перевода названий фильмов, остается открытой. Знание и понимание вопросов, связанных с этим аспектом, играет важную роль в процессе межкультурной коммуникации, чье значение нельзя переоценить.

Целевой установкой в нашей работе является выявление предпосылок перевода названия фильма тем или иным способом, анализ стратегий перевода художественных фильмов.

В качестве материалов исследования были использованы названия англоязычных фильмов, отобранных с сайта Internet Movie Database, и названия, под которыми эти фильмы вышли в прокат в России, взятые с сайтов Kino-teatr.ru и Kinopoisk.ru

Результаты исследования могут быть полезны изучающим английский язык, для лучшего понимания подходов к переводу заголовков популярных фильмов, осознанию того, что в этом процессе применяются различные стратегии перевода, каждая из которых выбирается для создания лучшего русскоязычного варианта названия англоязычного фильма. Помимо прямого перевода, распространенными в использовании являются стратегии трансформации и замены, это объясняется тем, что с их помощью достигаются основные задачи перевода, а именно: реализация главных функций заголовка фильма, обеспечение известности и успеха среди зрителей.

Данная статья может быть полезна для использования в рамках практических или элективных занятий по английскому языку, поскольку содержит примеры, ярко иллюстрирующие предлагаемый теоретический материал в доступной форме.

Ключевые слова: перевод, стратегии перевода, прямой перевод, стратегия трансформации, добавление, опущение, стратегия замены, функции перевода, заголовок

Для цитирования: Болотова Е.В., Асхаева М.В. Стратегии перевода названий англоязычных художественных фильмов // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 113 – 118.

Поступила в редакцию: 5 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Сталкивались ли вы с ситуацией, когда фильм, снятый в США или Великобритании, известен под двумя различными названиями на русском языке? Или, к примеру, вы вели обсуждение фильмов на английском языке, хотели перевести название зарубежного фильма с русского на английский, но ваш собеседник не понимал, о какой кинокартине идет речь? Дело в том, что перевод заголовков кинолент не всегда дословный, и у этого есть ряд причин. Поэтому не стоит удивляться несовпадениям в оригинальном названии и его переводе.

В наше время тема перевода названий англоязычных фильмов на русский является актуальной. Сейчас практически каждый смотрит иностранные фильмы, львиная доля которых выпущена США, Великобританией, Австралией, то есть на английском языке. Но смотрят фильмы в оригинале далеко не все, а те, кто это делает, наверняка задумывались о том, почему многие и очень многие популярные фильмы, мультфильмы и сериалы, русскоязычные названия которых у всех на слуху, на самом деле называются иначе. Киноиндустрия на данный момент занимает лидирующие позиции в сфере индустрии развлечений. Соответственно, в мире, где активно растет уровень глобализации, растет потребность в переводе популярных фильмов, большинство из которых англоязычные, на другие языки, в частности, русский [3]. Что же позволяет фильму стать известным как в стране производителя, так и, к примеру, в России? Это и актерский состав, и прославленный режиссер, и активная рекламная кампания, жанр, сюжет, перечисление можно продолжать и дальше. Однако, во главе этого списка, по нашему мнению, должно стоять именно название кинокартины. Переводчикам требуется быть внимательными и хорошо владеть нормами переводимого языка и языка, на который осуществляется перевод заголовка, ведь его первостепенной задачей является отображение центральной темы и идеи фильма, при этом он должен быть емким, звучным и запоминающимся.

В связи с этим, предлагаем обратить внимание на следующие четко выделяемые некоторыми лингвистами функции заголовка:

Номинативную, коммуникативную и эстетическую функции выделяет Е.В. Кныш, при этом разделяя коммуникативную на референционную, относящуюся к связи сюжета и названия; информационно-прогностическую, которая позволяет передать сведения об основной идее; прагматическую, раскрывающуюся в оказании влияния на зрителя [6].

Л. И. Захарова обозначает следующие функции: первая носит название сигнальной (проявляется тем, что помогает заинтересовать потенциального зрителя, захватить его внимание) и вторая – информативная (проявляется в предоставлении важного знания о сюжете). Следующей важной функцией выступает способность дать будущему зрителю возможность почувствовать определенный эмоциональный тон картины [4].

Э. А. Лазарева предлагает к выделению лишь две функции заголовков, а именно рекламную и функцию воздействия [9].

Согласно З.Я. Тураевой, заголовок фильма характеризуется сильной позицией, в то же время предлагая аудитории разнообразие интерпретаций [12].

Основываясь на работах Ю. В. Веденевой, отметим, что помимо основных, существуют и второстепенные функции заголовков фильмов, такие как: оценочная (определяет отношение к персонажам или событиям, как в случае с фильмом “Extremely Wicked, strongly evil and vile” – «Красивый, плохой, злой») и побудительная (подразумевает наличие призыва к исполнению каких-либо действий, как, например, “Eat. Pray. Love” – «Ешь. Молись. Люби»). Согласно автору, процесс перевода заголовков иностранных художественных фильмов – это целый набор действий, которые направлены на изменение, некую трансформацию, преобразование сложившейся в иноязычном пространстве комбинации слов в русскоязычную реальность, принимая во внимание социокультурные сходства и различия многообразной аудитории [2].

Предлагаем перечень функций заголовка художественного фильма, которые, на наш взгляд, являются ключевыми:

- 1) сигнальная функция
- 2) информативная функция
- 3) содержательная функция (передает главную мысль фильма);
- 4) эмоциональная функция (отражает авторское отношение и точку зрения).

Известно, что название является визитной карточкой, на которую потенциальный зритель обратит внимание при выборе определенного фильма из сотен других кинокартин. Это наводит на мысль об уровне важности корректного и осмысленного перевода. Перевод названий фильмов очень часто связан с изменением, преобразованием, трансформацией сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода, поскольку точный перевод невозможен по причине наличия различий в грамматических системах языков, отличий в словарном составе и, конечно же, особые уникальные культурные особенности, реалии. Все это оказывает значительное влияние на процесс перевода и его результат [5].

На помощь переводчику приходят стратегии перевода, выбирая одну из которых можно дать англоязычному фильму подходящее русскоязычное название. Стремиться к достижению полной эквивалентности сложно, а порой и невозможно или неоправданно. В то же время применять различные методы, приемы, способы и стратегии перевода стоит, в соответствии с условием сохранения приемлемого уровня эквивалентности. Нами было названо понятие стратегии перевода, которые выделяются на фоне методов, приемов и способов более широким пониманием и актуальностью использования. Обратимся к основным переводческим стратегиям, которые используются в процессе перевода заголовков:

1. Стратегия прямого перевода, название которой говорит само за себя, основана на дословном переводе с сохранением порядка слов и грамматических конструкций, которое не приведет к нарушению логики. Например: “Passport to Paris” – «Паспорт в Париж», “The Hunger games” – «Голодные игры».

2. Транскрипция или транслитерация приходят на помощь, когда в англоязычных названиях присутствуют такие компоненты, как реалии и имена собственные, у которых в русском языке нет полных эквивалентов или аналогов [11]. Обратимся к конкретным парам названий:

- Название фильма “*Suspiria*”, а в русском варианте «Суспирия», было переведено с помощью данной стратегии, что позволило сохранить загадочность, которая соответствует жанру ужасов. Если обратиться к этимологии слова, то можно определить, что оно восходит корнями к итальянскому понятию, означающему «вздохи». Однако, было уместно, не переводить название таким образом, ведь в самом фильме у него есть свое особое значение, а именно сообщество ведьм.

- “*Batman vs Superman: Dawn of Justice*” – «Бэтмен против Супермена: на заре справедливости». В данном случае нас интересует компонент “*Batman*”, переведенный на русский с помощью транскрипции,

фильмы о данном персонаже довольно популярны и это имя тоже можно считать вошедшим в реалии. С самого начала это слово не стали разбирать на компоненты “bat” и “man” и переводить как «Человек-летучая мышь», однако в случае с фильмом “Ant-man” этого не произошло и его перевели как «Человек-муравей».

- Еще один пример – перевод названия “Divergent”, основанный на транслитерации и в русскоязычной среде известный как «Дивергент». Резкое, звучное, необычное, оно вошло в ряд неологизмов и заимствований. Вот какое определение дает словарь Macmillan dictionary прилагательному “divergent”: “things that are divergent are different from each other” [17]. Подобрать эквивалент было вполне возможно, к примеру, подошли бы названия «Отклоняющийся» или «Другой», однако потерялась бы важная деталь фильма, ведь по сюжету особенностью представляемого общества является то, что людей делили на классы с определенными названиями и называть тех индивидуумов, которые не подходили ни под один из них, было бы менее интересно, просто назвать «другими».

3. Лексико-семантическая замена, является стратегией, применение которой при переводе обусловлено желанием сформировать устойчивую взаимосвязь и согласованность заголовка и сюжета художественного фильма. Рассмотрим примеры:

- “It takes two” – «Двое: я и моя тень». На основе определения Macmillan Dictionary, фраза “It takes two” подразумевает ситуацию, в которой есть необходимость задействовать двух человек, каждый из которых в равной степени ответственен за ход событий [17]. Под стать названию, в фильме разворачивается история, где две девочки, похожие как две капли воды, встречаются и решают стать сестрами, сведя своих одиноких родителей, то и дело меняясь местами. Звучного и устоявшегося аналога данного выражения в русском языке нет, поэтому замена при переводе помогла создать удачное и соответствующее сюжету и жанру название.

- “White House down” – «Штурм Белого Дома» – пример перевода с использованием замены компонента “down”. Чтобы оценить уместность замены в названии и использование слова «штурм» обратимся к дефиниции замененного компонента, подходящей к данной ситуации: “down is used for saying that something is damaged or destroyed” [17]. Определение говорит о свержении, уничтожении какого-то объекта, в нашем же случае Белого Дома, как раз в фильме разворачиваются события по предотвращению атаки вооруженной группировки на резиденцию президента. На наш взгляд, стратегия выбрана удачно, соответствует содержанию и несет информацию, доступную русскоязычной аудитории зрителей.

- “Shepherd” – «Остров призраков». Существительное, выступающее в качестве названия фильма, снятого в Великобритании, несет в себе следующее значение: “a man whose job is to look after sheep” [17]. Русскоязычным эквивалентом будет лексическая единица «пастух». Почему же название не перевели именно так, а с использованием лексической замены? В российском прокате фильм получил название острова призраков по той причине, что его решили приблизить к сюжету и жанру. Мужчина, переживающий утрату жены и душевные муки в поисках уединения, соглашается на работу пастухом на одном из удаленных островков. Как можно догадаться, сюжет пойдет не о том, как он справлялся со своей работой смотря за животными, а о странных событиях, ждущих его на острове. И хотя прямой перевод тоже имел бы место быть, название, полученное с помощью стратегии замены, позволяет зрителю получить более точное представление о сюжете и выстроить соответствующие ассоциации.

- Название фильма “Here before” перевели на русский язык очень удачно, выбрав стратегию замены и не использовав возможный прямой перевод «ранее здесь/ здесь прежде», который, все же необходим нам для понимания русскоязычной трактовки; заголовок намекает на повторяющиеся события, происходящие снова там же и так же, как и ранее. Эффект, испытываемой главной героиней и носящий название «Дежавю», стал удачным названием для фильма в русскоязычной среде.

4. Стратегия использования лексических добавлений актуальна, когда в оригинальном заголовке существуют элементы, несущие в себе особый смысл, понимание которого не доступно жителю другой культурной среды, поэтому при переводе их выражают, добавляя вспомогательные компоненты.

- Художественный фильм под названием «Paddington» на русский язык был переведен как «Приключения Паддингтона». И если имя собственное в названии мало о чем бы говорило, то удачное добавление уже проливает свет на события фильма, где медвежонок путешествует по миру и попадает в разные приключения.

- “The King’s Man” – «The King’s Man: Начало». Добавление вполне логично и обосновано, поскольку данная кинокартина является первой из серии одноименных фильмов. Также это хороший ход для привлечения внимания к последующим частям фильма, поскольку без добавления зритель мог бы и не догадаться о существовании продолжения серии. В целом, добавление таких компонентов как «начало», «продолжение» является частотным при локализации названий.

• Добавления часто используются в качестве уточнений или пояснений названия, как в случае с художественным фильмом “Walden” – «Уолден, или жизнь в лесу». Здесь, помимо транскрибирования названия, к нему добавили еще целую фразу, которая дает информацию о содержании фильма, что является удобным для восприятия, так как лишь имя собственное мало информативно для русскоязычной аудитории.

5. Опускание. Трансформация путем опускания была использована при переводе заголовков следующих фильмов:

• “Sunrise: a song of two men” – «Восход солнца». Исключение части названия призвано сократить его, не лишив смысла. Как и в данном примере, чаще всего опусканию подвергаются те компоненты, которые расположены после двоеточия, поскольку они расцениваются как излишние комментарии, усложняющие восприятие и запоминаемость названия, тем самым не способствуя популярности самого фильма.

То, какую стратегию перевода применить при работе с конкретно взятым названием художественного фильма, решает непосредственно переводчик, однако осуществление корректного выбора требует знаний о системах языков и менталитете стран, а также зависит от множества факторов. Среди них и необходимость адаптации под определенную аудиторию, и перевод заголовка непосредственно в соответствии с сюжетом, и создание названия, которое в полной мере позволит реализовать функции, которыми должен обладать заголовок, чтобы презентовать саму кинокартину и удовлетворять требованиям к названию фильма. Среди рассмотренных нами стратегий нельзя выделить основную или лидирующую, поскольку каждая найдет применение при переводе огромного числа названий художественных фильмов, при работе с каждым из которых переводческое мышление будет направлено на изучение всех аспектов и составляющих названия для достижения желаемого результата перевода.

Литература

1. Бочарникова Н.В. Дезориентирующий перевод названий кинотекстов как явление коммерческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 58. 2011. № 25 (240). С. 32 – 38.
2. Веденева Ю.В. Функциональная парадигма заглавий поэтических произведений на материале англоязычных стихотворений, предназначенных для детей // Вестник СамГУ. 2008. № 60. С. 140 – 142.
3. Горшкова В.Е. Особенности перевода фильмов с субтитрами // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева. 2006. Вып. 3. С. 141 – 144.
4. Захарова Л.И. Феномен языковой игры в современной публицистике (на материале заголовков газет) // Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы международной научной конференции (Кострома, 18-20 марта 2004). М., 2004. С. 17 – 22.
5. Казакова Т.А. Практические основы перевода. Серия: «Изучаем иностранные языки». СПб.: «Издательство Союз», 2001. 320 с.
6. Кныш Е.В. Наименование кинофильмов как объект ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев, 1988. С. 106 – 111.
7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
8. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
9. Лазарева Э.А. Заголовок в тексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 84 с.
10. Милевич И.В. Стратегии перевода названий фильмов [Электронный ресурс]. URL: http://xn--b1andocigi.xn--p1ai/file/xn--b1andocigi_x/tsp/Milevich.pdf. (Дата обращения: 18.02.2023)
11. Милевич И.В. Стратегии перевода названий фильмов // Русский язык за рубежом. 2007. № 5. С. 65 – 71.
12. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.
13. Ухова Л.В. Методика оценки эффективности рекламного текста // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 3. С. 196 – 206.
14. Ухова Л.В. Эффективность рекламного текста, монография / Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. 375 с.
15. Ухова Л.В., Марычева Д.Н. Рекламное имя как средство коммуникации с потребителем // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 3. С. 119 – 123.
16. Internet Movie Database [сайт]. URL: <https://www.imdb.com/>
17. Macmillan Dictionary: [сайт]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 25.05.23)
18. Кинопоиск. [сайт]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/>
19. Кинотеатр. [сайт]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/>

References

1. Bocharnikova N.V. Dezorientirujushhij perevod nazvanij kinotekstov kak javlenie kommercheskoj adaptacii. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 58. 2011. № 25 (240). S. 32 – 38.
2. Vedeneva Ju.V. Funkcional'naja paradigma zaglavij pojeticheskikh proizvedenij na materiale an-glojazycznych stihotvorenij, prednaznachennyh dlja detej. Vestnik SamGU. 2008. № 60. S. 140 – 142.
3. Gorshkova V.E. Osobennosti perevoda fil'mov s subtitrami. Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo ajero-kosmicheskogo universiteta imeni akademika M.F. Reshetneva. 2006. Vyp. 3. S. 141 – 144.
4. Zaharova L.I. Fenomen jazykovoj igry v sovremennoj publicistike (na materiale zagolovkov gazet). Problemy frazeologicheskoj i leksicheskoj semantiki: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Kostroma, 18-20 marta 2004). M., 2004. S. 17 – 22.
5. Kazakova T.A. Prakticheskie osnovy perevoda. Serija: «Izuchaem inostrannye jazyki». SPb.: «Izdatel'stvo Sojuz», 2001. 320 s.
6. Knysh E.V. Naimenovanie kinofil'mov kak ob#ekt onomastiki. Aktual'nye voprosy russkoj onomastiki. Kiev, 1988. S. 106 – 111.
7. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie. M.: JeTS, 2001. 424 s.
8. Komissarov V.N. Teorija perevoda (Lingvisticheskie aspekty): ucheb. dlja in-tov i fak. inostr. jaz. M.: Vyssh. shk., 1990. 253 s.
9. Lazareva Je.A. Zagolovok v tekste. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2004. 84 s.
10. Milevich I.V. Strategii perevoda nazvanij fil'mov [Jelektronnyj resurs]. URL: http://xn--b1andocigi.xn--p1ai/file/xn--b1andocigi_x_tsp/Milevich.pdf. (Data obrashhenija: 18.02.2023)
11. Milevich I.V. Strategii perevoda nazvanij fil'mov. Russkij jazyk za rubezhom. 2007. № 5. S. 65 – 71.
12. Turaeva Z.Ja. Lingvistika teksta (Tekst: struktura i semantika). M.: Prosveshhenie, 1986. 127 s.
13. Uhova L.V. Metodika ocenki jeffektivnosti reklamnogo teksta. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2012. № 3. S. 196 – 206.
14. Uhova L.V. Jeffektivnost' reklamnogo teksta, monografija. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2012. 375 s.
15. Uhova L.V., Marycheva D.N. Reklamnoe imja kak sredstvo kommunikacii s potrebitелеm. Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. T. 1. № 3. S. 119 – 123.
16. Internet Movie Database [sajt]. URL: <https://www.imdb.com/>
17. Macmillan Dictionary: [sajt]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (data obrashhenija: 25.05.23)
18. Kinopoisk. [sajt]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/>
19. Kinoteatr. [sajt]. URL: <https://www.kino-teatr.ru/>

*Bolotova E.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Askhaeva M.V.,
Sterlitamak branch of the Ufa State University of Science and Technology*

Strategies for translation of the title of English feature films

Abstract: the article presents the features of translation and the strategies used in the translation of English-language feature films into Russian. The relevance of this study is due to the fact that at the moment the problem regarding the choice of methods and ways of translating film titles remains open. Knowledge and understanding of issues related to this aspect plays an important role in the process of intercultural communication, whose importance cannot be overestimated.

The goal of our work is to identify the prerequisites for translating the title of a film in one way or another, and to analyze the strategies for translating feature films.

The titles of English-language films selected from the Internet Movie Database site and the titles under which these films were released in Russia, taken from the sites Kino-teatr.ru and Kinopoisk.ru, were used as research materials.

The results of the study can be useful for English language learners to better understand the approaches to the translation of titles of popular films, realizing that in this process various translation strategies are applied, each of which is chosen to create the best Russian-language version of the title of an English-language film. In addition to direct translation, transformation and replacement strategies are common in use, which is explained by the fact that with their help the main goals of translation are achieved, namely: the implementation of the main functions of the title of the film, ensuring fame and success among the audience.

This article may be useful for use in practical or elective classes in English, as it contains examples that clearly illustrate the proposed theoretical material in an accessible form.

Keywords: translation, translation strategies, direct translation, transformation strategy, addition, deletion, replacement strategy, translation functions, title

For citation: Bolotova E.V., Askhaeva M.V. Strategies for translation of the title of English feature films. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 113 – 118.

Received: June 5, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Ганиева Н.Р., кандидат филологических наук,
Таджикский национальный университет, Республика Таджикистан*

Анализ общечеловеческой ценности «здоровье/саломатӣ» в языковом сознании у таджиков и русских

Аннотация: целью статьи является описание таджикского аксиологического образа мира в сопоставлении с русским аксиологическим образом мира.

Второй необходимой целью является выработка подхода к описанию содержания общечеловеческих ценностей в таджикской культуре в сопоставлении с содержанием аналогичных ценностей в русской культуре. Сформированный подход представляет собой научную процедуру, в основе которой лежит политекстовая репрезентация идентичного содержания неидентичными знаковыми репрезентациями.

Многие научные задачи в статье решены впервые. Впервые в сопоставительном анализе описывается языковое сознание таджиков, а также впервые описывается содержание десяти ценностей в таджикской культуре. Впервые содержание ценностей в таджикской культуре анализируется и описывается в рамках триангуляционного подхода, когда идентичное содержание в ходе политекстовой репрезентации объективируется неидентичными языковыми и неязыковыми знаками и на разных уровнях сознания.

В статье содержание анализируемых ценностей в таджикской и русской культурах репрезентировано:

1. на уровне официального общественного сознания в форме результатов дефиниционного анализа; в форме результатов сопоставительного анализа паремий, отображающих содержание исследуемых.

2. на уровне обыденного общественного сознания, в форме результатов сопоставительного анализа ассоциативных полей, где словами стимулами были вербальные обозначения десяти ценностей в таджикской и, соответственно, русской культурах, в форме результатов сопоставительного анализа содержания ценностей в рамках психосемантического эксперимента, при этом результаты отображены в виде семантических полей, графиков и дендрограмм.

В соответствии с указанной целью в статье поставлены следующие задачи:

1. обосновать достоверность ассоциативного эксперимента в исследовании особенностей языкового сознания носителей разных культур;

2. выявить и описать общее и особенное в содержании образов сознания носителей русского и таджикского языков;

3. определить и описать общее и особенное в структуре языкового сознания русских и таджиков;

4. раскрыть особенности влияния культуры и языка на образы сознания носителей языка.

Впервые проведен ассоциативный эксперимент с носителями русского языка, проживающими в Таджикистане и впервые проведен сопоставительный анализ ассоциативных полей русских, живущих в метрополии в Таджикистане, и русских, живущих в России.

Теоретическая значимость статьи заключается в выявлении у носителей таджикской и русской культур сходств и различий во фрагментах образа мира, неосознаваемым образом определяющие поведение людей, оценку образов мира и отношение к миру в целом.

Актуальность статьи заключается в том, что сопоставительное изучение языкового сознания носителей разных культур имеет важное значение в достижении межкультурного понимания, устранении межкультурного барьера. Известно, что несхожесть национальных сознаний является одной из главных причин непонимания в отношениях представителей разных культур.

Ключевые слова: здоровье, нормальное состояние организма, болезнь, отсутствие возможности купить его, самочувствие, врач, смерть

Для цитирования: Ганиева Н.Р. Анализ общечеловеческой ценности «здоровье/саломатӣ» в языковом сознании у таджиков и русских // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 119 – 125.

Поступила в редакцию: 2 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Культура каждой нации характеризуется системой ценностей, связанной с общими представлениями о мире, месте человека в нём. Эти так называемые «ключевые символы» включают здоровье, достаток, семью, образование и т.п. в таком сочетании по их значимости, которые отличают народы в современном мире.

Как отмечают исследователи, в одних обществах выражением здоровья считают долголетие, в других – физическую силу, в третьих – полноту тела. В мире довольно широко распространено представление об аппетите как выражении здоровья, а у людей, занимающихся физическим трудом, здоровьем считается мускульная сила.

По мнению Т.Б. Дмитриева, наиболее показательными применительно к различным аспектам «здоровья – болезни» являются принципиальные различия в двух основных культурах человечества: восточной и западной. Прежде всего это отношение к больному. Если на Западе человеку в состоянии болезни предоставляют покой, его стараются не тревожить, то на Востоке больной человек всегда в центре внимания, около него постоянно находятся родные и друзья [1, с. 464].

По мнению М.Ш. Шукурова, в таджикском языке слово «здоровье» передаётся словами: тандурустӣ, саломатӣ; сихатӣ; аҳвол, ҳол, аҳволи саломатӣ; охрана здоровья – муҳофизати сихатӣ; его здоровье улучшилось – аҳволи саломатии ӯ беҳтар шуд; спросить о здоровье – аҳволпурсӣ (ҳолпурсӣ) кардан; доброго здоровья! – саломат бошед!; [за] ваше (твоё) здоровье! – ба саломатии шумо (ту)!; на [доброе] здоровье! – нӯши чон кунед!; ош шавад!; здоровяк разг. – бӯзбала; тануманд – здоровячка; здоровяк, здравие с уст. см. здоровье, во здравие уст. – барои саломатӣ; нӯши чон; ош шавад; здоровья желаю (желаем)! – салом! [8].

Рассмотрим, как представлена **ОЦ «здоровье»** в русском и таджикском языках в соответствующих толковых словарях сопоставляемых языков.

Таблица 1

ОЦ «здоровье»

В словаре М.Ш. Шукурова «ФЗТ» ОЦ «здоровье» имеет 2 значения	В словаре С.А. Кузнецова «НБТСРЯ» ОЦ «здоровье» имеет 2 значения
1. тандурустӣ, саломатӣ; (нормальное состояние организма, при котором правильно действуют все его органы).	1.здоровье — нормальное состояние организма, при котором правильно действуют все его органы.
2. сихатӣ; аҳвол, ҳол, аҳволи саломатӣ; (самочувствие, то или иное состояние организма).	2. здоровье — самочувствие, то или иное состояние организма.

Сравним результаты дефиниционного анализа содержания **ОЦ «здоровье»** в русском и таджикском языковом сознании. Общими семантиками являются следующие: «нормальное состояние организма» и «самочувствие».

Специфические семы отсутствуют.

А теперь обратимся к анализу АП из РАС. АП слова-стимула «здоровье» из РАС (прямой словарь): ЗДОРОВЬЕ: крепкое 45; хорошее 36; болезнь 19; отличное 17; плохое 16; журнал 14; беречь 13; сила 12; моё 11; жизнь 10; железное, слабое, спорт 9; богатство 7; дорожке 6; богатырское, бодрость, больница, в порядке, людей, неважное, не купишь, радость, сибирское, счастье 5; народа, прекрасное, сильный, человека 4; дорожке! всего, коровье, мамы, нет, отлично, передача, подорвано, прежде всего 3; боль, в наших руках, в опасности, врач, всех, главное, дорого, дрянь, как у быка, матери, медицина, молоко, на годы, не вечно, недуг, не купить, необходимо, не очень, ни к черту, поликлиника, ребёнок, самое главное, свежесть, сердце, сына, так себе, человек, чистота – 2.

В языковом сознании носителей русского языка как родного понятие «здоровье» ассоциируется с понятием «болезнь», что является парадоксальным, поскольку последняя ценность рассматривается как антиценность. Между ценностью «здоровье» и антиценностью «болезнь» существует древняя архетипическая связь, сформированная в ходе сравнения – самой древней логической операции, которой овладел человек. Образ «здоровья» в сознании русских ассоциирован также со следующими категориями: 1) **действия**, при помощи которых можно сохранить «здоровье» – «беречь», «восстанавливать», «закаляться», «физкультура», «спортом (делать физические упражнения)», «бегать»; 2) **сила** (в обыденном сознании сила считается признаком здоровья); 3) **жизнь** (для которой необходимо здоровье); 4) **богатство** как эквивалент здоровья; 5) **отсутствие возможности купить его**: «не купишь». б) **радость**, **счастье**, **чистота** (имеется в виду моральные и гигиенические условия в месте проживания; содержание передачи, в первую очередь, составляют лекарства и продукты: питание в российских больницах довольно скудное).

Теперь перейдём к анализу слова «**здоровье/саломатӣ**», содержащегося в «ФЗТ» М.Ш. Шукурова. Оно имеет следующий вид: *тандурустӣ – здоровье, саломатӣ, сихатӣ – излечение, исцеление*. Ассоциативный эксперимент, проведённый нами в Таджикистане, даёт возможность выделить следующие ассоциаты АП слова-стимула «**здоровье /саломатӣ**»: *тандурустӣ – здоровье 5, саломатӣ – благополучие 5, сихатӣ – излечение, исцеление 4; аҳвол – состояние 3, ҳол – обстоятельство 3, аҳволи саломатӣ — состояние здоровья 2; муҳофизати сихатӣ – охрана здоровья 2; аҳволи саломатии ӯ беҳтар шуд 2 – его здоровье улучшилось 2, аҳволпурсӣ (ҳолпурсӣ) кардан – спросить о здоровье 1, саломат бошед! ба саломатии шумо (ту) 1 – доброго здоровья! [за] ваше (твоё) здоровье 1.*

Покажем частотность в процентах. ЗДОРОВЬЕ: *крепкое – 8,4%; хорошее – 6,7%; болезнь – 3,5%; отличное – 2,6%; плохое – 2,5%; журнал – 2,4%; беречь – 2,3%; сила – 2,2%; моё – 2,1%; жизнь – 1,5%; железное, слабое, спорт – 1,4%; богатство – 1,3%; дорожке – 1,2%; богатырское, бодрость, больница, в порядке, людей, неважное, не купишь, радость, сибирское, счастье – 0,6%; народа, прекрасное, сильный, человека – 0,5%; дорожке! всего, коровье, мамы, нет, отлично, передача, подорвано, прежде всего 3; боль, в наших руках, в опасности, врач, всех, главное, дорого, дрянь, как у быка, матери, медицина, молоко, на годы, не вечно, недуг, не купить, необходимо, не очень, ни к черту, поликлиника, ребёнка, самое главное, свежесть, сердце, сына, так себе, человек, чистота – 0,2%.*

Таджикские ассоциаты: *тандурустӣ – здоровье 5%, саломатӣ – благополучие – 5%, сихатӣ – излечение, исцеление – 4%; аҳвол — состояние – 3%, ҳол – обстоятельство – 3%, аҳволи саломатӣ – состояние здоровья 2%; муҳофизати сихатӣ – охрана здоровья – 2%; аҳволи саломатии ӯ беҳтар шуд – 2% – его здоровье улучшилось – 2%, аҳволпурсӣ (ҳолпурсӣ) кардан – спросить о здоровье, саломат бошед! ба саломатии шумо (ту) – доброго здоровья! [за] ваше (твоё) здоровье.*

Таким образом, сравнение ассоциатов показывает наличие инвариантных и вариативных областей и среди слов-реакций, входящих в АП в таджикском и русском языках: на первом месте находятся слова *саломати, тандурустӣ, сихатӣ, аҳволи саломатӣ* и *здоровье, благополучие, излечение, исцеление* и *состояние здоровья*.

Как показывают исследования, отношение народа к понятию «**здоровье/саломатӣ**» находит отражение в пословицах и поговорках русского и таджикского народов. Проанализируем некоторые из них.

Таблица 2

ОЦ «здоровье»

Пословица	Смысловое содержание
1. Дар тани солим акли солим. — В здоровом теле — здравая мысль.	Подчёркивается тесная взаимосвязь физического и духовного здоровья.
2. Дард меҳмон аст. Болезнь — гостя (приходит и уходит, поэтому не следует печалиться).	Отмечается преходящий, временный характер болезней (по сравнению со смертью), поэтому не стоит сильно переживать.
3. Агар хоҳӣ сихатӣ, машк кун. — Если хочешь быть здоров — закаляйся.	Указывает на роль спорта в сохранении и укреплении здоровья человека.
4. Ҳар якеро ҳазор дармон аст. — В мире много болезней, но на каждую есть тысяча исцелений.	Остерегает от попадания человека в депрессию из-за какого-либо заболевания, подчёркивает, что любая болезнь излечима.
5. Саломатӣ аз пул кимат аст. — Здоровье дороже денег.	Подчёркивает значимость здоровья, несоизмеримость его ни с какими другими ценностями.
6. Беҳи давлат тани сихат. — Здоровье — основа государства.	Указывает на то, что здоровье является не только индивидуальной, но и государственной ценностью.
7. Бемор будан осонтар аст аз бемор дидан. — Быть больным легче, чем быть сиделкой.	Отмечает трудность ухода за больным, косвенно призывает к терпению тех, кто смотрит за больным.
8. Бемор боши беҳ, ки бекор боши. — Лучше быть больным, чем безработным.	Подчёркивает, что душевные переживания безработного во много раз тяжелее страданий больного человека.
9. Дард хаст — дору хаст. — Есть болезнь — есть и лекарство.	Указывает на то, что болезнь не приговор, поскольку от каждой имеется лекарство.
10. Тозагӣ — гавари саломатӣ. — Чистота — залог здоровья.	Указывает на роль гигиены в сохранении здоровья.

Обратимся к смысловому наполнению русских пословиц, связанных с ОЦ «здоровье».

Таблица 3

ОЦ «здоровье»

Пословица	Смысловое содержание
1. Здоровому и нездоровое здорово, а нездоровому и здоровое нездорово.	Указывает, что положительная или отрицательная оценка человеком окружающей действительности зависит от его физического состояния.
2. Здоровому лечиться – наперёд хромать поучиться.	Осуждает симулянта, выдающего себя за больного.
3. Здоровый врача не требует.	Отмечается, что люди лечатся по необходимости, т.к. у здорового нет нужды во враче.
4. Здоровье – всему голова, всего дороже.	Подчёркивается высокая ценность здоровья в жизни человека.
5. Здоровье всего дороже, да и деньги – тоже.	Утверждает высокую степень ценности здоровья в жизни человека.
6. Здоровье выходит пудами, а входит золотниками.	Призывает беречь здоровье, не пренебрегать им, т.к. потерять здоровье можно быстро, а приобретать его весьма медленно и долго.
7. Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу.	Призывает быть добрым и чутким, не оставаться равнодушным к чужой болезни.
8. Дурака учить что горбатого лечить.	Указывает на невозможность учить глупого человека, как невозможно выпрямить лечением горбатого человека.
9. Дух бодр, да плоть немощна.	Показана несоответствие душевного и физического состояния человека.
10. Еле-еле душа в теле.	Указывает на состояние организма.

Выделим в сравниваемом материале эквивалентные и специфические моменты.

Содержательный анализ паремиологических единиц с компонентом «здоровье» показывает близость коннотативных характеристик этих паремий. Анализ проводимых паремий является, как уже и упоминалось ранее, содержательным и, естественно, субъективным. На основе анализа небольшой выборки паремий, которая приводится в нашей работе, можно сделать следующие выводы: таджикские и русские паремии в значительной степени содержательно различаются, отображая специфику этнических культур. Некоторые паремии можно полагать общими как для таджиков, так и для русских. Например, таджикские пословицы: *Дар тани солим ақли солим, дард меҳмон аст, саломатӣ аз пул қимат аст, беҳи давлат тани сиҳат* – являются содержательно идентичными с русскими пословицами и обнаруживают содержательную близость последними, такими, как, например: *в здоровом теле – здравая мысль, болезнь – гостья (приходит и уходит, поэтому не следует печалиться), здоровье дороже денег и здоровье – основа государства*. Правда, мы не исключаем, что приводимые пословицы могут быть кальками. Например, *в здоровом теле – здоровый дух* (из греческого языка).

Таким образом, нами проведён семный анализ на основе словарных дефиниций, семный анализ на основе паремиологии, а также на основе экспериментального анализа языкового сознания профанных носителей языка. Анализ таджикского и русского языкового сознания позволят нам сделать и следующие выводы.

1. На основе словарных дефиниций все семы совпадают.

2. На основе паремиологии: некоторые паремии можно полагать общими для таджиков и русских. Например, таджикские пословицы: *Дар тани солим ақли солим, дард меҳмон аст, саломатӣ аз пул қимат аст, беҳи давлат тани сиҳат* – являются содержательно идентичными. Они, кроме этого, имеют содержательную близость с русскими пословицами, – такими, как: *в здоровом теле – здравая мысль, болезнь – гостья (приходит и уходит, поэтому не следует печалиться), здоровье дороже денег и здоровье – основа государства*.

3. На основе экспериментального анализа языкового сознания профанных носителей языка мы приходим к следующему выводу: ценность «здоровье» в обыденном сознании русских непосредственно связана с ценностью «свобода» и более опосредованно – с ценностями «процветание», «успех» и «родина». Семантическая связь ценности «здоровье» с ценностями «процветание», «успех» интерпретируется достаточно легко и очевидно, а семантическая связь с ценностью «родина» поддаётся только гипотетической интерпретации. В таджикском же языковом сознании ценность «здоровье» непосредственно связана с ценностью «достаток» и более опосредованно – с ценностями «власть», «стабильность», «бездуховность», «алкоголизм» и «праздник».

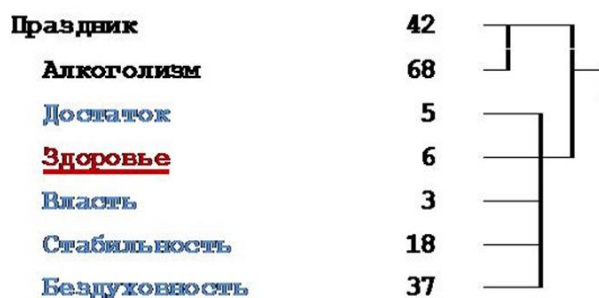

Рис. 1. Фрагмент дерева кластеризации ценностей у таджиков

Сравнение кластеров, куда входит ОЦ «здоровье» в таджикском и русском сознании показывает их абсолютное несовпадение.

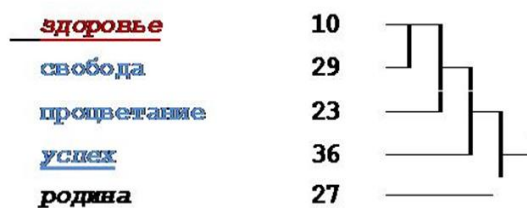

Рис. 2. Фрагмент дерева кластеризации ценностей у русских

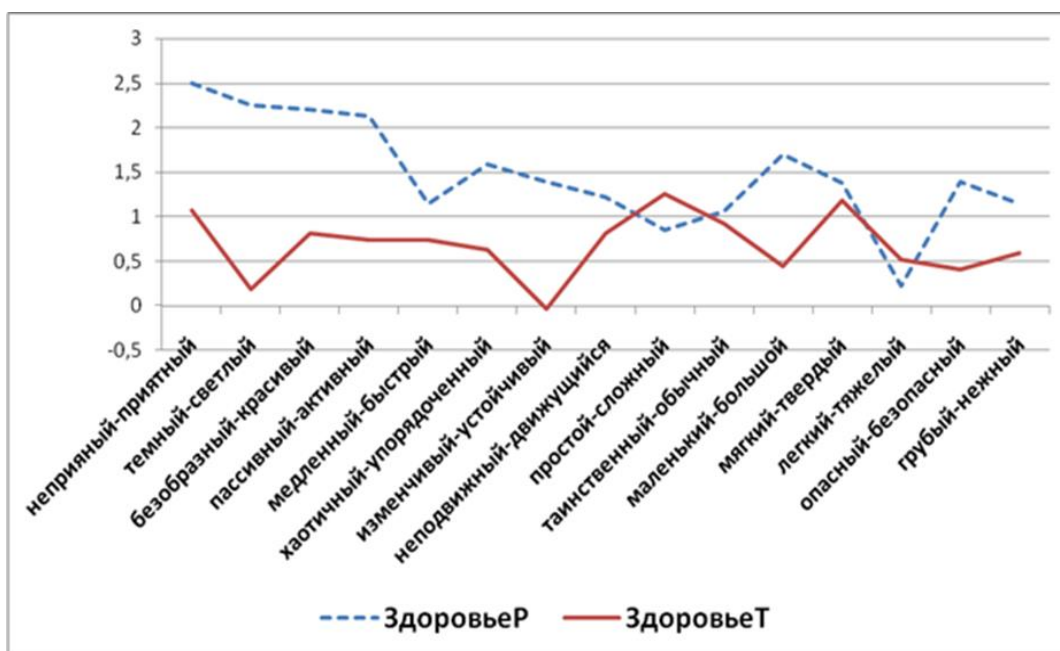

Рис. 3. Профиль оценок по шкалам ценности «здоровье» для русских и таджиков

Сравнение показывает совпадение оценок по шкалам «лёгкий – тяжёлый», «неприятный – приятный» и «мягкий – твёрдый», а различие зафиксировано в оценках по шкалам «маленький – большой», «опасный – безопасный», «таинственный – обычный» и «простой – сложный».

Литература

1. Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Руководство по социальной психиатрии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Медицинское информационное агентство, 2009. 544 с. 3000 экз.
2. Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Этнокультуральная психиатрия. М.: Медицина, 2003. 447 с.
3. Кузнецов С.А. Новый большой толковый словарь русского языка. 1998.
4. Синячкин В.П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ. М.: РУДН, 2010. 340 с.

5. Синячкин В.П. О ценности «труд» в русском языковом сознании [Электронный ресурс]. Челябинск, 2013. Синячкин В.П. Формы существования общечеловеческих ценностей в русской культуре [Электронный ресурс]. Челябинск, 2009.
6. Синячкин В.П. Формы существования общечеловеческих ценностей в русской культуре [Электронный ресурс]. Челябинск, 2009.
7. Шукуров Ш., Шукуров Р. Центральная Азия: опыт истории духа. М.: Панорама, 1996. 256 с.
8. Шукуров М.Ш., Капранова В.А., Хашима Р., Масуми Н.А. Словарь таджикского языка. Т. 1 и 2. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 950 с.

References

1. Dmitrieva T.B., Polozhij B.S. Rukovodstvo po social'noj psihiatrii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Medicinskoe informacionnoe agentstvo, 2009. 544 s. 3000 jekz.
2. Dmitrieva T.B., Polozhij B.S. Jetnokul'tural'naja psihiatrija. M.: Medicina, 2003. 447 s.
3. Kuznecov S.A. Novyj bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. 1998.
4. Sinjachkin V.P. Obshhechelovecheskie cennosti v russkoj kul'ture: lingvokul'turologicheskij analiz. M.: RUDN, 2010. 340 s.
5. Sinjachkin V.P. O cennosti «trud» v russkom jazykovom soznanii [Jelektronnyj resurs]. Cheljabinsk, 2013. Sinjachkin V.P. Formy sushhestvovaniya obshhechelovecheskih cennostej v russkoj kul'ture [Jelektronnyj resurs]. Cheljabinsk, 2009.
6. Sinjachkin V.P. Formy sushhestvovaniya obshhechelovecheskih cennostej v russkoj kul'ture [Jelektronnyj resurs]. Cheljabinsk, 2009.
7. Shukurov Sh., Shukurov R. Central'naja Azija: opyt istorii duha. M.: Panorama, 1996. 256 s.
8. Shukurov M.Sh., Kapranova V.A., Hashima R., Masumi N.A. Slovar' tadjhikskogo jazyka. T. 1 i 2. M.: Sovetskaja Jenciklopedija, 1969. 950 s.

*Ganieva N.R., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Tajik National University, Republic of Tajikistan*

Analysis of the universal value of "health/salomat" in the linguistic consciousness of Tajiks and Russians

Abstract: the purpose of the article is to describe the Tajik axiological image of the world in comparison with the Russian axiological image of the world.

The second necessary goal is to develop an approach to describing the content of universal values in Tajik culture in comparison with the content of similar values in Russian culture. The formed approach is a scientific procedure based on the polytextual representation of identical content by non-identical symbolic representations.

Many scientific problems in the article have been solved for the first time. For the first time, the comparative analysis describes the linguistic consciousness of Tajiks, as well as the content of ten values in Tajik culture is described for the first time. For the first time, the content of values in Tajik culture is analyzed and described within the framework of a triangulation approach, when identical content in the course of polytextual representation is objectified by non-identical linguistic and non-linguistic signs and at different levels of consciousness.

The article presents the content of the analyzed values in Tajik and Russian cultures:

1. at the level of official public consciousness in the form of the results of a definitional analysis; in the form of the results of a comparative analysis of the paroemias reflecting the content of the studied.

2. at the level of everyday social consciousness, in the form of the results of a comparative analysis of associative fields, where the words stimuli were verbal designations of ten values in Tajik and, accordingly, Russian cultures, in the form of the results of a comparative analysis of the content of values in the framework of a psychosemantic experiment, while the results are displayed in the form of semantic fields, graphs and dendrograms.

In accordance with this goal, the following tasks are set in the article:

1. to substantiate the reliability of the associative experiment in the study of the peculiarities of the linguistic consciousness of speakers of different cultures;

2. to identify and describe the general and special in the content of the images of consciousness of native speakers of Russian and Tajik languages;

3. to define and describe the general and special in the structure of the linguistic consciousness of Russians and Tajiks;

4. to reveal the peculiarities of the influence of culture and language on the images of consciousness of native speakers.

Russian speakers living in Tajikistan were first associated with the experiment and for the first time a comparative analysis of the associative fields of Russians living in the metropolis in Tajikistan and Russians living in Russia was carried out.

The theoretical significance of the article is to identify similarities and differences in the fragments of the image of the world among the speakers of Tajik and Russian cultures, which unknowingly determine the behavior of people, the assessment of images of the world and the attitude to the world as a whole.

The relevance of the article lies in the fact that the comparative study of the linguistic consciousness of speakers of different cultures is important in achieving intercultural understanding, eliminating the intercultural barrier. It is known that the dissimilarity of national consciousnesses is one of the main reasons for misunderstanding in the relations of representatives of different cultures.

Keywords: health, normal state of the body, illness, inability to buy it, well-being, doctor, death

For citation: Ganieva N.R. Analysis of the universal value of "health/salomat" in the linguistic consciousness of Tajiks and Russians. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 119 – 125.

Received: June 2, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Даулань М., аспирант,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Медицинские термины в медийном дискурсе: на материале русских и английских СМИ (контрастивный аспект)

Аннотация: медицина является одной из общественных сфер, часто попадающих под «прицел» журналистских интересов. Вопросы, связанные с различными проблемами «врачевания», представляют большой интерес для всего человечества, их решением занимаются ученые, организации, направленные на решение социальных дилемм, средства массовой информации. Задача последних заключается, главным образом, в освещении событий в области здоровья и медицины. Огромное количество сообщений на данную тему публиковалось в период пандемии Covid-19 – институт СМИ взял на себя обязанность распространения информации, предупреждающей граждан об опасности нового вируса.

Объектом данного исследования выступают русско- и англоязычный медийный дискурс, освещающий новости медицинского направления. Предмет – терминологическая лексика в русских и английских медицинских журналистских заметках. Цель настоящей работы – провести контрастивный анализ функционирования медицинских терминов в русском и английском медийном дискурсе. Актуальность работ обусловлена 1) появлением нового лексического инструментария в области медицины, 2) необходимостью сопоставительного анализа функционирования медицинских терминов в русско- и англоязычном дискурсе СМИ. Материалом послужили новостные публикации в русском (РИА Новости) и английском (Reuters) интернет-СМИ на тему «Медицина», отобранные методом сплошной выборки.

Ключевые слова: язык, английский, русский, лингвистическая прагматика, лексика медицинские термины, текст, реклама, СМИ, вербализация

Для цитирования: Даулань М. Медицинские термины в медийном дискурсе: на материале русских и английских СМИ (контрастивный аспект) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 126 – 131.

Поступила в редакцию: 2 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Введение

Медицинские термины являются одним из наиболее часто встречающихся элементов в медийном дискурсе. Они используются для описания заболеваний, препаратов, процедур и других медицинских тем.

Исследование использования медицинских терминов в русскоязычных и англоязычных СМИ показывает, что они очень часто встречаются в новостях, статьях и других видеоматериалах [6, с. 7]. В российских СМИ наиболее часто используются такие термины, как "онкология", "психиатрия", "вирус", "иммунитет", "лечение", "диагностика" и т.д. В американских СМИ наиболее часто используются термины, такие как "cancer", "diabetes", "heart disease", "vaccine", "cure" и т.д.

Использование медицинских терминов в медийном дискурсе может быть полезным для повышения медицинской грамотности общества и распространения информации о здоровье и медицинских новостях. Однако, использование сложных медицинских терминов без объяснения может стать препятствием в понимании информации и привести к неправильным выводам. Поэтому важно использовать медицинские термины с учетом аудитории и включать объяснения и контекст для лучшего понимания [7, с. 1086].

Основная часть

Считается, что основателем медиалингвистики и теоретиком медиадискурса в отечественной науке о языке является Т. Г. Добросклонская: «медиадискурс в самом общем виде – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [1, с. 21]. Верно рассуждала Е. С. Абрамова о том, что медийный дискурс «чувствителен к контексту актуального социального бытия... а также к контексту актуальной идеологии» [2, с. 17]. Разносторонними исследованиями медийного дискурса занимались также М.Ю. Казак (2012), Г.Я. Солганик (2005), А. Белл (1991), Дж. Мартерер (2006), Р. Фовлер (2002), Х. Чжан (2015) и другие отечественные и зарубежные ученые.

Тексты СМИ медицинской тематики, бесспорно, наполнены специальными языковыми единицами. Анализ русских и английских журналистских сообщений подтвердил тот факт, что отображение медицинских новостей не происходит без лексики ограниченного употребления – профессиональных терминов. Анализ проводился с опорой на модель, созданной И. А. Стерниным и К. Флекенштейном [3]. Трактование

найденных языковых единиц нашлось в Словаре медицинских терминов (русские номинации) [4] и The Free Dictionary by Farlex (гlossарий врачебных определений на английском языке) [5].

Медтермины в медийном дискурсе участвуют в организации текста, являются ключевыми элементами при создании так сказать сообщения, которому бы доверился читатель, выполняют прагматическую функцию, воздействуя на когнитивные способности аудитории, формируя правильное восприятие и понимание получаемой информации, выполняют ориентирующую и объясняющую функции, выступая как навигатор в медицинской среде.

Анализ заключается в выделении лексических компонентов (медицинских терминов) в русском и английском медиадискурсе (ключевые слова – медицина и medicine соответственно) и определении межязыковых соответствий посредством выявления лексических значений. Методика И.А. Стернина и К. Флекенштейна, конечно, включает в себя более расширенные пункты. Так, на первом этапе формируются лексико-семантические группы, однако мы не имеем цели группировать языковые единицы по семантическим характеристикам. Важным для нас является раскрытие значений отобранных русских и английских медицинских терминов и сопоставление этих значений. С помощью анализа получен список переводных соответствий из английского языка каждой русской лексеме. Итак, межязыковые соответствия дифференцируются на следующие типы:

1) линейные (единице исходного языка соответствует только одна единица языка сопоставления (1:1)): *скорая помощь* (вид медицинской помощи, оказываемой гражданам при заболеваниях, требующих срочного медицинского вмешательства) – *ambulance*; *вирус* («неклеточные формы жизни, обладающие геномом (ДНК или РНК), но лишённые собственного синтезирующего аппарата и способные к воспроизведению лишь в клетках более высокоорганизованных существ») – *virus*; *врач* («лицо с законченным высшим медицинским образованием, имеющее юридическое право заниматься лечебно-профилактической или санитарно-эпидемиологической деятельностью») – *doctor*; *госпитализация* (помещение в медучреждение лиц, нуждающихся в медицинской помощи и/или медицинском обследовании) – *hospital treatment*; *иммунная система* («система организма, защищающая от вирусов, бактерий и проч. чужеродных веществ, контролирующая уничтожение устаревших собственных клеток») – *immunity*; *препарат* (вещество с химико-биологическими параметрами, направленное на лечение больного, поддержание нормального состояния организма) – *drug*; *симптомы* (признаки патологии или болезни) – *symptomatic disease* (симптоматическое заболевание); *клетка* («элементарная живая система, состоящая из двух основных частей – ядра и цитоплазмы, способная к самостоятельному существованию, самовоспроизведению и развитию; основа строения и жизнедеятельности всех животных и растений») – *LNH* (ткань, клетка); *коронавирус* (семейство РНК-содержащих плеоморфных вирусов) – *coronavirus*; *Минздрав* (в России – Министерство здравоохранения, орган власти, отвечающий за охрану здоровья населения) – *health experts* (эксперты здравоохранения)

2) векторные (единице одного языка соответствует несколько единиц языка сопоставления (1:N/N:1)): *болезнь* (нарушение нормальной работы организма, какого-то определенного органа) – *disease, illness*; *hospital* (в английском языке номинирует как простое медучреждение, предназначенное для всех граждан, так и лечебную организацию для военных, тогда как в русской лексике слово «госпиталь» определяет лечебное учреждение для военнослужащих) – *госпиталь, больница*; *diagnosis* – *диагностика* (1) направление медицины, 2) процесс распознавания болезни, оценка биологических особенностей медицинское обследование, установление диагноза), *анализ* (метод выявления заболевания); *medicine* (в английском языке лексема номинирует такие понятия, как медицина, медикамент, лекарство) – *медицина* («система научных знаний и практической деятельности, целью которых является укрепление и сохранение здоровья, продление жизни людей, предупреждение и лечение болезней человека»), *лекарство* (средство, помогающее нормализовать работу организма); *здоровье* (нормальное физическое и душевное состояние) – *health, soundness* (в знач. нормального самочувствия – быть здоровым); *WHO* (ВОЗ, Всемирная Организация Здравоохранения).

Медицинские термины являются неотъемлемой частью медийного дискурса. Они используются в различных контекстах, таких как новости, реклама лекарств, научные статьи и т.д. Кроме того, медицинские термины могут вызывать определенный интерес у широкой аудитории, что приводит к увеличению их использования в СМИ.

Исследование использования медицинских терминов в русскоязычных и англоязычных СМИ позволяет выявить общие тенденции и контрасты в их использовании. Например, американские СМИ часто используют термин "cancer" (рак), в то время как в русских СМИ предпочитают говорить о "онкологических заболеваниях". Также стоит отметить, что в русских СМИ чаще употребляются аббревиатуры и сокращения медицинских терминов, чем в англоязычных СМИ [8, с. 130].

Однако, независимо от языка, использование медицинских терминов в медийном дискурсе может вызывать проблемы у широкой аудитории, которая не имеет медицинского образования. Поэтому, журналистам

и редакторам важно иметь хорошее понимание медицинских терминов и правильно их использовать в контексте статей или программ. Также следует учитывать, что использование медицинских терминов может повлиять на мнение и восприятие аудитории, поэтому необходимо тщательно выбирать употребляемые термины и описывать их значение с помощью простых и доходчивых слов [9, с. 279].

Использование медицинских терминов в медийном дискурсе является важной частью информационного общества. Их правильное использование помогает улучшить понимание здоровья и медицинских проблем у широкой аудитории, а неправильное использование может вызвать недопонимание и привести к негативному восприятию тех или иных медицинских процедур и лекарств [8, с. 124].

Медицинские термины играют важную роль в медийном дискурсе как в русскоязычных, так и в англоязычных СМИ. Однако, есть некоторые отличия в использовании и понимании медицинских терминов в обоих языках.

Первое, что следует отметить, это уровень техничности и научности медицинских терминов в русском и английском языках. В русском языке медицинские термины часто звучат более формально и технически, тогда как в английском языке они могут быть более адаптированными к общему языку [7, с. 877].

Второе отличие заключается в использовании латинских терминов. В русском языке латинские термины используются, но реже, чем в английском языке, где они являются частью повседневного медицинского языка [8, с. 124].

Третье отличие заключается в использовании медицинских сокращений в обоих языках. В английском языке медицинские сокращения широко используются в медийном дискурсе, а русскоязычные СМИ используют сокращения значительно реже [7, с. 543].

Наконец, стоит отметить различия в толковании медицинских терминов между научным и общественным сообществами. В русском языке медицинские термины могут толковаться по-разному в зависимости от контекста, в котором они используются. В английском языке медицинские термины чаще используются точнее и более унифицировано, что облегчает общение между научным и общественным сообществами [10, с. 126].

Также одним из основных различий выступает степень специализации терминов. В российских СМИ медицинские термины обычно менее специализированные, чем в англоязычных СМИ, что может быть связано с тем, что журналистам необходимо обращаться к аудитории широкого круга читателей. В то же время, в англоязычных СМИ используются более сложные и точные термины, что позволяет более точно передавать информацию будущим специалистам. Кроме того, в английском языке существует большое количество медицинских аббревиатур, которые могут затруднить понимание материала читателем не знакомым с этими терминами [8, с. 101].

Еще одним отличием является выбор терминов и их употребление в контексте. В русских СМИ, как правило, используется более эмоциональная лексика, что позволяет передать более яркое впечатление описываемого явления. В английских СМИ предпочитают более точную и нейтральную лексику, которая не подразумевает оценок и эмоций [9, с. 247].

Также следует учитывать различия в системах здравоохранения и медицинском образовании в России и зарубежных странах. В американских и британских СМИ могут использоваться термины, не принятые в России и наоборот.

Медицинские термины в русских и английских СМИ обладают особыми особенностями, которые могут влиять на понимание и интерпретацию информации, но их использование и понимание могут различаться в зависимости от языка и контекста [6, с. 21].

Исходя из всех этих особенностей, для правильного понимания медицинской информации в СМИ необходимо учитывать контекст и специфику публикаций, а также при необходимости обращаться к специализированной литературе и медицинским словарям. Кроме того, следует отметить, что в медицинских терминах необходимо учитывать их точность и ясность. Важно, чтобы термины были однозначными, чтобы не допускать недоразумений и ошибок [9, с. 169]. Поэтому часто применяются латинские термины, которые являются стандартом в области медицины.

Кроме того, при передаче медицинской информации в СМИ следует быть внимательными к теме, о которой говорится. Например, при описании заболеваний может возникнуть опасность создания панических настроений у читателей. Поэтому важно правильно подать информацию и учитывать возможные последствия ее распространения.

Также можно отметить, что в СМИ важно использовать актуальную информацию, приводить данные исследований и опросов, чтобы обеспечить достоверность передаваемой информации. При этом нужно помнить об этичности, не нарушать права и личность людей, учитывать особенности разных возрастных групп и культурных контекстов.

В завершение можно отметить, что профессионализм в использовании медицинских терминов в СМИ является важным условием для обеспечения качественного и эффективного информационного обмена в области медицины.

Кроме того, есть и другие факторы, которые могут влиять на понимание медицинской информации. Например, сложность описываемого заболевания или процедуры, возраст и уровень образования читателя, а также его опыт в области медицины [11, с. 75]. Все это следует учитывать при написании статей и новостей в медицинских изданиях, чтобы информация была доступна и понятна как специалистам, так и широкой аудитории.

Еще один важный момент, который стоит здесь отметить – это контекст, в котором используются медицинские термины. Например, в некоторых случаях одно и то же слово может иметь разные значения в зависимости от контекста [8, с. 147]. Поэтому важно учитывать не только сам термин, но и его связь с описываемым явлением или процедурой.

Также следует помнить, что в медицине постоянно появляются новые технологии и методы лечения, которые могут быть неизвестны обычному человеку. Поэтому журналистам важно не только правильно использовать термины в статьях, но и объяснять их значение и особенности для читателей.

Несмотря на все трудности, правильное использование медицинских терминов в СМИ – это важный аспект информационной грамотности. Современный мир становится все более медицинизированным, и каждый человек должен иметь базовые знания в этой области, чтобы уметь воспринимать и анализировать информацию о своем здоровье.

Кроме того, в медицинских терминах есть много терминов, которые могут вызывать непонимание у неспециалистов [7, с. 1084]. Для того чтобы читатели могли лучше понять медицинские термины, журналистам следует пояснять их значения в тексте статьи. В дополнение к этому, медицинские термины должны быть использованы точно, чтобы не допустить недоразумений и ошибок.

Важным аспектом в использовании медицинских терминов в СМИ является соответствие содержания и формы публикации. Ошибки в использовании терминов могут привести к неправильному пониманию информации и навсегда повлиять на мнение читателей. Журналист должен быть внимательным к деталям и избегать путаницы и неуместных упрощений. Только тогда сообщения о медицинских новостях станут четкими и доступными для всех.

Все вышесказанное говорит о том, что использование медицинских терминов в СМИ требует особой грамотности и квалификации со стороны журналиста. Чтобы грамотно использовать терминологию и передать информацию разным аудиториям, необходимо следить за контекстом, выбором терминов и их употреблением, а также обращаться к специализированным словарям и литературе. Только тогда можно гарантировать правильность и точность сообщения, которое будет понятным всем читателям, независимо от профессионального уровня знаний.

Также в рамках изучения медицинских терминов в английском и русском дискурсе СМИ стоит отметить перевод медицинских терминов в русских и английских СМИ имеет свои особенности. Важнейшая из них – точность перевода. Ведь медицинские термины относятся к области, которая связана с жизнью и здоровьем людей, поэтому дословный перевод может привести к непониманию или неправильному пониманию информации [11, с. 83].

Одной из особенностей перевода медицинских терминов является наличие специальных аббревиатур и сокращений, которые используются в медицинской литературе и журналах. Например, аббревиатура MRI (Magnetic Resonance Imaging) означает метод образования изображений в медицине [10, с. 107].

Кроме того, перевод медицинских терминов может зависеть от того, в какой стране или регионе используется данное понятие [7, с. 1090]. Например, в США такое понятие как "primary care physician" обозначает врача-терапевта, в Британии это термин, который можно использовать для описания разных врачей первичного звена.

Важно учитывать также культурные различия. Некоторые термины могут быть чувствительными для определенных культур и требуют специального перевода и адаптации.

В целом, перевод медицинских терминов требует высокой квалификации переводчика, знания медицинской терминологии и умения работать с контекстом. От точности перевода зависит правильное понимание информации и безопасность здоровья пациентов.

Одна из основных различий в употреблении медицинских терминов в английском и русском медиа дискурсе связана с уровнем технической специализации языка [8, с. 76]. В английском языке медицинские термины используются более часто в повседневной речи, в то время как русский язык предпочитает использовать более простые слова.

Примеры:

1) Опорно-двигательная система (англ. musculoskeletal system): в англоязычных СМИ часто использованный термин для описания системы костей, мышц и связки. В русском языке, вместо этого термина, чаще употребляется слово "скелетно-мышечная система" [4].

2) Пневмония (англ. pneumonia): в англоязычных СМИ это понятие используется часто и прямо, чтобы описать заболевание легких, вызываемое инфекцией или воспалением. В русском языке этот термин используется куда реже, чаще применяются слова "воспаление легких" [5].

3) Аутизм (англ. autism): в англоязычных СМИ этот термин используется для описания психического расстройства, связанного с социальными и коммуникативными трудностями. В русском языке, вместо этого термина, часто используется слово "расстройство аутистического спектра" [4].

В целом, различия в употреблении медицинских терминов в английском и русском медиа дискурсе связаны с техническим уровнем языка и предпочтениям в описании заболеваний и медицинских состояний.

Выводы

Медицинские термины имеют весьма распространенное вхождение в медийный дискурс, т.к. они имеют большое значение для понимания или разъяснения медицинских фактов, недугов, лекарств, диагнозов и т.д.

В русскоязычных СМИ медицинские термины используются часто и широко, поэтому они часто переводятся без особых проблем. Однако, некоторые термины могут иметь разные значения в зависимости от контекста, например: «стационар», может означать как «медицинское учреждение, где оказываются медицинские услуги», так и «пациент, находящийся на длительном лечении в медицинском учреждении», поэтому при переводе необходимо учитывать контекст и полагаться на специалистов, чтобы избежать ошибок.

В англоязычных СМИ тоже используются медицинские термины, но меньшей степени, чем в русскоязычных, т.к. в англоязычных СМИ больше используются простые и понятные термины. Тем не менее, в некоторых случаях используются термины, которые могут быть трудными для понимания широкой аудитории. Поэтому при переводе из английского на русский язык, необходимо найти соответствующие термины из русскоязычных медицинских терминов, которые были бы понятны широкому кругу читателей.

При переводе медицинских терминов на другой язык, необходимо учитывать контекст, специфику медицины и рекомендации профессионалов, чтобы избежать ошибок и обеспечить достаточный уровень понимания у аудитории.

Анализ сообщений медицинского направления в русско- и англоязычном дискурсе СМИ позволил выявить использование похожих или одинаковых терминологических единиц: часть английских терминов при переводе имеет идентичную семантику с русскими лексемами, некоторые языковые элементы имеют несколько переводных вариантов. Безэквивалентных слов в отобранном материале найдено не было.

Литература

1. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2006. № 2. С. 20 – 33.
2. Абрамова Е.С. Массмедийный дискурс: сущность и особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. I. С. 17 – 19.
3. Стернин И.А. К. Флекенштейн Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. Галле: ун-т Мартина Лютера Галле, 1989. 129 с.
4. Словарь медицинских терминов. URL: <https://medicinskie-terminy.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.03.2023)
5. The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 20.04.2023)
6. Арнс У., Бове К. Современная реклама., 1995 С. 7 – 33.
7. Абдуллаева М.Ж., Сабурова Ю.Т., Рахимова З.М. Переводы заимствованных медицинских терминов // Молодой ученый. 2015. №8. С. 1084 – 1087.
8. Зирка В.В. Заимствование в рекламе: мода и информативность. М.: Наука, 2012. С. 130.
9. Иншакова Н.Г. Помощник рекламиста, или Редактор рекламных текстов. М.: МЦФЭР. 2005. С. 288.
10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 150.
11. Соболева Е.Г., Файзулина Д.Р. Иноязычная лексика в рекламном тексте: редакторский аспект // Сборник материалов Международной научной конференции. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2015. С. 66 – 88.

References

1. Dobrosklonskaja T.G. Mediadiskurs kak ob#ekt lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikacii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10, Zhurnalistika. 2006. № 2. S. 20 – 33.
2. Abramova E.S. Massmedijnyj diskurs: sushhnost' i osobennosti. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014. № 12 (42): v 3-h ch. Ch. I. C. 17 – 19.
3. Sternin I.A. K. Flekenshtejn Oчерki po kontrastivnoj leksikologii i frazeologii. Galle: un-t Martina Ljutera Galle, 1989. 129 s.
4. Slovar' medicinskih terminov. URL: <https://medicinskie-terminy.slovaronline.com/> (data obrashhenija: 10.03.2023)
5. The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/> (data obrashhenija: 20.04.2023)
6. Arens U., Bove K. Sovremennaja reklama., 1995 S. 7 – 33.
7. Abdullaeva M.Zh., Saburova Ju.T., Rahimova Z.M. Perevody zaimstvovannyh medicinskih terminov. Molodj uchenyj. 2015. №8. S. 1084 – 1087.
8. Zirka V.V. Zaimstvovanie v reklame: moda i informativnost'. M.: Nauka, 2012. S. 130.
9. Inshakova N.G. Pomoshhnik reklamista, ili Redaktor reklamnyh tekstov. M.: MCFJeR. 2005. S. 288.
10. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M., 1966. S. 150.
11. Soboleva E.G., Fajzulina D.R. Inozazychnaja leksika v reklamnom tekste: redaktorskij aspect. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ekaterinburg: Ural'skij federal'nyj universitet, 2015. S. 66 – 88.

*Daulan M., Postgraduate,
Kazan (Volga Region) Federal University*

Medical terms in media discourse: based on the material of Russian and English media (contrastive aspect)

Abstract: medicine is one of the public spheres that often fall under the "scope" of journalistic interests. Issues related to various problems of "healing" are of great interest to the whole of humanity, scientists, organizations aimed at solving social dilemmas, and the mass media are engaged in solving them. The task of the latter is mainly to cover events in the field of health and medicine. A huge number of messages on this topic were published during the Covid-19 pandemic – the Media Institute assumed the responsibility of distributing information warning citizens about the danger of a new virus.

The object of this study is the Russian- and English-language media discourse covering medical news. The subject is terminological vocabulary in Russian and English medical journalistic notes. The purpose of this work is to conduct a contrastive analysis of the functioning of medical terms in Russian and English media discourse. The relevance of the work is due to 1) the emergence of new lexical tools in the field of medicine, 2) the need for a comparative analysis of the functioning of medical terms in the Russian- and English-language media discourse. The material was news publications in Russian (RIA Novosti) and English (Reuters) online media on the topic of "Medicine", selected by the continuous sampling method.

Keywords: language, English, Russian, linguistic pragmatics, vocabulary, medical terms, text, advertising, mass media, verbalization

For citation: Daulan M. Medical terms in media discourse: based on the material of Russian and English media (contrastive aspect). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 126 – 131.

Received: June 2, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Джаватханова Л.А.,
Дагестанский государственный университет*

Особенности организации пространства в русских бытовых сказках

Аннотация: в представленной статье исследуется статус пространственной лексики в русских бытовых сказках на материале сказок из цикла «Сказки о Шише» Б.В. Шергина. Выявить статус пространственной лексики в русских бытовых сказках – цель данной статьи. В статье представлен пример дефиниционного анализа слова «деревня» в контексте русских бытовых сказок, что помогает понять восприятие пространства носителями языка. Также представлен анализ средств, при помощи которых в сказках выражается концепт «пространство» на лексическом уровне.

В статье было выявлено, что наиболее важным средством выражения пространства в тексте является предложно-падежный показатель. Средствами выражения пространства являются ещё и наречие, предикат и использование придаточного предложения места. В результате исследования было выявлено, что все эти средства помогают не просто определить статус пространственной лексики в бытовой сказке. Используя перечисленные средства выражения пространства, автор в своих исследованиях доказывает, что пространственная лексика, так же как и морфологические и синтаксические средства реализации пространства в сказочном тексте, помогает раскрыть образ главного героя цикла сказок Б.В. Шергина «Сказки о Шише».

Ключевые слова: бытовая сказка, лексика пространственной семантики, условно реальное пространство, средства выражения пространства, способ выражения пространства, сказочное пространство

Для цитирования: Джаватханова Л.А. Особенности организации пространства в русских бытовых сказках // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 132 – 137.

Поступила в редакцию: 07 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

В основе бытовых сказок лежит народный повседневный быт. В бытовой сказке события всегда разворачиваются в одном пространстве – условно реальном. Однако события эти невероятны: цыган с чёртом поспорил, кто кого съест («Цыган и черт»); поп хоронит «православного» козла по-христиански («Похороны козла»); барыня приказывает кучеру сесть в лукошко и сорок чёрных цыплят вывести («Глупая барыня»). Из-за невероятности событий бытовые сказки являются сказками, а не простыми житейскими историями. Необычность описания определённого географического места в сказке заключается в том, что в любой сказке пространство отличается от реального (физического) пространства. Сказочные герои легко преодолевают пространство. Вмиг герой сказки может оказаться за тысячи миль от места пребывания. При этом герой сказки может оказаться как в подземелье, так и на небесах; как в реальном пространстве (лес, горы, пещера, море и т.д.), так и в нереальном пространстве (подземелье, тридесятое государство, в параллельном мире).

На необычность сказочного пространства обращали внимание многие исследователи сказок, в том числе и бытовых. Так, Владимир Яковлевич Пропп – известный отечественный филолог, занимавшийся исследованием именно композиционных особенностей сказок, придерживался мнения, что в сказке пространство является основным элементом композиции сказки. Такое мнение сложилось у исследователя, поскольку действия героя в сказке разворачиваются именно в пределах определённого пространства [5].

Как известно, пространство в реальном (физическом) может существовать только во времени, поэтому в современной лингвистике понятия «пространство» и «время» рассматриваются в тесной связи [1]. Проблеме места пространства в художественной картине мира поднимает в своей работе и С.Б. Аюпова, которая выделяет следующие особенности художественного пространства:

- 1) пространство неотъемлемо от времени и движения материи;
- 2) пространство зависит от процессов развития материальных систем;
- 3) пространство имеет протяжённость (объём, точка, сегмент, возможность добавления новых элементов или, наоборот, их сокращение);
- 4) связность – в пространстве отсутствуют абсолютные разрывы и нарушения расстояния между материями;
- 5) относительный разрыв (самостоятельное существование объектов, которые обладают определёнными границами или размерами) [3].

На материале бытовых сказок из цикла «Сказки о Шише» Б.В. Шергина: «Наш пострел везде поспел», «Доход не живёт без хлопот», «Шиш показывает барину нужду», «Шиш и трактирщица», «Рифмы», «Шиш сказочник» можно подробно рассмотреть языковые средства, с помощью которых выражается пространство в бытовых сказках. В списке средств, с помощью которых в языке выражается пространство, особое место занимает актуализация пространства на лексическом уровне с помощью слов со значением пространства.

Большинство лексических единиц со значением пространства отражает видение мира простого народа, который в повседневной жизни общается на этом языке. Как отмечает Б.В. Шергин: «Слово в процессе своего функционирования приобретает культурно-национальные коннотации, показывает мировоззренческие представления народа. В значении слова присутствуют компоненты, обусловленные бытийным опытом нации. Культурологический компонент значения слова содержит в себе культурную и духовно-материальную память народа» [3, с. 2].

На это указывают также З.М. Маллаева и З.Г. Мамаева, исследуя особенности концептуализация пространства в английском сказочном дискурсе в сравнении с русским сказочным дискурсом [4]. Авторы данной статьи рассматривают пространство наряду со временем в качестве обязательных структурных компонентов любого сказочного дискурса. С точки зрения пространственной локализации окружающей героев сказки мир мыслится в пространственном противопоставлении своего чужого мира. Как указывают З.М. Маллаева и З.Г. Мамаева: «Безусловно, в каждой сказке есть та или иная граница между своим и чужим миром, однако граница эта весьма зыбкая и география этих миров довольно неопределенна. «Свой» мир героя сказки локализуется в нем самом, «чужой» мир может быть локализован по вертикали: вверху (горы, скалы), внизу (в ущелье, в пещере), по горизонтали: далеко (не знаю где), очень далеко (тридевятое царство). И путь к чужому миру, как правило, не известен. Герой русской сказки ориентируется в пространстве исключительно, опираясь на свою интуицию (идет «куда глаза глядят»)» [4, с. 74].

Если использовать лингвистический и культурологический подходы изучения понятия «пространство», то можно рассмотреть лингвистические единицы с целью выявления информации, зашифрованной в значении слова. Для выражения сказочного пространства чаще всего употребляется лексика пространственной семантики. Поэтому мы в данной статье даём дефиниционный анализ пространственной лексики. Одноступенчатый дефиниционный анализ выявляет лексические единицы со статусом ядерного компонента у лексем с семой пространства. Обычно он используется в словарном толковании при помощи прилагательных, имеющих пространственное значение какого-либо предмета; при помощи наречий и предлогов, имеющих пространственное значение: указывают на расположение предметов или задают дистанцию. Также сюда входят также существительные с пространственным значением и прилагательные со значением пространства в сочетании с существительными.

Многоступенчатый анализ определения слова, т.е. концептуальный анализ, помогает понять восприятие пространства носителем языка, т.е. человеком, как носителя культуры, которая отражается в лексических единицах.

Рассмотрим пример использования анализа дефиниции слова в контексте на примере описания культурного компонента слова *деревня*. Согласно толкованию этого слова в словаре, можно сказать, что оно обладает пространственной семантикой. Одно из значений: «*небольшое крестьянское селение*» (из словаря С.И. Ожегова). В этом же значении это слово используется и в русских бытовых сказках: «*Жил-был в одной деревне мужик Иван*» («Чудесные лапти»); «*Дошёл до деревни, постучал в крайнюю избу...*» («Каша из топора»); «*Призывает он самого бедного мужика из деревни и говорит ему...*» («Чего на свете не бывает»). В контекстном значении этого слова есть пространственная семантика – «*небольшое селение, населённый пункт*». Однако значение слова не ограничивается этим. Также это слово обладает культурной информацией. Анализ может подвергаться не только слово *деревня*, но и всё лексико-семантическое поле этого слова. Это такие слова, как *селение, село, изба, избушка* и др.

Часто в бытовых сказках встречаются слова, передающие семантику пространства, такие как:

село: «*Жили в одном селе старик да старуха, бедные-пребедные, и был у них сын Иванушка*» («Пастушья дудочка»);

изба, избушка: «*Всю деревню обошел, никого в избах нету*» («Цыган и чёрт»); «*Жили-были в старой избушке старик со своей старухой*» («Самое дорогое»).

В русской избе всегда есть русская *печка*. Поэтому слово *печка* тоже можно включить в лексико-семантическую группу слова *деревня*. Даже можно заметить последовательную цепь использования этих слов в сказке. Например, в сказке «Чёрт и цыган»: «*На краю деревни маленькая избушка стояла, цыган в нее зашел. Видит: на печке старик со старухой сидят, от страха дрожат, скукурючились*».

В результате дефиниционного анализа слова *деревня* в контексте русских бытовых сказок, можно сделать вывод, что чаще всего это слово имеет значение «*небольшое крестьянское селение*», «*пространство, выстроенное подобно внешнему миру, имеющее свои внутренние и внешние границы*». Чаще слово *деревня* или слова из этого лексико-семантического поля используются в зачине сказок, как мы видим в приведенных выше примерах.

В лексическом значении этого слова заложено гораздо больше культурной информации. При контекстуальном анализе слова в других контекстах можно выявить слова с другой культурной информацией существительного *деревня*.

При анализе лексики с пространственным значением можно использовать такое понятие, как «*локативная ситуация*». А.В. Бондаренко «*локативной ситуацией*» называет «*выражаемую различными средствами типовую содержательную структуру, базирующуюся на функционально-семантической категории и поле локативности представляющей собой тот аспект обозначаемой общей ситуации, который заключается в выражении пространственных отношений*».

В своей книге А.В. Бондарко [2] выделил несколько локативных ситуаций:

- перемещение / местонахождение;
- независимое действие / зависимое действие;
- действие приближения / удаления.

В сказочном дискурсе локативность (пространственность) выражается не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне языка с помощью следующих специализированных средств:

- придаточные места в сложноподчинённых предложениях;
- наречия и предложно-падежные показатели в сочетании с предикатами, имеющими значение пространства.

Однако наиболее важным способом выражения пространства в любом тексте является именно предложно-падежный показатель. Традиционно все предлоги делятся на простые и составные. Простые предлоги немногочисленны, строгой системы не образуют. Составные предлоги (рядом *с*, *вблизи от*, *сбоку от* и др.), сложные предлоги (*из-за*, *из-под*), а также предлоги, производные от наречий (*мимо*, *вблизи*, *вокруг*, *около* и др.), восполняют недостатки системы разделения предлогов. И именно эти последние две группы предлогов и позволяют бесконечно дифференцировать пространственные отношения в словосочетаниях. Пространство в них выражается именно лексическим значением предлога как отдельного слова.

Пространственные отношения совместно с предлогами выражают еще и падежные формы имени, самостоятельно указывая на пространственные отношения предметов (например, Тв.п.: *ехать по полю*, *идти лесом*). Часто падежные формы используются в сочетании с предлогом, уточняя его значение. Так, например, предлоги *на*, *в*, *за*, *под* с винительным падежом могут указывать на перемещение (*ехать на бал*, *направлять в лес*, *залезть под стол*, *выйти за границу*). А вот те же предлоги в сочетании с творительным или предложным падежом могут указывать на местонахождение (*на столе*, *за лесом*); или возможны случаи, где падежная форма существительного только сопровождает определённый предлог (*к лесу*, *от леса*). Возможно пространственное значение и в сочетании предлога *к* с существительным в дательном падеже, которое выражает направленность или адресованность (*прийти к другу*, *обратиться к прохожему*). А в остальных случаях форма падежа выполняет лишь формальную функцию, только дублируя предлоги.

Пространственная семантика в сказочном дискурсе также выражается и посредством наречия места. Наречия используются для обозначения локализации и ориентации, и могут выполнять двоякую роль: 1) уточняют локализацию, выраженную существительным («*А Анютка знай поливает горошину, благо речка близко*»); 2) в случае, когда нет выраженного словесно локализатора, локализует предметы в пространстве. Это возможно в том случае, если говорящему незнаком локализатор или он выражается неопределённо. Возможна также и другая ситуация, когда говорящему, наоборот, локализатор известен и тем самым словесно не обозначается.

Можно выделить 4 группы наречий места, в зависимости от того, какая именно пространственная семантика ими выражается: 1) абстрактные или неопределённые наречия (*везде*, *всюду*, *где-то*, *куда-то* и др.), которые указывают на неопределённость локализации; 2) дейктические или указательные наречия (*тут*, *там*, *оттуда*, *здесь* и др.), которые не дают определённых пространственных ориентиров конкретного события или действия, а только указывают по отношению к участнику коммуникации; 3) оценочные наречия (*далеко*, *вблизи*, *рядом*, *близко* и др.), которые выражают расстояние относительного какого-то предмета; 4) относительные наречия (*слева*, *справа*, *направо*, *налево*, *впереди*, *сзади* и др.), которые обозначают место по отношению к конкретному уже известному объекту.

Не менее важную роль для выражения пространственных отношений в сказочном дискурсе играет и **предикат**. Чаще всего он встречается в текстах в сочетании с вышперечисленными наречиями места и

предложно-падежными показателями. Обычно глаголы помогают выражать местонахождение определённого предмета в пространстве или же его перемещение в пространстве. В зависимости от того, каков характер выражения пространства у глаголов, их можно разделить на следующие группы: это, в первую очередь, так называемые глаголы пространственного положения предмета (основа таких глаголов уже выражает пространственное отношение): *стоять, лежать, висеть, вытянуться, расстилаться, возвышаться* и др.; следующими являются глаголы движения, которые обозначают перемещение субъекта или объекта в пространстве: *идти, бежать, ехать, ползти* и др.; отдельно от глаголов движения еще выделяют глаголы перемещения, так как они могут соотноситься как с глаголами покоя, так и с глаголами движения (*двигать, катить, носить, тянуть* и др.), «они называют действия, в результате которых предметы меняют своё место в пространстве или же приводятся в определённые состояния»; ещё одну группу представляют глаголы «динамического состояния», когда предмет не находится в состоянии покоя, но и не движется в пространстве: *дрожать, скакать, вращаться, трястись* и др.

Часто в сказочном дискурсе применяется еще один способ выражения пространства – это использование придаточного предложения места, например: *Вернулся туда, откуда пришёл*. Относительные местоимённые наречия места могут употребляться в условиях анафоры: *Поди туда, не знаю куда*. Наречие находится перед описательным наименованием места, при этом пространственное отношение выражается целой предикативной структурой.

В анализируемых нами бытовых сказках было найдено лишь несколько сложноподчинённых предложений с придаточным места:

«На ночь мокнуть неохота, Шиш и сунулся в боковую тропиночку, в дебрь, где бы лесину, ель погуще найти» («Доход не живёт без хлопот»).

«Нужда – она вон где: вправо, четвёртая горочка слева, куда галка полетела...» («Шиш показывает барину нужду»).

Мы рассмотрели специализированные средства выражения пространственной семантики в сказочном дискурсе. Выражение пространства является первичной их функцией.

В цикле сказок о Шише герой обычно путешествует. В первых двух сказках он живёт в доме с отцом и братьями, а в остальных: то в трактир заходит, то в огороде жердь выдернуть пытается, то в город едет, то в деревню приходит и в избу стучится, впустить просит. Так, локализаторов несколько: *дом, огород, лес, поле, трактир, город, деревня, изба*. Местонахождение Шиша описывается глаголами *поедет, забрёл, выскочил, пошёл, идёт*, а также существительными в предложном падеже в сочетании с предлогами *в, на*: *«По свету гуляючи, забрел Шиш в трактир пообедать...»*; *«Выскочил Шиш однажды на улицу, выдернул жердь из огорода и стал рубить»*; *«Шиш по своим делам в город пошел»*; *«Шиш в один дом постучался – не открывают»*.

Итак, Шиш в каждой сказке оказывается в разных местах. Он постоянно перемещается в пространстве. Если в сказке «Наш пострел везде поспел» он живёт в доме с отцом и братьями, то в следующей сказке «Доход не живёт без хлопот» его братья уже выдворили отца из дома:

«А Шишу дали коровку ростом с кошку, удою с ложку: – Вот это тебе, братец, наделок. И вообще – люби нас, ходи мимо».

Дальше пространство вокруг героя постоянно меняется. В сказке «Шиш и трактирщица», проходивший мимо трактира герой заходит пообедать. Подразнивая голодного Шиша, трактирщица даже говорит, словно намекая на его постоянные путешествия:

«Ты, – говорит, – молодой человек, везде, чай, бывал, много народу видал, не захаживал ли ты в Печной уезд, в село Сквородкино, не знавал ли господина Гусева-Жареного?». Перехитрив хозяйку и забрав из печи гуся, наш герой «укатил» дальше: *«Вскинул Шиш сумку на плечо и укатил с гусем»*.

Локализаторы пространства в сказках о Шише являются основными элементами выявления характера героя. Ведь по мере его перемещения в пространстве все больше раскрывается его характер. В каждой сказке, при каждом его перемещении мы все больше узнаем о нём. В следующей сказке «Шиш показывает барину нужду» тоже наш герой не только сам перемещается в пространстве, но и других героев сказки (барина и барыню) он заставил поехать в лес со словами, что там «нужда рубит»: *«Где? В чистом поле, под горкой»*. Шиш садится в сани к супругам и едет с ними: *«Ехал, ехал, дале надоело»*, *«вправо, четвёрта горочка слева, куда галка полетела...»*. А сам сидит, ждёт. Как только хозяева покинули сани, тут Шиш и убежал с их конями: *«Тройку выпряг, на коренника сел да с конями в свою деревню ускакал»*. Так Шиш нужду им показал. В этой сказке локализаторами выступают и наречия, выражающие пространственные отношения. Это наречия: выражающее неопределённость – *нигде*; действительное – *туда*; оценочные – *милко, дальше, пешком, вдаль*; относительные – *вправо, слева, сбоку*.

В другой сказке «Рифмы» Шиш направляется в город: *«Впереди едет дядька на лошади. Шиш устал, ему хочется на лошадке подъехать»*. Зовёт он дядьку, тот предлагает подвезти. Однако «Шиш молча сидеть не может. Он только тогда молчит, когда спит». Всю дорогу он дразнит дядьку, слагает разные рифмы, подшучивая при этом над ним. Но когда дядька начинает слагать рифмы о Шише, то снова Шиша отправляют в движение в пространстве:

«Если ты Федя, то поймай в лесу медведя. На медведе поезжай, а с моей лошади слезай»;
«Если ты Степан, то садись на аэроплан. На аэроплане и летай, а с моей лошади слезай».

Так он Шиша и высадил снова на дороге, за то, что тот всякие пустяки говорил. Локализатором пространства здесь выступают предложно-падежные показатели и предикаты.

В следующей сказке снова герой оказывается в другом пространстве: *по дороге, в дом, в избу, среди избы, на лавке, на печку, на полу, из дома*; предикатов *постучался, стучится, поколотился, зашёл, поставили, сиди рассказывай, постелился, залезла, схватил, бежал*; а также наречий *где-то, бегом*.

«По дороге деревня. Надо где-то переночевать. Шиш в один дом постучался – не открывают. В другой дом поколотился – не пускают. Шиш в третью избу стучится...». Впустил его хозяин с условием, что тот всю ночь сказки сказывать будет. Шиш и согласился: *«Зашёл в избу»*. Здесь интересно расположение героев сказки в пространстве. Шиш в роли рассказчика сказок в центре комнаты: *«А Шишу, извольте радоваться, поставили среди избы стул – сиди рассказывай всю ночь...»*. Другие герои расположились кругом: *«Хозяин постелился на лавке; хозяйка залезла на печку; работник ихний на полу»*. Шиш пытается схитрить, чтобы сказки не рассказывать, и повторяет одну фразу: *«Как у вас на селе мужики поголовно все дураки...»*. Только хозяин с хозяйкой и работник перехитрили героя, тоже повторяя одну и ту же фразу. Да, так, что как только Шиш увидел свет за окном, то *«...схватил шапку, да бегом из этого дома. Часа два без оглядки бежал»*.

В сказках Бориса Шергина главный герой Шиш показан как озорной, непослушный, «саврас без узды», однако смекалистый и находчивый. Интересно то, что на Руси раньше шишами называли бродяг, беглых холопов. Шиш похож на крестьянина из народных бытовых сказок, а также на Иванушку-дурачка. Как и солдат в народных сказках, он храбрый и находчивый, и в то же время трудолюбивый, как крестьянин. А на Иванушку-дурачка он похож тем, что тоже не является таким дураком, как кажется. Он ловок и умён, в дураках оставляет тех, кто пытается его обмануть. Однако если герой волшебных сказок побеждает зло волшебными силами, то Шишу приходится расплачиваться за свои проделки.

Каждая сказка из цикла – не просто смешная история о Шише, а последовательный рассказ о взрослении Шиша и становлении его характера. Лексика с пространственным значением выступает в качестве основного элемента характеристики героя и становления его личности. С каждым новым местом Шиш меняется, он взрослеет. Каждое новое путешествие, знакомство с людьми – опыт и урок для героя.

Анализируя языковые средства, выражающие пространственную семантику в бытовых сказках, мы попытались проследить, как перечисленные выше средства помогают раскрыть образ героя русских бытовых сказок, а именно на примере серии бытовых сказок Бориса Шергина «Сказки о Шише».

Пространственная лексика, также как и морфологические и синтаксические средства реализации пространственной семантики, оказывают большое влияние на характеристику героя бытовой сказки и создания портрета героя. То как меняется характер героя в сказках о Шише показано именно благодаря локативности. Языковые средства реализации пространственной семантики помогают создать портрет героя сказки.

Литература

1. Аюпова С.Б. Категория пространства в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева). Уфа: Башкирский гос. пед. университет, 2011. 224 с.
2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Локативность, Бытийность. Посессивность. Обусловленность / под ред. А.В. Бондаренко. СПб.: Наука, 1996. С. 5 – 51.
3. Маллаева З.М. Сопряженность пространства и времени в языковой картине мира // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: Материалы VI Международной научной конференции. Майкоп, 2008. С. 58 – 67.
4. Маллаева З.М., Мамаева З.Г. Концептуализация пространства в английском сказочном дискурсе (в сравнении с русским сказочным дискурсом) // Вестник Дагестанского научного центра. Махачкала, 2021. № 81. С. 74 – 78.
5. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.
6. Шергин Б.В. Сказки о Шише. М.: Изд.: Детская литература, 1989. 24 с.

References

1. Ajupova S.B. Kategorija prostranstva v jazykovej hudozhestvennoj kartine mira (na materiale prozy I.S. Turgeneva). Ufa: Bashkirskij gos. ped. universitet, 2011. 224 s.
2. Bondarko A.V. Teorija funkcional'noj grammatiki. Lokativnost', Bytijnost'. Posecsivnost'. Obuslovlennost'. pod red. A.V. Bondarenko. SPb.: Nauka, 1996. S. 5 – 51.
3. Mallaeva Z.M. Soprzjazhennost' prostranstva i vremeni v jazykovej kartine mira. Aktual'nye problemy obshhej i adygskoj filologii: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Maj-kop, 2008. S. 58 – 67.
4. Mallaeva Z.M., Mamaeva Z.G. Konceptualizacija prostranstva v anglijskom skazochnom diskurse (v sravnenii s russkim skazochnym diskursom). Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra. Mahachkala, 2021. № 81. S. 74 – 78.
5. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. L.: Izd-vo LGU, 1986. 364 s.
6. Shergin B.V. Skazki o Shishe. M.: Izd.: Detskaja literatura, 1989. 24 s.

*Dzhavatkhanova L.A.,
Dagestan State University*

The features of space organization in Russian household fairy tales

Abstract: the study researches the status of spatial vocabulary in Russian household fairy tales on the basis of household fairy tales from the series “Tales about Shisha” by B.V. Shergin. The article aims to reveal the status of spatial vocabulary in Russian household fairy tales. The article presents an example of a definitional analysis of the word "village" in the context of Russian household fairy tales, which helps to understand the perception of space by native speakers. Also presented is an analysis of the means by which the concept of "space" is expressed in fairy tales at the lexical level.

The article revealed that the most important means of expressing space in the text is the prepositional case indicator. The means of expressing space are also the adverb, the predicate, and the use of the adjective of place. As a result of the study, it was found that all these means help not just to determine the status of the spatial vocabulary in the domestic tale. Using the above means of expressing space, the author in his research proves that the spatial vocabulary, as well as morphological and syntactic means of realizing space in the fairy tale text, helps to reveal the image of the main character of the cycle of stories by B.V. Shergin "Tales of Shish".

Keywords: household fairy tale, vocabulary of spatial semantics, conventionally real space, means of expressing space, way of expressing space, fabulous space

For citation: Dzhavatkhanova L.A. The features of space organization in Russian household fairy tales. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 132 – 137.

Received: June 7, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Дворак Е.В., кандидат педагогических наук, доцент,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации*

К вопросу о семантической транспарентности (на материале современных англоязычных СМИ)

Аннотация: в статье рассматриваются языковые способы интерпретации идентичных политических событий, на базе современных американских и европейских средств массовой информации.

Данный анализ основывается на принципе семантической «транспарентности». Под семантической транспарентностью авторы понимают категорию, позволяющую однозначным образом соотнести высказывание с описываемой им ситуацией, что позволяет осуществить семантическую интерпретацию слова с наименьшим искажением его исходного значения.

Научная новизна заключается в том, что авторам удалось проанализировать и выявить двойственного характера отображения идентичных политических реалий, представленных в зарубежных СМИ. Анализ источников выявил манипуляторный потенциал использования различных языковых средств и позволил сделать вывод о том, что семантическая транспарентность одного и того же термина, используемого для репрезентации идентичных политических реалий, оформляется различными языковыми средствами для достижения конкретных политических целей.

Материалом для данного исследования послужили онлайн-версии британских и американских газет и публичные выступления ведущих зарубежных политических деятелей за последние 8 лет, что позволяет представить полную картину изучаемого явления в определенном временном срезе.

Основные методы исследования: контекстуальный анализ текста, контент-анализ, интерпретативный метод, описательный метод, метод обобщения и сопоставления.

Ключевые слова: семантическая транспарентность, прозрачность, эвфемизмы, манипуляция сознанием

Для цитирования Дворак Е.В. К вопросу о семантической транспарентности (на материале современных англоязычных СМИ) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 138 – 142.

Поступила в редакцию: 6 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Человечество на протяжении многих столетий задавалось вопросом определения и выстраивания оптимальных стратегий осуществления эффективного речевого взаимодействия, задаваясь вопросом: чем руководствуются люди, используя ту или иную линию поведения, какая коммуникативная траектория или речевой паттерн являются наиболее выигрышными в достижении конкретной цели. Говоря о силе слова, греческий философ-софист Горгий еще в V веке до нашей эры писал, что «слово есть великий властелин, который, обладая малым и совершенно незаменимым телом, совершает чудеснейшие дела...» [5, с. 258].

Фокус внимания в настоящей статье обращен к категории семантической «транспарентности» языковых средств, используемых политическими деятелями в своих публичных выступлениях. Понятие «семантическая транспарентность» или «семантическая прозрачность» в последнее время довольно часто встречается в лингвистической литературе, однако природа «семантической прозрачности», на наш взгляд, еще недостаточно изучена.

Слово «транспарентность» произошло от лат. Trans – прозрачный, насквозь + pareo – быть очевидным и означает прозрачность, понятность, честность и доступность любой информации [6]. В лингвистической морфологии термин «семантическая прозрачность» используется для описания того, насколько прозрачен конечный продукт морфологического процесса по отношению к своему значению [15]. Например, Zwitserlood [15, р. 344] считает, что сложное слово считается семантически прозрачным, если его значение просто «синхронно связано со значением составляющих его слов». В данном исследовании семантическая транспарентность рассматривают как категорию, позволяющую однозначным образом соотнести высказывание с описываемой им ситуацией, что позволяет осуществить семантическую интерпретацию слова с наименьшим искажением его исходного значения.

Материалом для данного исследования послужили онлайн-версии британских и американских газет и публичные выступления ведущих зарубежных политических деятелей за последние 8 лет с 2014-2023гг, что позволяет представить полную картину изучаемого явления в определенном временном срезе.

Политический текст исследовался многими лингвистами: Э.В. Будаевым, А.П. Чудиновым, Е.И. Шейгал и др. Он представляет собой сложный феномен, включающий целый ряд параметров и характеристик и уже

довольно хорошо изучен как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Его главная особенность заключается в артикуляции волеизъявления автора, а «формируемый текст обладает определенной логической, семантической, синтаксической структурой, а также фонетическими характеристиками, позволяющими достигать искомого прагматического воздействия на целевую аудиторию» [3].

В своей публичной речи политики и дипломаты используют разнообразные лингвистические приемы для освещения текущих политических реалий. Нередко им приходится камуфлировать свои высказывания о тех или иных политических событиях более нейтральными выражениями или открыто жонглировать словами с целью фальсификации или сокрытия определенных фактов современной действительности. При обсуждении неприятных реалий повседневной жизни, а также для придания своему высказыванию некой толерантности и нейтральности авторы высказываний используют эвфемизмы. «Эвфемизм» произошло от греч. *eu* хорошо + *phemi* – говорю. Другими словами, эвфемизмы – это эмоционально-нейтральные слова и выражения, которые употребляются вместо синонимичных им слов или выражений, кажущихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными [7]. Примерами таких слов и выражений в русском языке может быть употребление слова «пожилой» вместо «старый», «уклониться от истины» вместо «соврать». Высокая частотность употребления эвфемизмов в масс-медийных текстах нередко объясняют сложностью внешнеполитических отношений.

С началом специальной военной операции (далее СВО), проводимой Россией на территории Украины, употреблением эвфемизмов в публичных высказываниях политиков из разных стран значительно увеличилось. Однако их роль заключается уже не в простом камуфлировании существующих реалий или вуалировании неприятных фактов повседневной действительности, а в явной дезинформации читателей и слушателей. Именно в этом контексте анализ семантической «транспарентности» эвфемизмов, используемых политиками и журналистами, становится наиболее интересным. Так, М.Л. Ковшова полагает, что «лживость и обман присущи любой государственной машине ввиду неблагоприятной деятельности, осуществляемой государством любой политической системы в отношении своих граждан или другого государства в силу объективных политических, экономических, военно-стратегических причин» [4].

Проведенный в ходе исследования контекстуальный и интерпретативный анализ лексических единиц выявил, что синонимом термина «гуманитарная помощь» в ряде зарубежных интернет изданий употребляется термин «гуманитарная миссия» западных стран. В толковых словарях «гуманитарная помощь», понимается как непосредственная помощь странам и народам, пострадавшим от природных катаклизмов или военных действий, цель которой состоит в решении конкретных задач, а именно: в сохранении жизни на планете Земля, в создании благоприятных условий для обеспечения достойного образа жизни человека, в борьбе с голодом и болезнями и т.д. Однако в информационных источниках, транслирующих речь европейских и американских политиков, эвфемизм «гуманитарная миссия» употребляется, когда речь идет не о поставках продовольствия или медикаментов пострадавшим странам и народам, а о поставках летального оружия, способного уничтожить сотни мирных жителей, проживающих не только на территориях, относящихся к зоне проведения СВО, но и других стран. В данном примере, говоря о транспарентности эвфемизма «гуманитарная миссия», мы видим, что исследуемая дефиниция не имеет ничего общего «с помощью и сотрудничеством». В этом случае наблюдается явное манипулирование сознанием и явный обман с целью оправдания поставок смертоносного оружия на территорию стороннего государства.

Анализ публичных выступлений государственного секретаря США Энтони Дж. Блинкена представил особый интерес для данного исследования. Комментируя разрушения Хиросимы и Нагасаки, Энтони Блинкен назвал их «беспрецедентными» и уточнил, что «We, the Group of Seven countries (G7), remain committed to maintaining and enhancing disarmament and non-proliferation efforts in order to build a more stable and secure world» – «Страны G7 остаются приверженными повышению усилий по разоружению с целью построения более безопасного мира» [9]. Словарное значение слова «беспрецедентный» означает «не имеющий прецедента в прошлом», «невиданный» и «небывалый» [7]. Из уст государственного секретаря страны, которая на протяжении почти ста лет проводила бомбежки более двух десятков стран, включая Вьетнам, Ирак, Афганистан, Сирию и т.д., данный термин звучит фальшиво и неуместно, тем более, что сами США и повинны в «беспрецедентных» разрушениях Хиросимы и Нагасаки. В данном примере речь идет не только о жонглировании историческими фактами, манипулировании сознанием читателей, но и сокрытии истинных виновников данной трагедии. Использование госсекретарем США термина «беспрецедентные» в своем заявлении – это уход от прямой номинации объекта виновного в бомбардировке японских городов, уход от ответственности и речевая манипуляция, позволяющая избежать разъяснений конкретных действий.

Проведенный анализ также выявил тот факт, что не редко политические деятели и журналисты в своей речи используют тактику, направленную на очернение политики других стран. Так в своем выступлении для прессы тот же политический деятель (Энтони Дж. Блинкен) акцентировал внимание слушателей на

«незаконном и неспровоцированном вторжении Российской Федерации в Украину» – «the Russian Federation's unlawful and unprovoked invasion of Ukraine» [10]. Говоря о военном конфликте на Украине, он также использует термин «Russia's war in Ukraine» – т.е. «война России в Украине». В статье в *The New York Times* можно встретить следующую трактовку происходящих на территории Украины событий: «A year of bitter and bloody war in Ukraine has devastated the country...» – «Год ожесточенной и кровавой войны на Украине опустошил страну...». Это не просто речевое манипулирование и намеренное создание из России образа «кровавого» и «беспощадного» врага, в данном случае это способ можно трактовать как способ проявления речевой агрессии [11].

Особый интерес для данного исследования представлял анализ языковых средств, используемых для номинации аналогичных действий США в отношении других стран. Описывая военные действия США на территориях других государств, начиная со времен Вьетнамской войны, западная пресса предпочитает использовать эвфемизмы, с целью нивелировать агрессивных военных действий США. Так, в публикациях западной прессы агрессивная военная терминология прикрывается семантически нейтральными эвфемизмами, такими как: «appeasement» и «enemy neutralization» (умиротворение и нейтрализация противника) – представляют собой более нейтральный способ косвенной номинации слова «убивать» [12]; «conflict», «involvement» – «конфликт» или «участие в военных действиях», которыми заменяется слово «война»; «pacification» – «подавление, усмирение» вместо «suppression of military resistance» – означающего «уничтожение военного сопротивления»; «collateral damage» – «сопутствующий ущерб» для сокрытия фактов о смерти мирного населения, в результате бомбардировок США таких стран как Лаос, Вьетнам, Камбоджа и других стран [1]. Приведенные примеры иллюстрирует тот факт, что для создания значительного манипуляторного эффекта, «очернения» образа конкурента пресса использует глаголы с «осуждающей» семантикой, а также слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность, а для оправдания военной агрессии США и других стран, политические деятели и журналисты используют эвфемизмы, которыми заменяют табуированные, т.е. запрещенные к использованию понятия. Этот факт указывает на двойные стандарты в оценке однотипных действий различных политических субъектов. А анализ дефиниции, позволил сделать вывод о том, что «прозрачность» и «очевидность» одного и того же термина, используемого для репрезентации идентичных понятий, оформляется различными языковыми средствами.

Нередко, для описаний понятий, связанных с деятельностью своих политических оппонентов, зарубежные СМИ используют дисфемизмы – грубые и непристойные обозначения изначально нейтральных понятий с целью придания им негативной смысловой нагрузки для усиления экспрессивности речи, с целью актуализации политической напряженности, подрыва общих правил коммуникативного комфорта и придания высказыванию большей колоритности и экспрессивности.

С этой целью Джо Байден нередко использует в своей публичной речи эмоционально-экспрессивные слова и выражения, а также конструкции с отрицательной оценкой упоминая о главах других государств. Анализируя один из таких примеров отметим, что в своей статье журналист пояснил, что «Biden believes Putin is a killer, vows Russian leader 'will pay a price' for trying to help Trump win the election» – «Байден считает Путина убийцей и клянется, что российский лидер «заплатит цену» за попытку помочь Трампу победить на выборах» [13]. Данный пример иллюстрирует тот факт, что для англоязычных СМИ свойственна ориентация не на очевидность, а на внушение, запугивание и создание «образа врага», а основным «инструментом воздействия» становятся психологически точно выверенные апелляции, направленные на эмоциональную сферу адресата [8], то есть речевое манипулирование, а не логика и правдивость высказывания. По мнению О.Н. Завьяловой, речевое манипулирование является одной из форм проявления речевого насилия, характерными признаками которого являются не аргументированность оценок и суждений; а использование предвзятых категоричных формулировок, ссылки на недостоверную или непроверенную информацию вместо подкрепления заявлений логически и фактически обоснованными аргументами; однобокая и тенденциозная интерпретация фактов; доминирование в речи оценочных и императивных реплик [2].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что современные политические заявления европейских и американских политических деятелей и журналистов не подразумевают ясность, логичность, доступность и правдивость их высказываний. Анализ источников выявил манипуляторный потенциал использования различных языковых средств и позволил сделать вывод о том, что семантическая транспарентность одного и того же термина, используемого для репрезентации идентичных политических реалий, оформляется различными языковыми средствами для достижения конкретных политических целей.

Литература

1. Грачев Д.Ю. Эвфемизмы в речи политиков и дипломатов (на примере английского и французского языков) // Материалы III Международного конкурса научно-исследовательских и творческих работ учащихся "Старт в науке". URL: <https://school-science.ru/3/3/32234>
2. Завьялова, О.Н. Речевое или языковое манипулирование. URL: <http://iamruss.ru/rechevovoe-ili-yazykovoe-manipulirovanie/>
3. Катинская М.В, Замятина А.В. К вопросу о комплексном подходе к изучению политической публичной речи // Вестник КГУ №3, 2017. С. 160.
4. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь русских эвфемизмов. М., 2007.
5. Кузнецов И.Н. Риторика или Ораторское искусство: учеб. пособие для студентов вузов / Автор-сост. И.Н. Кузнецов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 431 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.И. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия. 1990. 685 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН, Ин-т рус. яз., Рос-сийский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. 907 с.
8. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Моно-графия / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. 294 с.
9. Anthony Blinken, in a statement about Hiroshima and Nagasaki, did not make any apology URL: <https://apa.az/en/america/anthony-blinken-in-a-statement-about-hiroshima-and-nagasaki-did-not-make-any-apology-401206>
10. Curbing Russia's Efforts to Evade Sanctions. URL: <https://it.usembassy.gov/curbing-russias-efforts-to-evade-sanctions/>
11. Russia-Ukraine War. URL: <https://www.nytimes.com/news-event/ukraine-russia>
12. Military hapkido enemy neutralization. URL: <https://www.amazon.com/Military-Hapkido-Enemy-Neutralization-Michalik/dp/1312604034>
13. Biden believes Putin is a killer, vows Russian leader 'will pay a price' for trying to help Trump win the elec-tion URL: <https://www.cnbc.com/2021/03/17/biden-says-putin-is-a-killer-will-pay-for-trying-to-help-trump-win-election.html>
14. Modelling semantic transparency. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11525-016-9286-3>
15. Zwitserlood P. The role of semantic transparency in the processing and representation of Dutch compounds // Language and Cognitive Processes. 1994. № 9 (3). P. 341 – 368.

References

1. Grachev D.Ju. Jevfemizmy v rechi politikov i diplomatov (na primere anglijskogo i francuzskogo jazykov). Materialy III Mezhdunarodnogo konkursa nauchno-issledovatel'skih i tvorcheskih rabot uchashhihsja "Start v nauke". URL: <https://school-science.ru/3/3/32234>
2. Zav'jalova, O.N. Rechevovoe ili jazykovoe manipulirovanie. URL: <http://iamruss.ru/rechevovoe-ili-yazykovoe-manipulirovanie/>
3. Katynskaja M.V, Zamjatina A.V. K voprosu o kompleksnom podhode k izucheniju politicheskoi publichnoj rechi. Vestnik KGUN №3, 2017. S. 160.
4. Kovshova M.L. Semantika i pragmatika jevfemizmov. Kratkij tematicheskij slovar' russkih jevfemizmov. M., 2007.
5. Kuznecov I.N. Ritorika ili Oratorskoe iskusstvo: ucheb. posobie dlja studentov vuzov. Avtor-sost. I.N. Kuznecov. M.: JuNITI-DANA, 2004. 431 s.
6. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Gl. red. V.I. Jarceva. M.: Sov. Jenciklopedija. 1990. 685 s.
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Tolkovij slovar' russkogo jazyka. Rossijskaja AN, In-t rus. jaz., Rossijskij fond kul'tury. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Az#, 1994. 907 s.
8. Ruzhenceva N.B. Diskreditirujushhie taktiki i priemny v rossijskom politicheskom diskurse: Monografija. Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg, 2004. 294 s.
9. Anthony Blinken, in a statement about Hiroshima and Nagasaki, did not make any apology URL: <https://apa.az/en/america/anthony-blinken-in-a-statement-about-hiroshima-and-nagasaki-did-not-make-any-apology-401206>
10. Curbing Russia's Efforts to Evade Sanctions. URL: <https://it.usembassy.gov/curbing-russias-efforts-to-evade-sanctions/>
11. Russia-Ukraine War. URL: <https://www.nytimes.com/news-event/ukraine-russia>

12. Military hapkido enemy neutralization. URL: <https://www.amazon.com/Military-Hapkido-Enemy-Neutralization-Michalik/dp/1312604034>
13. Biden believes Putin is a killer, vows Russian leader 'will pay a price' for trying to help Trump win the election URL: <https://www.cnn.com/2021/03/17/biden-says-putin-is-a-killer-will-pay-for-trying-to-help-trump-win-election.html>
14. Modelling semantic transparency. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11525-016-9286-3>
15. Zwitserlood P. The role of semantic transparency in the processing and representation of Dutch compounds. *Language and Cognitive Processes*. 1994. № 9 (3). P. 341 – 368.

*Dvorak E.V., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Irkutsk National Research Technical University,
School of Linguistics and Intercultural Communication*

Adding to the topic of semantic transparency (based on the material of modern English media)

Abstract: the article deals with linguistic ways of interpreting identical political events, based on modern American and European media.

This analysis is based on the principle of semantic "transparency". The authors understand semantic transparency as a category that allows one to uniquely correlate the statement with the situation it describes, which allows for a semantic interpretation of the word with the least distortion of its meaning.

The scientific relevance lies in the fact that the authors were able to analyze and identify the dual nature of the display of identical political realities presented in foreign media. The analysis of sources revealed the manipulative potential of using different linguistic means and led to the conclusion that the semantic transparency of the same term used to represent identical political realities is formed by different linguistic means to achieve specific political goals.

The material for this study was the online versions of British and American newspapers and public speeches by leading foreign political figures over the past 8 years, which allows us to present a complete picture of the phenomenon under study in a certain time slice.

Main research methods: contextual text analysis, content analysis, interpretative method, descriptive method, generalization and comparison method.

Keywords: semantic transparency, euphemisms, manipulation of public consciousness

For citation: Dvorak E.V. Adding to the topic of semantic transparency (based on the material of modern English media). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 138 – 142.

Received: 6 июня, 2023; Revised: 27 июня, 2023; Accepted: June 30, 2023.

Евсеев А.Б., кандидат педагогических наук,

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

Структурные и семантические особенности англоязычного печатного рекламного дискурса (на примере материалов британской газеты Evening Standard)

Аннотация: в статье рассмотрены структура, факторы и функции английского печатного рекламного дискурса. Автор делает акцент на семантических и структурных отличиях печатного варианта, как носителя рекламы, от аудиовизуальных видов. В исследовании представлен подробный филологический анализ и интерпретация некоторых типичных рекламных текстов, опубликованных в британской англоязычной газете Evening Standard в 2020-2023 годах. В статье предпринята попытка доказать, что многообразие форм английского печатного дискурса, его наполнение тропами, оборотами речи и стилистическими приёмами способствует созданию яркой, выразительной, запоминающейся презентации рекламируемых товаров и услуг. Автор полагает, что когнитивное воздействие рекламного дискурса на адресата способствует формированию в его сознании положительного образа продвигаемого объекта. В результате проведенного анализа был сделан вывод о том, что использование коммуникативно-призывающих элементов (слоганов, эхофраз) вкупе с оценочной аргументацией в пользу приобретения продукта, интенсифицирует прагматическую функцию рекламного дискурса.

Ключевые слова: рекламный дискурс, коммуникация, адресант, адресат, семантика, вербальный, невербальный, экстралингвистический

Для цитирования: Евсеев А.Б. Структурные и семантические особенности англоязычного печатного рекламного дискурса (на примере материалов британской газеты Evening Standard) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 143 – 147.

Поступила в редакцию: 6 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Мир рекламы безгранично разнообразен. Реклама сопровождает человека практически везде, соприкасаясь с ним во всех сферах деятельности. Рекламодатели и маркетологи (адресанты) не жалеют инвестиций, поскольку рано или поздно их вложения многократно окупятся потребителями рекламных продуктов.

Несмотря на экономические трудности, которые переживает Россия в настоящий момент, санкционное давление со стороны других стран, уход многих зарубежных компаний с отечественного рынка, количество рекламы на улицах наших городов, в общественном транспорте, на телевидении и радио, в газетах и журналах, в Интернете не сократилось, а даже несколько увеличилось. В первую очередь, по мнению исследователя-лингвиста З.Ю. Пальговой, это связано с безудержным развитием информационных технологий и СМИ. Они оказывают «воздействие на процессы производства и распространения слова». Вербальные и невербальные составляющие рекламного дискурса, как динамического, многопланового коммуникативного события, порождают новые смыслы текста и, соответственно, требуют тщательного лингвистического исследования» [1]. Кроме того, реклама создает определенные стереотипы поведения потребителей, дает прагматическую установку на приобретение определенного товара. Основной целью рекламного дискурса является оказание воздействия на когнитивные процессы, на сознание адресата через формирование положительного образа продукта или услуги и побуждения к выполнению определенных действий. Реклама, в данном случае, выступает как «средство соединения различных методов психологического, лингвистического, экономического характера и при этом является одним из видов коммуникации» [2].

К наиболее значимым факторам рекламного дискурса относят прагматический, социокультурный и функциональный. Прагматический аспект является мерилем эффективности воздействия рекламы на человека; социокультурный обусловлен социальными, психологическими, лингвистическими параметрами «эстетического сознания» социума и его самобытности. Функциональная значимость рекламного дискурса напрямую взаимосвязана с его прагматическим компонентом, так как она побуждает потребителя к совершению задуманного адресантом рекламного поступка. Отсюда и выбор определенных семантических структур, стиля, синтаксических единиц, интонационного рисунка текста и дискурса в целом. Немаловажную роль в достижении целей рекламного дискурса играют экстралингвистические средства: графика, шрифт, цвет, размер, иллюстрации, кинесика действующих лиц, видео и аудиоряд рекламного сообщения. Таким образом, вслед за исследователем Н.А. Чудаевой, мы полагаем, что рекламный текст представляет

собой мотивированное целостное, содержательно-смысловое, иерархически организованное знаковое образование, нацеленное на адресата.

В основу нашего анализа легли рекламные материалы ежедневной бесплатной англоязычной газеты *Evening Standard*, издающейся в Лондоне с 1827 года и входящей в медиахолдинг *ESI Media*. По данным Налоговой и таможенной службы Великобритании, 80% основного дохода газеты – печатная реклама. В ходе исследования было проанализировано содержание 100 англоязычных рекламных текстов. К наиболее характерным можно отнести:

1) продажа товаров (50%): *Lucida? Tiffany's diamond engagement ring. Please visit our website to schedule a diamond ring consultation. – Lucida? Бриллиантовое обручальное кольцо фирмы «Тиффани». Пожалуйста, посетите наш вебсайт, чтобы записаться на консультацию. 75% off. Our lowest fares! Book until midnight Monday! Ryanair – fly cheaper. – Скидка 75%. Наши самые низкие цены! Забронируйте до полуночи понедельника! Компания «Райэнэйр» – летайте дешевле! What others sell as extras, Nisan gives as standard. – То, что другие продают за отдельную плату, «Ниссан» предлагает в стандартной комплектации.*

2) банковские услуги (20%): *Relax, no catches. And no penalties. Everyone gets the same high rate. Your money's free to move in and out. Open an account in minutes! Lloyds Bank. – Расслабьтесь, никаких подвохов. И никаких штрафов. Единая высокая ставка для каждого. Вносите и снимайте ваши деньги в любое время. Откройте счет за считанные минуты! Банк «Ллойдс».*

3) приглашение посетить выставку/музей/кинотеатр (15%): *Queen Elizabeth's II private white wardrobe by Norman Hartnell. This special exhibition is included in the new season's tour of the magnificent State Rooms at Buckingham Palace. – Норман Хартнелл представляет выставку из предметов белого цвета личного гардероба королевы Елизаветы II. В новом сезоне эта специальная выставка включена в тур по великолепным парадным покоем Букингемского дворца.*

4) социальная реклама (5%): *Join up against poverty! With 30,000 children dying every day in extreme poverty. Sponsor a child with World Vision, and you'll change the course of one child's life. – Объединяйтесь против бедности! Тридцать тысяч детей по всему миру умирают ежедневно в ужасной нищете. Пожертвуйте благотворительной организации «World Vision», и вы измените жизнь ребенка.*

5) частные объявления (9%): *Baker Street/Marylebone W1. Accommodation to let. – Бейкер-стрит, район Мэрилебоун, W1. Сдается жильё.*

б) самореклама/анонсы (1%): *Evening Standard. Incredible offers. Inspiration. Information. – Газета «Evening Standard». Невероятные предложения. Вдохновение. Информация.*

Опираясь на исследование Э.А. Лазаревой об инварианте и вариантах рекламного дискурса [4], рассмотрим структурно-семантическую специфику рекламного объявления авиаперевозчика *Qatar Airways* («Катарские авиалинии»), имеющего рейтинг «пять звезд». По сообщениям, в 2021 году компания в шестой раз завоевала титул «лучшей авиакомпании мира». *Qatar Airways* рекламирует запуск рейсов из лондонского аэропорта *Gatwick*, в дополнение к регулярным рейсам из терминала *Heathrow*. Рекламный образ, завяленный адресантом, очень запоминающийся. Художественно-графическая часть рекламы включает фотографию обычной лондонской улицы. По тротуарам идут прохожие. На проезжей части мы видим пару красных омнибусов и несколько черных такси. Изображение выглядит размытым, потребители могут различить лишь силуэты фигур. Адресант намеренно исказил изображение на фотографии, разместив в верхней части рекламного объявления крупным четким белым шрифтом коммуникативно-призывающий вербальный компонент: *YOU'RE NOT SEEING DOUBLE – У ВАС НЕ ДВОИТСЯ В ГЛАЗАХ*. В нижней части рекламы жирным шрифтом напечатан текст следующего содержания: *No need to get your eyes checked. We are now flying daily from London Gatwick (and not forgetting our double daily services from London Heathrow) via Doha, to more than 50 of the world's favourite destinations. – Нет необходимости в проверке зрения. Мы запустили ежедневные рейсы из лондонского аэропорта «Гэтвик» (вдобавок к двум нашим ежедневным рейсам из столичного «Хитроу») через Доху в более чем 50 самых востребованных городов мира.* В правом нижнем углу – адресный блок с названием авиакомпании и её иконкой-логотипом – ориксом – национальным животным Катара, представляющим собой символ грации и олицетворяющим традиции государства, что подтверждает статус авиакомпании как одного из семи самых быстрых и безопасных авиаперевозчиков в мире. Указанный выше образ метафоричен (*We are now flying...*) и усилен эпитетом в форме прилагательного в превосходной степени (*the fastest*), используемом в отношении к авиапарку. Адресант представляет аргументы «к делу» в пользу приобретения своих услуги адресатом: описательно-детализирующие (*to more than 50 of the world's favourite destinations; you can be sure that we take you more personally whenever you choose to fly*), оценочные (*This brings our weekly departures from both London Airports and Manchester to 25 flights*). Метакommunikативный блок рекламного объявления представлен использованием прямого обращения к адресату в форме личного местоимения (*you*) и обобщения (*we*).

Еще один вариант типичного англоязычного рекламного дискурса – это рекламная идея в форме письма от конкретного потребителя продукта (часто знаменитости из сферы шоу-бизнеса, спорта) к абстрактным адресатам. Британская торговая марка Flora Pro.Active рекламирует продукты, содержащие растительные стеролы (стерины). Рекламодатель утверждает, что ежедневный прием 1,5-2,4 г растительных стеролов может помочь снизить уровень холестерина на 7-10% за 2-3 недели в рамках здорового питания с добавлением большого количества фруктов и овощей и ЗОЖ. Изобразительно-графический компонент рекламного объявления представлен в виде страницы из дневника некой Lulu, на вид улыбчивой дамы «бальзаковского возраста». Вербальные элементы рекламы выполнены в виде рукописного текста. Рекламный образ дополняют авторские рисунки на полях. Приведем рекламный текст полностью:

Day 1

*Today was a **BIG** day... In a bid to **REDUCE** my cholesterol in just three weeks, I started the Flora pro.active Challenge.*

*First up, I had my cholesterol checked and I'm going to TRY and **REDUCE** it to 4-something. Hopefully, the Challenge will do the trick.*

*Feeling **KEEN**, I kicked things off with a one-a-day drink (which was actually delicious!), followed by a brisk walk in the park with two Westies, Bonnie and Clyde.*

I am not used to lots of exercise but HEY, it's all part of the Challenge. BRING IT ON!

Lulu

XX

Аргументация адресанта в пользу употребления продукта представлена яркой антитезой (*bid-challenge*) в первом абзаце письма. Этот стилистический прием подкреплен метафорой *a big day*, причем автор намеренно пишет прописными буквами и подчеркивает **BIG**, чтобы привлечь повышенное внимание к этому дню, как к поворотному в жизни адресата. Глагол *to reduce* в отношении снижения уровня холестерина (основной аргумент) употреблен дважды и оба раза написан прописными буквами, причем во втором случае в качестве графического знака, для усиления значения, добавлена стрелка, указывающая вниз. Идиома *do the trick* придает неформальное значение контексту, символизируя “*to succeed in solving a problem or achieving a particular result*” [3]. Коммуникативная тактика адресанта, использующего фразовый глагол *kick off*, синонимичный в данном случае глаголу *to open*, в паре с неологизмом *one-a-day*, употребленному в отношении к рекламируемому напитку, и эпитетами *keen, brisk, delicious* добавляет актуальности, живости, энтузиазма контексту. Неологизм *Westie (the West Highland White Terrier)*, употребленный Lulu в отношении её двух собак шотландской породы, и идиома *HEY (used to attract somebody's attention or to express interest, surprise or anger)* [3] содержат призыв к адресату сделать усилие и превозмочь себя, изменить свой образ жизни. Слоган с использованием фразового глагола (*to bring on*) - **BRING IT ON!** – приводится в конце дневниковой записи и имеет неформальную коннотацию (*used to express confidence about a challenge*) [3]. Он создает атмосферу доброжелательности, увлеченности, нацеленности на положительный результат (снижение уровня холестерина). Литеры “XX”, указанные в конце импровизированного письма после подписи “Lulu”, свидетельствуют о дружелюбном расположении адресанта, выказывая её пожелание успехов и удачи в задуманном предприятии. Коммуникативно-призывающий элемент, представленный в виде текста под страницей дневника, содержит гиперссылку на рекламируемый сайт и предложение продолжить следить за трехнедельным марафоном Lulu, стремящейся снизить уровень своего холестерина с помощью продаваемого напитка.

Предрождественская реклама – это особый стиль англоязычного рекламного дискурса, который обычно связан с отсылкой к английским традициям и характеризуется яркими, точными, выразительными слоганами, чётким, хорошо выстроенным текстом. Этот вид рекламы наиболее популярен у британцев, поскольку в ней часто показана жизнь простых англичан. Адресанты апеллируют к христианским добродетелям, а сама реклама может являться социальной. В таких дискурсах большую коммуникативную роль играют юмор и ирония. Рассмотрим одно из печатных рекламных объявлений, опубликованных в газете Evening Standard. Приведем его текст полностью:

WRAP UP CHRISTMAS IN A DAY

At London's biggest Food and Drink Show

Passionate about good food? Then spend a day with us discovering hundreds of outstanding gourmet producers. Enjoy a mouth-watering range of festive foods and drinks, from wild smoked salmon, award-winning cheeses and delicious farm turkeys to luxurious puddings and hand-made chocolates. Wrap up all your festive shopping in a day whilst guest chefs including Gordon Ramsey, Jamie Oliver and Antony Worrall Thompson prepare a scrummy range of dishes to help you with your Christmas entertaining.

В объявлении адресата приглашают на ежегодно проводимое шоу с дегустацией рождественских блюд и напитков, приготовленных звёздами британской кулинарии (*Gordon Ramsey, Jamie Oliver, Antony Worrall Thompson*). Визуальный ряд рекламы оформлен в виде традиционных британских рождественских угощений (пудинга, печенья, пирожков с начинкой из ягод и специй, кекса с изюмом и цукатами, шампанского), свисающих, словно ёлочные игрушки. В сознании адресата такой дизайн формирует образ правдоподобности, достоверности, уверенности и надёжности. Дополнительное семантическое значение имеет цвет шрифта текста (зелёный), который также ассоциируется у потребителя с наступающим Рождеством. Аргументы в пользу приобретения рекламируемой услуги представлены неформальным фразовым глаголом *to wrap up*, двоякий смысл которого удачно переключается с существительным *Christmas*, придавая слогану необходимую актуальность (*to wrap up – 1. to cover or surround something in paper, cloth, or other material (обёрнуть); 2. to complete something successfully (успешно завершить)*) Эллиптическая конструкция “*Passionate about good food?*” придает тексту неформальный стиль и даже некоторую фамильярность, одновременно достигая большей экспрессии за счёт использования аллитерации (*good food*). Адресант вырисовывает выразительный рекламный образ шоу с помощью гиперболы (*hundreds of outstanding gourmet producers*), мотивируя потребителя с помощью разнообразных эпитетов, имеющих положительную коннотацию (*outstanding, delicious, luxurious, festive, scrummy*), неологизмов (*mouth-watering, hand-made*). Таким образом, адресат оказывается полностью вовлеченным в рекламную коммуникацию.

В рекламе дизайнерского агентства Magnet художественно-графическая часть построена на контрасте изображений и цвета используемого шрифта (черный-белый). Прочитываем текст рекламы:

WHEN IT COMES TO DESIGN, WE LEAD BY EXAMPLE

The new Magnet Showrooms are cooler by design with a chillout zone and interactive zone, not to mention devastatingly attractive kitchens. From contemporary gloss chic to more traditional styles you're bound to find one of our 25 bespoke ranges to suit your room and your life exactly.

Not only we have got the style, we've got the substance too with a huge range of top appliances including AEG, De Dietrich, Neff, Rangemaster, Whirlpool and Zanussi.

Our executive full circle service package also gives you continued support from initial home survey, through design and installation to our final home check.

AUTUMN SALE MUST END SOON!

Изобразительно-графический компонент представлен инновационными эскизами дизайнерских решений кухни и гостиной. Слоган выполнен прописными буквами белым шрифтом на черном фоне и занимает четверть площади рекламного объявления, что неизменно привлекает внимание. Фразеологизм *LEAD BY EXAMPLE (to guide others through one's behavior instead of one's words)* [3], использованный в слогане в качестве коммуникативно-призывающего элемента, задаёт тон рекламному дискурсу, возводя Magnet в ранг ведущих фирм в сфере дизайна. Вербальный канал сообщения представлен следующими тропами: семантически связанными эпитетами (*new, chillout, interactive, contemporary, gloss, traditional, top, executive, continued, final*) и оксюмороном *devastatingly attractive*, который приведён для субъективизации отношения адресанта к рекламируемому продукту и создания стилистического эффекта уникальности представленных дизайнерских решений. В качестве оценочной аргументации текста рекламы адресант использует антитезу (*chic-traditional*) вкупе с постепенным логическим нарастанием *to suit your room and your life* и гиперболой *a huge range*. Это необходимо для формирования образа востребованности, создания атмосферы повышенного спроса на рекламируемый товар. Метакоммуникативная составляющая рекламного сообщения оформлена прямым обращением к адресату (*you, your*), а также неполной инверсией *not only we have got the style*. Таким образом, рекламодатель эмфатически выделяет не только наличие стиля в его дизайнерских эскизах, но и его (*style*) практическую ценность, воплощённую в бытовой технике всемирно известных фирм. Формирование рекламного образа завершается свободным слоганом, эхо-фразой *AUTUMN SALE MUST END SOON!*, в котором модальный глагол *must* используется в значении (*to show that something is very likely, probable, or certain to be true*) и побуждает адресата к прямому, незамедлительному действию.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что структура английского рекламного дискурса является многокомпонентной. Текст печатной рекламы структурно отличается от видео или аудио вариантов, которым свойственны такие экстралингвистические средства выражения, как кинесика, просодика и проксемика. Однако, благодаря литературным тропам и стилистическим фигурам речи в сочетании с художественно-графической составляющей и разнообразными элементами формы (фотографии, иллюстрации, шрифты, спецэффекты), дискурс печатной рекламы приобретает особое значение, прагматически мотивируя адресата к действию.

Литература

1. Пальгова З.Ю. О специфике интерпретации многомерных рекламных медиатекстов // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер.: Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 32 – 40.
2. Мудренко К.В. Рекламный дискурс города Екатеринбурга и его восприятие школьниками. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9735/2/20Mudrenko2.pdf> (дата обращения: 15.04.2023)
3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 03.05.2023)
4. Лазарева Э.А. Дискурс рекламы: инвариант и варианты URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1858/15.pdf> (дата обращения: 06.04.2023)
5. Борисова Е.Г. Рекламный дискурс: в чем его особенности? // Медиалингвистика. 2018. № 5 (4). С. 436 – 444. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.404>

References

1. Pal'gova Z.Ju. O specifikе interpretacii mnogomernyh reklamnyh mediatekstov. Izvestija Saratovskogo universiteta. 2012. T. 12. Ser.: Filologija. Zhurnalistika. Vyp. 2. S. 32 – 40.
2. Mudrenko K.V. Reklamnyj diskurs goroda Ekaterinburga i ego vosprijatie shkol'nikami. URL: <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9735/2/20Mudrenko2.pdf> (data obrashhenija: 15.04.2023)
3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org> (data obrashhenija: 03.05.2023)
4. Lazareva Je.A. Diskurs reklamy: invariant i varianty URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1858/15.pdf> (data obrashhenija: 06.04.2023)
5. Borisova E.G. Reklamnyj diskurs: v chem ego osobennosti? Medialingvistika. 2018. № 5 (4). S. 436 – 444. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2018.404>

*Evseev A.B., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Vladimir State University named after Alexandr Grigoryevich and Nikolay Grigoryevich Stoletovs*

Structural and semantic peculiarities of the English printed advertising discourse (illustrated by the materials of the UK-based Evening Standard newspaper)

Abstract: the paper considers the structure, factors and functions of the English printed advertising discourse. The author emphasizes semantic and structural differences between the printed version, as an advertising medium, and the audiovisual types. The research presents a detailed language analysis and interpretation of some typical advertising texts placed in 2020-2023 with the UK-based Evening Standard newspaper. The article made an attempt to prove that a variety of forms used in the English printed discourse, its tropes, figures of speech and stylistic devices promotes vivid, expressive and extraordinary presentation of the goods and services advertised. The author believes that the cognitive impact of the advertising discourse on the addressee shapes a positive image of the promoted item in his mind. The author concludes by saying that the use of the communicative and appealing elements (slogans, echo-phrases) linked with evaluating evidence to purchase the goods boosts the pragmatic function of the advertising discourse.

Keywords: advertising discourse, communication, addresser, addressee, semantics, verbal, non-verbal, non-linguistic

For citation: Evseev A.B. Structural and semantic peculiarities of the English printed advertising discourse (illustrated by the materials of the UK-based Evening Standard newspaper). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 143 – 147.

Received: June 6, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Жэнь Чуньянь, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет*

Противоположность и антонимия в контексте логики и философии

Аннотация: вопросы антонимии и типологии антонимов всегда волновали ученых, заставляли задуматься о критериях антонимичности, о полноте и неполноте оппозитивов. Антонимия тесно связана с философией и логикой, так как представляет противоположности, экстраполированные на язык. В соответствии с указанной категорией выделяются типы антонимов, характерные для всех языков, так как философия и логика универсальны. Отметим, что антонимия основана также и на отрицании, но оно должно быть полным. При таком подходе только крайние члены оппозиции могут быть антонимами. Средние члены таких парадигм не являются оппозитивами. Кроме того, ряд ученых полагают, что оппозиции могут составлять слова, принадлежащие лишь к одной части речи, межчастеречная антонимия неприемлема. Таким образом, возникает настоятельная необходимость в полном и ясном определении антонимов, выявлении критериев антонимичности и тесной связи антонимии и противоположности, которая является логико-философской категорией, что помогает раскрыть сущность и типологию антонимов в языке. По типу противоположности антонимы могут быть антонимами-конверсивами, векторными антонимами, контрарными и контрадикторными единицами. Материалом для данной статьи служит «Словарь русской ментальности» В.В. Колесова (2014) и другие словари антонимов.

Цель данной работы заключается в рассмотрении видов противоположности в философии и логике и более качественном понимании антонимии. Достижение цели обусловлено решением следующих *задач*: рассмотрение противоположности и отрицания в философии и языке, определение понятия антонимии и антонимов, выделение типологии антонимов в русском языке, выявление связи антонимов и отрицания, определение базовых антонимических характеристик.

Практическая значимость работы заключается в осознании сущности антонимии, ее отличия от отрицания, разработка дополнительных классификаций антонимов, значимость в сопоставительном ключе.

Ключевые слова: противоположность, логика, виды противоположности, контрарная противоположность, градуальная противоположность, антонимия

Для цитирования: Жэнь Чуньянь Противоположность и антонимия в контексте логики и философии // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 148 – 153.

Поступила в редакцию: 1 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Чтобы лучше понять сущность антонимии, необходимо рассмотреть виды противоположности в философии и логике. Как мы знаем, у категории противоположности есть логико-философские основания. Между различными явлениями и понятиями могут быть отношения противоположности. Мы воспринимаем действительность через противопоставления и противоположности. Слова у нас в сознании вызывают контрасты, например, слово *большой* сразу же вызывает ассоциации со словом *маленький*, *молодой* предусматривает антоним *старый*, а *хороший* непосредственно связан с *плохим*. Это реалии, и как бы мы ни старались уйти от противопоставлений, этого сделать не получится. Указанные понятия тесно связаны между собой. Они представляют одну сущность, но характеризуют ее с двух и более сторон [1].

В данном контексте уместно выделить критерии антонимичности, которые позволяют определить истинную суть антонимов.

Во-первых, это принадлежность к одной части речи. Несмотря на то, что существует и межчастеречная антонимия, мы все же склонны к истинным антонимам относить слова одного разряда. Существует и энантиосемия, которая предполагает противоположность внутри одного слова, и это также подвид, и контекстуальные противопоставления, которые также относят к подвиду антонимов. Но все же к истинным, настоящим антонимам относятся именно слова с противоположным значением, принадлежащие к одному разряду.

Во-вторых, это соответствующие контексты, которые называются антонимическими. Если слова употребляются в них без нарушения смысла и логики построения предложения, они являются антонимами. Это следующие синтаксические конструкции – *и А, и Б; Х не А, а Б; А или Б*. Однако отметим, что эти контексты могут и не охватывать все антонимические противопоставления. В некоторых случаях слова являются антонимами, и это ясно из словаря, без специальных контекстов.

В-третьих, для антонимов характерна определенная валентность, которая схожа у них всех. Это означает, что если слова являются антонимами, то они имеют одинаковую сферу лексической сочетаемости. Это также поясняется общностью сущности, которую они отражают с противоположных точек зрения [2].

В-четвертых, важно подчеркнуть, что антонимы регулярно воспроизводятся в речи в парах. Они стилистически одинаково окрашены, и постоянство их парадигм в речи закрепляет за ними антонимичность. Противоположные значения, которые несут антонимы, нейтрализуют друг друга в семантическом ключе, они организуются в антонимический ряд, который также основан на различных типах противоположности [3].

Итак, рассмотрим, как философская категория противоположности отражается на лингвистике на примере антонимов и как структурная форма взаимоотношений антонимов выражается в виде оппозиции.

Проникновению в лингвистику «логики антиномии» способствовало обращение к исследованию культурных концептов. Внутреннее содержание концепта, представляющее собой своеобразно организованную совокупность смыслов, выработанных в контексте национальной и мировой культуры, динамично совмещает, гармонизирует противоположные, на первый взгляд, смыслы, т.е. концепт является антиномичным по своей природе и сущности [4]. Поэтому мы будем использовать некоторые примеры из «Словаря русской ментальности» В.В. Колесова, для каждой словарной статьи нашли антонимы, которые появляются в словарях антонимов. Таким образом, данные пары антонимов это антонимы-концепты, которые помогают лучше отражать сущность антонимов и понимать русскую культуру.

Чтобы лучше понять сущность антонимии в контексте логики и философии, мы проанализируем тип противоположности. По типу противоположности, они могут быть антонимами – конверсивами, антонимами – комплементаривами, градуальными антонимами и векторными антонимами. Рассмотрим каждый вид в отдельности.

Одним из самых популярных видов антонимов являются антонимы – конверсивы, которые соответствуют конверсной противоположности в логике. Конверсия – это своего рода обращение, непосредственное умозаключение, при котором меняются местами субъект и предикат, но качество суждения остается прежним. Конверсированное суждение предусматривает изменение направления суждения, имеет место перестановка мест antecedента и консеквента. Конверсивы предусматривают различия в логическом ударении. Например, антонимы-концепты: *победа – поражение, потеря – приобретение, брать – давать* и прочие. К разряду конверсивов могут быть отнесены те глаголы, которые имеют выраженную направленность, что позволяет рассмотреть одно и то же действие с разных, противоположных точек зрения. Например, при наличии ситуации в глаголах *побеждать – проиграть*. С одной стороны – это победа, радость, счастье, успех с другой стороны – боль, проигрыш, поражение, слезы. Если выигрывает один, обязательно проигрывает другой, эти понятия неотделимы друг от друга. Это и есть конверсия.

В отношении семантики глагольных конверсивов отметим, что это глаголы со значением лишения либо приобретения, соположения, зависимости. Предусмотрена тесная взаимосвязь участников действия, например, *лишение* чего-то для одного означает *приобретение* этого для другого. Конверсивами могут быть и прилагательные, предлоги, и отглагольные существительные в русском языке. Например, *дальний – ближний, зад – перед, отечество – чужбина*. Также полагают, что распространенным способом формирования конверсных антонимических парадигм в русском языке является страдательный залог, например, *говорить – говориться, сжимать – сжиматься*, а также возвратные глаголы, например, *печь – печься* и др. Отметим также, что для конверсных отношений возможна только одна форма оппозиции, и это антонимическая пара. Нахождение среднего члена между ними невозможно [5].

Следующий вид антонимов по типу противоположности – это векторные антонимы, которые выражают противоположные направления действий, признаков, свойств. Такие парадигмы представлены в своем большинстве глаголами, которые характеризуются выраженной противоположной направленностью, но в отличие от конверсивов, производителем действия в таких предложениях является одно и то же лицо. Например, *подниматься – спускаться, теплеть – холодеть, открывать – закрывать*. Отметим, что одно действие не предусматривает другого для действующего лица, как в случае с конверсивами. Кроме того, к векторным антонимам можно также отнести ряд существительных с глагольными корнями, а также прилагательные, наречия и предлоги [6]. Например, *вперед – назад, подъем – упадок* и так далее.

В тематическом контексте указанные антонимы более разнообразны, чем конверсные. Они отражают явления природы, движение, перемещение, характеристики человека, явления социального порядка. Форма оппозиции для векторных антонимов – это антонимическая пара. В силу того, что векторная противоположность предусматривает несколько направлений, антонимы в данном контексте могут выражать симметричные, несимметричные и циклические отношения. Например, *собирать – разбирать, сгибать – разгибать, народный – антинародный, спешить – медлить, засыпать – спать – просыпаться – бодрствовать*.

Следующий и самый многочисленный тип антонимов по типу противоположности – это градуальные антонимы. Это по большей части качественные слова, которые наиболее широко представлены в русском языке. Данные антонимы имеют название ступенчатых. Члены оппозиций таких слов характеризуются различной степенью того или иного признака, т.е. градацией. Крайние члены оппозиции максимально противопоставлены друг другу, характеризуются наибольшим или наименьшим проявлением признака. Например, *умный – неумный – неглупый – глупый, холодный – нехолодный – негорячий – горячий*. В данном ключе мы видим определенную интенсификацию [7]. Например, градиент-концепт *дружба – мир – вражда*, структурная форма взаимоотношений данных концептов это градуальная оппозиция. Как видим, такие оппозиции характеризуются наличием среднего, промежуточного члена, и зачастую, не одного, а нескольких. Также отметим, что этот элемент предусматривает совокупность признаков первого и второго члена оппозиции. Например, *простой – сложный, начальный – конечный*. Между указанными противопоставлениями могут находиться компоненты описательного характера, например, *непростой, не очень простой, средний, средний* и так далее.

В основе градуальных антонимов заложено функциональное сходство, они характеризуются одинаковыми понятийными категориями [8]. Подчеркнем, что именно в контексте данных антонимов существует степень антонимии, которая определяет полноту – неполноту антонимов. Крайние члены таких парадигм – это полные антонимы, а промежуточные элементы – неполные антонимы. Все они имеют определенные свойства, среди которых можно выделить независимость, взаимозаменяемость, принадлежность к одному семантическому полю, противоположность семантических гнезд, высокая частотность в речи.

Первый аспект предусматривает ненужность контекста для осознания противоположности полных антонимов. В своем словарном значении они уже противоположны. Например, *красивый – уродливый, смелый – робкий, открытый – закрытый*.

Второе положение предполагает возможность поменять один член оппозиции на другой, при этом все предложение характеризуется полной противоположностью смысла [9]. Например, *Корень ученья горек, а плод его сладок. Ученый водит, а неученый следом ходит*. (Пословицы)

Третий пункт определяет одну семантическую, или тематическую нишу для полных антонимов в русском языке. Например, *добрый – злой, здоровый – больной (о людях), настоящее – прошедшее – будущее (время, события)*.

Четвертым признаком антонимов является способность сохранять значение противоположности в словообразовательных гнездах [10]. Например, *богатый – бедный, богато – бедно, богатеть – беднеть, богатство – бедность*.

Наконец, пятый аспект полноты антонимов предусматривает высокую частотность их употребления в речи, неполные антонимы, соответственно, употребляются реже. Антонимические парадигмы запоминаются, возникают определенные антонимические клише, и первый член оппозиции всегда вызывает в сознании второй.

Мы полагаем, что следует обратить внимание на промежуточные члены антонимических оппозиций, имеются ввиду ступенчатые противопоставления. Средние члены принято называть неполными антонимами, которые также имеют свои характеристики. Это идеографический и стилистический контекст, различная экспрессия.

Во-первых, данные лексические единицы обладают различными оттенками идеографических значений [11]. К примеру, *гигантский – маленький* это неполные антонимы, потому что *гигантский* – это означает не просто большой, а очень большой, огромный, потрясающий своими размерами.

Во-вторых, они могут относиться к разным функциональным стилям, иметь различную стилистическую окраску и сферу употребления. Например, слова *счастье – несчастье, Юноша – старик* являются неполными антонимами, так как не принадлежат к одному функциональному стилю, хотя выражают противоположные понятия.

В-третьих, данные антонимы могут характеризоваться разнообразным эмоциональным окрасом [12]. Например, *живой –дохлый* также не являются полными антонимами, так как первое слово не окрашено эмоционально, а второе – окрашено.

Отметим также, что антонимами могут быть координационные понятия, например, *север – юг – восток – запад, настоящее – прошедшее – будущее, зима – весна – лето – осень*. Они относятся именно к градуальным, ступенчатым антонимам, так как их оппозиции градуально противопоставлены.

Следующим видом антонимов по типу противоположности являются комплементарные антонимы. Это могут быть прилагательные, существительные, наречия. Суть данных антонимов заключается в том, что их оппозиционные аспекты, соединяясь, образуют одно понятие [13]. Например, *живой – мертвый, истинный – ложный*. Такие единицы дополняют друг друга и исключают наличие какого-либо элемента между ними.

Весьма интересным является вопрос об антонимах, выражающих пол. В них комплементарность выступает в полном смысле этого слова, ярко, наглядно. Например, *мальчик – девочка*. Такие лексические единицы содержат значимое противопоставление, что характеризует полноту антонимии в данном случае [14, 15]. В словарях русской ментальности есть пара антонимов *мужчина – женщина*.

Русская философия, как отмечают многие исследователи, насквозь антиномична [16]. Проблема противоположности в целом и антонимии в частности, осложненная логико-философским аспектом, требует выявления причинно-следственных связей, заложенных в характере мыслительной деятельности человека, в его субъективном восприятии окружающей действительности через категории противоположного. На основе противоположности и антонимии в контексте логики и философии мы можем лучше исследовать и понять классификацию антонимов-концептов. По мнению М. В. Пименовы все концепты могут быть распределены по трем категориальным классам, I. Базовые концепты, к этому разряду можно отнести те концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира; II. Концепты-дескрипторы, которые квалифицируют базовые концепты; III. Концепты-релятивы, реализующие типы отношений [17]. Мы можем интегрировать типы антонимов в классификацию концептов, например, конверсная противоположность в логике, *потеря – приобретение*, это выражает обретенные и утраченные отношения. Потому что структурная форма взаимоотношений концептов может выражаться в виде оппозиции.

Итак, мы рассмотрели влияние философии и логики на лингвистические реалии, реализацию логических противопоставлений в виде различных классов, или видов антонимов. Каждый подвид интересен, своеобразен, характеризуется своими особенностями, которые помогают сделать язык более контрастным, ярким, экспрессивным.

Литература

1. Новиков Л.А. Лексическая антонимия в русском языке. СПб, Наука, 1982. 350 с.
2. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. СПб, Слово, 128 с.
3. Лихачева О.Н. Сопоставительный анализ русских и английских антонимов: аонография. Майкоп, 2010. 140 с.
4. Егорова С.Б. Павел Флоренский об антиномиях языка // Вестн. Саратовского гос. техн. ун-та. 2006. п 4. С. 254 – 260
5. Savenok O.V., Kusov G. V., Likhacheva O.N., Al Maari M. To the question about geological and environmental problems of exploration and operational drilling for oil and gas. International Educational Applied Scientific Research Journal. 2017. Т. 2. № 11. С. 6 – 11.
6. Лихачева О.Н. Сопоставительно-типологический структурно-семантический анализ антонимов в русском и английском языках : автореф. дис. ... кан. филол. / Адыг. Гос. Ун-т. Майкоп, 2006. 23 с.
7. Лихачева О.Н. К вопросу о формировании и развитии дискурсивной компетенции студентов неязыковых вузов на занятиях по иностранному языку. Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2017. № 1. С. 97 – 104.
8. Комиссаров В.Н. Проблема определения антонима. М., Наука, 2011. 120 с.
9. Введенская Л.А. Словарь антонимов современного русского языка. М., 2000, 448 с.
10. Лихачева О.Н., Ибрагимова А.В. Логико-философский аспект антонимии. Теология. Философия. Право. 2021. № 2 (16). С. 33 – 43.
11. Ибрагимова А.В., Лихачева О.Н. Взаимодействие философских и лингвистических категорий на примере антонимических противопоставлений. Теология. Философия. Право. 2021. № 2 (16). С. 44 – 50.
12. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., Русский язык. 1984. 384 с.
13. Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка. М., Международные отношения. 1964. 288 с.
14. Авдеева О.И. Фразеологические единицы со значением утверждения и отрицания в современном русском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Ростов-на-Дону, 1993. 229 с.
15. Лихачева О.Н. Понятие антонимов и антонимии в русском и английском языках. Кубанский научный медицинский вестник. 2006. № 11. С. 73 – 75.
16. Уваров М.С. Архитектоника исповедального слова. М., Алетей, 1998. 246 с.
17. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Вып. 2 (54). Т. 2. С. 127 – 131.

References

1. Novikov L.A. Leksicheskaia antonimija v russkom jazyke. SPb, Nauka, 1982. 350 s.
2. Novikov L.A. Antonimija v russkom jazyke: semanticheskij analiz protivopozhnosti v leksike. SPb, Slovo, 128 s.
3. Lihacheva O.N. Sopostavitel'nyj analiz russkih i anglijskih antonimov: aonografija. Majkop, 2010. 140 s.
4. Egorova S.B. Pavel Florenskij ob antinomijah jazyka. Vestn. Saratovskogo gos. Tehn. Un-ta. 2006. N 4. S. 254 – 260
5. Savenok O.V., Kusov G. V., Likhacheva O.N., Al Maari M. To the question about geological and environmental problems of exploration and operational drilling for oil and gas. International Educational Applied Scientific Research Journal. 2017. T. 2. № 11. S. 6 – 11.
6. Lihacheva O.N. Sopostavitel'no-tipologicheskij strukturno-semanticheskij analiz antonimov v russkom i anglijskom jazykah : avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Adyg. gos. un-t. Majkop, 2006. 23 s.
7. Lihacheva O.N. K voprosu o formirovanii i razvitii diskursivnoj kompetencii studentov nejazykovyh vuzov na zanjatijah po inostrannomu jazyku. Jelektronnyj setevoj politematicheskij zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU». 2017. № 1. S. 97 – 104.
8. Komissarov V.N. Problema opredelenija antonima. M., Nauka, 2011. 120 s.
9. Vvedenskaja L.A. Slovar' antonimov sovremennogo russkogo jazyka. M., 2000, 448 s.
10. Lihacheva O.N., Ibragimova A.V. Logiko-filosofskij aspekt antonimii. Teologija. Filosofija. Pravo. 2021. № 2 (16). S. 33 – 43.
11. Ibragimova A.V., Lihacheva O.N. Vzaimodejstvie filosofskih i lingvisticheskikh kategorij na primere antonimicheskikh protivopostavljenij. Teologija. Filosofija. Pravo. 2021. № 2 (16). S. 44 – 50.
12. L'vov M.R. Slovar' antonimov russkogo jazyka. M., Russkij jazyk. 1984. 384 s.
13. Komissarov V.N. Slovar' antonimov sovremennogo anglijskogo jazyka. M., Mezhdunarodnye otnoshenija. 1964. 288 s.
14. Avdeeva O.I. Frazeologicheskie edinicy so znacheniem utverzhdenija i otricanija v sovremennom russkom jazyke: dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata nauk. Rostov-na-Donu, 1993. 229 s.
15. Lihacheva O.N. Ponjatie antonimov i antonimii v russkom i anglijskom jazykah. Kubanskij nauchnyj medicinskij vestnik. 2006. № 11. S. 73 – 75.
16. Uvarov M.S. Arhitektonika isповedal'nogo slova. M., Aletejja, 1998. 246 s.
17. Pimenova M.V. Tipy konceptov i jetapy konceptual'nogo issledovanija. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. Vyp. 2 (54). T. 2. S. 127 – 131.

*Ren Chunyan, Postgraduate,
Saint Petersburg State University*

Opposition and antonymy in the context of logic and philosophy

Abstract: questions of antonymy and typology of antonyms have always worried scientists, made them think about the criteria for antonymy, about the completeness and incompleteness of oppositions. Antonymy is closely related to philosophy and logic, as it represents opposites extrapolated into language. In accordance with this category, types of antonyms are distinguished that are characteristic of all languages, since philosophy and logic are universal. It is noted that antonymy is also based on negation, but it must be complete. With this approach, only the extreme members of the opposition can be antonyms. The middle members of such paradigms are not opposites. In addition, a number of scientists believe that only the words of one part of speech can be antonymous, interpartial antonymy is unacceptable. Thus, there is an urgent need for a complete and clear definition of antonyms, identifying the criterion of antonymy and the close connection of antonymy and opposite, which is a logical and philosophical category, which helps to reveal the essence and typology of antonyms in the language, which, by the type of opposite, can be antonyms-conversives, vector antonyms, contra and contradictory units. The material for this article is the "Dictionary of Russian Mentality" by V.V. Kolesov (2014) and other dictionaries of antonyms.

The purpose of this work is to consider the types of opposition in philosophy and logic and a better understanding of antonymy. The achievement of the goal is due to the solution of the following *tasks*: consideration of opposition and negation in philosophy and language, definition of the concept of antonymy and antonyms, identification of the typology of antonyms in the Russian language, identification of the connection between antonyms and negation, determination of basic antonymic characteristics.

The practical significance of the work lies in understanding the essence of antonymy, its difference from negation, the development of additional classifications of antonyms, and the significance in a comparative manner.

Keywords: opposition, logic, types of opposition, counter opposition, gradual opposition, antonymy

For citation: Ren Chunyan Opposition and antonymy in the context of logic and philosophy. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 148 – 153.

Received: June 1, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Котова И.Ю., преподаватель,
Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского*

Языковые средства выражения речевой стратегии презентации (на материале англоязычных рекомендательных писем)

Аннотация: в настоящей статье описываются языковые средства выражения речевой стратегии презентации кандидата на должность в текстах англоязычных рекомендательных писем, а также тактик, функционирующих в рамках данной стратегии. Рассматриваются лексический, синтаксический и композиционный уровень функционирования стратегии презентации и ее тактик. На основе изученного материала делается вывод о мелиоративной окраске текстов, в которых обнаруживается презентация кандидата на должность. Также утверждается, что тактики стратегии презентации взаимодействуют друг с другом в рамках одного и того же текстового единства сообразно коммуникативной цели и жанровым конвенциям. Среди значимых параметров, на основе которых выстраивается деловая коммуникация в исследуемом жанре, выделяются персонализированность и нарративность.

Ключевые слова: речевые стратегии, речевые тактики, презентация, деловая коммуникация, рекомендательное письмо

Для цитирования: Котова И.Ю. Языковые средства выражения речевой стратегии презентации (на материале англоязычных рекомендательных писем) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 154 – 157.

Поступила в редакцию: 30 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Отражение в языке образов окружающего мира интересует не только лингвистов, но и других представителей наук о человеке. Современная лингвистическая парадигма имеет уникальный взгляд на алгоритм презентации внеязыковой данности.

Стратегию презентации можно рассматривать как продукт презентационной функции языка, фиксации говорящим окружающей действительности и отбор признаков для передачи партнеру по коммуникации [10, с. 203]. А.В. Олянич определяет презентацию следующим образом: «Передача сформированного и структурированного информационного кластера партнеру по коммуникации в ходе коммуникации (взаимодействия) с целью воздействия на партнера» [10, с. 201]. Презентация является не только продуктом упорядочивания реальности, но и алгоритмом организации этой реальности.

А.О. Соломатина выделяет две модальности презентации. Под положительной презентацией понимается «стратегия, направленная на представление только тех фактов, которые могут в положительном аспекте представить то или иное событие, явление, личность, вызывая тем самым одобрение аудитории» [11, с. 120]. Отрицательная презентация рассматривается как «стратегию активного наступательного поведения, которое выражается в стремлении удовлетворить свои интересы, не принимая в расчет интересы оппонента» [11, с. 133].

Д.А. Малышев отмечает, что стратегия презентации проявляется посредством речевых тактик [8, с. 101].

Цзюй Чуанья обращается к особенностям функционирования стратегии презентации в культурно-просветительском дискурсе. Презентация может выступать в разных жанрах в качестве речевой стратегии или тактики. Более того, разные типы презентации могут иметь разный статус в одном и том же тексте: так, презентация гостя просветительской программы нередко является тактикой в рамках стратегии презентации событий [12].

В дискурсе поиска работы стратегия презентации и реализующиеся в ее рамках тактики не были достаточно изучены.

Проанализировав 150 текстов рекомендательных писем, мы пришли к выводу, что стратегия презентации в рассматриваемом жанре деловой коммуникации реализуется посредством следующих тактик: дескрипция, презентация достижений кандидата, описание профессиональных обязанностей кандидата, подчеркивание собственной «утраты», эксплицитная рекомендация.

Рассмотрим средства выражения дескрипции на лексическом, синтаксическом и композиционном уровнях.

К лексическим средствам выражения тактики дескрипции относятся следующие единицы (в порядке убывания частотности): *excellent [candidate], valuable [asset], leadership, organized, effective, creative, dedicated, passionate, customer service [skills], capable, communication [skills]* и т.д.:

She's organized, detail-oriented, effective, and committed to getting the job done.

Синтаксис предложений, где тактика дескрипции является ведущей, характеризуется обилием сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Композиционная структура текстовых единств, где фигурирует тактика дескрипции, является нарративной. Автор рекомендательного письма нередко иллюстрирует качества кандидата краткой историей или примером:

In her work with us, Julie redesigned our web page to our specifications while contributing great ideas herself on how to make our website user-friendly and beautiful for our users.

Тактика презентации достижений кандидата выражается через следующие лексические единицы: *create, contribute, design, earn, develop, deliver, excel, implement, achieve, increase, save, win, be awarded, boost*:

Charles has always delivered his work on time and at a high quality standard level.

По характеру семантической доминанты вышеперечисленные глаголы можно разделить на две основные группы:

1) глаголы, выражающие идею признания заслуг кандидата окружающими: *win, be awarded, earn*:

2) глаголы, описывающие влияние агенса на объект: *develop, create, implement, design, achieve, save, contribute, deliver*:

В грамматической структуре текстов, выражающих данную тактику, преобладают формы *Past Simple* и (реже) *Present Perfect*:

Lucy's ability to plan a strategy, and make sure that it's implemented accurately and quickly have contributed immensely to the recent successes in our department.

С точки зрения композиции тактика презентации достижений кандидата нередко сочетается со средствами других тактик в рамках одного текстового единства:

His writing and research skills are truly phenomenal [тактика дескрипции] – for his major essay project in AP English, he researched and wrote a remarkable study of visual imagery in the works of Edgar Allan Poe [тактика презентации достижений кандидата].

Тактика описания обязанностей кандидата представлена следующими лексическими единицами: *perform, maintain, assist, work [with], be responsible [for], provide, organize, ensure, train, prepare, analyze, collaborate, respond, greet*:

He worked with members of the editorial staff on various projects, including reading and reporting on manuscript submissions [...].

В синтаксической структуре данной тактики преобладают развернутые конструкции, нередко встречаются сложноподчиненные предложения.

С точки зрения композиционной структуры тактика описания обязанностей кандидата почти всегда употребляется в связке с другими тактиками, преимущественно с тактикой презентации достижений.

В рамках тактики подчеркивания собственной утраты бывший работодатель выражает сожаление по поводу ухода сотрудника. Часто используются следующие языковые клише: *sad/sorry to see [...] go/leave, miss [he/she will be sorely/greatly missed], we don't want to lose him/her*:

She has been a pleasure to work with and we are all sad to see her go.

В синтаксической структуре преобладают сложносочиненные предложения, в одном из элементов которых выражается сожаление, а в другом автор выражает надежду на успех своего бывшего сотрудника:

We certainly don't want to lose him, but we also appreciate and support his desire to grow in a professional capacity.

Композиционно тактика подчеркивания собственной «утраты» располагается в заключительной части письма.

В текстах сопроводительных писем встречается тактика эксплицитной рекомендации, в рамках которой автор советует читателю принять кандидата на работу, тем самым недвусмысленно выражая свое положительное отношение к кандидату. К наиболее частотным лексическим средствам выражения тактики относятся: *to support the application/in support of the application, [highly] recommend, [my highest] recommendation*:

She has my highest recommendation, and I am happy to furnish more details if you would like additional information.

Тактика эксплицитной рекомендации нередко имеет кольцевую композицию:

I would like to take this opportunity to give my highest recommendation to Geoffrey Perrier. – в начале письма.

I trust that you will make the correct decision in hiring this young man. – в конце письма.

Проанализировав особенности функционирования тактик презентации, можно сделать следующие выводы: 1) презентирование излагаемых фактов производится в соответствии идеальным образом кандидата. Так, желание создать позитивный образ кандидата обуславливает выбор мелиоративных прилагательных, активных глаголов и других средств; 2) взаимодействие тактик презентации обусловлено такими параметрами построения дискурса в рамках жанра рекомендательного письма, как персонализированность (адресованность конкретному лицу) и нарративность (адресант выстраивает историю и избегает изложения сухих разрозненных фактов). Таким образом, можно предположить, что особенности функционирования презентации зависят как от внутренней логики, так и от особенностей жанра рекомендательного письма.

Литература

1. Букеева М.Е. Жанровые признаки презентационного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. науки. 2013. № 675. С. 30 – 37.
2. Ворожцова О.А. Стратегии и тактики политического дискурса (на примере президентских выборов в США 2008 года) // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 5. № 1. С. 209 – 210.
3. ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания Гуманитарные связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. № 23. С. 54-67.
4. Канеева Т.Р. Речевой жанр "рекомендательное письмо": характеристики и типы: на материале русского, английского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук / Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2011. 209 с.
5. Ключев Р.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого взаимодействия: учебное пособие. М.: РИПОЛ Классик, 2002. 320 с.
6. Краткий словарь терминов из области делопроизводства. <http://www.bibliotekar.ru/biznes-58/29.htm> (дата обращения: 10.10.2022)
7. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
8. Малышев Д.А. Коммуникативные стратегии и тактики презентации политика в теленовостях: дис. ... канд. филол. наук / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М, 2016. 214 с.
9. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. С. 133.
10. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
11. Соломатина А.О. Содержательно-информативные показатели текстов политической коммуникации в аспекте реализации стратегий положительной и отрицательной презентации: дис. ... канд. филол. наук / Кубанский государственный университет. Краснодар, 2016. 166 с.
12. Цзюй Ч. Коммуникативная стратегия презентации культурного события и ее языковая реализация в культурно-просветительском радиодискурсе: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2019. 24 с.

References

1. Bukeeva M.E. Zhanrovyje priznaki prezentacionnogo diskursa. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. nauki. 2013. № 675. S. 30 – 37.
2. Vorozhzcova O.A. Strategii i taktiki politicheskogo diskursa (na primere prezidentских vyborov v SShA 2008 goda). Sovremennye issledovanija social'nyh problem. 2011. T. 5. № 1. S. 209 – 210.
3. van Dejk T.A., Kinch V. Strategii ponimaniija Gumanitarnye svjaznogo teksta. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Kognitivnye aspekty jazyka. M., 1988. № 23. S. 54-67.
4. Kaneeva T.R. Rechevoj zhanr "rekomendatel'noe pis'mo": harakteristiki i tipy: na materiale russkogo, anglijskogo i francuzskogo jazykov: dis. ... kand. filol. Nauk. Volgogradskij gosuda-stvennyj pedagogicheskij universitet. Volgograd, 2011. 209 s.
5. Kljuev R.V. Rechevaja kommunikacija. Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstvija: uchebnoe posobie. M.: RIPOL Klassik, 2002. 320 s.
6. Kratkij slovar' terminov iz oblasti deloproizvodstva. <http://www.bibliotekar.ru/biznes-58/29.htm> (data obrashhenija: 10.10.2022)
7. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGGK «Gnozis», 2003. 280 s.
8. Malyshev D.A. Kommunikativnye strategii i taktiki prezentacii politika v telenovostjah: dis. ... kand. filol. Nauk. Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M. V. Lomonosova. M, 2016. 214 s.
9. Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. S. 133.
10. Oljanich A.V. Prezentacionnaja teorija diskursa. Volgograd: Paradigma, 2004. 507 s.

11. Solomatina A.O. Soderzhatel'no-informativnye pokazateli tekstov politicheskoj kommunikacii v aspekte realizacii strategij polozhitel'noj i otricatel'noj prezentacii: dis. ... kand. filol. Nauk. Kubanskij gosudarstvennyj universitet. Krasnodar, 2016. 166 s.

12. Czuj Ch. Kommunikativnaja strategija prezentacii kul'turnogo sobytija i ee jazykovaja realizacija v kul'turno-prosvetitel'skom radiodiskurse: avtoref. dis. ...kand. filol. Nauk. Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet. Tomsk, 2019. 24 s.

*Kotova I.Yu., Lecturer,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky*

**Language means of expressing the strategy of presentation
(based on the English-language recommendation letters)**

Abstract: the article presents a comprehensive analysis of language means that are used in the job application discourse to express the speech strategy of presentation. Research material included the English-language letters of recommendation. The authors conceptualize the presentation speech strategy as an interaction of smaller textual units – speech tactics, five of which were identified and described in this research. It was concluded that the strategy of presentation unfolds into ameliorative language means. Presentation tactics interact with one another on the compositional level and are rarely used as a standalone communicative tool, which can be explained by the genre parameters – recommendation letters are personalized and narrative-driven, allowing for the use of sophisticated communicative tools.

Keywords: speech strategies, speech tactics, presentation, business communication, letter of recommendation

For citation: Kotova I.Yu. Language means of expressing the strategy of presentation (based on the English-language recommendation letters). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 154 – 157.

Received: May 30, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Кузнецова А.А., кандидат филологических наук,
Сибирский федеральный университет*

К вопросу о функционально-семантическом поле интимизации речи

Аннотация: изучение вопросов, связанных с речевым воздействием, является перспективным направлением в современной лингвистике. Целью статьи является обращение к интимизации речи с позиций функционально-семантического анализа и полевого структурирования. Основные задачи статьи связаны с выявлением речевых и/или языковых средств, характерных для интимизации речи, и описанием ее функционально-семантического поля.

Метод полевого структурирования, целью которого является описание функционально-семантического поля интимизации речи, реализуемой разноуровневыми языковыми средствами, позволит представить частную модель функционально-семантического поля интимизации речи, что поможет в дальнейшем исследовании обнаружить связь приемов интимизации речи в рамках субстратегий диалогизации и псевдодиалогизации речи (в последнем случае – способ взаимосвязи интимизации речи с манипулятивными тактиками; механизмы и характер взаимосвязи их использования в структуре манипулятивного текста; маркированность субстратегии мнимой диалогизации речи как манипулятивной субстратегии дисконфирмативной стратегии), определить степень воздействия интимизации речи на реципиентов с точки зрения информативно-смыслового и прагматического уровней в политической коммуникации, педагогическом общении и других сферах общения.

Ключевые слова: интимизация речи, коммуникативные стратегии и тактики, функционально-семантическое поле интимизации речи

Для цитирования: Кузнецова А.А. К вопросу о функционально-семантическом поле интимизации речи // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 158 – 163.

Поступила в редакцию: 31 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Наша работа посвящена лингвопрагматическому исследованию тактики интимизации речи в текстах разной стилиевой и/или жанровой принадлежности. Тактика интимизации речи, к которой мы обращаемся в рамках данной статьи, используется практически во всех сферах употребления, в том числе политической коммуникации, педагогическом общении и т.д. Исследование тактики интимизации речи важно для решения проблем эффективной коммуникации и является востребованным лингвистической теорией и практикой речевого общения.

Степень разработанности темы характеризуется наличием исследований интимизации изложения (повествования) на материале художественных и публицистических текстов [1, 2, 3, 4, 8] и недостаточным вниманием лингвистов как к функциональным особенностям интимизации речи, так и особенностям ее языкового/речевого оформления.

По нашему мнению, этот пробел позволит устранить использование функционально-семантического анализа интимизации речи, в рамках которого возможно применение подхода «от функции к средствам». Цель анализа – выявление языковых и/или речевых средств реализации функции интимизации в речи. В основе функционально-семантического анализа лежит системный подход к изучению интимизации речи, предполагающий, во-первых, комплексный анализ единиц разных уровней (функционально-типологический и языковой/речевой); во-вторых, определение степени значимости языковых/речевых средств для выражения специфики речевой интимизации; в-третьих, выявление речевых единиц интимизации речи как некоторых компонентов взаимообусловленности в ряду других подобных единиц. Для систематизации выявленных языковых и/или речевых средств с точки зрения их близости или отдаленности (центральной или периферийности) в плане реализации интимизации речи в текстах разной жанрово-стилистической направленности использовали метод полевого структурирования. Его целью является описание функционально-семантического поля интимизации речи, реализуемого разноуровневыми языковыми средствами. Применение метода полевого структурирования дало возможность систематизировать выявленные стилистические средства с точки зрения их близости или отдаленности (центральной или периферийности) в плане реализации в разноплановых текстах тактики интимизации речи.

Методологической базой этого этапа исследования послужили труды в области полевой организации [7, 9, 10]. В них методологически значимым для решения задач нашего исследования является представление

поля как структуры, в которой отражены ядерные (системообразующие) и периферийные признаки, а сами языковые/речевые единицы объединены общностью выражаемого ими значения и/или выполняемых ими функций [5, 6].

Обратимся к определению интимизации речи с позиции лингвопрагматики. Коммуникативная тактика интимизации речи представляет собой такое речевое действие или совокупность речевых действий, которые направлены на создание прежде всего доверительного непосредственного общения адресанта с адресатом, вызывающего ощущение общности, принадлежности, сопричастности:

«Вы поймете меня, дорогие мои подписчики, поймете, потому как кому, как не нам, думать о будущем нашим, наших детях, и кому, как не нам, подумать о наших родителях» (В Контакте).

Семантические инварианты интимизации речи в рамках функционально-семантического поля связаны с определенными средствами формального выражения. Так, на лексическом уровне широко используются как слова разговорного, так и книжного характера, лексемы со значением принадлежности к общей группе, совместности, доверия; на фразеологическом уровне – фразеологизмы разговорного и книжного характера; на морфологическом уровне – притяжательные и личные местоимения; на синтаксическом уровне – двусоставные предложения с подлежащим, выраженным словосочетанием со значением совместности, односоставные определенно-личные предложения; неопределенно-личные предложения:

«Дорогие друзья! Уважаемый господин президент! Дамы и господа!

Прежде всего хочу поприветствовать нашего гостя – президента Алжирской Республики – [и поблагодарить] за то, что он нашел время и приехал к нам на наше сегодняшнее мероприятие. Господин президент, спасибо большое.

Уважаемый господин президент, обращаюсь и к другим нашим гостям – к иностранным: конечно, мое выступление будет прежде всего посвящено развитию России, нашим планам по самым разным направлениям, но я исхожу из того, что это и для вас представит определенный интерес, потому что многие из вас либо работают уже в нашей стране, либо собираются работать. И надеюсь, вам небезразлична наша оценка того, как складываются у нас дела и что мы собираемся делать в ближайшее время, чтобы понять, стоит ли с нами иметь дело.

Надеюсь, что и господину Президенту будет небезынтересно. Прошу прощения, если это в каких-то местах будет обращено исключительно к российской аудитории. Тем не менее все-таки то, что мы делаем в своей экономике в сегодняшний момент, на мой взгляд, может быть применимо и в других странах. И это будет только усиливать возможности нашего взаимодействия.

Итак, еще раз хочу поприветствовать всех участников и гостей 26-го Международного экономического форума в Петербурге» (Выступление Владимира Путина на ПМЭФ 2023).

Для реализации тактики интимизации речи широко используются стилистические и паралогические риторические приемы. Достаточно регулярным средством выражения интимизации речи является употребление такого приема, как прием смешения стилей, когда в рамках определенного контекста используются стилистически неоднородные средства выражения. Реже в рамках тактики интимизации речи используются такие приемы, как «мы размытое», противопоставление «они-мы» в значении «чужие-свои», парентеза, антитеза, «наклеивание ярлыков», дисфемизм и др.:

"Нам оказали высокое доверие... Хранить ядерные отходы. Чем руководствовались проголосовавшие за ввоз в Россию ОЯТ депутаты – гадать не приходится: в головах большинства из них шелест долларовых купюр давно заглушил соображения здравого смысла. О нас, доверивших им представлять наши интересы, «слуги народа», похоже, забыли подумать ... Как ни крути, мы их выбрали, а они нас предали. Подведём итог нашему счастью. Привалило-то оно именно нам, ведь на территории нашего края и будут храниться 75% ввозимых из-за границы отходов ..." (В Контакте).

В приведенных в статье иллюстрациях, во всех случаях употребления интимизации речи, указанная тактика является тем семантическим инвариантом, который и объединяет представленные разнородные языковые и/или речевые средства и обуславливает их взаимодействие. Структурные компоненты объединены в рамках поля семантической общности и выступают в единой функции – функции интимизации речи.

Принимая во внимание положения теории лингвистического поля, мы полагаем, что можно представить функционально-семантическое поле интимизации речи (см. схему полевой организации интимизации речи).

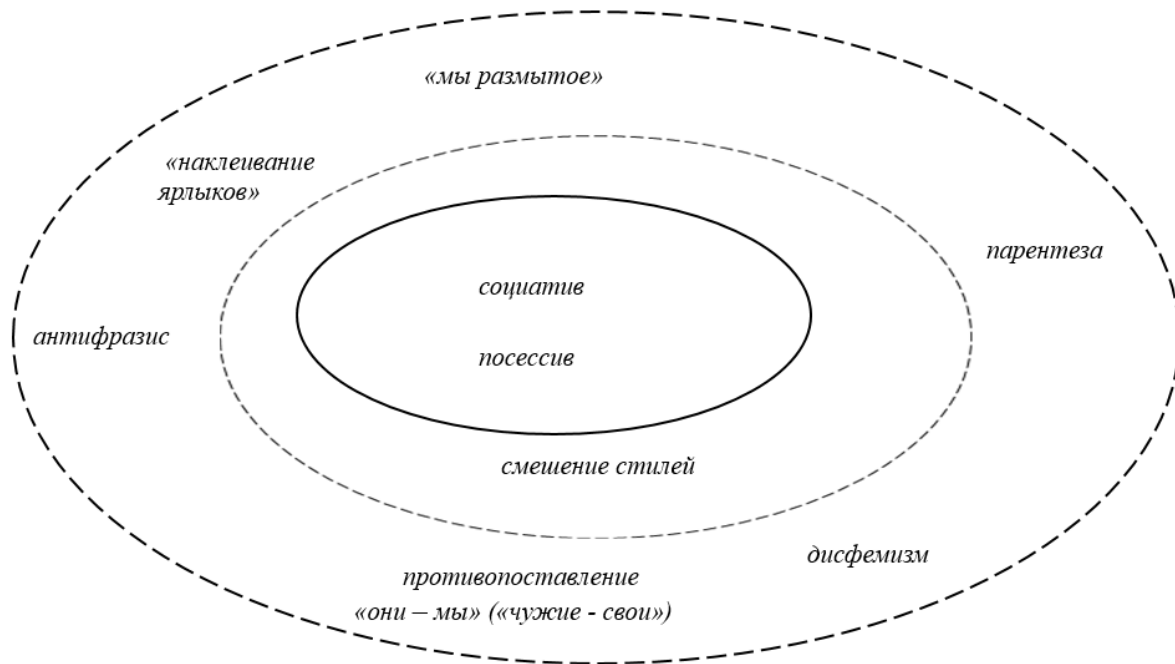

Рис. 1. Графическая модель функционально-семантического поля интимизации речи

Функционально-семантическое поле интимизации речи представляет систему разноуровневых средств языка, взаимодействующих на основе семантической категории интимизации.

Интимизация речи является релевантным инвариантным признаком полевой организации (стержневой ее единицей). Сопричастность, вовлеченность, принадлежность являются семантическими инвариантами содержательных вариантов интимизации речи.

Интенсивность интимизации речи увеличивается от периферии поля к его ядру. Ядерные элементы поля в наибольшей степени выполняют функцию интимизации, регулярно используются, без этих конститuentов невозможно существование самого поля и явления, на основе которого оно реализовано (структурные элементы являются обязательными и доминантами для поля, поскольку именно они выполняют функцию интимизации однозначно); это посессивы (*наши, наш, наше, наша*), или формы общей принадлежности, и социативы (*мы, нам, мы с вами, нас*; глаголы 1-го лица мн.ч.), или формы совместного действия. По данным эксперимента, именно ключевые слова ядра интимизации речи определяют коннотацию, связанную с тональностью прагмемы, и оказывают влияние на реципиента.

Приемы смещения стилей – достаточно регулярный, но не доминантный способ реализации интимизации речи. Таким образом, приемы смещения стилей составляют ближайшую периферию (первый периферийный слой) функционально-семантического поля как единицы, тесно связанные с ядром поля.

Периферию представляют конститuentы поля, выражающие функцию интимизации речи нерегулярно: признак интимизации речи реализуется при помощи этих средств нерегулярно, является не доминантным, а рецессивным и представлен факультативно: антитеза «Они – Мы», «навешивание ярлыков», дисфемизм, парентеза, антифразис. Это единицы, выражающие общую идею интимизации речи нерегулярно.

Таким образом, по данным нашего исследования, выявлены языковые и/или речевые средства, характерные для интимизации речи, определены ядерные и периферийные средства функционально-семантического поля интимизации речи, в рамках функционально-семантического поля обнаружена связь семантических инвариантов интимизации речи с определенными средствами формального выражения. Есть основание полагать, что перед нами частная модель функционально-семантического поля интимизации речи.

Литература

1. Бельчиков Ю.А. Об интимизации изложения в очерках 70-80-х годов XIX века // Исследования по славянской филологии. Русская речь. М., 1974. № 6. С. 38 – 43.
2. Денисова С.П. Интимизация как одна из специфических черт // Статус стилистики в современном языкознании: тезисы докладов. Пермь, 1990. С. 179 – 188.
3. Житенев А.А. Интимизация как художественная стратегия: Опыт Серебряного века // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 7 – 10.

4. Кузнецова А.А. Интимизация повествования // Культура русской речи. М.: Флинта, 2003. С. 224.
5. Кузнецова А.А. О полевой организации фигур, построенных по принципу синтаксического параллелизма // Языковая ситуация в России начала XXI века. Материалы Международной научной конференции (18-20 октября 2002 г. Кемерово). Кемерово, 2002. Т. 1. С. 292 – 300.
6. Кузнецова А.А. О полевой организации стилистических фигур, построенных по принципу перестановки // Риторика в свете современной лингвистики: Тезисы докладов Пятой межвузовской конференции (4-5 июня 2007 г.). Смоленск: Смоленский государственный университет, 2007. С. 61 – 64.
7. Кузнецова А.И. Количественные критерии выделения центра и периферии // Сопоставительное языкознание. 1985. № 6. С. 16 – 25.
8. Ласточкина Е.В. Интимизация повествования в книге Сергея Довлатова «Наши» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 114 –116.
9. Полевые структуры в системе языка / Науч. ред. проф. З.Д. Ярцева. Воронеж: ВорГУ, 1989. 198 с.
10. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 254 с.

References

1. Bel'chikov Ju.A. Ob intimizacii izlozhenija v ocherkah 70-80-h godov XIX veka. Issledovanija po slavjanskoj filologii. Russkaja rech'. M., 1974. № 6. S. 38 – 43.
2. Denisova S.P. Intimizacija kak odna iz specificheskikh chert. Status stilistiki v sovremennom jazykoznanii: tezisy dokladov. Perm', 1990. S. 179 – 188.
3. Zhitenev A.A. Intimizacija kak hudozhestvennaja strategija: Opyt Serebrjanogo veka. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 334. S. 7 – 10.
4. Kuznecova A.A. Intimizacija povestvovanija. Kul'tura russkoj rechi. M.: Flinta, 2003. S. 224.
5. Kuznecova A.A. O polevoj organizacii figur, postroennyh po principu sintaksicheskogo parallelizma. Jazykovaja situacija v Rossii nachala XXI veka. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (18-20 oktjabrja 2002 g. Kemerovo). Kemerovo, 2002. T. 1. S. 292 – 300.
6. Kuznecova A.A. O polevoj organizacii stilisticheskikh figur, postroennyh po principu perestanovki. Ritorika v svete sovremennoj lingvistiki: Tezisy dokladov Pjatoj mezhvuzovskoj konferencii (4-5 ijunja 2007 g.). Smolensk: Smolenskij gosudarstvennyj universitet, 2007. S. 61 – 64.
7. Kuznecova A.I. Kolichestvennye kriterii vydelenija centra i periferii. Sopostavitel'noe jazykoznanie. 1985. № 6. S. 16 – 25.
8. Lastochkina E.V. Intimizacija povestvovanija v knige Sergeja Dovatova «Nashi». Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 6 (24): v 2-h ch. Ch. I. С. 114 –116.
9. Polevye struktury v sisteme jazyka. Nauch. red. prof. Z.D. Jarceva. Voronezh: VorGU, 1989. 198 s.
10. Shhur G.S. Teorija polja v lingvistike. M.: Nauka, 1974. 254 s.

*Kuznetsova A.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Siberian Federal University*

On the question of the functional–semantic field of speech intimization

Abstract: the study of issues related to speech impact is a promising direction in modern linguistics. The aim of the article is to appeal to the speech intimization from the positions of functional-semantic analysis and field structuring. The main tasks of the article are connected with identification of speech and/or language means characteristic for speech intimization and description of its functional-semantic field.

The field structuring method, which is aimed at describing the functional-semantic field of speech intimization, implemented by different-level linguistic means, will allow to present a partial model of functional-semantic field of speech intimization, that will help in further research to discover the relationship between the techniques of speech intimization within the framework of sub-strategies of dialogization and pseudo-dialogization of speech (in the latter case – a way of intimization of speech with manipulative tactics; mechanisms and nature of interaction of their use in the structure of manipulative text; substrategy labeling of imaginary dialogue of speech as a manipulative substrategy of the discord strategy) to determine the degree of influence of speech initialization on the recipients in terms of informative-semantic and pragmatic levels in political communication, pedagogical communication and other spheres of communication.

Keywords: speech intimization, communicative strategies and tactics, functional and semantic field of speech intimization

For citation: Kuznetsova A.A. On the question of the functional–semantic field of speech intimization. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 158 – 162.

Received: May 31, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Новикова Л.В., кандидат филологических наук, доцент,
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых*

К вопросу об унификации терминологии в экономической системе в межкультурной коммуникации

Аннотация: целью настоящего исследования является выявление приемлемых переводческих решений при переводе англоязычной экономической терминологии. Перед автором стояла задача раскрыть сущность процесса унификации терминов. Объектом нашего изучения является исследование терминологического пласта лексики в бизнес-сфере. Актуальность данной статьи детерминирована тем фактом, что при переводе экономических терминологических единиц архи важно найти верные переводческие решения, которые позволят правильно и точно передать смысл термина, емкость, представить его новые свойства и признаки. Использование унифицированных терминов в экономической области открывает большие возможности межъязыкового общения. В статье рассматриваются переводческие решения, приводятся примеры на английском и русском языках, объясняются унифицированные термины, используемые в бизнес-сфере. Представлен анализ наиболее частотных терминов, а также приводятся примеры их употребления в российских и зарубежных источниках. Основным методом нашего исследования является метод сравнительного анализа русских и английских унифицированных терминов в области экономики.

В качестве материала для работы послужили научные статьи, периодические издания и труды российских и зарубежных ученых в экономической сфере.

Ключевые слова: унификация, перевод, уровни эквивалентности, терминообразование, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Новикова Л.В. К вопросу об унификации терминологии в экономической системе в межкультурной коммуникации // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 163 – 167.

Поступила в редакцию: 7 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

На международной арене экономика завоевывает все больше и больше мирового пространства и это требует унификации экономической бизнес-терминологии в межкультурном пространстве. Некорректный перевод терминов может привести к серьезным последствиям, таким как потеря партнеров и клиентов, убытки и репутационные проблемы. Экономическая лексика представляет собой специальный словарный запас, который представляет нам термины и понятия, связанные с экономикой и бизнесом. Она отражает экономические процессы, отношения между людьми, организациями, экономическую ситуацию и в нашей стране, и за рубежом. Экономическая лексика является важной частью нематериального культурного наследия народов, сообществ и сохраняет их экономические и социальные ценности.

При переводе следует помнить, что большинство терминов имеют соответствующие и устоявшиеся эквиваленты в русском языке, что может облегчить процесс перевода. Из теории перевода мы знаем, на сегодняшний день, такие трансформации, применяемые при переводе терминов как, семантический эквивалент или под которым подразумевают также функциональный аналог, заимствования, как правило имеющие наибольший процент использования в переводе, транскрипции и транслитерации, как самые частотные трансформации, калька и экспликация, считаются не менее продуктивными трансформациями.

Хорошо известно, что применение транслита и транскрипции в переводе материалов разных языков, существенно отличаются как по графической структуре, так и по фонетическому оформлению.

Ниже приведен анализ и даны примеры различных методов перевода на примере экономической газеты «CNBC». Например, “Nick spoke CNBC earlier that he owns some bitcoin and sees it as a good inflation curtain” [1].

Переводчик может применить синонимический перевод слов “spoke” или “told” – Ник «сказал», а также экономический термин “inflation” перевести соответствующим термином в русском языке «инфляция».

Неологизм, появившийся в английской бизнес сфере, например, «bitcoin» на русском языке фонетически звучит как биткойн и биткойн, а в письменном переводе оформляется как транслитерацией, это раз и как транскрипцией – это два. При калькировании слова частично переводятся так же, как и фразы, а затем частично объединяются. В процессе перевода составные части могут переставляться, добавляться предлоги и заменяться части речи, к примеру составная часть слова может быть заменена словом другой части речи. Прием «калькирование», вполне оправдан к такому термину, например, как “hyperinflation” – «гиперинфляция».

Как для смысловых, так и для функциональных эквивалентов могут нередко использоваться общепринятые в терминосистеме и русские эквиваленты, полностью или частично воспроизводящие семантику англоязычного термина. Например, “capital productivity” переводчик может применить русскоязычный аналог – «фондоотдача», часто применяемый термин при переводе.

Заемствования из разных языков, и в частности, из английского языка играют немаловажную роль в системе терминообразования, употребляемых в бизнес сфере и представляют собой образуют значительную группу бизнес терминов, например, в русском языке. Термины “marketing”, “investor” – в русском языке «маркетинг» и «инвестор» давно и прочно вошли в обиход не только при переводе экономической литературы, но и в употребление в обычной жизни среди людей различных профессий.

Например, “Billionaire investor Paul Tudor Jones has called for a period of rising inflation” [1]. Перевод: «Миллиардер и инвестор Пол Тюдор Джонс предупреждает о наступающим периоде роста инфляции». Термины «investor» и “marketing”, признаются как самые частотные терминоединицы, являющиеся заимствованиями из английской экономической сферы.

Когда невозможно найти подходящий эквивалент в русском языке, используются такие способы перевода, как объяснительный или описательный перевод. Так, например, к частотному словосочетанию в экономической сфере “door-to-door” применяется, большинством переводчиков только либо объяснительный, либо описательный приемы - «услуга перевозки груза от продавца покупателю».

Одной из распространенных проблем, с которой сталкиваются переводчики, является существование так называемых «ложных друзей переводчика», являющихся либо словами либо терминами, которые кажутся похожими в двух языках, но имеют разные значения. Это явление может иметь серьезные последствия, особенно в экономической и юридической областях, где необходимы точные формулировки.

Существование «ложных друзей переводчика» демонстрирует важность глубокого знания языка оригинала, чтобы избежать любой путаницы, которая может возникнуть в переведенном языке. Даже незначительные различия в значении могут создать серьезные проблемы для переводчика. Эти задачи могут варьироваться в зависимости от контекста и характера переводческого проекта.

Чтобы избежать распространенных ошибок, связанных с «ложными друзьями», профессиональные переводчики часто полагаются на контекст и исследования. Они могут обращаться к техническим словарям, глоссариям и другим справочным материалам, чтобы установить правильное значение того или иного слова. Они также стремятся поддерживать эффективную коммуникацию со своими клиентами, чтобы понять контекст и цель текста перевода. К примеру: “The people who wish to buy goods and services are called consumers and the goods that they buy are called consumer goods” [1].

Перевод: «Потребители – люди, которые желают приобрести товар или услугу, эти товары называются потребительскими товарами».

Таким образом, стоит отметить, что переводческие преобразования необходимы при переводе экономических терминов. Переводчики должны учитывать, как лингвистические, так и экстралингвистические факторы при интерпретации экономических терминов, используя различные методы и стратегии перевода, которые мы привели в своей статье выше, а именно транскрипция, транслитерация, лексическое заимствование и другие.

Унификация терминов-процесс обеспечения того, чтобы терминология, в частности используемая в конкретной области, была стандартизированной и непротиворечивой. Это процесс имеет решающее значение во многих областях, включая здравоохранение, экономику и бизнес, технологии и многие другие области.

Итак, согласно трактовке «Словаря иностранных слов» унификация – это подведение чего-либо под единую систему, приведение к единообразию [2, с. 322]. Работа по унификации проводится на всех уровнях – логическом, содержательном и лингвистическом. Экономическая терминология является уникальным пластом лексики, поскольку она включает в себя широкий спектр специфических слов и фраз. Эта терминология специфична только для поля экономики и существенно отличается от лексики, используемой в других областях.

Подробно разберем несколько примеров. Первый пример. «Смягчение монетарной политики – это индикатор рецессии, ведь когда падает потребительская активность, рост цен замедляется [3]. Translation: “Monetary policy easing is an indicator of a recession, because when consumer activity falls, price growth slows down”. Ключевой термин здесь – «монетарная политика» – это инструмент, использующийся в экономике странами, чтобы влиять на макроэкономическую среду, чтобы увеличить или уменьшить денежную массу. Данному термину также присуще определение, что это важнейший макроэкономический элемент, влияющий на потенциал «денежно-кредитной системы» способный влиять на денежное предложение и, соответственно, на ставку процента, а через нее на инвестиции и реальный ВВП» [4, с. 50].

При переводе данного термина можно воспользоваться калькированием и транслитерацией, так как формулировка этого термина на русский язык эквивалентна формулировке на английском языке.

Второй пример. «Обязанность по исполнению опциона ложится на его продавца, который может выступать как покупателем, так и продавцом базового актива». [5]. Translation: “The obligation to execute an option falls on its seller, who can act as both a buyer and a seller of the underlying asset”.

В данном примере стоит уделить внимание термину «опцион» и его переводу на английский язык. Словарь иностранных слов уже дает нам четкое определение этому слову: «Опцион – это контракт, закрепляющий право покупателя на покупку или продажу определенного актива по определенной цене и в течение определенного срока, а также обязательство продавца опциона поставить или принять данный актив на указанных условиях» [9, с. 40]. При использовании при переводе данного определения, нужно иметь в виду, что синонимом термина «опцион», в данном контексте является слово «возможность» или «опция». Таким образом можно калькировать этот термин или прибегнуть к заимствованию.

Третий пример. «Стоит ли вкладчикам и потенциальным заемщикам готовиться к повышению ставок в ближайшее время?» [6]. Translation: “Should depositors and potential borrowers prepare for a rate hike in the near future?”. Этот пример иллюстрирует ситуацию на внутреннем финансовом рынке. Речь идет о том, что процентная ставка идет на повышение и это вопрос заставляет задуматься вкладчиков, о том, стоит ли им рисковать в данной ситуации. Здесь переводчику стоит прибегнуть к дословному переводу. Необходимо отметить, что данный термин был унифицирован и выражается в большинстве языков именно словом «rate».

Четвертый пример. Сафин А. в своей работе под названием «Рыночная экономика – что это такое» определяет рыночную систему со своей позиции и считает, что она имеет в своей основе несколько право приемлемых принципов, как-то: свободы экономики и предпринимательства, конкурентное ценообразование и разнообразие форм собственности [7]. Translation: “A market economy is a system based on the principles of freedom of entrepreneurship, diversity of ownership forms, and competitive pricing”.

В данном примере стоит обратить внимание на словосочетание «конкурентное ценообразование», которое имеет прямое соответствие на английском языке. При переводе помимо обращения к экономическому словарю бизнес-терминов, стоит конкретизировать это понятие.

Также термин «предпринимательство» является одним из примеров межкультурной унификации терминосистем.

Пятый пример. «Прямое регулирование экономико-правового режима функционирования субъектов естественной монополии – это прежде всего регулирование тарифов, оказывающих непосредственное влияние на общественное благосостояние» [8]. Translation: “Direct regulation of the economic and legal regime of the functioning of natural monopoly entities is primarily the regulation of tariffs that have a direct impact on public welfare”.

В представленном примере нужно обратить внимание на перевод таких терминов как “economic and legal regime”, “monopoly”, “tariffs”. Естественная монополия представляет собой структуру, на которой главенствует одна компания или поставщик. В данном случае нужно прибегнуть либо к смысловому развитию, либо к прямому заимствованию или транслитерации.

Таким образом, из приведенных ниже примеров, стоит заключить, что большинство финансово-экономических терминов в русском языке имеют прямую интерпретацию и соответствие в английском языке. Это означает, что унификация терминологии способствует пониманию людей по всему миру, и дает четкий стандарт отраслевой терминологии.

Также стоит отметить, что большинство терминов взяты из английского языка или романо-германского семейства языков. Это в купе с достаточно характерной терминологией, упрощает локализацию того или иного экономического бизнес-термина.

Литература

1. Авербух К.Я. Общая теория термина М.: Издательство МГОУ, 2006. 241 с.
2. Аналитический центр сервиса «Банки.ру» Что будет с ключевой ставкой в 2023 году и как она повлияет на вклады и кредиты / Аналитический центр сервиса «Банки.ру». URL: <https://www.banki.ru/news/research/?id=10980931> (дата обращения 14.05.23)
3. Джин В. 7 индикаторов рецессии в экономике / под ред. «Тинькофф журнал». URL: <https://journal.tinkoff.ru/short/macro-indicators/> (дата обращения: 14.05.23)
4. Жоли Ю. Бизнес в эпоху стейкхолдеров / под ред. «Большие идеи». URL: <https://big-i.ru/management/strategiya/biznes-v-eru-steykholderov/> (дата обращения: 14.05.23)
5. Лейчик В.М. Проблемы отечественного терминоведения. М. 2000. 160 с.

6. Мингалимова А.В. Проблемы тарифного регулирования естественных монополий. URL: https://phsreda.com/ru/article/33260/discussion_platform (дата обращения: 14.05.23)
7. Сафин А. Рыночная экономика – что это такое / Артур Сафин под ред. «СовкомБлог» URL: <https://sovcombank.ru/blog/glossarii/> (дата обращения 14.05.23)
8. Словарь бизнес-терминов / под ред. Г. Бетс, С. Уильямс. М.: Общая редакция, 2005. 189 с.
9. Словарь иностранных слов / под ред. Е.Н. Захаренко. М.: Азбуковник, 2008 416 с.
10. Словарь финансово экономических терминов / под ред. А.В. Шарковой, А.А. Килячкова, Е.В. Маркина. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. 1168 с.
11. Цаглова Р.С. Лексико-семантические особенности политико-экономической терминологии. М.: Издательство Московского университета, 1995. 104 с.
12. CNBC Newspaper [Electronic Resource]. URL: <https://www.cnbc.com/world/?region=world> (дата обращения 14.05.23)
- 13 Haiting F. Political Culture of Transforming Countries. Beijing: Peking University, 2020. 74 p.

References

1. Averbuh K.Ja. Obshhaja teorija termina M.: Izdatel'stvo MGOU, 2006. 241 s.
2. Analiticheskij centr servisa «Banki.ru» Chto budet s kljuchevoj stavkoj v 2023 godu i kak ona povlijaet na vklady i kredity. Analiticheskij centr servisa «Banki.ru». URL: <https://www.banki.ru/news/research/?id=10980931> (data obrashhenija 14.05.23)
3. Dzhin V. 7 indikatorov recessii v jekonomike. pod red. «Tin'koff zhurnal». URL: <https://journal.tinkoff.ru/short/macro-indicators/> (data obrashhenija: 14.05.23)
4. Zholi Ju. Biznes v jepohu steykholderov. pod red. «Bol'shie idei». URL: <https://big-i.ru/management/strategiya/biznes-v-eru-steykholderov/> (data obrashhenija: 14.05.23)
5. Lejchik V.M. Problemy otechestvennogo terminovedenija. M. 2000. 160 s.
6. Mingalimova A.V. Problemy tarifnogo regulirovanija estestvennyh monopolij. URL: https://phsreda.com/ru/article/33260/discussion_platform (data obrashhenija: 14.05.23)
7. Safin A. Rynohnaja jekonomika – chto jeto takoe. Artur Safin pod red. «SovkomBlog» URL: <https://sovcombank.ru/blog/glossarii/> (data obrashhenija 14.05.23)
8. Slovar' biznes-terminov. pod red. G. Bets, S. Uil'jams. M.: Obshhaja redakcija, 2005. 189 s.
9. Slovar' inostrannyh slov. pod red. E.N. Zaharenko. M.: Azbukovnik, 2008 416 s.
10. Slovar' finansovo jekonomicheskij terminov. pod red. A.V. Sharkovoj, A.A. Kiljachkova, E.V. Markina. M.: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K», 2015. 1168 s.
11. Caglova R.S. Leksiko-semanticheskie osobennosti politiko-jekonomicheskoj terminologii. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1995. 104 s.
12. CNBC Newspaper [Electronic Resource]. URL: <https://www.cnbc.com/world/?region=world> (data obrashhenija 14.05.23)
- 13 Haiting F. Political Culture of Transforming Countries. Beijing: Peking University, 2020. 74 p.

*Novikova L.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs*

On the issue of unification of economic business terminology in the intercultural communication

Abstract: the purpose of this study is to identify acceptable translation solutions when translating English-language economic terminology. The author was faced with the task of revealing the essence of the process of unification of terms. The object of our study is the study of the terminological layer of vocabulary in the business sphere. The relevance of this article is determined by the fact that when translating economic terminological units, it is important to find the right translation solutions that will correctly and accurately convey the meaning of the term, capacity, and present its new properties and features. The use of unified terms in the economic field opens up great opportunities for interlanguage communication. The article discusses translation solutions, provides examples in English and Russian, explains the unified terms used in the business sphere. The analysis of the most frequent terms is presented, as well as examples of their use in Russian and foreign sources. The main method of our research is the method of comparative analysis of Russian and English unified terms in the field of economics. Scientific articles, periodicals and works of Russian and foreign scientists in the economic sphere served as the material for the work.

Keywords: unification, translation, equivalence levels, terminology formation, intercultural communication

For citation: Novikova L.V. On the issue of unification of economic business terminology in the intercultural communication. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 163 – 167.

Received: June 7, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Похаленков О.Е., доктор филологических наук, доцент, профессор,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Никуличева С.Е.,
Институт филологии и массмедиа,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского*

Обряд инициации в романе Эриха Марии Ремарка «Жизнь в займы или небо не знает фаворитов»

Аннотация: целью представленной работы является анализ обряда инициации применительно к роману знаменитого немецкого писателя-антифашиста Эриха Марии Ремарка «Жизнь в займы или небо не знает фаворитов» (1959). Творчество Ремарка традиционно принято относить к «потерянному поколению», что, несомненно, ведет к определенным штампам в рассмотрении поэтики его произведений. Актуальность и научная новизна обусловлена нетрадиционной интерпретацией образов центральных персонажей – гонщика Клерфе и его возлюбленной Лилян. Отталкиваясь от теории М. Элиаде и других ученых-культурологов и литературоведов-фольклористов, авторы проецируют трехчастный сценарий инициации (1. законченная инициация в мир войны, без обращения назад в мирное пространство; 2. уход из среды, в которую помещается субъект, от традиционных ценностей и пренебрежение естественностью первобытности; 3. существование субъекта сводится к постоянному совершению обрядовых действий для достижения смерти) на образный и мотивный уровни романа (включая в анализ художественное пространство). Итогом исследования стала новая трактовка смерти в автокатастрофе героя – Клерфе, который проходит три стадии инициации. Было обнаружено, что сюжет «Жизни в займы...» подчиняется своеобразному алгоритму инициации, которую совершает «потерянный» герой Первой мировой войны.

Ключевые слова: Э.М. Ремарк, инициация, образ, мотив, герой, потерянное поколение

Для цитирования: Похаленков О.Е., Никуличева С.Е. Обряд инициации в романе Эриха Марии Ремарка «Жизнь в займы или небо не знает фаворитов» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 168 – 172.

Поступила в редакцию: 3 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Обряд инициации не раз становился объектом рассмотрения в рамках разных наук: психологии, социологии, литературоведения, этнологии и религиоведения. Самыми известными исследованиями стали «Архетипы и коллективное бессознательное» (1960) К.Г. Юнга по аналитической психологии [12], «Элементарные формы религиозной жизни» Э. Дюркгейма (1912) по анализу религиозных обрядов [1], обширный двенадцатитомник Дж. Дж. Фразера «Золотая ветвь» (1928) [10], посвященный исследованию трансформации религий и, наконец, фундаментальная литературоведческая работа В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки» (1939) [8].

Стоит отметить, что материалом для анализа сущности понятия всегда был текст. Инициация является процессом, лежащим, пожалуй, в основании зарождения древнейших памятников. Как известно, первейшими текстами были тексты религиозные. В них передавались в иносказательной или прямой форме обусловленные определенным событием инициации. «Под инициацией обычно понимаю совокупность обрядов и устных направлений, цель которых – радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого», – пишет М. Элиаде, крупнейший исследователь религиозного символизма [11, с. 12]. Именно стремление сохранить сценарии ритуалов и «божественный» язык жрецов стало импульсом к созданию письменности. Сведения об особенностях инициаций сохранились и в фольклоре. На это указывают Р. Ефимкина и М. Горлова: «сценарий инициации в символической форме прослеживается, например, в структуре волшебных сказок в виде смертельных испытаний героя, которые он с честью проходит, в результате чего повышается его социальный статус» [2]. В качестве другого примера можно привести распорядки ритуалов свадебных посвящений, погребальных обрядов, которые сопровождались набором зафиксированных и регламентированных действий, сопровождаемых, по традиции приговорами. Религия для общества изначально была духовно объединяющим, связывающим элементом, поэтому ее содержание стояло в центре миропонимания, поэтому религиозные традиции, как компоненты ведущей деятельности человека, запечатлевались в древнейших текстах. Однако нас интересовать будут не тексты обрядов, а тексты об обрядах.

Инициация в традиционном понимании – это переход. Все последующие уточнения непосредственно определяют типы и виды инициации. Материалом представленного исследования послужило произведение Э.М. Ремарка «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов» (1959) [9]. Именно в нем, на наш взгляд, меняется исходная позиция выделенного принципа инициации. Точкой отправления является не умирание, без которого невозможно возрождение, а умирание с достижением конечной цели, т.е. смерти. Фабула построена так, что все события – это стадии обращения от жизни к смерти. Герои романа проходят несколько инициаций на различных ступенях одного общего перехода в мир мертвых. По архетипической логике процесс инициации служит необходимым инструментом и является способом переместиться в высший мир, то есть совершив ряд обрядов, получить вознаграждение в виде жизни на следующем уровне или в следующем статусе. Мотив инициации в исследованиях практически всегда включен в канву архетипического. Элиаде говорит об «архетипическом поведении психики» [11], Мелетинский о «мифической ментальности» [4, с. 7]. Таким образом, сознание исторически запрограммировано, настроено на возможность таких обрядовых действий, которые перерождают человека. Ефимкина и Горлова также не упускают тот факт, что начало инициации всегда связано с надеждой и верой обращаемого не только в возможность перерождения, но и в успешность этого процесса: «иницируемый удаляется от людей, подвергается смерти-трансформации, причем он искренне уверен в том, что умирает, и наконец возрождается уже другим человеком» [2]. Не так много сказок, в конце которых главный герой не смог инициироваться, так как теряется смысл рассказывания – повести о том, как произошел переход из одного статуса в другой. В тоже время в романе Ремарка инициация обладает обманчивым характером. Герои, доверяясь интуитивному осознанию происходящего, как испытания и пройдя все стадии умирания, в конечном итоге вместо обретения жизни получают в награду смерть. Не мнимую, «игровую», обрядовую смерть, за которой чудесным образом следует воскресение, а реальное биологическое прекращение жизни. Мы предполагаем, что Ремарк сознательно не дает логическое, традиционно предусмотренное завершение мотива инициации, так как невозможность центрального персонажа стать неопитом вписывается в идейные положения литературы «потерянного поколения». Отметим, что главный герой романа «Жизнь взаимы или небо не знает фаворитов» – бывший солдат. В разговоре со своей возлюбленной он приоткрывает свое фронтовое прошлое: «В лагере. Для военнопленных. В войну. Но у нас-то все наоборот было. Мы куковали в низине, на болотах, и Швейцарские Альпы казались нам вратами свободы» [9].

Известно, что в раннем романе Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» Пауль Боймер иницируется во взрослый мир по всем канонам обрядовых культов, его переход традиционен [6]. Но при этом писателю-антимилитаристу было важно показать искажение привычной человеческой, первозданной, традиционной действительности, пришедшее вместе с Великой войной. Поэтому естественная инициация молодого человека неестественна, потому как выполняемые им действия не обряд и не игра, а страшная реальность – война. Все же герой романа Ремарка «На западном фронте без перемен» (1928) проходит три этапа традиционной инициации (см. подрб.: [6, с. 200]) и действительно приобретает новый статус и становится частью мира войны. В то время как «вернувшийся» герой в романе «Жизнь взаимы или небо не знает фаворитов» проходит инициацию неудачно. Такие сюжетные ситуации тоже возможны. Примеры отражения таких случаев можно найти в сказках: «сказка показывает другую возможность, которую демонстрирует сводная сестра или сестры героини, родные дочери мачехи. Увидев успех падчерицы, последняя снаряжает своих родных дочек в лес, чтобы и они разбогатели. Они, в отличие от героини, не справляются с испытанием и изгоняются с позором либо погибают. Сказка показывает стратегию прохождения инициации, которая, кстати, если говорить об исторических параллелях, не была исключением» [2]. Ученые объясняют неудачную инициацию недостатком усилий и желания достигнуть нового статуса. Мы не можем согласиться с таким объяснением для нашего случая. Нами предполагаются два варианта неудачной инициации Клерфэ в романе Ремарка «Небо не знает фаворитов»: отсутствие мотива инициации в романе вовсе и неспособность «вернувшегося» к перерождению. Мы склоняемся ко второму исходу решения заданного вопроса и считаем верной мысль о том, что «вернувшийся» не может инициироваться при традиционных условиях, так как предыдущая инициация трансформировала его не во взрослого неопита, а в статус старика и следующим пространством, куда иницируется герой, является смерть.

В двадцатом веке интерес к инициации возрос не только в исследовательских, научных кругах, но и среди писателей: «Целая плеяда критиков интерпретирует подобным образом литературу модернизма, склонного к мифологизации» [4, с. 8]; «Архетип прохождения героем посвятительных испытаний дает определенные отголоски и в литературе Нового времени» [4, с. 7]. Как нами уже отмечалось ранее архетипическое присуще образам в ремарковских романах: «непреднамеренно взятые писателем из общеизвестной парадигмы мифов образы, схемы переносятся в романы и функционируют в них, позволяя интерпретировать их в соответствии со значением заимствованного образа» [7].

Под инициацией героя мы подразумеваем выделенный в фабулу романа период инициации не героя конкретного ремарковского романа, а ремарковского героя в принципе. Таким образом, можно выделить следующие этапы инициации героя «потерянного поколения», каждый из которых имеет свою специфику: 1) военный этап (в нем перемешиваются два хронотопа: фронтовой и мирный); 2) этап адаптации после войны (события разворачиваются в мирном пространстве, но сознание героя погружено во время и в пространство военных лет); 3) поствоенный этап (герой делает попытки адаптироваться в мирном пространстве).

Роман Эриха Марии Ремарка «Жизнь взаимы, или Небо не знает фаворитов» начинается с пути героя – Клерфэ в горы. Что само по себе не может не натолкнуть на мысль о перемещении в иное, мифическое пространство. При этом подъем Клерфэ «вверх» сопровождается цепочкой символических образов и «сказочных» испытаний. Дорога его описывается с криков воронов («над придорожными столбами галдело воронье» [9]), образ которых отзывается в сознании, как фольклорный образ. За этим следует описание встречи с призраком прошлого фашистской родины – Геринга. Сначала Клерфэ действует пассивно и не пытается преодолеть препятствие, так как для этого ему придется вернуться, что не является возможным во время инициации. Следующие два испытания Клерфэ также успешно проходит. починка машины и «укрошение зверей» (в этом случае лошадей). Здесь снова наличествует отсылка к первобытности, как признаку, относящему инициацию к ритуальной древности, естественности, которыми пренебрегли люди в век цивилизации. Составляющий содержание инициации порядок действий, предложенный Е.М. Мелетинским, соблюден: «подвиги часто осмысляются в плане биографии героя, т.е. как его “посвящение”, инициация, в ходе которой герой или приобретает сверхъестественные силы, или доказывает свою героическую сущность» [4, с. 9]. Клерфэ успешно попадает в мир мертвых – то, что санаторий в Швейцарии является мифическим пространством (нижний зал, например, называется «Чистилище»). Далее, герой спасает из заточения прекрасную девушку, сбегает, в конце концов, из санатория. По традиции обрядовых инициаций неопит получает желаемое, за тем следует счастливый конец. История Клерфэ заканчивается неожиданно трагично – он погибает, разбившись на гонках.

Некоторыми исследователями также отмечается и возможность внутренней инициации, как трансформации души. Ефимкина и Горлова вслед за психологами сравнивают возрастную инициацию с психологическим кризисом, поиском себя и своего места в жизни. Это как бы является третьим смыслом инициации сказочной, скрытым за первоначальным сюжетным и вторичным – мифическим, обрядовым. Такой канон соблюдается и Ремарком. Путь Клерфэ также сопровождается открытым рядом экзистенциальных вопросов. Например, его монолог в трактире: «Чего ради я сюда мчался? – думал Клерфэ. – На лыжах кататься вроде бы уже не сезон. Из сострадания?» [9]. После осознания желания Клерфэ остаться с Лилиан, время действия в романе словно ускоряется. Герой не возрождается в новом качестве, он умирает. Важным будет отметить, что он не просто мечтает о женитьбе и о семье, но пытается нарушить негласный кодекс людей своей касты – «вернувшихся». Весь его путь перехода в новое качество – попытка изменить свой статус и, следовательно, роль, соответствующую этому статусу. Лилиан реагирует на предложение Клерфэ выйти замуж так: «Это не для меня, – подумала Лилиан. Но что вдруг случилось с Клерфэ? <...> Клерфэ перестал быть погибшим человеком; у него вдруг появилось будущее» [9]. И как только он подумал, что может иметь устройство в жизни, исход его был предreshен. На следующей же гонке Клерфэ погиб. После его смерти Лилиан вернулась в санаторий и умерла (о чем сообщил автор с виде некролога): «Лилиан умерла через шесть недель после своего приезда, в светлый летний день, такой тихий, что казалось, природа затаила дыхание. Она умерла быстро, неожиданно и в полном одиночестве» [9].

Всему произошедшему в романе, а не только конкретному случаю после гонок Лилиан дает такую оценку: «Произошла какая-то непоправимая путаница, кто-то сыграл с ними мрачную, зловещую шутку» [9]. В этом высказывании заключен парадокс всего романа – парадокс неудавшейся инициации. Остается открытым вопрос о правомерности, возможности к трансформации субъекта, исходными признаками которого являются: 1) законченная инициация в мир войны, без обращения назад в мирное пространство; 2) уход среды, в которую помещен субъект, от традиционных ценностей и пренебрежение естественностью первобытности; 3) существование субъекта сводилось к постоянному совершению обрядовых действий для достижения смерти.

Ключевых пространств, связанных с настоящим временем, в тексте романа три: санаторий, Париж (его округ и отдельные улицы, например, Монмартр), Рим. Следует оговорить, что весь роман построен по принципу многочисленных пространственных перемещений. Останавливаться на всех географических точках мы не считаем целесообразным, поэтому обозначаем существенные для общей концепции романа хронотопы.

О санатории и пути инициации в него мы писали ранее, поэтому подробнее остановимся на трех последних городах. В начале романа Клерфэ и Лилиан встречаются и совместно проходят все этапы, за исключением нескольких случаев, когда они расходились и проходили инициацию в одном и тоже месте отдельно друг от друга. Об этом подробнее мы скажем при анализе таковых пространств.

Дорога в Париж заслуживает особого внимания, так как путь героев проходил через подземный тоннель, о котором Лилиан говорит следующее: «Еще пара минут – и Лилиан стало казаться, будто ее уносит по шахтному створу в самую глубь земли. Дохнуло стылým удущьем склепа. Грохот поезда тысячекратно усугублялся эхом подземелья» [9]. Из этого следует, что для того, чтобы спуститься с гор, верхнего пространства, необходимо было снова умереть.

Париж – это место преображения, перевоплощения, трансформации. Лилиан оказывается в Париже в первый раз за долгое время, для Клерфэ – это привычная среда. На протяжении того, как Лилиан находилась в Париже, она преображалась. Внешнее ее изменение произошло, когда она закупила одежду известных брендов: «А мне – к Баленсиаге. Купить платья» [9]. Ее внешнее перевоплощение комментируется работницами модного дома: «Вы в нем прямо как падший ангел» [9]. Действия Лилиан это обряд, связанный с традиционным сказочным метаморфизмом. Т.В. Краюшкина в своей работе «Группа мотивов изменения внешнего облика человека в русской народной волшебной сказке: типы и функции» отмечает основные мотивы внешней трансформации: «В группу мотивов состояний изменения внешнего облика входят оборотничество, мотивы “быть одетым” и “быть обутым”, маскарад, нагота, обнажение и заголение, прятки» [3, с. 73]. Большинство перечисленных мотивов может быть сопоставлено с действиями Лилиан в Париже. Таким образом, сущность Лилиан изменяется. Это отмечает Клерфэ в первую встречу: «Лилиан изменилась сама по себе <...> эта женщина только что перешагнула через мистическую грань детства и хотя еще сохранила его очарование, но уже приобрела тайную уверенность в своих женских чарах» [9]. Итак, посредством обряда погребения (спуска по тоннелю) и обращения Лилиан (переодевания, обнажение и т.д.) героиня иницируется в мир Клерфэ.

На Ривьере (пространство между Италией и Францией) Клерфэ играет в казино и повторяет удачу Бориса Волкова до того, как он оказался в санатории: «За двенадцать кругов шарик шесть раз упал на тринадцать. Это была настоящая сенсация. Все ставили так же, как он. Так он дважды за ночь сорвал банк. Это был русский. Как же его звали? Кажется, Волков. Да, Волков» [9]. Все это указывает на определенный алгоритм инициаций, пройденных «потерянным» героем. Отчужденно существующая эстафета, которая начинается в санатории и в нем же заканчивается, как и действие романа.

Литература

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. М.: Элементарные формы, 2018. 736 с.
2. Ефимкина Р.П., Горлова М.Ф. Женская инициация и идентификация. Новосибирск: 2003. С. 18 – 37.
3. Краюшкина Т. В. Группа мотивов изменения внешнего облика человека в русской народной волшебной сказке: типы и функции // Вестник ЧелГУ. 2008. № 12. С. 73 – 78. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gruppa-motivov-izmeneniya-vneshnego-oblika-cheloveka-v-russkoy-narodnoy-volshebnoy-skazke-tipy-i-funksii> (дата обращения: 13.06.2023)
4. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГУ, 1994. 136 с.
5. Никуличева С.Е., Меликджанян Г.А. Женские образы в романе Э.М. Ремарка «Жизнь взаимы или Небо не знает фаворитов» // Инновации в отраслях народного хозяйства, как фактор решения социально-экономических проблем современности: сборник докладов и материалов XI Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 43 – 56.
6. Похаленков О.Е. Образ Пауля Боймера в романе Эриха Марии Ремарка «На западном фронте без перемен» // Русская филология: ученые записки смоленского государственного университета. Смоленск: СмолГУ, 2013. С. 178 – 201.
7. Похаленков О.Е., Никуличева С.Е. Парадигма женских образов в романах Эриха Марии Ремарка. Art Logos. 2022. № 3 (20). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigma-zhenskih-obrazov-v-romanah-erika-marii-remarka> (дата обращения: 13.06.2023)
8. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М.: Колибри, 2022. 640 с.
9. Ремарк Э.М. Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/003/306/013.htm> (дата обращения: 13.06.2023)
10. Фразер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: Атеист, 1928. Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/sacra/fraser-1volums-1.pdf> (дата обращения: 13.06.2023)

11. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.
12. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2022. 224 с.

References

1. Djurkgejm Je. Jelementarnye formy religioznoj zhizni. M.: Jelementarnye formy, 2018. 736 s.
2. Efimkina R.P., Gorlova M.F. Zhenskaja iniciacija i identifikacija. Novosibirsk: 2003. S. 18 – 37.
3. Krajushkina T. V. Gruppa motivov izmeneniya vneshnego oblika cheloveka v russkoj narodnoj volshebnoj skazke: tipy i funkcii. Vestnik ChelGU. 2008. № 12. S. 73 – 78. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/gruppa-motivov-izmeneniya-vneshnego-oblika-cheloveka-v-russkoj-narodnoj-volshebnoj-skazke-tipy-i-funktsii> (data obrashhenija: 13.06.2023)
4. Meletinskij E.M. O literaturnyh arhetipah. M.: RGU, 1994. 136 s.
5. Nikulicheva S.E., Melikdzhanjan G.A. Zhenskie obrazy v romane Je.M. Remarka «Zhizn' vzajmy ili Nebo ne znaet favoritov». Innovacii v otrasljah narodnogo hozjajstva, kak faktor reshenija social'no-jekonomicheskikh problem sovremennosti: sbornik dokladov i matebrrialov XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 2021. S. 43 – 56.
6. Pohalenkov O.E. Obraz Paulja Bojmera v romane Jeriha Marii Remarka «Na zapadnom fronte bez peremen». Russkaja filologija: uchenye zapiski smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. Smolensk: SmolGU, 2013. S. 178 – 201.
7. Pohalenkov O.E., Nikulicheva S.E. Paradigma zhenskih obrazov v romanah Jeriha Marii Remarka. Art Logos. 2022. № 3 (20). Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradigma-zhenskih-obrazov-v-romanah-eriha-marii-remarka> (data obrashhenija: 13.06.2023)
8. Propp V. Ja. Morfologija volshebnoj skazki; Istoricheskie korni volshebnoj skazki. M.: Kolibri, 2022. 640 s.
9. Remark Je. M. Zhizn' vzajmy, ili U neba ljubimchikov net. Rezhim dostupa: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/003/306/013.htm> (data obrashhenija: 13.06.2023)
10. Frazer Dzh. Dzh. Zolotaja vetv'. M.: Ateist, 1928. Rezhim dostupa: <http://yanko.lib.ru/books/sacra/fraser-1volums-1.pdf> (data obrashhenija: 13.06.2023)
11. Eliade M. Tajnye obshhestva. Obrjady iniciacii i posvjashhenija. SPb.: Universitetskaja kniga, 1999. 356 s.
12. Jung K.G. Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe. M.: AST, 2022. 224 s.

Pokhalenkov O.E., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor, Professor, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Nikulicheva S.E., Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

The rite of initiation in the novel by Erich Maria Remarque «Life in loans or Heaven has no favorites»

Abstract: the purpose of the presented work is to analyze the rite of initiation in relation to the novel by the famous German anti-fascist writer Erich Maria Remarque «Life on loan or Heaven has no favorites» (1959). Remarque's work has traditionally been attributed to the «lost generation», which undoubtedly leads to certain cliches in the consideration of the poetics of his works. The relevance and scientific novelty is due to the unconventional interpretation of the images of the central characters – the racer Clerfay and his beloved Lilian. Starting from the theory of M. Eliade, the authors project a three-part initiation scenario (1. complete initiation into the world of war, without turning back to peaceful space; 2. withdrawal from the environment in which the subject is placed, from traditional values and disregard for the naturalness of primitiveness; 3. the existence of the subject is reduced to the constant performance of ritual actions to achieve death) on the figurative and motivic levels of the novel (including the poetic space in the analysis). The result of the study was a new interpretation of the death in a car accident of the hero – Clerfay, who goes through three stages of initiation. It was discovered that the plot of «Life on Loan ...» obeys a kind of initiation algorithm, which is performed by the «lost» hero of the First World War.

Keywords: E.M. Remarque, initiation, image, motive, hero, lost generation

For citation: Pokhalenkov O.E., Nikulicheva S.E. The rite of initiation in the novel by Erich Maria Remarque «Life in loans or Heaven has no favorites». Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 168 – 172.

Received: June 3, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Черниченко Е.Н., соискатель, главный специалист,
Министерство просвещения Приднестровской Молдавской Республики,
Академия медиаиндустрии, Молдавия*

Прагматические особенности стилистических фигур в сжатых текстах массмедийного дискурса

Аннотация: в статье исследован один из вопросов актуальной проблемы прагматики медиатекста – свертывание его формальной структуры и уплотнения информационного плана без потери сообщаемой информации, реализуемой на основе закона речевой экономии. В массмедийном дискурсе сжатие текста происходит с помощью различных средств: синтаксических, морфологических, лексических, семантических, графических, стилистических.

Исследование объединило в себе анализ кратких медиатекстов и изучение в них стилистических фигур с целью выяснения прагматических функций последних. По результатам этой разведки в кратких массмедийных текстах активно используются такие стилистические фигуры, как инверсия, аллюзия, антитеза, градация, риторический вопрос, зевгма. Общеизвестными функциями для этих фигур являются экспрессивизация высказывания, его выражение, привлечение внимания читателя.

Проанализированы важные прагматические функции стилистических фигур в сжатых медиатекстах, а именно: функция конденсации информации и сокращение количественной структуры текстового сообщения. Инверсированный порядок слов в предложении позволяет сделать акцент в сообщении без привлечения дополнительных лексических компонентов. Аллюзия расширяет содержание благодаря смысловым ассоциациям, приносимым из текста-источника. В сжатых медиатекстах зафиксированы аллюзии из библейских, литературных, народных, кинематографических, песенных, общественно-политических, исторических источников. Антитеза объединяет противоположные явления и понятия, вызывая фоновые знания и создавая картину, насыщенную новыми значениями, которые выводятся из приведенных. Градация наращивает напряжение, а риторический вопрос побуждает читателя к активному ментальному соучастию в поднятой проблеме, привлекает ассоциации, расширяющие семантический план сообщения. Зевгма непосредственно сокращает количественный план сообщения, объединяя нетождественные члены предложения или части сложного предложения без привлечения нормативно необходимых компонентов с нарушением логических связей. Доказано, что стилистические фигуры способствуют семантической конденсации медиатекста и сокращению его формальной структуры.

Ключевые слова: медиатекст, сжатый медиатекст, стилистические фигуры, средства конденсации информации, семантическая конденсация

Для цитирования: Черниченко Е.Н. Прагматические особенности стилистических фигур в сжатых текстах массмедийного дискурса // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 173 – 177.

Поступила в редакцию: 30 мая 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Постановка проблемы

Исследование языка массмедиа стало значимой задачей современной функциональной лингвистики. Усиление внимания ученых-языковедов к медиатекстам вызвано теми сдвигами, которые испытывает язык массмедийного дискурса под влиянием новейших условий порождения медиатекста и распространение информации [1]. Новые каналы передачи информации способствовали трансформации жанров СМИ и изменили языковое оформление медиатекстов, среди которых популярными стали краткие тексты, к которым относятся произведения с повышенной информационной насыщенностью и семантически и формально свернутой структурой. В языкознании проблематика сжатых текстов не достаточно освещена и теоретически, и практически, хотя функционирование таких произведений стало феноменом нашего времени: традиционные и новейшие средства массовой информации активно используют все их разнообразие, высоко оценив преимущества, присущие произведениям этого вида. Благодаря ряду характерных особенностей: небольшой объем, информационная насыщенность, читабельность, жанровое разнообразие – они стали часто используемым способом подачи сообщений массмедийного дискурса. Заключение сжатого текста опирается на закон языковой экономии, позволяющий выбрать наиболее количественно короткие и информационно более емкие эквиваленты развернутых структур.

Среди большого количества средств речевой компрессии (синтаксических, морфологических, лексических, семантических, графических) в сжатых массмедийных текстах активно используют и стилистические,

а именно тропы и стилистические фигуры. Стилистические фигуры – распространенное средство текстообразования в СМИ. Их экспрессивная выразительность и речевая яркость влияют на эмоциональную сферу потребителей информации, привлекают внимание, побуждают к анализу сообщаемого.

Современный реципиент информационного континуума стал более требовательным и ждет от издателей более креативных текстов, поэтому использование стилистических фигур в массмедийном дискурсе стало распространенным средством привлечения внимания читателей и повышения интереса к медиапродукту.

Анализ исследований и публикаций

Стилистические фигуры в текстах средств массовой информации были в области пристального внимания таких ученых, как Т.Г. Добросклонская [2], Л.Р. Дускаева [3], Т.А. Жаркова [4], М.Ю. Казак [5], В.Г. Костомаров [6], Г.Я. Солганик [7]. Научные исследования в большинстве своем рассматривают экспрессивный потенциал стилистических фигур в медиатекстах и влияние их на читателя. В нашем исследовании мы подвергли контент-анализу медиатексты социальных медиа. Анализ научных работ по функциям стилистических фигур в языке СМИ показал следующее, например, не исследуется такая прагматичная функция, как семантическое уплотнение (компрессия) информации, актуальной для современных текстов, стремящихся удовлетворить запросы читателей на лаконичные сообщения с максимальным информационным наполнением.

Постановка задачи

Цель нашего исследования – раскрыть компрессивный потенциал стилистических фигур как средства сжатия семантической и формальной структуры кратких текстов массмедийного дискурса. Достижение данной цели предполагает решение следующих задач: 1) определить распространенные в сжатых медиатекстах стилистические фигуры; 2) охарактеризовать их прагматические функции.

Изложение основного материала

Многоплановость и интердискурсивность масс-медийного дискурса обусловлены его разнообразными функциями: информативной, манипулятивной, персуазивной, оценочной, когнитивной, культурной. А большое количество субдискурсов, формирующих массмедийный дискурс, повлекло за собой пестроту и яркость его языковой палитры [8]. Стремясь достичь экспрессивного эффекта, создатели сжатых текстов массмедиа пользуются всем многообразием стилистических фигур, которые способствуют, по нашему мнению, уплотнению информации.

Анализируя стилистическое наполнение сжатых медиатекстов, нами зафиксировано активное употребление таких стилистических фигур, как инверсия, аллюзия, антитезис, градация, риторический вопрос, зевгма. Среди них наиболее распространенной в медиатекстах мы должны назвать инверсию. Инверсия играет значимую роль в текстах массмедийного дискурса: эта стилистическая фигура позволяет сделать информационный акцент в сообщении без привлечения дополнительных выразительно-изобразительных средств.

Прямой порядок слов в речи, лингвисты считают эмоционально и информационно нейтральным. Когда главную или новую информацию выносят в начало сообщения, это сразу захватывает внимание реципиента: «Четыре дня родственники искали 87-летнюю жительницу поселка Маяк. В семь утра ушла в лес за грибами и заблудилась. Тело женщины нашли в лесополосе вблизи Тячева. Признаки насильственной смерти не обнаружили» (короткое сообщение).

И хотя мы не можем утверждать, что инверсия служит задачей количественного сжатия текста, все же должны подчеркнуть, что она часто применяется в текстах массмедиа с целью акцентирования на самом важном. Считаем, что в случае инверсии основное содержание предложения сохраняется, но изменение порядка слов позволяет внести дополнительные смысловые оттенки, усилившие выразительность слов.

Анализируя нашу подборку, обращаем внимание на то, что инверсионному порядку часто подлежат приложения, особенно, если в их составе имеется числовая информация: «15 758 рублей в месяц зарабатывает глава Администрации», «Из-за взрыва в Мали погибли трое миротворцев».

На первое место в предложении перед подлежащим часто также выносят обстоятельство места, подчеркивая, где произошло событие: «В Цыбулевке копы и равнодушные горожане спасли собаку, которую сбил автомобиль. Животное лежало на дороге и сильно скулило. Это услышали случайные прохожие, они вызвали полицию. Копы в свою очередь связались с ветеринаром и доставили собаку в ветклинику. Она выживет, надеются врачи»; «В Каменском районе более 2000 га земель передадут в собственность народа», «В Турции начались аресты подозреваемых в причастности к ИГ»; «В вашей жизни не все идет так гладко, как бы хотелось».

Также инверсированный порядок фиксируем и по условиям расположения сказуемого перед подлежащим, что усиливает динамику и развитие событий: «Молдову надвинули дожди со снегом»; «Выли сирены, били колокола»; «Уже в 19.00 состоится долгожданная премьера тревел-шоу #Мирамисокровищами!».

Семантическому уплотнению информации в медиатекстах способствует аллюзия. Трансференция компонентов одного текста в другой создает новый смысл в интертексте, а в воображении реципиента информации, рисуются картины текста-источника с новыми привнесениями, что добавляет в образовавшееся общение ряд ассоциативных отношений, часто сознательно неуловимым.

В нашей выборке мы зафиксировали аллюзии в разных медиатекстах, например: библейские: «Гагарин летал! Воистину летал!», «Да будет свет!» «Встань и иди!»; литературные: «Танки не виноваты», «Она обещала вернуться», «Пока пушки молчат, «говорят» растяжки», «ЖЭК пошел, пусть живет управляющий!»; народный фольклор (из пословиц, поговорок, сказок, анекдотов, песен): «Почему киприот немцу не товарищ»; кинематографические: «Шел, упал, очнулся – гипс», «Полосатый рейс» «Длинный путь к инспектору» «Россия спешит на помощь»; песни: «Все в ее руках»; общественно-политические: «Все на баскетбол!» («По крайней мере, в хоккее все будет»; «Испытание карликом» «Ты записался ...?»; исторические: «Минюст пошел в народ – рассказать об онлайн-сервисах», «Переписка Энгельса с Каутским».

Аллюзия помогает читателю, знакомому с прототекстом (в СМИ используют ссылку на наиболее распространенные из них, общеизвестные), избегая длинных объяснений по ситуации или описанию характеристик.

Составители сжатых текстов часто обращаются к антитезе – стилистической фигуре, заключающейся в сопоставлении противоположных явлений, предметов, лиц, признаков. В массмедийном дискурсе чаще всего фиксируют ее в заголовках: «Конец истории, история без конца», «О мире и темноте».

Контрастирование смысловых значений в антитезе, которое должно настроить реципиента на восприятие информации, взаимодействующих между собой, изображая новую картину действительности, вызывать широкие фоновые знания, связанные со значениями. В этой фигуре сочетания противоположностей также уточняют и выражают речевые устремления автора: «Старые сказки о «новом» свете», «Профицит реформаторов. Дефицит плательщиков».

Лексико-семантическими основоположниками антитезы являются антонимы, но в медиатекстах они могут быть представлены квазиантонимами, то есть словами, которые приобретают противоположное значение только в определенном контексте: «Голая и деловая», «Кнут и пряник для власти».

В нашей подборке сжатых текстов был зафиксирован небольшой процент средств градации – наращивание напряжения текста с помощью средств выраженности с целью повышения эмоциональности и сгущения смысла: «Принятие платежей объектами почтовой связи – это традиционно, надежно, быстро и качественно!», «Осенние листья, как оставляющее нас, символизирует ряд изменений, новых свершений, избавление от неприятного прошлого», «Сильно. Правдиво. Убедительно», «Раки. На этой неделе разрешите судьбе вести себя, сохраняйте легкость, займите выжидательную позицию – и вы обязательно почувствуете душевное равновесие и гармонию», «Морозы, дождь и снег: кому в Приднестровье сегодня будет труднее всего?», «Летало, лилось, пылало».

Достаточно заметный процент в исследованных сжатых медиатекстах принадлежит такой стилистической фигуре, как риторический вопрос, с помощью которого обычно оформляют заголовки.

Риторический вопрос не требует ответа, у него другие функции. Во-первых, он привлекает внимание и будто приглашает к обсуждению, создавая эффект близости, диалогизма. Во-вторых, с его помощью усиливается эмоциональный фон проблемы, о которой будет идти речь в сообщении, и звучит побуждение к размышлению: «Возможно ли достичь единства православия?», «На чем «прогорела» Партия коммунистов, ... или есть у нее шанс на реинкарнацию?». Воспринимая риторические вопросы, читатель почувствует определенные ассоциации, связанные с выбором: «Патриотизм или беззаконие?», «Жить наполовину?»; или с возмущением: «Государство игнорирует «узников»?» «Фискальное давление или либерализация?»; или с беспокойством: «На очереди Молдова?»; или с гордостью: «Служу народу Приднестровья?». Итак, можно утверждать, что риторические вопросы реализуют семантическую компрессию, потому что конденсируют определенные смыслы и эмоциональный фон.

Задачей конденсации информации и сжатию объема текста способствует и зевгма – фигура, возникающая при объединении однородных членов предложения, преимущественно подлежащих, одним глагольным сказуемым, принадлежащим только к одному из этих членов. Этот стилистический прием базируется на нарушении семантического согласования между подлежащим и сказуемым, между однородными членами или между частями сложного предложения. Нарушения логических связей между компонентами синтаксической структуры, построенной по принципу этой фигуры, сокращает количественный состав предложения путем сочетания нескольких семантически разноплановых, нетождественных членов, позволяя избежать повтора: «В Тирасполе запускают новые маршрутки – когда и маршрут», «Из-за непогоды в Молдове исчез свет в более чем 200 населенных пунктах и выпал первый снег»; «Опасная дверь. Посетить

магазин и остаться в живых», «Аферисты пешеходы в Рыбнице. Мощи святых в декларациях чиновников. Новые подземные толчки в горной Италии и прочее – в выпуске».

Выводы

Стилистика сжатых текстов массмедиа довольно красочная: на фоне общеупотребительной и общественно-политической лексики зафиксировано употребление таких стилистических фигур, как инверсия, аллюзия, антитеза, градация, риторические вопросы, зевгма. Стилистические фигуры в сжатых медиа-текстах, кроме привычных для массмедиа функций привлечения внимания, оценочной, выполняют функцию семантической конденсации информации и сокращение количественной структуры текста.

Литература

1. Полонский А.В. Медиадискурс – концепт: опыт проблемного осмысления // Современный дискурс-анализ [Электронный журнал]. Белгород, 2012. Вып. 6. С. 42 – 56.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. С. 203.
3. Дускаева Л.Р. Медиастилистика в России: традиции и перспективы // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 2. С. 6 – 26. Доступно: <https://mylektsii.ru/8-39858.html>
4. Жаркова Т.В. Медиалингвистика и ее роль в исследовании языка современных массмедиа: Сборник научных трудов SWorld. 2013. Т. 23. № 2. С. 64 – 68.
5. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ: [Электронный журнал]. Белгород, 2012. Вып. 6. С. 30 – 37.
6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
7. Солганик Г.Я. Введение // Язык СМИ и политика: кол. монография / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во Московского ун-та им. М.В. Ломоносова, 2012. С. 8 – 26. Доступно: <https://e.lanbook.com/book/10331>
8. Загоруйко И.Н. Манипулятивный потенциал медиадискурса в рамках русскоязычного сегмента интернета // Современный ученый. 2022. № 6. С. 113 – 119.
9. Стеценко Н.М. О соотношении понятий текст – медиатекст – медиадискурс // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). № 4. Часть 2. С. 372 – 378. Доступно: <http://docplayer.ru/39963911-O-sootnoshenii-ponyatiy-tekst-mediatekst-mediadiskurs-stecenko-n-m.html/>

References

1. Polonskij A.V. Mediadiskurs – koncept: opyt problemnogo osmyslenija. Sovremennyy diskurs-analiz [Elektronnyj zhurnal]. Belgorod, 2012. Vyp. 6. S. 42 – 56.
2. Dobrosklonskaja T.G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI. M., 2008. S. 203.
3. Duskaeva L.R. Mediastilistika v Rossii: tradicii i perspektivy. Zhurnalistika i kul'tura russkoj rechi. 2011. № 2. S. 6 – 26. Dostupno: <https://mylektsii.ru/8-39858.html>
4. Zharkova T.V. Medialingvistika i ee rol' v issledovanii jazyka sovremennyh massmedia: Sbornik nauchnyh trudov SWorld. 2013. T. 23. № 2. S. 64 – 68.
5. Kazak M.Ju. Specifika sovremennogo mediateksta. Sovremennyy diskurs-analiz: [Jelektronnyj zhurnal]. Belgorod, 2012. Vyp. 6. S. 30 – 37.
6. Kostomarov V.G. Jazykovoju vkus jepohi: Iz nabljudenij nad rechevoj praktikoj mass-media. M.: Pedagogika-press, 1994. 247 s.
7. Solganik G.Ja. Vvedenie. Jazyk SMI i politika: kol.monografija. pod red. G. Ja. Solganika. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta im. M.V. Lomonosova, 2012. S. 8 – 26. Dostupno: <https://e.lanbook.com/book/10331>
8. Zagorujko I.N. Manipulyativnyj potencial mediadiskursa v ramkah russkojazychnogo segmenta internet. Sovremennyy uchenyj. 2022. № 6. S. 113 – 119.
9. Stecenko N.M. O sootnoshenii ponjatij tekst – mediatekst – mediadiskurs. Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii». 2011. T. 24 (63). № 4. Chast' 2. S. 372 – 378. Dostupno: <http://docplayer.ru/39963911-O-sootnoshenii-ponyatiy-tekst-mediatekst-mediadiskurs-stecenko-n-m.html/>

*Chernichenko E.N., Applicant, Chief Specialist,
Ministry of Education of the Pridnestrovian Moldavian Republic,
Academy of Media Industry, Moldova*

Pragmatic features of stylistic figures in concise texts of mass media discourse

Abstract: the article explores one of the issues of the actual problem of media text pragmatics – the curtailment of its formal structure and compaction of the information plan without loss of the reported information, implemented on the basis of the law of speech economy. In mass media discourse, text is compressed using various means: syntactic, morphological, lexical, semantic, graphic, stylistic.

The study combined the analysis of brief media texts and the study of stylistic figures in them in order to clarify the pragmatic functions of the latter. According to the results of this intelligence, such stylistic figures as inversion, allusion, antithesis, gradation, rhetorical question, zeugma are actively used in short mass media texts. The generally recognized functions for these figures are the expression of the statement, its expression, and the attraction of the reader's attention.

The important pragmatic functions of stylistic figures in condensed media texts are analyzed, namely: the function of information condensation and the reduction of the quantitative structure of a text message. The inverted word order in a sentence makes it possible to emphasize the message without involving additional lexical components. Allusion expands the content due to the semantic associations brought from the source text. In compressed media texts, allusions from biblical, literary, folk, cinematographic, song, socio-political, historical sources are recorded. Antithesis combines opposite phenomena and concepts, evoking background knowledge and creating a picture saturated with new meanings that are derived from the given ones. Gradation increases tension, and a rhetorical question prompts the reader to active mental participation in the problem raised, attracts associations that expand the semantic plan of the message. Zeugma directly reduces the quantitative plan of the message by combining non-identical members of a sentence or parts of a complex sentence without involving normatively necessary components with a violation of logical connections.

It is proved that stylistic figures contribute to the semantic condensation of the media text and the reduction of its formal structure.

Keywords: media text, compressed media text, stylistic figures, means of information condensation, semantic condensation

For citation: Chernichenko E.N. Pragmatic features of stylistic figures in concise texts of mass media discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 173 – 177.

Received: May 30, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

Чэнь Чэн,
Пекинский университет авиации и космонавтики, Китай

Многочисленные темы в стихотворении Ходасевича «Путем зерна»

Аннотация: «Путем зерна» – стихотворение, написанное Ходасевичем в 1917 году, первое стихотворение в его одноименном сборнике и тематическое стихотворение всего сборника. В этом стихотворении Ходасевич показал не только личные темы, но и более широкие, написал о возвышенном в обыденном, связывая обычные детали своей личной жизни с возвышенными аспектами своей страны. Через образ «зерна» поэт выражает свои мысли о жизни и смерти, формируя мужество и надежду на возрождение из мертвых, выражая уверенность в себе и в обновлении своей страны. Автор данного исследования рассматривает темы, которые В.Ф. Ходасевич поднимает и воспекает в данном стихотворении. Выполненный систематизированный литературный обзор и контент-анализ позволили выявить, что Ходасевич посвящает себя не только личностным темам, но и более широким темам, написанию возвышенности в простоте, связывая обычные детали личной жизни с государством на высоком уровне, автор стихотворения заставляет читателя размышлять о будущем России, что откликается и актуально даже для современного человека. Это демонстрирует неоценимый вклад автора стихотворения в культуру и многогранность его произведений.

Ключевые слова: тема, религия, революция, жизнь и смерть, продовольственный кризис

Для цитирования: Чэнь Чэн Многочисленные темы в стихотворении Ходасевича «Путем зерна» // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 178 – 182.

Поступила в редакцию: 6 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Введение

Владислав Фелицианович Ходасевич был известным русским поэтом, романистом, литературным критиком и переводчиком. Он вошел на московскую литературную сцену в начале 20-го века, опубликовав свое первое стихотворение «Молодость» в 1908 году, затем «Счастливый домик», «Путем зерна», «Тяжелая лира», «Европейская ночь» и другие стихотворения. Творчество Ходасевича представляет собой смесь классики и современности, а его произведения высоко оценили такие известные русские писатели, как Горький и Белый. Стихотворение «Путем зерна» открывает одноименный сборник Ходасевича, а также является заглавной главой всего сборника. Некоторые исследователи считают, что Ходасевич был одержим «банальностью жизни и поэзии» в период между 1914 и 1920 годами. Ходасевич всю жизнь исследовал такие возвышенные и значительные темы, как любовь, смерть, время, жизнь и судьба, но поэт не оставлял их пустыми, а помещал в банальное и неординарное, раскрывая их через конкретные образы повседневной жизни, которые можно увидеть и почувствовать повсюду. Это удивительное столкновение возвышенного с банальным придает поэме «Путем зерна» поэтическое изобилие. В этом стихотворении, написанном в 1917 году, Ходасевич использует образ зерна как метафору судьбы человека и нации, где все умирает во тьме и вновь встречает свет и обновление, выражая надежду поэта на обращение человека к лучшей жизни и веру в возрождение нации [1].

• **Религиозная тема**

Стихотворение рассказывает о революции 1917 года, христианские идеи органично пронизывают весь поэтический сборник. В «Путем зерна» Ходасевич принял несколько образов, связанных с религией, и это стихотворение основано на идеях поэтической революционной мифологии (Пушкин, Некрасов, Народников) и библейской аллегории.

Ходасевич заимствовал смерть и воскресение зерна из Евангелия Библии как ядро этой поэзии, и Евангелие от Иоанна гласит: « Истинно говорю вам, что зерно пшеницы не упало на землю мертвым, но остается зерном. Если оно умерло, то оно приносит много зерн». Именно из этого исходит образ «зерна» в этом стихотворении Ходасевича.

Образ зерна в Библии, который олицетворяет, что нужно умереть, чтобы расцвести, стал одним из самых важных образов в сборнике стихов «Путем зерна». Ходасевич уверен, что через смерть Россия переродится в новую жизнь, не похожую ни на что из того, что было раньше. Опираясь на зерно, поэт стремится конкретизировать метафоры Евангелия и установить прямую параллель между зерном, человеческим разрушением и новой жизнью.

Второй важный образ, который использует В.Ф. Ходасевич – «сеятель». Он также исходит из Библии, в частности к разделам с третьего по восьмой XIII Евангелия от Матфея Библии. Метафора образа сеятеля – это Бог, который пытается посеять зерно жизни в нас. Люди, сеющие зерно, выходят проповедовать, Слово Божие падает на чистую землю человеческих сердец, Ходасевич, используя библейские образы сеятеля, метафоризирует образ сеятеля как реформатора, поэт говорит, что не все, что мы делаем, может быть успешно завершено, мы должны платить больше, чтобы добиться успеха, и реформаторам нужно только двигаться вперед.

Третий образ, связанный с религией – это «слепой червь». Образ червя в русской культуре часто ассоциируется со смертью, гниением, землей и т.д. Черви живут под землей и постоянно копают себе подземные проходы и пещеры, можно сказать, что черви являются хозяевами земли, черви также символизируют смерть, люди будут похоронены под землей после смерти, черви также живут под землей, сопровождая тело покойного. Ходасевич говорит, что зерна могут прорасти вновь только тогда, когда они сначала попадают в почву, а затем умирают, и после того, как зерна умирают, гниют, и черви появляются вместе со смертью, открывая путь к возрождению после смерти зерна в темной подземной среде. Хотя черви настолько малы, они скрывают огромный потенциал, который кажется незначительным, но играет решающую роль в прорастании зерна.

Черная почва в поэзии символизирует потусторонний мир, а земля – это людской мир, слепые черви – посланники, которые с надеждой зерна, отправляются к живому миру. Ходасевич писал в стихотворении, что и моя душа, и моя страна, и ее народ идут путем зерна, и все они попадут в почву, войдут в потусторонний мир, а затем возродится и вернутся к живому миру под руководством черви. У черви есть своего рода лоцманская миссия, и червь также носит религиозный оттенок [2].

• Тема революции

Стихи Ходасевича имеют отношение не только к христианскому слову в Евангелии, но и к фактическому политическому контексту. Многие стихи 1917 года были связаны с политическими событиями, и сельскохозяйственные метафоры использовались как в поэзии того же года, так и в поэзии после него [3, 4]. Стихотворение Ходасевича «Путем зерна» было написано в декабре 1917 года, когда Россия переживала две революции: февральскую и октябрьскую, которые ввергли всю Россию в хаос. В то время, когда в такой стране происходят серьезные перемены, русский народ и особенно интеллигенция глубоко выражают свои взгляды на революцию.

Русские никогда не забывали своего исторического следа, о чем свидетельствует тот факт, что первые два предложения стихотворения следуют традиционному русскому образу «сеятеля». В стихотворении «Путем зерна» зерна сверкает в руках сеятеля, и ценность этого зерна не только в его материальной ценности, но и в его духовной ценности, это зерна, представляющее будущее. Но боль в том, что сверкающее зерно должно быть посыпано в черную землю. Черная земля – это символ скорби и смерти, и прекрасное зерно должно молча умереть в темноте, чтобы возродиться и размножиться в форме новой жизни. Превращение зерна Ходасевича, подобно его собственному просвещению, является открытием новой жизни. Вся страна и народ переживают такие перемены, и Ходасевич чувствует, что эта безвозвратная потеря катастрофична, но он также верит в другую силу – силу, которая не оставит людей без будущего и новой жизни [5].

Образ «зерна» в этом стихотворении символизирует государство. Ходасевич сочинил его в 1917 году, когда в России началась Февральская революция. После свержения Временного правительства России и двух революций, произошедших в России всего за один год, которые оказали неизгладимое влияние на русское население, особенно на Ходасевича как интеллигента, тема смерти и возрождения, связанная с изображением «зерна», была также связана с общественно-политической ситуацией в России, поэт хотел выразить, что государственное устройство России претерпело огромные изменения.

Мировая война 1914 года привела Россию в пропасть кризиса. Куда идет Россия? Это стало самым важным вопросом в то время. Столкнувшись с этим кризисом, все категории людей в обществе отчаянно хотят дать лекарство. То, что они делают, может быть неправильно, но их намерение помочь миру и спасти людей, взять на себя ответственность за мир, дать жизнь всем живым существам и спасти умирающую русскую культуру является сильным и видимым [6]. Несмотря на беспокойное время, погружившееся в относительно темные годы несмотря на то, что поэт описал разрушение Старого Света, он также процитировал библейские слова Христа, чтобы воодушевить себя и вдохновить людей в России, надеясь, что все будут ждать прекрасного будущего, ждать следующего года, когда тепло расцветет, зерно прорастет, и ждать плодотворного прекрасного мира [7].

Образ «сеятеля», использованный Ходасевичем в «Путем зерна», имеет давнюю историю в русской поэзии, и не только в творчестве Пушкина. Некрасов сочинял стихи на тему сеятеля: «Сеятелям». В этом сти-

хотворении Некрасов умело использует образы «сеятеля» и «зерна», придавая им метафорически особое значение, призывая тем самым патриотов и прогрессивных людей, купающихся в передовых идеях, изменить общественный порядок, проложить путь к справедливости, и только они могут помочь страдающим крестьянам освободиться от многолетних оков и оков крепостного права. Из этого следует, что образ «сеятеля» в русской культуре имеет метафору реформатора. Ходасевич вложил огромное значение в такое маленькое зерно, которое является основой исторического, социально-культурного развития России.

- **Тема судьбы**

В этом стихотворении Ходасевич использует образ «зерна» не только для метафоры страны, но и для метафоры самого себя, и желание поэта умереть, как зерно, в таких трудных условиях, а затем встретить лучшую жизнь. Это показывает, что Ходасевич, будучи глубоко погруженным в болото жизни, никогда не терял стремления к лучшему. Русский ученый Х. Богомолов отмечал, что для того, чтобы по-настоящему прочесть стихи Ходасевича, надо постараться составить его жизнь, и сам поэт признавал, что его стихи являются отражением его жизни. Поэт всю жизнь сопровождается болезнью, из-за которой он часто теряет веру в жизнь, и его почти открытая горная поэма «Я потушу... Я потушу...» (1904.10) – это печальное стихотворение, которое становится все более горьким и горьким, как будто предвещает его неровную жизнь. Поэт неоднократно был политически неблагодарен, жизнь чаще была голодной и холодной, только Бог поэзии спас его, поддержал его, зажег его любовь к природе, с нетерпением ожидая истинной души человека [8].

Поэт пережил множество ударов судьбы, но в стихотворении «Путем зерна» поэт всегда был полон надежды. После Октябрьской революции поэт покинул Россию, полную своих сложных чувств, и стал первым поколением русских писателей в изгнании, перемещаясь по странам, где поэт называл себя «двойным бескорным ряженым, бездомным носильщиком» [9].

Рассматривая данное стихотворение необходимо отметить нестандартное распределение времени: 1 строка – настоящее время, 2 – прошедшее, 3 – настоящее, 4 – будущее, 5 – настоящее, 6 – будущее, 7 – настоящее, 8 – будущее, 9 – нет глагола, 10 – будущее, 11 – прошедшее, 12 – инфинитив в значении каузатива. Итого: 4 настоящих времени, 2 прошедших, 4 будущих, 1 инфинитив. Все времена как бы направляются навстречу этому инфинитиву [9]. Ходасевич возможно хотел таким образом показать, что в любое время надо идти путем зерна, это отражает выход всего русского народа из тяжелого положения, путь выхода народов всего мира из войны – это путь зерна, где смерть временна и, когда период покоя пройдет, зерно будет давать ростки, а все люди обретут новую жизнь.

- **Тема жизни и смерти**

Как уже говорилось выше, это стихотворение наполнено сильным религиозным смыслом, с христианской точки зрения, как сказано в Евангелии от Иоанна Библейского: тот, кто любит свою жизнь, теряет ее. Тот, кто ненавидит свою жизнь в этом мире, должен сохранить ее до вечной жизни. Этим словом Иисус предупреждал людей, что жизнь в конце концов умрет, что, если они боятся смерти, они умрут, и что те, кто не боится смерти, могут осознать свои грехи, обретут новую жизнь. Жизнь и смерть, правда и ложь, живые в конце концов умрут, а мертвые обретут новую жизнь, и только смерть может спасти смерть. Ходасевич в «Путем зерна» выражает свои размышления о смерти и стремление к новой жизни образами, такими как «сверкает золотом зерно», «сеятель», «черная земля». Зерно излучает золотой свет в руке сеятеля, но ожидание, что его судьба действительно попадет в черную землю, это путь приближения зерна, и это также единственный путь для самого поэта и страны, и даже для всего, чтобы возродиться. Тогда мудрость нам единая дана, всему живущему идти путем зерна. Поэт в последнем предложении ясно дал понять, что все в мире обладает одной и той же мудростью, что все стремятся к новой жизни, что мы все должны идти путем зерна, чтобы преуспеть, это святое слово, закон, который должен поддерживать все, что хочет выйти из затруднительного положения. Погибшая в почве смерть – это уже не простая смерть, а накопление, сила накопления перед тем, как снова взмахнуть крыльями, и только закалка страданий, которые она заслуживает, может возродиться в толстых и тонких волосах. Смерть в глазах поэта уже не с трагичным оттенком, а с новоиспеченной радостью, как сам поэт и вся Россия бессмертны, только сумев сломить землю, можно встретить новую жизнь, только пережив опыт и крещение смерти, можно в темноте исчезнуть все, что было, возродиться в нирване, обрести новую жизнь, новую жизнь, новое будущее. Смерть – это не конец жизни, а начало жизни.

В Библии есть такая поговорка о смерти: «Ты будешь потеть до тех пор, пока не вернешься в землю, потому что ты из земли; ты из земли, и ты будешь в пыли». Для христиан жизнь человеческая приходит из земли и в конце концов превратится в пыль, и смерть жизни для земной жизни – не что иное, как простая пыль к пыли, а земля к земле. Так же, как зерно умирает в земле и превращается в часть пыли, зерно приходит из земли и в конечном итоге возвращаются в землю, но зерно, хотя и умирает в земле, также воз-

рождаются в земле. Революция – это особая смерть для страны, и только через смерть страна может обрести новую, лучшую жизнь. Конец прошлого – это начало будущего. Таким образом, смерть и страдания придаются великому смыслу – необходимому этапу для всех живых существ, чтобы «идти путем зерна» [11]. В китайской культуре нет недостатка в возрождении нирваны, возрождении Феникса и других горьких мыслях о превращении кокона в бабочку. Ходасевич выразил ту же точку зрения.

• Тема продовольственного кризиса

В октябре 1917 года, после прихода к власти большевиков, продовольственный кризис в Советской России обострился и в 1918 году постепенно перерос в голод. Одним из лозунгов, выдвинутых большевиками во время Октябрьской революции, было «продовольствие», свидетельствующее о важности продовольствия для стабильности страны.

Стихотворение «Путем зерна», написанное в 1917 году, совпало с бурными революционными событиями в России, с разрушением старого государственного строя. В 1917 году Ходасевич написал стихотворение «Путем зерна», которое было опубликовано только в 1920 года, где образ зерна представлял собой предысторию того времени, собственную скорбь о жизни, в которой есть голод и холод. Но не смотря на все трудности, в том числе развернувшийся продовольственный кризис, связанный с переориентацией страны из аграрной в военную, люди всегда верили, что они могут прорасти, процветать, как семена.

Заключение

Ходасевич умел уникальным образом использовать в поэзии обыкновенные образы, придавая малым объектам большое значение, обогащая их философскими идеями. Поэзия Ходасевича часто берет узкую, но далеко идущую тему, одинокая звезда, легкий дождь, подушка, зернышко, которые оживают в бесконечной философии и морали. В кажущейся простоте письма Ходасевича спрятаны бесконечно сложные вещи.

В рассматриваемом стихотворении Ходасевич посвящает себя не только личностным темам, но и написанию возвышенности в простоте, связывая обычные детали личной жизни с государством на высоком уровне. В стихотворении «Путем зерна» Ходасевич придает обыкновенному зерну в руке сеятеля необыкновенное жизненное значение, используя прозаические образы, метафорически сочетая поэзию, философию, мораль, воплощение тем религии, революции, своей судьбы, жизни и смерти, продовольственного кризиса.

Литература

1. Успенский П.Ф. Владислав Ходасевич накануне "путем зерна": Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, З. Красинский в стихах и творческом сознании поэта в 1916-1917 годах // Русская литература. 2014. № 4. С. 193 – 217.
2. Зигабен Е. Толковая Псалтирь. Киев. 1882. С. 130 – 131.
3. 《霍达谢维奇诗集》, 巴黎, 1983年.第一卷, 244页.
4. Успенский П.Ф. "Путем зерна" как формула революции: Ходасевич, Некрасов, крестьянские поэты и аграрная топика русской лирики // Русская литература. 2020. № 2. С. 131 – 147. DOI10.31860/0131-6095-2020-2-131-147
5. Smirnov M.N." Christian motifs in poetic collection of V.F. Khodasevich «By grain» "Вестник Костромского государственного университета. 2010. Vol. 16. № 2. P. 158 – 162.
6. 廖特.为一代诗坛存照 – 介绍两本有关“白银时代”诗人的回忆录[J].外国文学动态. 1997. № 02. P. 40 – 43.
7. Бочаров С. Г. «Памятник» Ходасевича // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. С. 17.
8. 王立业.妙笔点处尽华章 – 论霍达谢维奇和他的文学创作[J].俄罗斯文艺, 1998. № 02. P. 70-72+79.
9. 王立业.刍议霍达谢维奇的诗思和诗艺[J].世界文学. 2007 № 04. P. 266 – 273.
10. Емельянов В.В. "Путем зерна" В.Ф. Ходасевича и мистерии Таммуза // Летняя школа по русской литературе. 2019. Т. 15. № 4. С. 388 – 414.
11. Филимонова Т.Д. Слова: цветок, ребенок, зверь – приходят на уста все чаще: поэтические образы книги Владислава Ходасевича "Путем зерна" // Смоленский филологический сборник. 2016. № 8. С. 100 – 110.

References

1. Uspenskij P.F. Vladislav Hodasevich nakanune "putem zerna": F.M. Dostoevskij, N.A. Nekrasov, Z. Krasin'skij v stihah i tvorcheskom soznanii pojeta v 1916-1917 godah. Russkaja literatura. 2014. № 4. S. 193 – 217.
2. Zigaben E. Tolkovaja Psaltir'. Kiev. 1882. S. 130 – 131.
3. 《霍达谢维奇诗集》，巴黎，1983年.第一卷，244页.
4. Uspenskij P.F. "Putem zerna" kak formula revoljucii: Hodasevich, Nekrasov, krest'janskie pojety i agrarnaja topika russoj liriki. Russkaja literatura. 2020. № 2. S. 131 – 147. DOI10.31860/0131-6095-2020-2-131-147
5. Smirnov M.N." Christian motifs in poetic collection of V.F. Khodasevich «By grain» "Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. Vol. 16. № 2. P. 158 – 162.
6. 廖特.为一代诗坛存照 – 介绍两本有关“白银时代”诗人的回忆录[J].外国文学动态. 1997. № 02. P. 40 – 43.
7. Bocharov S. G. «Pamjatnik» Hodasevicha. Hodasevich V.F. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1. C. 17.
8. 王立业.妙笔点处尽华章 – 论霍达谢维奇和他的文学创作[J].俄罗斯文艺, 1998. № 02. P. 70-72+79.
9. 王立业.刍议霍达谢维奇的诗思和诗艺[J].世界文学. 2007 № 04. P. 266 – 273.
10. Emel'janov V.V. "Putem zerna" V.F. Hodasevicha i misterii Tammuza. Letnjaja shkola po russoj literature. 2019. T. 15. № 4. S. 388 – 414.
11. Filimonova T.D. Slova: cvetok, rebenok, zver' – prihodjat na usta vse chashhe: pojeticheskie obrazy knigi Vladislava Hodasevicha "Putem zerna". Smolenskij filologičeskij sbornik. 2016. № 8. S. 100 – 110.

*Chen Cheng,
Beijing University of Aviation and Cosmonautics, China*

Numerous themes in Khodasevich's poem "The Way of Grain"

Abstract: "The Way of Grain" is a poem written by Khodasevich in 1917, the first poem in his collection of the same name and the thematic poem of the entire collection. In this poem, Khodasevich showed not only personal themes, but also broader ones, writing about the sublime in the ordinary, linking the ordinary details of his personal life with the sublime aspects of his country. Through the image of the "grain", the poet expresses his thoughts about life and death, forming courage and hope for rebirth from the dead, expressing confidence in himself and in the renewal of his country. The author of this study examines the topics that V.F. Khodasevich raises and sings in this poem. A systematic literary review and content analysis made it possible to reveal that Khodasevich devotes himself not only to personal topics, but also to broader topics, writing sublimity in simplicity, linking the usual details of personal life with the state at a high level, the author of the poem makes the reader think about the future of Russia, which responds and is relevant even for a modern person. This demonstrates the invaluable contribution of the author of the poem to the culture and versatility of his works.

Keywords: theme, religion, revolution, life and death, food crisis

For citation: Chen Cheng Numerous themes in Khodasevich's poem "The Way of Grain". Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 178 – 182.

Received: June 6, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Яшкина Е.А., кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения*

Особенности жанра триллер в рекламном дискурсе

Аннотация: статья посвящена анализу рекламных роликов жанра триллер. Цель проведенного анализа заключается в рассмотрении вербального и аудиовизуального компонентов в рекламном дискурсе и их влияния на аудиторию. Показано, что триллер, как кинематографический жанр имеет ряд особенностей, присущих структуре произведений данного жанра. Малоизученность взаимодействия разных семиотических систем креолизованного текста в рамках триллера как кинематографического жанра, подтверждает актуальность и научную новизну исследования. В работе использовались такие методы исследования, как сплошная выборка, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, интерпретативный анализ.

В результате исследования было выявлено, что триллер, характеризуясь такой особенностью, как создание саспенса, является мощным инструментом привлечения внимания зрителя. Вербальный и невербальный компоненты связаны кинематографическими приемами, свойственными данному жанру. Делается вывод о том, что жанр триллер в рекламных роликах тесно взаимодействует с другими жанрами, а также о доминировании невербального компонента в рекламе. Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, могут быть использованы при обучении студентов английскому языку, а также внести определенный вклад в изучение языка рекламы и маркетинга.

Ключевые слова: реклама, рекламный дискурс, триллер, саспенс, жанр

Для цитирования: Яшкина Е.А. Особенности жанра триллер в рекламном дискурсе // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 183 – 187.

Поступила в редакцию: 7 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 27 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Мир XXI века характеризуется стремительными темпами развития научно-технического прогресса, что отражается и на потребности современных людей быстро и качественно получать необходимую информацию. Эти причины отчасти объясняют высокую степень популярности медийных продуктов у населения. Высокая рыночная конкуренция требует от рекламы креативности с целью привлечения большей аудитории к рекламируемому товару, используя базовые компоненты психологического воздействия на потребителя. Наиболее эффективно этим требованиям отвечают рекламные видеоролики, которые все больше превращаются в небольшие кинофильмы, заимствуя у киноиндустрии, приемы и инструменты известных режиссеров, привлекая популярных актеров, экспериментируя с киножанрами и т.д.

Многочисленные исследования феномена рекламы в рамках различных дисциплин позволяют отметить, что рекламные ролики представляют собой одностороннюю асимметричную коммуникацию субъект-объектного типа, направленную на мягкое воздействие на получателя [8] и характеризуются креолизованностью, т.е. сочетают в себе разные знаковые системы [1, 2, 3, 5, 6, 7]. Данные тексты рассматриваются учеными как совокупность вербальной и невербальной составляющих и характеризуются такими же категориями, как и вербальный текст.

Одним из наиболее интересных, сложных и малоизученных вопросов, связанных с изучением рекламы, является вопрос выбора жанра. Процесс образования жанров происходит постоянно, что справедливо как для кинематографа, так и для искусства в целом. Когда кино находилось в зачаточной стадии своего развития, среди жанров доминировали комедия, приключения, драма. Зритель шёл в кинотеатры, чтобы получить положительные эмоции.

С развитием киноиндустрии происходила и эволюция эмоционального восприятия зрителем предлагаемой кинопродукции: появилось стремление испытать спектр более глубоких и острых чувств. Так, к двадцатым годам двадцатого века среди доминирующих жанров триллер оформился как отдельный жанр, призванный держать человека в максимальном напряжении – саспенсе. Со временем популярность жанра инициировала его использование и в других медиапродуктах, в том числе и в рекламе.

Данная статья нацелена на изучение вербальной и невербальной составляющих рекламного ролика в рамках жанра триллер и их влияния на аудиторию.

Материалом данного исследования послужили видеоролики коммерческой рекламы, снятые в жанре триллер. Научная новизна исследования определяется исследованием взаимодействия вербальной и невербальной составляющих креолизованного текста, созданного в рамках кинематографического жанра трил-

лер, а также комплексным анализом средств выразительности медиапродуктов данного жанра, что определяет и актуальность работы.

Прежде всего, триллер представляет собой произведение, способствующее возникновению состояния возбуждения и чувства тревоги, по мнению Д. Кейра «ему свойственны непосредственность и сила воздействия, ... – прощупывание физических и эмоциональных пределов жизни, упоение опасностью, осознание его роковой, притягательной силы» [4]. Эмоциональное напряжение объясняется тем, что зритель ассоциирует себя с главным персонажем кино- или медиапродукта, который преодолел экстремальные ситуации, тем самым порождая у реципиента чувство эйфории.

Триллер часто выступает в тандеме с такими жанрами, как ужасы и детектив, потому как они идеально друг друга дополняют: детективная составляющая хорошо подходит как основа, а ужасы служат поддержанию напряжения. Однако, несмотря на их внешнюю схожесть, у них есть чёткие отличия:

Классические детективы – произведения с неторопливым темпом повествования, им интереснее сосредотачиваться на игре ума и интеллектуальном анализе, а не создании ареола таинственности. Ключевой вопрос классического детектива – «кто убийца?», в то время как в триллере фокус смещён с интеллекта в сторону эмоций, а вопрос о личности преступника зачастую вторичен.

Различие же триллера с хоррором заключается в их цели – первый должен создавать напряжение, а второй – пугать. Именно поэтому наслаждение насилием, жестокостью и чрезмерные физиологические подробности куда чаще сопутствуют ужасам, чем триллерам.

Триллер, как кинематографический жанр, характеризуется рядом признаков.

Прежде всего, как было отмечено, жанр призван держать зрителя в постоянном напряжении – саспенсе. Саспенс, может, с одной стороны, открыто предоставить зрителю информацию недоступную для героя, а с другой стороны, держать зрителя вместе с героем в неведении, таким образом лишив его возможности предугадать возможные события.

Еще одной важной характеристикой жанра триллер является смещение точек структуры сценария. Завязка происходит раньше, чем это предусматривает классическая структура, в то время как кульминация и развязка позже. Поэтому у триллера зачастую нет времени на раскачку, он должен захватить внимание зрителя сразу, сломать его привычные границы, создать состояние тревоги.

Одним из приемов создания нужного состояния зрителя является ритм. Монотонный и репетитивный ритм триллера создается как аудиовизуально: через затягивание драматической паузы, внезапные крупные планы, затемненные кадры, мрачное и остроэмоциональное музыкальное сопровождение, шумовые эффекты и т.д., так и вербально: через семантический повтор лексических единиц, чаще всего относящихся к сфере «преступление» и «негативные эмоции», обилие восклицательных и вопросительных предложений в объявлениях и газетных заголовках, очень короткие и информативные диалоги, детские считалочки, и т.д. Все эти приемы оказывают почти гипнотическое влияние, создавая определенный ритм, который довлеет над зрителем, заставляя его глубже погружаться в атмосферу триллера.

Еще одним эффективным способом удержания внимания зрителя, используемый при создании триллера, является твистовый финал. Твистовый финал представляет собой кардинальный поворот в конце фильма, который меняет весь его смысл.

В ходе проведенного анализа рекламных роликов в жанре триллер было выделены основные приемы, создания саспенса при помощи аудиовизуального и вербального каналов передачи информации.

Рассмотрим рекламный ролик, рекламирующий краску фирмы *Dulux*. Проснувшегося среди ночи главного героя пугает внезапно появившееся привидение. Герой пытается убежать от него и его спасает стена, выкрашенная краской фирмы *Dulux*. Авторы ролика показывают, как продукт может помочь в этом неуютном и страшном мире, предлагая в конце ролика следующий слоган:

*Nothing Repels Like Dulux Wash and Wear Advanced
Worth Doing Worth Delux*

Данный рекламный слоган интересен выбором многозначного глагола *repel*, которому *Cambridge Dictionary* дает следующие определения:

1. to force someone or something to stop moving towards you or attacking you
2. (of a material) to not allow a substance to be absorbed into it
3. to have a magnetic field that pushes away something with a similar magnetic field

Интересно отметить, что сюжет рекламного ролика полностью опирается на все три значения глагола:

1. окрашенная стена является той силой, которая останавливает приведение, преследующее главного героя;

2. стена окрашена краской *Wash and Wear*, которая не позволила приведению пройти сквозь стену;

3. можно предположить, что магнитные поля у обоих объектов (привидения и стены) одинаковы, поэтому приведение отскочило от стены и не смогло причинить вред главному персонажу.

Рекламный ролик демонстрирует тесную связь вербального и аудиовизуального каналов, где, на наш взгляд вербальная составляющая, а именно глагол *repel*, определяет выбор жанра. Многозначность данного глагола позволила добавить видео продукту юмористический эффект. Ритмичность жанра создана за счет кинематографических приемов, тогда как именно слоган кардинально меняет финал ролика.

Следующий пример демонстрирует попытку создать смысловую связь между действием продукта и действием самой рекламы:

Ever been so wide awake?

Canned Caffeine with Coffee

Разберем лингвистическую составляющую рекламного ролика. Согласно *Cambridge Dictionary* фраза *wide awake* имеет следующие значения:

1. fully awake
2. keen, alert, or observant

Опираясь на эти определения предложение *Ever been so wide awake?* Можно перевести как *Вы когда-нибудь были так бодры?* и *Вы когда-нибудь были так бдительны?* Предлагаемый видеоряд намекает зрителю о том, что необходимо быть бодрым и бдительным, чтобы справиться с зомби, который внезапно появляется в кадре, после достаточно спокойных и жизнеутверждающих кадров. А для этого стоит попробовать предлагаемый продукт.

Интересен с точки зрения взаимодействия вербального и аудиовизуального каналов и ролик, рекламирующий тематический парк аттракционов Alton Towers в Англии. Прежде всего, обращает на себя внимание название самого рекламного ролика *Alton Towers - Friday The 13th May Th13teen TV Advert (Tickets £13)*, где многократное использование цифры «13» намекает зрителю на опасное и экстремальное приключение, а слово *Th13teen* предлагает прокатиться на горке с одноименным названием, которая проложена среди леса. Более того, в парке работает 13 тематических зон. Такое обилие использование цифры «13», возможно, и натолкнуло создателей рекламы на выбор жанра триллер. Достаточно мрачное представление девочки, которая одна прогуливается в лесу, еле слышно напевая песенку:

If you go down to the woods

You better not go alone

Текст песенки хорошо знаком зрителю, поскольку отсылает его к популярной песне “The Teddy Bear’s Picnic”, повествующей о медведжатах, которые решили устроить пикник в лесу и прекрасно провели время. Поэтому фраза *You better not go alone* может интерпретироваться зрителем как призыв хорошо провести время, получив заряд бодрости и подняв уровень адреналина в крови несмотря на то, что там может быть опасно, прихватив с собой друзей или семью. Стоит отметить, что песенка напоминает детскую считалочку, которые очень часто используются при создании произведений жанра триллер. Считалочки сами по себе являются пугающим объектом, поскольку в них обычно всегда перечисляются возможные угрозы, которые несет в себе окружающий мир, таким образом преподнося детям некие уроки. Песенка-считалочка создает определенный жанровый ритм и держит зрителя в напряжении.

Выбор жанра ролика и используемый текст, с одной стороны, дополняют друг друга, а с другой – вступают в противоречие, тем самым притягивая зрителя к продукту и заставляя его запомнить информацию о нем.

Стоит отметить, что некоторые рекламные ролики представляют продукты, используя только аудиовизуальный канал представления информации. Текст же присутствует только в конце ролика в качестве слогана о товаре. В таких роликах используются шокирующие сцены, вызывают неприятные ассоциации или создают комедийный эффект.

Таким образом, в ходе нашего исследования рекламных роликов в жанре триллер можно сделать несколько очень важных заключений.

В рекламных роликах триллер как кинематографический жанр содержит ряд приемов для создания саспенса, однако не представлен в его классическом понимании. Направленность рекламы на достижение конкретного результата, ориентированного на формирование у потребителя предрасположенности к приобретению продукта, диктует поиск эффективных способов ее создания. Это объясняет пересечение триллера с элементами таких жанров, как комедия, детектив, хоррор.

Триллер как жанр в отношении рекламного текста в основном представлен риторическими вопросами и восклицательными предложениями, а также многозначными глаголами. В отличие от кинотекста, где вербальная и невербальная составляющие дополняют друг друга, рекламный текст преимущественно использует аудиовизуальный канал, вербальная же составляющая является поддерживающей.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. Москва: Академия, 2003. 124 с.
2. Алексеев Ю.Г. Вербальный и иконический компоненты креолизованного текста в интракультурной и интеркультурной коммуникации: Экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ульянов. гос. ун-т. Ульяновск, 2002. 23 с.
3. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 180 – 190.
4. Дьякова Т.В. Характеристика жанра «триллер» и его поджанры // *Lingua Mobilis*. 2013. № 5 (44). С. 32 – 37.
5. Лазарева Э.А. Рекламный дискурс: стратегии и тактики // *Лингвистика*. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. Т. 9. С. 82 – 121.
6. Михайловская Е.В., Рабекина Д.А. Смыслообразующий конфликт вербального и невербального как основа стилистики кинематографа Вуди Аллена (на материале фильма «Annie Hall» (1977)) // *Научный диалог*. 2016. № 3 (51). С. 52 – 63.
7. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия*. Москва: Высшая школа, 1990. С. 180 – 186.
8. Grunig J. *Symmetrical Presuppositions as a Framework for Public Relations Theory* // *Public Relations Theory*. New Jersey, 1989. P. 29 – 41.

References

1. Anisimova E.E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja komunikacija*. Moskva: Akademija, 2003. 124 s.
2. Alekseev Ju.G. *Verbal'nyj i ikonicheskiy komponenty kreolizovannogo teksta v intrakul'turnoj i interkul'turnoj komunikacii: Jeksperimental'noe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk. Ul'jan. gos. un-t. Ul'janovsk, 2002. 23 s.*
3. Voroshilova M.B. *Kreolizovannyj tekst: aspekty izuchenija. Politicheskaja lingvistika*. 2006. Vyp. 20. S. 180 – 190.
4. D'jakova T.V. *Harakteristika zhanra «triller» i ego podzhanry. Lingua Mobilis*. 2013. № 5 (44). S. 32 – 37.
5. Lazareva Je.A. *Reklamnyj diskurs: strategii i taktiki. Lingvistika. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2003. T. 9. S. 82 – 121.*
6. Mihajlovskaja E.V., Rabekina D.A. *Smysloobrazujushhij konflikt verbal'nogo i neverbal'nogo kak osnova stilistiki kinematografa Vudi Allena (na materiale fil'ma «Annie Hall» (1977)). Nauchnyj dialog*. 2016. № 3 (51). S. 52 – 63.
7. Sorokin Ju.A., Tarasov E.F. *Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija. Optimizacija rechevogo vozdejstvija*. Moskva: Vysshaja shkola, 1990. S. 180 – 186.
8. Grunig J. *Symmetrical Presuppositions as a Framework for Public Relations Theory. Public Relations Theory*. New Jersey, 1989. P. 29 – 41.

*Yashkina E.A., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
St. Petersburg State Institute of Film and Television*

Features of genre thriller in advertising discourse

Abstract: the article is devoted to the analysis of commercials in the thriller genre. The purpose of the analysis is to consider verbal and audiovisual components in advertising discourse and their influence on the audience. It is shown that thriller as a film genre has a number of features proper to the structure of works of this genre. The little knowledge on the interaction of the different semiotic systems of the creolised text within the “thriller” as a film genre confirms the relevance and academic novelty of the study. The research methods used in the paper are: full sample method, definitional analysis, contextual analysis, interpretive analysis.

The study revealed that the thriller characterised by the creation of suspense is a powerful tool for creation the viewer’s attention. The verbal and non-verbal components are linked to the cinematographic techniques peculiar to the genre. It was also discovered that the thriller interacts with other genres as well as the dominance of the non-verbal components in commercials. The results obtained in the course of the study can be used in English language teaching and make a certain contribution to the study of the language of advertising and marketing.

Keywords: advertisement, advertising discourse, thriller, suspense, genre

For citation: Yashkina E.A. Features of genre thriller in advertising discourse. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 183 – 187.

Received: June 7, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Демонова Ю.М., кандидат филологических наук,
Кравец О.В., кандидат филологических наук,
Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского
государственного экономического университета (РИНХ)*

Жестовые фразеологизмы в художественном тексте

Аннотация: экспликация эмоций всегда была присуща как устной, так и письменной речи, поскольку речь является одним из основных каналов вывода психической энергии вовне. Способов вербализации эмоций в речи достаточно много, и один из них – жестовые фразеологизмы, которые являются, по сути, описанием кинемы, традиционно закрепленным в словарях в качестве идиомы. Жестовые фразеологизмы используются авторами для описания эмоционального состояния персонажей довольно часто, поскольку эмоциональные кинемы, в большинстве своем, носят универсальный и интернациональный характер; при использовании минимума вербальных средств они создают у читателя емкий эмоционально-художественный образ. Данная статья посвящена исследованию способов репрезентации значимых жестов и мимики соответственно описываемой эмоции или состояния на материале англоязычных художественных текстов. Выбор языка позволил сделать вывод о том, насколько эмоциональные кинемы персонажей, использованные англоязычными авторами, являются универсальными для представителей другой культуры. Проведенный эксперимент на понимание жестовых фразеологизмов в контексте и вне его позволил выяснить, насколько значимыми являются данные кинемы для создания образа у читателей – носителей другого языка и культуры.

Ключевые слова: эмоция, жестовый фразеологизм, кинема, вербальная экспликация, лингвокультура, конгруэнтность

Для цитирования: Демонова Ю.М., Кравец О.В. Жестовые фразеологизмы в художественном тексте // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 188 – 192.

Поступила в редакцию: 10 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 30 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Способы экспликации эмоций в художественном тексте весьма разнообразны. Палитра эмоций чаще всего выражается напрямую, словами-дескрипторами, которые, конечно, эту эмоцию называют, но не создают художественно-эстетический образ, который может быть прочувствован и прожит читателем. Эмоции также эксплицируются в тексте с помощью междометий, включенных в построение текста, либо в собственно непрямую речь персонажей, а также при помощи графонов

Также одним из способов включения эмоции в текст является упоминание или описание значимых жестов, мимик, другими словами, кинем.

Кинесика, как часть паралингвистики, имеет довольно богатую историю исследования. Значимость исследования кинем в процессе общения неоспорима, поскольку значимые жесты и мимика участников общения отражают их социальный статус, индивидуальные особенности поведения, и, что немаловажно, эмоциональное состояние. Кинемы являются двояким способом передачи паралингвистической информации: с одной стороны, они абсолютно эксплицитны и явно читаемы, с другой стороны, кинемы могут быть единственным способом считывания информации об эмоциональном состоянии собеседника, когда ничто другое из лингвистических средств коммуникации эти эмоции не выдает [1].

Возвратимся к идее включения кинем в ткань художественного повествования. Безусловно, все, что подается автором имплицитно, во-первых, привлекает внимание опытного читателя, во-вторых, создает красочные художественные образы, а также запускает механизмы воображения читателя.

Эмоции, испытываемые героями произведений, успешно передаются читателям чаще всего в том случае, если художественный образ складывается не из слов, прямых дескрипторов эмоций, а из симметричных ощущений читателя, который из текста улавливает лишь намеки на происходящее в художественном тексте и сам достраивает эту картину мира [3].

Одной из сложностей для автора в этом процессе будет использовать общепринятые способы описания жестов и мимики, так как значимые кинемы обладают социокультурной ценностью, следовательно, описание жеста должно соответствовать конвенциональным нормам их понимания. Другими словами, описание значимых кинем должно резонировать с восприятием определенного способа проявлений эмоций у всех членов лингвосоциокультурного сообщества. Более того, принимая во внимание тот факт, что большинство

произведений художественной литературы переводятся на другие языки, автору приходится фокусировать свое внимание на том факте, что описываемые в произведении жесты и мимика должны носить и конвенциональный международный характер, чтобы быть понятыми представителями других лингвосоциокультурных сообществ [2].

В художественном произведении жесты и мимика воспринимаются читателем как своеобразные символы, особый язык тела, который дополняет, расширяет и модифицирует, а зачастую и идет в разрез с вербальным воплощением информации. Значимые жесты и мимика представляют своего рода словарь, который должен быть абсолютно понятен получателю этой информации.

Целью нашего исследования стало изучить способы репрезентации значимых жестов и мимики на материале англоязычных художественных текстах по ряду причин. Во-первых, мы поставили задачу сделать выводы относительно рядоположности способов описания эмоций и их конгруэнтности, а во-вторых, о степени узнаваемости описанных кинем носителями другой лингвосоциокультуры, а именно русскоязычной. На материале данного исследования возможно в дальнейшем сделать вывод о том, насколько эмоциональные кинемы персонажей, использованные англоязычными авторами, являются универсальными для представителей другой культуры, а также насколько значимыми являются данные кинемы для создания образа у читателей - носителей другого языка.

Материалом исследования послужили художественные произведения английских и американских авторов, таких, как С. Моэм, Э. Хемингуэй, Т. Драйзер, Д. Селинджер. Данные, полученные путем сплошной выборки, мы сгруппировали, исходя из следующих принципов: 1) соответственно описываемой эмоции или состоянию 2) по коммуникативной функции жестовых фразеологизмов в художественном дискурсе.

За ограниченностью рамками статьи, мы планируем провести анализ коммуникативной функции жестовых фразеологизмов в художественном дискурсе в следующих наших работах.

Таким образом, посредством жестов и их языковых воплощений в тексте можно передать:

1) Удивление и изумление.

To get up from something.

Ник был так удивлен, что даже привстал с умывальника, на котором он сидел [7] (перевод наш, Ю.Д.).

To fall a jaw.

От удивления у нее даже челюсть упала [6] (перевод наш, Ю.Д.). От неприятного удивления, можно даже сказать потрясения, героиня открыла рот и широко открыла глаза.

To clasp one's hands. От удивления Дженни всплеснула руками [3] (перевод наш, Ю.Д.).

Приведенные примеры показывают, что при удивлении рот открыт максимально. Если эта гримаса сопровождается еще и широко открытыми глазами, поднятыми вверх бровями и т.д., то она выражает высшую степень удивления – ошеломление. Подобное эмоциональное состояние можно передать не только при помощи мимики, но и с использованием жестов.

Такие жесты как привстать/встать со стула, дивана и т.д., всплеснуть руками тоже могут передать удивление. Все вышеуказанные жесты являются стилистически маркированными и конгруэнтными. Конгруэнтность кинемы передаваемому эмоциональному состоянию только подчеркивает его, делая его еще более заметным, сильным. Этого же можно добиться, если сочетать вышеуказанные кинемы. Следовательно, эти кинемы являются а) сочетаемыми б) универсальными.

2) Нервное состояние:

To rock to and fro.

Герхардт нервно носился взад-вперед по кухне [3] (перевод наш, Ю.Д.).

To pace slowly to and fro.

Осознавая неоднозначную ситуацию, в которую он загнал себя сам, Лестер нервно прохаживался по комнате [3] (перевод наш, Ю.Д.).

Похожие, на первый взгляд, выражения «to walk to and fro», «to move back and forth» и «to rock to and fro» отличаются оттенками значения. Первые два нейтральны по своему значению и выражают просто нервное состояние человека. Никакой дополнительной информации из них извлечь не удастся. Последнее же выражение, напротив, характеризует человека, находящегося в состоянии сильного нервного потрясения. Вполне возможно, что он в этот момент еще и зол.

To rub one's hands.

Миссис Герхардт нервно потирала руки, она была смущена неожиданным вниманием со стороны сенатора [3] (перевод наш, Ю.Д.).

To turn something in one's lap.

Миссис Герхардт нервно теребила свой фартук на коленях. Явно она не привыкла к тому, что кому-то могут быть интересны ее домашние [3] (перевод наш, Ю.Д.).

To bite one's lip.

Она на мгновение замолчала, кусая губы. Она не совсем знала, с чего начать [3] (перевод наш, Ю.Д.).

“Лучше бы мы никогда сюда не приходили”, - сказала женщина. Она смотрела на него, держа свой бокал и прикусив губу [4] (перевод наш, Ю.Д.).

В обоих случаях девушки выражают свое состояние через покусывание губы, но в первом случае это происходит оттого, что Дженни нервничает, не знает, что ей сказать. Во втором же примере, женщина переживает из-за того, что случилось с ее любимым человеком. Она жалеет о приезде в Африку. Пытаясь не расплакаться, не показать свое нервное состояние, она покусывает губу. Как видно, один и тот же жест выражает несколько различные состояния.

To jiggle one's foot up and down.

Не зная, чего ожидать от Ника, и как самой вести себя, девушка нервно покачивает ногой [7].

To move one's ass.

Оттого, что Нику не хочется дальше развивать тему своей учебы, того, что он вылетел в очередной раз из школы, он нервно ерзает на кровати. Именно поэтому она ему кажется самой жесткой в мире [7].

Проанализировав вышеприведенные примеры, можно сказать, что невербальные выражения нервного состояния довольно частотны и разнообразны. Если человек нервничает, не знает чего ожидать, как ему поступить или что сказать, он начинает нервно дергать ногой, рукой или нервно передвигаться по комнате. Не исключено, что он начинает нервно передвигать с места на место или вертеть в руках рядом находящиеся предметы или, как то: книга, вилка, фартук и т.д.

Жестовые фразеологизмы, выражающие нервное состояние могут быть стилистически маркированными, например, *to move one's ass*, *to bite one's lip* и др. Некоторые из приведенных примеров являются неконгруэнтными, так как герой, покусывает губу, болтает ногой, двигает с места на место вещи, с целью скрыть свои чувства, а не эксплицировать их.

3) Обдумывание чего-либо.

To turn (a fork) in one's hands.

Обдумывая, что сказать, Лестер вертел в руках вилку [3] (перевод наш, Ю.Д.). Этот жестовый фразеологизм показывает, что герой очень глубоко задумался и вполне возможно, что он не отдает отчет своим движениям. Он не является стилистически маркированным.

To turn one hand over in the other.

Думая, что ее ожидает, Миссис Герхардт, не отдавая себе в том отчет, монотонно терла одну руку об другую и смотрела невидящими глазами в пол [3].

To shake one's head.

Обдумывая поведение Дженни, сенатор задумчиво покачивал головой [3] (перевод наш, Ю.Д.).

To bite one's lip.

Обдумывая, что сказать, Дженни покусывала губу [3] (перевод наш, Ю.Д.).

Для передачи состояния задумчивости героя любой автор может использовать разнообразные неязыковые средства передачи эмоционального состояния. Жестовые фразеологизмы могут совпадать с теми, которые передают отчаяние, нервозность и прочие состояния, поэтому необходимо рассматривать их только в контексте. Зачастую, эти кинемы являются конгруэнтными. В случае, когда герой сосредоточен на какой-либо проблеме, обдумывает что-то сосредоточенно, прокручивая в голове снова и снова, то жесты могут быть неконтролируемыми. Нам видится логичным подобные жесты называть рефлекторными.

4) Отчаяние.

To clench one's hand.

В отчаянии, Герхардт сжал руки [3] (перевод наш, Ю.Д.).

Clasp one's hands.

Осознав свое положение, Дженни не видя ни чего перед собой, встала и, всплеснув руками, подошла к окну [3] (перевод наш, Ю.Д.).

Как видно из приведенных примеров, жест «всплеснуть руками», «сжать руки» характерен как для мужчин, так и для женщин. В обоих случаях он выражает определенную степень отчаяния, нервного потрясения. Тем не менее, тот же самый жест может выражать и крайнюю степень удивления.

Жестовые фразеологизмы, выражающие состояние отчаяния, являются конгруэнтными, но мы полагаем, что они могут быть и неконгруэнтными, в случае, если персонаж постарается по тем или иным причинам скрыть или видоизменить свое состояние.

5) Горечь.

To clasp one's hand on the lap.

Миссис Герхардт села и с горечью сцепила руки на коленях [3] (перевод наш, Ю.Д.).

To shake one's head.

Мистер Лестер старший размышлял о своем младшем сыне. Он сожалел о том, что тот тратит в пустую свои возможности. Думая об этом, он с горечью качал головой [3] (перевод наш, Ю.Д.).

Выражение состояние горечи в рассмотренных произведениях происходит с помощью двух единиц: *to shake one's head* и *to clasp one's hands*. Их сочетание может дать необходимый эффект. В данном случае можно сделать вывод, что жестовые фразеологизмы в художественном дискурсе могут взаимодействовать друг с другом. Их сочетание несколько не исказит смысла высказывания, а лишь усилит его. Если же расположить кинемы в порядке возрастания интенсивности жеста, то можно добиться градации передачи чувств персонажа.

б) Сожаление.

To shake one's head.

После ухода Лестера старик сидел там, глубоко задумавшись. Какая запутанная карьера! Какой конец великим возможностям! Он покачал головой. Роберт был мудрее [3] (перевод наш, Ю.Д.).

Для выражения сожаления используются те же единицы, что и для выражения горечи: *to shake one's head* и *to clasp one's hands*. Определить какое конкретно значение подразумевает автор можно только из контекста. Очень часто оба эти чувства выражаются одновременно, поскольку в состоянии горечи, нервного расстройства человек зачастую сожалеет о поступках, приведших печальным последствиям.

Следующим этапом исследования стало экспериментальное подтверждение универсальной природы жестовых фразеологизмов и уровня понимания их конгруэнтности носителями другой лингвокультуры, а именно, студентами направления Лингвистика, обладающими уровнем знания английского языка по международной шкале CEFR C1.

В эксперименте приняли участие 30 человек, которым были предложены два варианта отрывков из заявленных в статье художественных произведений, содержащие описания жестовых фразеологизмов. Первый вариант текста содержал только одну фразу непосредственно с вербальной реализацией жестового фразеологизма, второй вариант содержал ту же самую фразу, но в расширенном контексте.

Задачей испытуемых было определить (выбрать из списка), какую эмоцию испытывает герой в обоих вариантах отрывков.

Анализ обработки полученных данных предсказуемо показал, что понимание эмоции в расширенном контексте приближалось к 100%; в укороченном контексте испытуемые указывали эмоцию, которая традиционно закреплена за жестовым фразеологизмом лексикографическими источниками. Таким образом, можно сделать вывод, что жестовые фразеологизмы изучаются студентами L2 таким же образом, как и остальная идиоматика языка, а именно, в соответствии с их значениями, закрепленными в словарях. Тем не менее, расширенный контекст дает возможность переосмыслить понимание жестового фразеологизма, что говорит о понимании студентами не столько идиомы, сколько ситуации и той универсальной эмоции, которую испытывает герой.

Итак, эмоциональные жестовые фразеологизмы могут быть схожими по структуре, но передавать различные эмоциональные состояния. В большинстве случаев они довольно свободно сочетаются друг с другом. Стилистически маркированные жесты могут стоять рядом с немаркированными, придавая последним несколько усиленное значение. Кроме того, мы выяснили, что сочетание жестов не меняет смысла высказывания, а лишь усиливает его, особенно если расположить фразеологизмы в порядке нарастания значения и стилистической окраски. Эмоциональные жесты могут быть конгруэнтными передаваемой эмоции, если автор ставит задачей подчеркнуть ту или иную эмоцию, а могут не соответствовать высказыванию или эмоции, чтобы скрыть ее от окружающих по тем или иным причинам.

Литература

1. Birdwhistell R. Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication. URL: https://elearn.unisofia.bg/pluginfile.php/524766/mod_resource/content/1/Ray-Birdwhistell201970.pdf
2. Birdwhistell R. Some Body motion elements accompanying spoken American English // Communication: Concepts and Perspectives. Ed. by LeeTrager. Washington D.C.: Spartan Books, 1967. 353 p.
3. Driser Theodore. Jenny Gerghardt. URL: <https://www.gutenberg.org/files/28988/28988-h/28988-h.htm>
4. Hemingway Earnest. Selected stories. URL: <https://www.goodreads.com/work/editions/49583505-selected-stories-ernest-hemingway>
5. Mark L., Hickson III and Don W. Stacks. Nonverbal communications: studies and applications: Brown, 1984. 342 p.

6. Maugham W.S. Of human Bondage. URL: https://www.planetpublish.com/wp-content/uploads/2011/11/Of_Human_Bondage_T.pdf
7. Salinger J.D. The Catcher in the Rye: Penguin Books Limited, 2010. 296 p.

References

1. Birdwhistell R. Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication. URL: https://elearn.unisofia.bg/pluginfile.php/524766/mod_resource/content/1/Ray-Birdwhistell201970.pdf
2. Birdwhistell R. Some Body motion elements accompanying spoken American English. Communication: Concepts and Perspectives. Ed. by LeeTrager. Washington D.C.: Spartan Books, 1967. 353 p.
3. Driser Theodore. Jenny Gerghardt. URL: <https://www.gutenberg.org/files/28988/28988-h/28988-h.htm>
4. Hemingway Earnest. Selected stories. URL: <https://www.goodreads.com/work/editions/49583505-selected-stories-ernest-hemingway>
5. Mark L., Hickson III and Don W. Stacks. Nonverbal communications: studies and applications: Brown, 1984. 342 p.
6. Maugham W.S. Of human Bondage. URL: https://www.planetpublish.com/wp-content/uploads/2011/11/Of_Human_Bondage_T.pdf
7. Salinger J.D. The Catcher in the Rye: Penguin Books Limited, 2010. 296 p.

*Demonova Yu.M., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
Kravets O.V., Candidate of Philological Sciences (Ph.D.),
A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of
Rostov State University of Economics (RINE)*

Sign phraseological units in a literary text

Abstract: explication of emotions has always been inherent in both oral and written speech, since speech is one of the main channels for the output of psychic energy outside. There are quite a lot of ways to verbalize emotions in speech, and one of them is sign phraseological units, which are, in fact, a description of the kineme, traditionally fixed in dictionaries as an idiom. Sign phraseological units are used by the authors to describe the emotional state of characters quite often, since emotional kinemas, for the most part, are universal and international in nature; while using a minimum of verbal means, they create a capacious emotional and artistic image for the reader. This article is devoted to the study of ways of representing significant gestures and facial expressions, respectively, of the described emotion or state on the material of English-language literary texts. The choice of language allowed us to conclude how the emotional kinemas of the characters used by English speaking authors are universal for representatives of another culture. The conducted experiment on the understanding of sign phraseological units in the context and outside of it allowed us to find out how significant these kinemas are for creating an image for readers who are native speakers of another language and culture.

Keywords: emotion, sign phraseology, kinema, verbal explication, linguoculture, congruence

For citation: Demonova Yu.M., Kravets O.V. Sign phraseological units in a literary text. Philological Sciences Bulletin. 2023. 3 (6). P. 188 – 192.

Received: June 10, 2023; Revised: June 30, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Мамутова З.С., кандидат педагогических наук, старший преподаватель,
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова*

Особенности межъязыковой интерференции при обучении крымскотатарскому языку в билингвальной среде

Аннотация: предметом исследования послужило межъязыковое сопоставление лексического минимума с целью предупреждения явления интерференции и заинтересованности обучающихся в наблюдении над соотношением (общее и отличие) в духовной и материальной культуре крымскотатарского и других народов, которые проживают в одном полиэтническом пространстве. Цель исследования – раскрыть особенности развития современного крымскотатарского языка, определить особенности асимметричного билингвизма, межъязыкового взаимодействия интерференции крымскотатарского и русского языков. В статье рассматриваются проявления интерференции в речевой и образовательных сферах. Влияния одного языка на другой, т.е. применение норм одного языка в другом в письменной или устной речи, которые ярко проявляются в процессе обучения.

Научная новизна работы заключается в выявлении основных особенностей взаимодействия языков в процессе формирования билингвальной личности, сопоставительное исследование материала родного крымскотатарского языка и изучаемого языка на примере практического материала. В результате выявлено, что на нормы владения неродным языком, на формирование билингвальной личности в полилингвальном социуме интерференционное влияние оказывают особенности обоих языков, а именно, особенности, которые имеются в крымскотатарском языке, но отсутствуют в изучаемом русском языке.

Ключевые слова: язык, лингводидактика, лингвистика, лексика, билингвальный, интерференция

Для цитирования: Мамутова З.С. Особенности межъязыковой интерференции при обучении крымскотатарскому языку в билингвальной среде // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 193 – 197.

Поступила в редакцию: 7 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 30 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Введение

С давних времён на Крымском полуострове, на относительно небольшой территории живут народы, говорящие на разных языках, принадлежащих к двум большим языковым семьям – тюркской и индоевропейской. При этом наибольший по численности носителей и некогда доминировавший на полуострове тюркский крымскотатарский язык характеризовался наличием как минимум трёх диалектов и множества локальных говоров. Подобного рода языковую ситуацию можно рассматривать едва ли не как уникальную. Изучению крымскотатарского языка, направленное на взаимодействие языка и культуры, посвящены научные труды тюркологов Баскакова Н.А. [2], Радлова В.В. [11], Б. Чобан-заде [13], Бекторе Ш. [3], Меметова А.М. [8, 9], Щербак А.М. [14], Юлдашев А.А. [15] и др. В настоящее время в Крыму функционируют школы с крымскотатарским языком обучения, филологические факультеты при Крымском инженерно-педагогическом университете им. Февзи Якубова и КФУ имени В.И. Вернадского, ведущие подготовку учителей крымскотатарского языка и литературы. Ведётся работа в области учебно-методического обеспечения школ и вузов, в которых изучается крымскотатарский язык.

При этом в среде крымских татар практически отсутствуют лица, не владеющие иными языками, кроме родного, но широко представлены билингвы, говорящие как на родном языке (литературный язык + говор, только говор, только литературный язык), так и на русском. Степень языковой компетенции носителей родного языка в той или иной форме варьируется в широких пределах. Небольшая часть крымских татар владеет (в основном на уровне аудирования и бытовой лексики).

В билингвальном и, шире, полилингвальном социуме неизбежно имеют место явления межъязыковой интерференции, тесно связанной в общем случае с процессом формирования двуязычного и полиязычного индивида и социума, однако в Крыму она характеризуется односторонней направленностью и свойственна почти полностью только языковой практике крымских татар. В этой связи проблемы речепроизводства на родном и неродном языках на полуострове это, прежде всего, проблемы именно крымскотатарского этноса, ибо именно крымским татарам чаще всего приходится переключаться в письменной или устной речи с лексических норм одного языка на нормы другого.

Здесь следует отметить, что общие вопросы межъязыковой интерференции рассматриваются в теории языка, сопоставительной лингвистике и лингводидактике, и именно научный инструментарий этих

дисциплин в первую очередь применим к решению частных проблем, в нашем случае тех, что объективно имеют место в образовательном процессе в Крыму.

При этом для совершенствования методик преподавания в крымскотатарской национальной школе было бы весьма полезным руководствоваться дидактическим наследием великого просветителя И. Гаспринского, ни в коей мере не потерявшего актуальности для современной педагогической практики [1, с. 171-180].

В то же время современная педагогическая практика остро нуждается в квалифицированном отборе и последующей институционализации современных интерактивных методов преподавания, которые не только ускоренными темпами и с высокой эффективностью формируют у учащихся коммуникативные навыки, но и способствуют укреплению толерантности в условиях крымского полиэтничного общества, с учётом местной этнокультурной специфики.

При этом с целью развития у обучающихся лингвистического мышления, чувства языка, обогащения словарного запаса, уверенного освоения тех или иных моделей грамматических конструкций, совершенствования стилистических речевых ресурсов перед ними должны ставиться оригинальные лингвистические задачи, решая которые обучающиеся должны достигнуть значительного прогресса в оформлении содержательной стороны речевого высказывания.

Конечной целью преподавания родного языка является теоретическое осознание обучающимися той системы средств общения, которой они практически владеют [4]. При этом исследование уровня языковой компетенции учащихся применительно к крымскому (в широком аспекте) и крымскотатарскому (в данном конкретном случае) социуму мог бы стать предметом отдельного исследования.

Основная часть

Лексическая интерференция имеет место тогда, когда говорящий на том или ином языке обнаруживает, что некоторые лексемы изучаемого языка совпадают с таковыми в родном языке, и в его сознании возникает представление о некоторых соответствиях. У. Вайнрайх рассматривает это явление как «случаи отклонения от норм каждого языка, происходящие в речи билингов в результате их знакомства с более чем одним языком». По его теории, основной предпосылкой лексической интерференции является языковой контакт, под которым понимают либо «речевое общение между двумя языковыми коллективами», либо учебную ситуацию. «Два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо. Таким образом, местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком» [5, с. 1-7].

Со своей стороны, Хауген Э. рассматривал интерференцию как наложение двух языковых систем, при котором языковая единица принадлежит к обеим из них одновременно [12, с. 69-70].

Применительно к системе крымскотатарского национального образования острота проблемы двуязычия может быть, как минимум частично снята в процессе обучения на родном языке, что позволит со временем организовать квалифицированный отбор лингвокультурологического материала, который будет отражать как наиболее актуальные факты крымскотатарской культуры, так и давать более полное представление о русской культуре. Важно отметить, что при таком подходе учащийся не только сохраняет свой родной язык, но и приобретает к своей национальной культуре, упрочняет интеллектуальные и эмоциональные контакты с ней. Соответственно, школьная программа должна включать в планомерное, непрерывное обучение учащегося его родному языку. Тем самым, школа обеспечит выпускникам реальное двуязычие и интеграцию в оба культурных пространства – крымскотатарское и русское.

Тем самым обсуждаемый процесс можно рассматривать как пример диалога культур, в котором учащийся с самого начала является активным субъектом межъязыковой, межкультурной и межличностной коммуникации.

В каждом языке существуют лексические единицы, в которой имеется специфический национально-культурный компонент. Для выделения национально-культурного компонента из языка, как правило, в роли индикатора обязательно нужен другой язык, поскольку расхождения между языками чаще всего встречаются при их сравнительном изучении. Здесь целесообразно отметить, что сравнительная степень владения двумя языками в принципе не может быть точно описана только на основе понятийного аппарата лингвистики. Это один из тех многообразных аспектов диглоссии как наиболее важного типа мультилингвальности, где изучающие данное явление лингвисты должны тесно сотрудничать с психологами и специалистами в области общественных наук [6, с. 27].

Согласно вышесказанному, условиями для лексико-семантической интерференцией двух и более языков являются: 1) необходимость в названии того или иного нового явления; 2) отсутствие полноценных эквивалентов для номинации такого явления в языке-акцепторе; 3) возможность экономии языковых средств в результате использования заимствованных слов вместо дескриптивных оборотов.

При этом предельно важно осознавать во всей полноте особенности изучаемого в школе русского и родного крымскотатарского языка. В частности, в процессе чтения текстов на крымскотатарском языке учащиеся могут столкнуться с: 1) особенностями морфологии (агглютинация / аффиксальный способ образования слов); 2) синтаксическими особенностями – основная смысловая нагрузка падает на конец предложения, поскольку именно там всегда стоит глагол; 3) системой родства и статусных отношений внутри семьи, в частности, вариативность номинаций родственников отдельно по линии отца и отдельно по линии матери в табл. 1.

Таблица 1

Номинации родственников отдельно по линии отца и отдельно по линии матери

На русском языке	На крымскотатарском языке По линии матери	На крымскотатарском языке По линии отца
<i>тётя</i>	<i>тизе, тизана (диал.), тяття (диал.), имчекана (диал.)</i>	<i>ала, апице ала, хала (диал.), алапице</i>
<i>сестра</i>	<i>тата, апте, апице, тота(диал.) тата, абла (диал.)</i>	<i>тата, апте, апице, тота(диал.) тата, абла (диал.)</i>
<i>дядя</i>	<i>дайы, имчекбаба (диал.)</i>	<i>Эмдже</i>
<i>бабушка</i>	<i>бита, къартана, хартана, ката, абай, ненем, нанам</i>	<i>бита, къартана, хартана, ката, абай, ненем, нанам</i>
<i>дедушка</i>	<i>къарба, къартбаба</i>	<i>Деде</i>

4) в крымскотатарском языке нет категории рода (мужского, женского или среднего); 5) трудностями, связанными со стилистическими особенностями крымскотатарской речи; 6) со схожей семантикой при сопоставлении слов (например, *къушакъ* – *кушак* (*хушах диал.*); *сандыкъ* – *сундук* (*сандых диал.*); *къаптан* – *кафтан* (*зыбын диал.*); *башлыкъ* – *башлык* – *капюшон* и др.

Сказанное фактически определено национальными реалиями крымских татар, при этом таковые могут быть вообще не представлены в национальных культурах других этносов, проживающих на полуострове, или не иметь адекватных эквивалентов. Культурологическая (и, уже, этнокультурологическая) ценность, репрезентативность, распространённость и функциональность явлений применительно к повседневной жизни, направленность на отображение современных реалий, возможность дифференциации по конкретным темам должны стать базовыми критериями отбора учебного материала.

Заключение

Таким образом, межъязыковая лексическая интерференция является составной частью билингвального общения: контакта языков и их смешения (до определённой степени). Если отдавать приоритет ценностным основам педагогической культуры, то можно выделить четыре основные группы таковых: 1) отбор для каждой вновь изучаемой темы наиболее точных реалий, образчиков безэквивалентной и фоновой лексики, что прежде всего предусматривает знакомство с названиями праздников, обрядов, именованьем месяцев, названиями инструментов, элементами национальной одежды и др.; 2) формирование представления о том, что есть такие предметы, которые хорошо известны говорящим на разных национальных языках: *чаййк* (*щайник диал.*) (в крт. яз.) – *чайник* (в русск.яз.); *крушка* (в крт. яз.) – *кружка*; *къушакъ* (в крт. яз.) – *кушак*; *камзол* – *камзол*; *башлыкъ* – *башлык* и др. Например, работая над культурологической темой «Крымскотатарская национальная одежда, русская национальная одежда», можно рассмотреть детали национального костюма крымской татарки Керченского региона, которые, в частности, составляют: *ине* – *брошь*; *баш-алтун* – сережки с растительным орнаментом и драгоценным камнем; *алтун* – *монисто*; *асхы алтун ичюн* – крепление для *монисто*; *коклюк* – *нагрудник*; *пешмал* (*пешитимал*) – *фартук*; *буркенчик* (*буркеничик диал.*) – *накидка на голове*; *кушак* – *пояс с медными и круглыми бляшками*; *бичимли антер* – *кафтан* с расширенной юбкой; *оя* – *нижнее платье*; *дон* – *шаровары*; *папучи* – *туфли*. При этом сопоставление лексем позволяет найти как сходства, так и различия с деталями русских народных костюмов в Воронежской, Тамбовской, Саратовской и других российских областей; 3) ясно выраженное отграничение собственной культуры говорящего на данном языке, императивно обусловленное потребностью переноса сведений из привычной для учащихся действительности во вторичную культуру; в данном случае интерференция носит экстралингвистический характер, поскольку вызвана не воздействием одного языка на другой, а воздействием одной культуры на другую; 4) подбор адекватных для конкретной речевой ситуации лексем, которые учитывают социальные и культурные особенности собеседника; при этом язык должен рассматриваться как зеркало, в котором находят своё

отражение как собственно культура, так и география и климат, в которых сформировался народ, сложилась его история и условия жизни, повседневное поведение и творчество.

Перспективы дальнейшей разработки темы

На следующих этапах исследования особенностей межязыковой интерференции в билингвальной среде представляется целесообразным провести углублённое изучение явления двуязычия у крымских татар, используя последние достижения лингвистики и лингводидактики. Это позволит разработать целостную подход к формированию истинно гармоничного двуязычия, отвечающего интеллектуальным запросам билингвов – носителей крымскотатарского языка.

Литература

1. Абибуллаева Э.Э. Миллий тасиль – миллий медениетнинъ темелидир // Maarif isleri. 2003. № 4, 26 апрель. С. 171 – 180.
2. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962. 332 с.
3. Бекторе Ш. Татарча сарф, нахв / Морфология и синтаксис татарского языка. (Херосору): редкая книга. Татар окъув ишлери, ильмий эети тарафындан тасдыкъ олунды. Тотайкой: 1923. 110 с.
4. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные. М.: Наука, 1954. 176 с.
5. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие Languages in Contact, 2-е изд., 1957. 27 с.
6. Вайнрайх У. Язык в контактах. «Публикации ньюйоркского лингвистического кружка», 1953. 259 с.
7. Ергазина А.А. Лингвокультурологическая интерференция как коммуникативная помеха в процессе межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.) Краснодар: Новация, 2016. С. 136 – 138. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9327/>
8. Меметов А.М. Крымскотатарский язык. История изучения. Лексикология. Фонетика. Морфология: монография. Симферополь: КРП «Изд-во «Крымучпедгиз», 2013. 576 с.
9. Меметов А. М., Мусаев. К.М. Крымтатарский язык. Симферополь: Крымское уч.-пед. гос. изд-во, 2003. 288 с.
10. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1975. 357 с.
11. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. I-X. М., 1893. 967 с.
12. Хауген Э. Процесс взаимодействия. Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. 336 с.
13. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Сост. А.М. Эмирова, Н.С. Сейтягъев, под общей ред. А. М. Эмировой. Симферополь: Доля, 2003. 240 с.
14. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. М.- Л., 1970. 204 с.
15. Юлдашев А.А. Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972. 376 с.

References

1. Abibullaeva Je.Je. Millij tasil' – millij medenietnin# temelidir. Maarif isleri. 2003. № 4, 26 aprel'. С. 171 – 180.
2. Baskakov N.A. Vvedenie v izuchenie tjurkskih jazykov. M., 1962. 332 s.
3. Bektore Sh. Tatarcha sarf, nahv. Morfologija i sintaksis tatarskogo jazyka. (Xerocopy): redkaja kniga. Tatar ok#uv ishleri, il'mij jeeti tarafyndan tasdyk# olundy. Totajkoj: 1923. 110 s.
4. Buslaev F.I. Russkie poslovicy i pogovorki, sobrannye i ob#jasnennye. M.: Nauka, 1954. 176 s.
5. Vajnrajh U. Odnojazychie i mnogojazychie Languages in Contact, 2-e izd., 1957. 27 s.
6. Vajnrajh U. Jazyk v kontaktah. «Publikacii n'jujorskogo lingvisticheskogo kruzha», 1953. 259 s.
7. Ergazina A.A. Lingvokul'turologicheskaja interferencija kak kommunikativnaja pomеха v processe mezhkul'turnoj kommunikacii. Aktual'nye problemy filologii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Krasnodar, fevral' 2016 g.) Krasnodar: Novacija, 2016. S. 136 – 138. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9327/>
8. Memetov A.M. Krymskotatarskij jazyk. Istorija izuchenija. Leksikologija. Fonetika. Morfologija: monografi-ja. Simferopol': KRP «Izd-vo «Krymuchpedgiz», 2013. 576 s.
9. Memetov A. M., Musaev. K.M. Krymtatarskij jazyk. Simferopol': Krymskoe uch.-ped. gos. izd-vo, 2003. 288 s.
10. Musaev K. M. Leksika tjurkskih jazykov v sravnitel'nom osveshhenii. M.: Nauka, 1975. 357 s.
11. Radlov V.V. Obrazcy narodnoj literatury tjurkskih plemen. I-X. M., 1893. 967 s.
12. Haugen Je. Process vzaimodejstvija. Novoe v lingvistike. M.: Progress, 1972. Vyp. 6. 336 s.
13. Choban-zade B. K#yrymtatar il'mij sarfy. Sost. A.M. Jemirova, N.S. Sejtjag#jaev, pod obshej red. A. M. Jemirovoj. Simferopol': Dolja, 2003. 240 s.
14. Shherbak A.M. Sravnitel'naja fonetika tjurkskih jazykov. M.- L., 1970. 204 s.
15. Juldashev A.A. Principy sostavlenija tjurko-russkikh slovarej. M., 1972. 376 s.

*Mamutova Z.S., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.), Senior Lecturer,
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov*

Features of interlingual interference in teaching the Crimean Tatar language in a bilingual environment

Abstract: the subject of the study was an interlingual comparison of the lexical minimum in order to prevent the phenomenon of interference and the interest of students in observing the correlation (common and difference) in the spiritual and material culture of the Crimean Tatar and other peoples who live in the same polyethnic space.

The purpose of the study is to reveal the features of the development of the modern Crimean Tatar language, to determine the features of asymmetric bilingualism, interlingual interaction of the interference of the Crimean Tatar and Russian languages.

The article deals with manifestations of interference in the speech and educational spheres. The influence of one language on another, i.e. the application of the norms of one language in another in written or oral speech, which are clearly manifested in the learning process. The scientific novelty of the work is to identify the main features of the interaction of languages in the process of forming a bilingual personality, a comparative study of the material of the native Crimean Tatar language and the language being studied on the example of practical material. As a result, it was revealed that the norms of non-native language proficiency, the formation of a bilingual personality in a multilingual society, are influenced by the features of both languages, namely, the features that exist in the Crimean Tatar language, but not in the studied Russian language.

Keywords: language, linguodictics, linguistics, vocabulary, bilingual, interference

For citation: Mamutova Z.S. Features of interlanguage interference in teaching the Crimean Tatar language in a bilingual environment. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 193 – 197.

Received: June 7, 2023; Revised: June 30, 2023; Accepted: June 30, 2023.

*Мирзоева Л.Ю., доктор филологических наук, ассоциированный профессор,
Есиркепова С.А.,
Университет имени Сулеймана Демиреля, Казахстан*

Методика обучения профессиональному английскому языку с использованием аутентичных текстов на уровне бакалавриата (на примере русско-английского перевода)

Аннотация: статья посвящена проблемам обучения профессиональному английскому языку с использованием аутентичных текстов переводов с русского языка на английский в рамках программы бакалавриата; данное исследование нацелено вместе с тем и на совершенствование процесса обучения переводу, поскольку целевой аудиторией проводимого в исследовании эксперимента являются именно студенты специальности «Переводческое дело». Результаты исследования, представленные в настоящей работе, могут способствовать внедрению анализа переводческих ошибок как инструмента изучения иностранного языка и в то же время совершенствования компетенций будущих специалистов-переводчиков. Данный метод обучения основан на сопоставительном анализе оригинального и переводного текста, выявляющем переводческие проблемы, которые и служат источником ошибок. Особую актуальность работе в этом направлении придает использование материала, характеризующегося высокой степенью аутентичности. В статье представлены также результаты эксперимента по применению в учебном процессе упражнений, основанных на выявлении типов ошибок в соответствии с классификацией Н.К. Гарбовского, а также рефлексия над способами их исправления, что, по мнению авторов статьи, служит целям совершенствования как языковых, так и собственно профессиональных компетенций будущих переводчиков.

Ключевые слова: аутентичные тексты, переводческие ошибки, сопоставительный анализ, рефлексия, профессиональные переводческие компетенции, эксперимент

Для цитирования: Мирзоева Л.Ю., Есиркепова С.А. Методика обучения профессиональному английскому языку с использованием аутентичных текстов на уровне бакалавриата (на примере русско-английского перевода) // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 198 – 203.

Поступила в редакцию: 9 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 30 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Введение

В настоящее время изучение иностранных языков, так же, как и перевод, является одним из основных инструментов человеческого прогресса. Международные связи между странами укрепляются, а различные сферы науки и техники демонстрируют значительный прогресс благодаря использованию различных средств устной и письменной коммуникации; в частности, актуализируется роль перевода как посредника между культурами, в том числе – и в данной сфере. Следовательно, развитие профессиональных компетенций переводчиков, в частности, развитие их языковых компетенций в сфере английского языка как языка-источника и языка-рецептора в процессе перевода, является одной из главнейших задач подготовки квалифицированных специалистов в данной области.

В настоящее время перевод может использоваться как инструмент обучения английскому языку (в частности, в процессе преподавания профессионального английского языка, а также ряда собственно переводческих дисциплин). В этом случае, на наш взгляд, преподавателям необходимо обратить особое внимание на переводческие ошибки как на основное препятствие в процессе обмена информацией между участниками коммуникации. Для того, чтобы иметь возможность предотвратить возникновение ошибки, необходимо

- четко представлять, какие типы ошибок допускаются в процессе перевода;
- знать пути их предотвращения [1].

Обучение переводу на основе переводческих ошибок, т.е. с использованием отрицательного языкового материала, является малоизученной областью [2, 3]. Так, в работах Li, D [4] и Alenezi, M [5] показаны аналогичные технологии обучения переводу, при этом этап анализа ошибок рассматривается как вид Task-based learning, однако основное внимание в данных исследованиях уделялось скорее этому подходу, нежели анализу ошибок. Таким образом, настоящее исследование, посвященное проблемам обучения профессиональному английскому языку с использованием аутентичных текстов переводов с русского языка на английский в рамках программы бакалавриата нацелено на совершенствование процесса обучения переводу, а также может внести определенный вклад в развитие переводоведения. Кроме того, результаты исследования могут способствовать внедрению перевода и анализа переводческих ошибок как инструмента изучения

иностранный язык, который основан не на Grammar Translation, а на сопоставительном анализе оригинального и переводного текста, выявляющем переводческие проблемы, служащие источником ошибок. Особую актуальность работе в этом направлении придает использование материала, характеризующегося высокой степенью аутентичности.

В рамках данной работы была предпринята попытка ответить на следующие вопросы: как использование аутентичных текстов в русско-английском переводе облегчает обучение профессиональному английскому языку по программе бакалавриата (специальность “Translation Studies”)? Развивает ли использование аутентичных текстов и допущенных в переводе ошибок профессиональные навыки будущих переводчиков?

Таким образом, целью исследования является изучение процесса обучения профессиональному английскому языку с использованием аутентичных текстов переводов с русского на английский на уровне бакалавриата и развитие профессиональных навыков будущих переводчиков посредством использования аутентичных текстов.

Результаты работы могут быть использованы в практике преподавания таких курсов, как Профессиональный английский язык, Практика письменного перевода, Official Texts Translation, Scientific Texts Translation и пр.

Классификация переводческих ошибок как путь к их предотвращению

Очевидно, что в целях корректной репрезентации и верной интерпретации фактического материала переводческие ошибки следует классифицировать для повышения качества подготовки будущих переводчиков.

В частности, различные типологии переводческих ошибок представлены в работах Н.К. Гарбовского [6], М.А. Куниловской [1] и Л.К. Латышева [7].

Так, М.А. Куниловская [1] обращает особое внимание на смысловые ошибки и считает целесообразным классифицировать переводческие ошибки по типу измененной или не переданной в исходном тексте информации.

Л.К. Латышевым предложена классификация ошибок по степени дезинформирующего воздействия, т.к. он классифицирует ошибки, исходя из степени нарушения переводческой эквивалентности [7].

Классификация переводческих ошибок, предложенная Н.К. Гарбовским [6], включает в себя семь типов и представляет собой детализированное представление недостатков перевода. Первый тип - это ошибки, обусловленные непониманием смыслов, которые представлены в исходном тексте. В рамках этого типа описываются ошибки на этапе расшифровки смыслов, неполного или искаженного понимания оригинального текста. В частности, метафоры, аллегории и фразеологизмы рассматриваются в качестве основных трудностей в рамках данного типа. Второй тип - это ошибки понимания на уровне «знак - понятие». Это тот тип семантических ошибок, когда переводчики не могут расшифровать знак/слово и найти точный эквивалент. Третий тип - ошибки понимания на уровне «знак - сложное понятие», которые часто встречаются при неспособности переводчика расшифровать словосочетание. Четвертый тип - ошибки понимания на уровне «знак - суждение», возникающие при неспособности переводчика интерпретировать логические суждения или философские рассуждения авторов в оригинальном тексте. Пятый тип - ошибки понимания предметной ситуации, связанные с некорректным употреблением более чем одного слова/фразы. Для данного типа характерно искажение целых ситуаций в оригинальном тексте. Шестой тип - это переводческие ошибки на этапе перевыражения системы смыслов, возникающие в том случае, когда переводчики не могут найти эквиваленты из-за недостаточного владения языком. Последний тип - это стилистические ошибки. В рамках нашей работы мы опирались на классификацию Н.К. Гарбовского [6].

Развитие профессиональных компетенций и обучение профессиональному английскому языку на основе использования аутентичного языкового материала

По нашему мнению, одним из эффективных способов обучения письменному переводу является анализ переводческих ошибок, который предотвратит их повторение студентами, избравшими специальность Translation Studies [1]. Ошибки зачастую воспринимаются как неизбежное явление; в то же время, их анализ один из самых эффективных способов улучшения навыков перевода.

Исследователи, о которых говорилось выше, ([4, 5]) попытались построить модель task-based approach, включающую 6 этапов, на основе выявления специфики языкового материала и анализа ошибок: (1) предварительная постановка задачи, (2) решение задачи, (3) реализация задачи, (4) анализ результатов, (5) верификация результатов и (6) рефлексия. Авторы акцентируют внимание на видах ошибок, встречающихся в переводе, и делят их на грамматические, лексико-семантические, прагматические, риторические и культурологические. Главным недостатком данной модели является то, что авторы не уделяют внимание аутентичности материала.

Inoue I., & Candlin C.N. [8] предлагают иную, практико-ориентированную модель в рамках исправлении ошибок. Основное внимание в данном исследовании уделяется курсам перевода, включенным в программы обучения иностранным языкам. Участниками исследования стали студенты второго курса программы бакалавриата по английскому языку, прошедшие специализированный курс перевода. Учащимся были предоставлены аутентичные материалы для перевода, выявлены и проанализированы наиболее распространенные ошибки. Авторы определяют факторы, которые приводят к затруднениям в процессе перевода, и подчеркивают важность исправления ошибок.

С другой стороны, Шепель [9] предлагает обучать переводу в три этапа: предпереводческий анализ, аналитический вариативный поиск и анализ результатов перевода. Анализ результатов перевода также предполагает три способа сравнительного анализа исходного и переводного текстов. При сопоставительном анализе учитывается только несоответствие смысловой информации исходного и переводного текстов с целью выделения несоответствий. Вся несоответствующая информация делится на переданную и избыточную (добавленную) информацию. Кроме того, исследователь предлагает два типа анализа перевода: индивидуальная работа и работа в группе. Анализ, проводимый индивидуально, позволяет сформировать портфолио работ учащихся, а групповое обсуждение помогает учащимся выявить свои слабые стороны, типичные ошибки, причины невыполнения тех или иных заданий, собственные достижения на основе сравнения с результатами других студентов.

Методика и организация исследования

Для решения поставленных задач было проведено 8 недель экспериментального обучения. В исследовании участвовали студенты 2 курса специальности Translation Studies Университета имени Сулеймана Демиреля (в учебный план специальности включен предмет «Translation and Interpreting Internship 1», в рамках которого и были апробированы задания для проведения эксперимента). Количество студентов экспериментальной группы – 17, в контрольную группу входило 20 студентов. Проведение эксперимента включало в себя, в качестве первого этапа, анализ избранной нами классификации переводческих ошибок, предложенной Н.К. Гарбовским [6]. Во-вторых, студентам экспериментальной группы были даны упражнения, ориентированные на перечисленные выше типы переводческих ошибок и основанные на аутентичном материале (ошибочные переводческие решения при воссоздании научных текстов, а именно, аннотаций, при переводе с русского языка на английский). В качестве

После окончания эксперимента каждой группе был дан пост-тест, где участникам необходимо было перевести аннотации статей, опубликованных в одном из казахстанских научных журналов, с русского языка на английский. Переводы были проанализированы в соответствии с классификацией Гарбовского [6].

Результаты исследования

Участникам эксперимента было дано задание перевести 3 аннотации к научным статьям. В результате проверки работ студентов контрольной группы было выявлено 166 ошибок различных типов в соответствии с классификацией Н.К. Гарбовского, а в работах студентов экспериментальной группы – 109 ошибок соответственно. Участники контрольной группы в среднем совершили 8,3 ошибок, в то время как экспериментальная группа – 6,4, что меньше на 23%. Как уже говорилось выше, все ошибки были типологизированы по классификации Гарбовского [6]. Ниже в табл. 1 можно увидеть количество ошибок, допущенных участниками. Из-за специфики материала ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста и ошибки понимания на уровне «знак – суждение» не были представлены в данных работах. Участники экспериментальной группы совершили меньше ошибок, чем участники контрольной группы по всем типам классификации Гарбовского [6], кроме стилистического типа ошибок.

Таблица 1

Частота переводческих ошибок, допущенных участниками

Контрольная группа		Экспериментальная группа			
Тип ошибок	Количество	Среднее значение	Тип ошибок	Количество	Среднее значение
ошибки понимания на уровне «знак – понятие».	20	1	ошибки понимания на уровне «знак – понятие».	13	0,76
ошибки понимания на уровне «знак – сложное понятие»	18	0,9	ошибки понимания на уровне «знак – сложное понятие»	7	0,53

Продолжение таблицы 1

ошибки на этапе перевыражения системы смыслов	90	4,5	ошибки на этапе перевыражения системы смыслов	59	3,47
ошибки понима- ния предметной ситуации	13	0,65	ошибки понима- ния предметной ситуации	8	0,47
стилистические ошибки	25	1,25	стилистические ошибки	22	1,29
Общее число	166	8,3	Общее число	109	6,4

Ошибки понимания на уровне «знак – понятие»

Наиболее часто ошибки первого типа на уровне «знак – понятие» встречались в переводе сложных терминов или понятий. Например,

Исходный текст: Рассмотрены лингвокультурологические особенности концепта «воспитанность» в трех типологически разных языках.

В данном случае 33 участника эксперимента совершили ошибки при переводе слова «воспитанность». Встречались неверные варианты, такие, как “education” (22 раза), “politeness” (5 раз), “upbringing” (2 раза), “good upbringing”, “breeding”, “parenting” и “education mean”.

Ошибки понимания на уровне «знак – сложное понятие»

Множество ошибок на уровне «знак – сложное понятие» встречалось в переводе словосочетания «ценностные установки». Неправильные варианты перевода, предложенные участниками: «the value attitudes», «the cost orientations» и «the values». Если в первых двух случаях участники не нашли подходящий эквивалент, то в последнем варианте участники просто опустили определение. Наиболее приемлемый правильный вариант перевода – «the value orientations» – был предложен тремя студентами экспериментальной группы.

Ошибки на этапе перевыражения системы смыслов

Наиболее распространенными являются ошибки на этапе перевыражения системы смыслов. В целом, студенты совершили 149 ошибок этого типа; в частности, все 37 участников исследования сделали буквальный перевод слова «актуализирующие», предложив варианты «actualizing», «which actualize» и «make actual».

Ошибки понимания предметной ситуации

Этот тип относится к искажениям целых явлений и ситуаций, описанных в тексте оригинала. Ср., например, исходный текст: «Для определения ценностных установок носителей татарского, русского и английского языков был проведен семантический анализ устойчивых выражений, пословиц, поговорок, афоризмов».

Один из участников контрольной группы предложил следующий вариант перевода: «To differentiate the value orientations users of Tatar, Russian, and English languages, a semantic analysis of expressions, proverbs, sayings and aphorisms were carried out».

Здесь «differentiate» означает «отличать, различать» [10] и не может быть эквивалентом для слова «определять», которое использовано в оригинале. К тому же, структура предложения показывает, что студент сделал буквальный перевод.

Стилистические ошибки

В английском языке в текстах научного стиля не рекомендовано использовать личные местоимения первого и второго лица [11]. Все ошибки этого типа, совершенные участниками исследования, связаны с использованием местоимений. Например, в исходном тексте видим: ... что в целом позволило найти ключ к объяснению мотивов поведения как отдельного человека, так и нации в целом.

17 участников добавили в этот отрывок objective pronoun третьего лица. В качестве примера приведем вариант перевода, предложенный студентом из контрольной группы: «which in general allowed us to find the key to explaining the motives of behavior of both an individual and the nation as a whole».

Заключение

Проведенный эксперимент показал, что использование аутентичных текстов в качестве упражнений для русско-английского перевода облегчает обучение профессиональному английскому языку по программе бакалавриата, поскольку участники экспериментальной группы показали лучшие результаты, чем студенты контрольной группы. Можно также сделать вывод, что использование аутентичных текстов и анализ допущенных в ходе их перевода ошибок развивает профессиональные навыки будущих переводчиков; нельзя также не отметить, что предложенные участникам эксперимента материалы нацелены на развитие стилистического чутья переводчиков не только в отношении языка-рецептора, каким в нашем случае является английский, но и в отношении русского языка как языка-источника.

Литература

1. Куниловская М.А. Понятие и виды переводческих ошибок // Материалы международной научной конференции «Переводческая ошибка в теории и практике перевода». Тюмень, 2008.
2. Комиссаров В.Н. Современное Переводоведение. М.: «ЭТС», 2002.
3. Piotrowska M. A Compensational Model for Strategy and Techniques in Teaching Translation. Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. https://www.academia.edu/41867756/A_Compensational_Model_for_Strategy_and_Techniques_in_Teaching_Translation?email_work_card=view-paper
4. Li D. Teaching Business Translation // The Interpreter and Translator Trainer. 2020. № 7 (1). P. 1 – 26. <https://doi.org/10.1080/13556509.2013.10798841>
5. Alenezi A. M.. Task-based approach in teaching translation: A case study in Jouf University. Higher Education Studies, 10(2), 2020? 189. <https://doi.org/10.5539/hes.v10n2p189>
6. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
7. Латышев Л.К. Курс перевода: учебное пособие. М.: Международные отношения, 1981.
8. Inoue I., Candlin C.N. Applying task-based learning to translator education // Benjamins Current Topics, 2017. P. 55 – 82. <https://doi.org/10.1075/bct.90.04ino>
9. Шепель Ю.А. Методика преподавания перевода в высшей школе: Теоретический курс для студентов специальности "Перевод". Днепр: Адверта, 2013. 31 с.
10. Differentiate: translate English to Russian. (n.d.). Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/differentiate>
11. Aarts B. Oxford modern English grammar. Oxford University Press, 2011.

References

1. Kunilovskaja M.A. Ponjatie i vidy perevodcheskih oshibok. Materialy mezhdunarodnoj nauch-noj konferencii «Perevodcheskaja oshibka v teorii i praktike perevoda». Tjumen', 2008.
2. Komissarov V.N. Sovremennoe Perevodovedenie. M.: «JeTS», 2002.
3. Piotrowska M. A Compensational Model for Strategy and Techniques in Teaching Translation. Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. https://www.academia.edu/41867756/A_Compensational_Model_for_Strategy_and_Techniques_in_Teaching_Translation?email_work_card=view-paper
4. Li D. Teaching Business Translation. The Interpreter and Translator Trainer. 2020. № 7 (1). P. 1 – 26. <https://doi.org/10.1080/13556509.2013.10798841>
5. Alenezi A. M.. Task-based approach in teaching translation: A case study in Jouf University. Higher Education Studies, 10(2), 2020? 189. <https://doi.org/10.5539/hes.v10n2p189>
6. Garbovskij N.K. Teorija perevoda: uchebnik. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 544 s.
7. Latyshev L.K. Kurs perevoda: uchebnoe posobie. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1981.
8. Inoue I., Candlin C.N. Applying task-based learning to translator education. Benjamins Current Top-ics, 2017. P. 55 – 82. <https://doi.org/10.1075/bct.90.04ino>
9. Shepel' Ju.A. Metodika prepodavaniya perevoda v vysshej shkole: Teoreticheskij kurs dlja studentov special'nosti "Perevod". Dnepr: Adverta, 2013. 31 s.
10. Differentiate: translate English to Russian. (n.d.). Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/differentiate>
11. Aarts B. Oxford modern English grammar. Oxford University Press, 2011.

*Mirzoyeva L.Yu., Doctor of Philological Sciences (Advanced Doctor), Associate Professor,
Yesirkepova S.A.,
Suleyman Demirel University, Kazakhstan*

Use of authentic texts in teaching professional English language for bachelor program students (on the material of Russian-English translation)

Abstract: the article is dedicated to the problems of teaching Professional English within the framework of the bachelor degree program in Translation Studies. So, for the purposes of research, authentic texts of abstracts translated from Russian into English were used.

This study is aimed at improving the process of teaching translation, since the target audience of the experiment were Translation Studies students. Thus, the research results show that translation errors analysis can be used as a tool in both foreign language learning and improving trainee translators' professional competencies. This teaching method is based on a comparative analysis of source and target texts so it allows us to identify translation problems presupposing those errors. The article also presents the results of an experiment with the exercises based on the identification of the errors types in accordance with the classification of N.K. Garbovsky, as well as reflection on ways to correct them. To sum up, this technique is relevant to the purposes of language and professional competencies improvement.

Keywords: authentic texts, translation errors, comparative analysis, reflection, professional translators' competences, experiment

For citation: Mirzoyeva L.Yu., Yesirkepova S.A. Use of authentic texts in teaching professional English language for bachelor program students (on the material of Russian-English translation). *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 198 – 203.

Received: June 9, 2023; Revised: June 30, 2023; Accepted: June 30, 2023.

Сюй Ино,
Хэйлунцзянский университет, Китай

Концепция хоры в романе «Тихий Дон» М.А. Шолохова

Аннотация: концепция «хоры» впервые была описана в знаменитом литературном памятнике философской прозы античности – платоновских диалогах (см. диалог «Тимей»). Согласно воззрениям Платона, хора есть «начало, назначение которого состоит в том, чтобы во всем своем объеме хорошо воспринимать отпечатки всех вечно сущих вещей», некий «незримый, бесформенный и всеприемлющий вид, чрезвычайно странным путем участвующий в мыслимом и до крайности неуловимый», «мать и восприемница всего, что рождено видимым и вообще чувственным». В философском отношении хора рассматривается как доисторическая стадия становления субъекта, когда опыт встречи с материнским телом имеет место в доличностном и несимволизируемом пространстве субъекта. Впоследствии видение хоры развила и дополнила новыми смысловыми акцентами французский психоаналитик и специалист по семиотике Юлия Кристева (J. Kristeva). Она, используя метафору Платона о хоре и ее материнском начале, связала эту категорию с феминистской традицией, указав на соотношение хоры и понятия материнства (материнского тела). По мнению Ю. Кристевой, хора – это не просто пространство или место протекания каких-либо метафизических процессов, она обладает способностью создавать новую жизнь, представляя собой «невыразимую целостность субъекта, созданную влечениями и их застоями в их движении». Кристева, в том числе, делает упор на знаковых выражениях хоры как органического свойства языка художественного текста.

В своей выдающейся эпопее «Тихий Дон» М.А. Шолохов изобразил драматические события периода крушения самодержавия и гражданской войны, разразившейся на руинах Российской империи, а также предшествовавших этим событиям нескольких лет (действие романа охватывает десятилетие с 1912 по 1922 гг.). Яркими красками писатель создал картину трудного экзистенциального выбора, разделившего казаков на две противоборствующие силы, ставшего роковым для донского казачества.

В романе концепция хоры отражена двумя основными способами: во-первых, донское казачество генетически привязано к своей земле – Области Войска Донского, как младенец к телу матери; во-вторых, женщины-казачки в романе нередко прямо проявляют качества матери-хоры, которая, будучи в их образах скована патриархальным укладом, всё же несет в себе мощный созидательный заряд.

Автор данной статьи исследует и анализирует природу платоновско-кристевской хоры, находя подтверждение ее проявления в религиозных и самобытных чертах социального бытия, свойственного русскому человеку, панорамно и емко описанного М.А. Шолоховым в романе «Тихий Дон», посвященном трагедии казачества, волею судеб оказавшегося на историческом перепутье.

Ключевые слова: хора, Платон, М.А. Шолохов, роман «Тихий Дон», Юлия Кристева, семиотика

Для цитирования: Сюй Ино Концепция хоры в романе «Тихий Дон» М.А. Шолохова // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. № 6. С. 204 – 211.

Поступила в редакцию: 5 июня 2023 г.; Принята в доработанном виде: 30 июня 2023 г.; Одобрена для публикации: 30 июня 2023 г.

Роман-эпопея Михаила Александровича Шолохова «Тихий Дон», как известно, был удостоен Нобелевской премии по литературе (1965). На протяжении нескольких десятилетий это замечательное произведение изучалось с разных точек зрения; исследователи предлагали разные версии интерпретации сюжета романа, обосновывали символизм понятий-концептов, заключенных в тексте произведения (смысл и значение описания элементов пейзажа, таких как река Дон, степь и пр.). Дон в романе – это, с одной стороны, активное начало, субъект повествования – он дает казакам жизнь и пищу, с другой стороны – это объект, одна из базовых ценностей казачества, которая является артефактом с почти религиозным содержанием. Казаки относятся к Дону-батюшке с нежностью и любовью, слагают о нем песни, считают его местом силы. Как свидетель многовековой истории казачества, носитель времени и пространства, Дон воплощает в себе пространственные качества материнского тела, связанные с концепцией платоновского «хора», описанного в диалоге «Тимей» [4].

Помимо специфики описания природы в произведении М.А. Шолохова анализ поступков и характеров персонажей романа, на наш взгляд, также является необходимой отправной точкой для изучения сюжетных поворотов «Тихого Дона». Ряд ученых, изучающих творчество Шолохова, утверждают, что, хотя женские персонажи в книге и имеют отличительные черты (они любят и ненавидят, в одних случаях проявляют

нежность и доброту, в других – высокомерие и жесткость, нередко отличаясь мятежным духом и вспыльчивостью), в изображении женских персонажей у писателя всё же проступает патриархальность – идеологическая установка, ориентированная на привилегированное положение мужчины. Немало оценочных суждений по отношению к женщине в тексте произведения содержат мужскую точку зрения, что, надо признать, являлось приметой того времени (и дискриминация, и унижение, и женское бесправие) и связано с историческим фоном – с исконно русской традицией понимания мужчины как главы семьи (берущей начало в православии), а также с казачьей культурой и крайней религиозностью казачества (для которого главным в жизни выступает мужское братство, женщины же воспринимаются как зависимые, второстепенные члены общины).

Женщины-казачки в романе – это, по сути, группа лиц, маргинализированных патриархальным символическим порядком. Их индивидуальность, способность влиять на выбор жизненного пути, судьбу носят ярко выраженный «мужеборческий» характер, подрывая тем самым основы социального уклада казачьей вольницы.

В этой связи рассмотрение концепции платоновской хоры в версии Ю. Кристевой по отношению к сюжету романа «Тихий Дон» подчеркивает пространственное измерение и материнские качества хоры, ее позитивную творческую энергию. Справедливости ради заметим, что такой подход был подвергнут сомнению и даже критике со стороны некоторых исследователей. Но нельзя не согласиться с тем, что указанный ракурс изучения художественного произведения предлагает свежее в научном плане направление для анализа содержания шолоховского романа.

1. Концепция хоры и ее производные

Концепция хоры, или пространства, в котором идея обретает материальную природу – «сфера-восприемница» (от лат. *chora*), заимствовано из платоновского диалога «Тимей», в котором фигурирует описание двух центральных категорий – тождественной идеи и ее «восприемника». Восприемником выступает то, что делает объект тем, что он есть (объект не может быть неопределенным), а детерминированные характеристики этого объекта могут быть обеспечены только некой тождественной идеей. Таким образом, проблема состоит в том, чтобы охарактеризовать эти три вида бытия:

- а) то, что порождает;
- б) то, что воспринимает порождающий процесс;
- в) бытие, которому подражает порождающий объект.

Носитель-восприемник в данном случае именуется «матерью», источник порождающего объекта сравнивается с «отцом», а порождаемая субстанция есть «ребенок». Мать-восприемница (хора) – это невидимое, бесформенное начало, которое несет в себе все вещи и разделяет разум мистическим образом [4]. Хора подобна кормилице, Платон обращается к ней как к каналу сообщения в пространстве, которое является своеобразным «контейнером, получателем, местом предоставления» (по аналогии с системой почтовых накопителей; зоной офиса, в которой размещаются люди).

Использование Платоном видения пространства как «транспортного коридора», очевидно, носит метафорический смысл. Согласно его интерпретации, восприемница нематериальна и бесплотна, поэтому невозможно ни рассуждать о ней с помощью понятий и логических формул, ни исследовать ее природу. Остается лишь описывать это метаобразование в символических терминах. Пространство является восприимчивой аморфной субстанцией, существование которой можно только утверждать, оно – невидимо и асексуально. Хора подобна восприемнице; она – именно то, что вечно и неизменно, что может выступать сущностью мира.

Итак, Платон объясняет «вечное и неизменное» с помощью метафоры: если сопоставить отливки из золота с различными по виду материальными предметами (вещами), то золото по Платону – это вечная и неизменная восприемница. То есть восприемница – это материал, из которого «отливаются» все вещи, а сама восприемница при этом не имеет природы (как и само золото, которое является лишь материалом и не имеет строго определенной формы).

Осязаемые вещи – это вещи, воспринимаемые непосредственно, и потому они не могут выступать в роли восприемников, они знаменуют собой проявления пространства-восприемника. В связи с тем, что хора, по существу, несет в себе выраженное материнское начало, являясь восприемницей, а также потому, что перечисленные выше ее проявления напоминают акт зарождения жизни, свойственный женскому организму, некоторые авторы используют для обозначения хоры концепт «утроба».

Анализируя, древнегреческий культурный контекст времен Платона, можно прийти к выводу, что хора в «Тимее», как пространство зачатия, является лишь третьей стороной, не участвующей в процессе перехода от идеи к ее материальному воплощению. Получается, что хора – вечное и неизменное начало мира – пассивна в деятельном смысле, что в целом соответствует пассивному характеру женского начала в социо-

культурном контексте [5]. Можно сказать, что образ хоры пассивно женственен, и этот пассивный реципиент призван отказаться от всех собственных характеристик, дабы нести образ тождественной идеи и производить его отпечаток – «факсимиле» идеи [9]. Очевидно, что такая коннотация хоры, с ее содержательной размытостью и многозначностью, противоречит прямолинейной логике западной культуры. Но, по сути, она не столько противоречит, сколько предшествует логике и разуму.

Юлию Кристеву этот ломающий привычное патриархальное мировосприятие, во многом «подрывной» потенциал хоры наводит на размышления о реальной жизни, в которой женственность метафорически передает форма полусферы, хоры в контексте понимания его, как материнского тела, фокусируясь одновременно на взаимоотношениях между материнским началом (телом) и несформировавшимся независимым субъектом, возвращенным в нем, что подчеркивается материнскими пространственными свойствами хоры.

Интерпретация хоры Кристевой не привязана к тому, что Платон считает пространством и материалом; скорее, она предлагает считать такой «хора» до-объективным бытием, подобным звуку и ритму, ослабляя пассивные качества платоновского понимания и подчеркивая продуктивную энергию, которой хора обладает.

Концепция хоры, по мысли Ю. Кристевой, призвана объяснить первостепенную проблему семиотического характера: в своей работе «Революция поэтического языка» [10] она рассматривает два направления развертывания смыслов в художественном произведении – семиотический и символический. Семиотическое направление связано с долингвистической, доэдиповой стадией развития поэтики, а символический режим примерно соответствует патриархальному закону языковой структуры и эдиповой стадии [5]. Кроме того, в своей работе Ю. Кристева вводит термин «семиотическая хора», утверждая, что семиотический режим включает в себя субъекта, который на самом деле является подсознательным субъектом (как указывал З. Фрейд), и что именно энергия этих подавленных желаний, которые высвобождаются через механизмы сжатия и вытеснения под господством желания, образует так называемую хору. Хора является, следовательно, не только отражением энергии, но и представляет собой неподвижность в движении. Хора кинетична и ограничена [11].

Концепция хоры постепенно расширяется, чтобы выразить в сфере языка то, что является неопределенным или временно зафиксированным. Язык, таким образом, одновременно и опирается на возможности хоры и сопротивляется ей, создавая свой собственный смысл в этом единстве и борьбе противоположностей [7]. Семиотическая хора наполнена энергией активного творчества, высвобождающейся в языковой деятельности, в процессе которой формируется смысл, способствующий рождению и становлению субъекта. Пространство семиотической хоры полно самоотрицания, и именно самоотрицание хоры, наряду с динамикой смыслового наполнения, определяют формирование и развитие вновь создаваемого субъекта [13]. Конструируемый субъект существует во временном потоке; конструирование (созидание) – это процесс, постоянно получающий импульс отрицания; процесс, который невозможно остановить. Эту ограниченность хоры подчеркивает Кристева в своем исследовании.

Сопряжение платоновского понятия хоры с семиотикой (семиотическим направлением в понимании Ю. Кристевой) и его производными не является строгим уравнением биологии женского начала, вбирающего в себя материнские качества, воплощенные в хоре. Метафора, как мы указывали выше, основана на маргинальной и в то же время негативистской энергетике женщины, протестующей против патриархального порядка, господства мужского начала; бросающей вызов и даже нарушающей иерархию традиционной культуры, базирующейся на зависимом положении женщины.

Одним из слоев хоры выступает пространство, и в «Тимее» подчеркивается, что это пространство не эквивалентно небытию, а является состоянием хаоса, в котором вещи перемежаются друг с другом. Поскольку место движения и изменения всех порожденных вещей само по себе полно, его нельзя отождествлять с пустотой [4]. Ю. Кристева сравнивает это «пространство полноты» с телом матери, носящей во чреве новую жизнь, и это, напомним, вполне соотносится с двумя основными качествами хоры: «утробы» как места порождения субъекта (подобное семиотической хоре) и плода – как субъекта в процессе воплощения (еще не самостоятельного), хотя субъект-объектные отношения «матери» и «плода» в данном случае не совсем ясны. Действительно, мать с плодом во чреве, на самом деле, не является посторонней, «третьей» стороной; она выступает чем-то большим, нежели просто «пространством» или «сосудом» – материнское тело является местом восприятия плодом звуков и движений мира, а пространство материнского тела питает его активные, творческие силы.

Кристева не только дает теоретическую интерпретацию связи между хорой и материнским телом, но в другой своей работе – «Легенде о любви» – она обращается к теме вынашивания ребенка и чувства, которые переживает мать. Как психолог Ю. Кристева рефлексировала о своей собственной беременности, исследуя

дую в приложении к нему образ Богородицы (комплекс отношений матери и ребенка) в христианской культуре.

Хотя «присвоение» теории хоры Ю. Кристевой, а также ее интерпретация материнского тела были встречены довольно критически многими представителями феминистского движения (к примеру, с тех позиций, что «насильная» привязка к функции материнства ограничивает женщину, – будто бы стать матерью – это априорная необходимость для женщины), но в ее концепции есть немало интересных аспектов. Скажем, вопрос о соотношении стремления к свободе семиотической хоры от символического режима (который является ипостасью патриархального закона): означает ли это, что символический порядок, столкнувшись с противодействием, отступает?

Маргинальная и разрушительная с точки зрения культурных канонов теория Кристевой [12] является новой парадигмой для деконструкции традиционного западного логоцентризма и предлагает оригинальный взгляд на анализ литературных текстов, пусть и с феминистской точки зрения.

II. Концепция хора, воплощенная в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»

1. Дон: пространство материнского тела

«А засеяна славная земля казацкими головами,

Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами,

Цветет наш батюшка тихий Дон сиротами,

Наполнена волна в тихом Дону отцовскими, материнскими слезами» [8, с. 3].

С географической и геополитической точки зрения Донской край – это родина казачества; река определяет быт казаков, их мировоззрение и, таким образом, ментально отделяет и изолирует эту социальную общность от внешнего мира.

С психологической и эмоциональной точки зрения Дон ласково называется казаками «батюшкой». Исторически регион Области Войска Донского сформировался как относительно замкнутый мир, географически, экономически, политически и идеологически. В ходе серии военных конфликтов начала XX века, эта изоляция была нарушена, и казаки были вынуждены взять в руки оружие, став на сторону одной из противоборствующих сил, с одной лишь целью – вернуть покой и мирную жизнь своей малой родине.

Шолохов в романе неоднократно подчеркивает: независимо от того, примыкают ли казаки к «красным», «белым» или вливаются в разбойные анархистские шайки, они стремятся защитить свой край от нависшей над ним угрозы. Донская земля взывает к ним о помощи, они тоскуют по той независимой, мирной жизни, которую они вели раньше в этих степных краях, на берегах Тихого Дона.

В художественной ткани своего монументального произведения М. А. Шолохов вывел типичную казацкую семью – семью Мелеховых.

Писатель неспешно рассказывает о выборе и судьбах казачества в начале XX века, а потрясающие по колориту описания донских пейзажей и ровное течение величавого Дона служат идеальным фоном для такого повествования на протяжении всего сюжета.

Река Дон – лоно казачества, а казаки, как его дети и хозяева этой земли, на протяжении многих поколений выступают и субъектами (воспринимающими и преобразующими окружающий мир – его активными творцами), и объектами (взращенные сызмальства традициями казачьей вольницы). Таков вечный двигатель казачьей жизни.

Шолохов, также выросший на берегах Дона, уделяет много внимания изображению мирной, благополучной жизни довоенного времени.

Роман начинается с описания места, где живут Мелиховы: «Мелеховский двор – на самом краю хутора. Ворота со скотиньего база ведут на север к Дону. Крутой восьмисаженный спуск меж замшелых в прозелени меловых глыб...» [8, с. 4].

Столь подробное, наполненное этнонимами и особенным говором местных жителей изображение природы – важный инструмент, используемый писателем для создания определенного настроения и подготовки читателя к неожиданным поворотам в сюжете.

Казак как «объект» – уроженец донского края; он привязан к своему дому, к родной земле. Григорий Мелехов на предложение своей любовницы Аксины сбежать с ним возражает, что в степи приятно дышать, а в других местах «дурно пахнет столпотворением». Только Донской край дает достаточно простора и энергии казачьей душе. Однако, бросив жену, Григорий с любовницей всё же уезжает работать чернорабочим в имении некоего г-на Листницкого. И хотя Григорий был свободен и счастлив, при встрече с братом он с грустью говорит о том, как сильно скучает по станице Татарской, с ее видом на Дон, и даже его возлюбленная, будучи на сносях, не может отвлечь его от ностальгии по дому. И на службе у царя (отбывая обязательную для казачества воинскую повинность), и в военных походах, казаки всегда помнили о своем

доме и сражались с противником, в том числе, и за свою родную землю, стремясь вернуться домой как можно скорее.

Записывая второпях (верхом на лошади) очередное письмо родным, Петро, находящийся в расположении русской армии на фронте, просит близких прислать ему сушеных вишен из их «собственного донского сада». Когда Григорий пьян и растерян на поле боя, он видит бескрайнюю степь, деревья, отражающиеся в Дону, и золотые поля жнивья, оставшиеся после жатвы. Отслужив и возвращаясь домой после военной службы, демобилизовавшиеся казаки ликуют и бросают свои шапки в реку, когда поезд, на котором они едут медленно пересекает мост через Дон. Плавающие шапки в этот момент похожи на казацкие челны, несущие радость возвращения домой, и на белые «барашки» – легкое волнение на реке. Этот обычай, по словам Шолохова, существует на Дону с давних времен.

Казаки, являясь активным и энергичным субъектом повествования, ведут себя крайне самоотверженно, пытаются разобраться в себе, сделать правильный выбор, ощущая в глубине души непреодолимое желание мира и при этом понимая, что дорога к миру лежит через боль военного лихолетья, в которое они оказались вовлечены.

Идеалом автора, очевидно, является жизнь, сопряженная с мирным трудом, единение человека с природой. Неприятие войны и связанных с ней страданий четко прослеживаются на протяжении всего романа. Геополитические кризисы всегда сопровождаются разрушениями, смертью, попранием гармонии и привычных духовных ценностей. Жизнь в эти периоды как бы регрессирует, словно река, отступающая после неожиданного подъема воды и обнажающая сгнившие корни деревьев, вросшие в илистое дно.

Тихий Дон стал мутным, слезами полон Дон-батюшка. Рядовые казаки по своей природе – воины-земледельцы; их приоритеты – семья, труд, вольная жизнь. Гражданская война – не их выбор, но в 1920-х гг. другого пути у казачества не было – казачество стало разменной монетой во внутривосточной борьбе – противостоянии между советской властью и приверженцами старого порядка.

Жестокая война имела еще более жестокие последствия. Движимые ненавистью и местью, казаки постепенно грубеют, становятся равнодушными к человеческой смерти. Сострадание становится, скорее, исключением из правил. Гражданский раскол нередко разделяет семьи – всё чаще на поле боя сталкиваются близкие родственники: один за «красных», другой – за «белых».

Народный наказ о неправильной, страшной братоубийственной войне Шолохов вкладывает в реплики в общем-то второстепенных персонажей романа [1].

Так, в одночасье гостеприимный и радушный народ превратился в свою противоположность. Все благие проявления человеческой личности война нещадно выкорчевывала из сердца или загнала глубоко в душу (любовь, нежность, сострадание). Женщины – жены и матери казаков – не одобряли казней военнопленных, ведь плененный казак тоже был чьим-то сыном.

– Разве можно вынести, что такой хороший цветок загублен на войне? <...> Все матери – добрые... – эти слова исходят от казачек, имена которых в книге не называются, но которые остаются символом непоколебимой веры в доброту, в непреходящую ценность христианских заповедей, в человечность даже в условиях хаоса военного времени.

Война и разруха не щадят никого – умирает жена Григория Мелехова, его возлюбленная, родители, брат и многие друзья. Григорий оказывается практически уничтожен физически и психологически. Однако он по-прежнему трепетно относится к донской земле, стремится к ней, как будто от этого зависит его разрушенная жизнь, как будто только на Дону его жизнь имеет хоть какую-то ценность. Григорий возвращается домой. Рядом лишь его сестра, маленький сын и родной баз (двор), на котором он вырос. И это всё, что связывает его с реальностью, с миром в целом.

Хора находится в вечном движении – земля, смена времен года зовут казака к извечному труду – земледелию. Но грозное время вынуждает вчерашних крестьян брать в руки оружие, сражаться и погибать. Несмотря на это, по мнению Шолохова, жизнь обязательно победит смерть, а созидание – одолеет разруху.

2. Хора и казачья мать

Ю. Кристева сравнивает семиотический режим хоры с имажинативной ассоциацией младенца с материнским телом, подчеркивая пространственное измерение и материнские качества хоры. Символический режим, конструирующий структуру языка и социального порядка, в свою очередь, аналогичен патриархальному символическому порядку.

Женщины в «Тихом Доне» Шолохова – это живые, яркие, характерные образы, как цветы сквозь каменистую почву пробивающие себе дорогу в повествовании, перенасыщенном маскулиноцентричными посылами. Будь то Наталья – символ традиционной русской женщины, унаследовавшая рассудительность и поддержку от былинной Василисы Премудрой, а грацию и духовную чистоту – от кроткой Алёнушки из

народного фольклора. Или Аксинья, осмелившаяся любить и ненавидеть, обладающая мятущимся духом и чувством собственного достоинства.

Автор и мужские персонажи произведения относятся к героиням со снисходительностью и сочувствием, что указывает на гуманистические нотки, заложенные в романе, которые, впрочем, еще далеки от осознанного женского самоутверждения и тем более от феминистского подтекста [2]. Право быть гордой, сильной женщиной в мужском мире надо завоевать, «от рождения» таким качеством женщина в архаическом обществе наделена не была; она находилась полностью во власти мужчины, и эту роль ей транслировали в течение всего периода взросления, вплоть до замужества. Одним словом, Женщиной с большой буквы невозможно родиться, ее в себе надо вырастить, воспитать [6].

До замужества Аксинья нередко подвергалась насилию со стороны собственного отца. После этого с ней довольно грубо обходился муж, часто обвиняя ее в том, что она позорит и унижает его в глазах других станичников. Но вот она встречает свою настоящую любовь – Григория Мелехова. Ради него она готова терпеть насмешки и издевательства жителей станицы, она полна решимости сбежать с Григорием от ненавистного супруга. Важно, что Шолохов не раз подчеркивает – Аксинья не «гулящая», но ее любовь – это протест, прямой вызов патриархальным устоям и стремлению к свободе. Духовный демарш Аксиньи и его печальный исход показаны в романе с разных сторон. Несмотря на страстные отношения с Аксиньей, Григорий женится на добродетельной Наталье. Словно насмехаясь над своей недавней пассией, говорит он: «сучка не захочет – кобель не вскочит» [8]. После побега с Григорием Аксинья родила дочь, которая умерла от скарлатины. Смерть ребенка определена в романе как наказание неверной жены Аксиньи. Потеряв дочь, Аксинья заводит роман с сыном хозяина поместья, а разъяренный Григорий избивает и бросает ее.

Однако парадокс – столь же неверный Григорий не подвергается чрезмерному осуждению со стороны автора и односельчан. Причина этого – в подчиненном положении женщины в русской крестьянской общине (при разделе земли, выплате оброка и пр. издревле на Руси учитывались только лица мужского рода). Женская неверность карается строже, так как женщина угнетена и дискриминирована; она бесправна, не имеет собственного «я» и рассматривается как собственность мужчины – своего рода одушевленная вещь, которая изначально не может действовать по своей прихоти (в отличие от независимого и самодостаточно мужского); именно поэтому женщина оказывается стократ виновнее в аналогичной ситуации.

Согласно Кристевой, мать – это неполноценный объект, объект первобытной репрессии, у которого одновременно наличествуют и позитивные и негативные качества. Принятие и поглощение патриархальным обществом женщины и материнства в широком смысле, по сути, является попыткой подавить женское начало с помощью символического дискурса. Семиотический режим хоры и материнские качества, маргинализированные патриархальным символическим порядком, таким образом, воплощены в Аксинье, в ее протестной энергии сопротивления.

Кристева считает, что материнство, беременность, тело женщины на сносях – тесно связаны с женским желанием и удовольствием, но в то же время выступают постоянной угрозой патриархальному мироустройству. Подобно тому, как пространство материнского тела питает силу созидания, рождение детей – это залог существования казачьего рода, и он всецело во власти Женщины.

Турецкая полонянка, ставшая впоследствии женой Порфирия – деда Григория Мелехова, попадает на Дон, будучи привезенной в статусе казацкой добычи с русско-турецкой войны. Невежественные станичники – жители хутора Татарский, недолюбливают турчанку и в один из моментов, безосновательно обвинив ее в колдовстве, забивают насмерть. Но ребенок, которого она носила в утробе выживает. Этот ребенок – отец Григория Мелехова – символизирует трагедию, порожденную невежественной толпой.

После того как Григорий и Аксинья сбегают, Наталья, оставшись без мужа утрачивает свое положение и как жена, и как невестка в семье Мелеховых. Всю свою нерастратченную любовь она изливает на детей. В этой материнской любви тлеют и страсть к непутевому мужу, и надежда на лучшее будущее, в том числе свое женское будущее. Таким образом, рождение ребенка вызывает у Натальи колоссальный духовный подъем, придает ей созидательную энергию и силы.

В этом смысле уместно провести параллель с уникальным феноменом христианской культуры – культом Богородицы. Богородица, зачавшая в Слове, представляет собой особую ипостась материнства, отчасти это некий образ символического порядка, сформированный патриархальным дискурсом. Наталья – женщина с подлинной русской душой и характером. Она – верная жена своего мужа, однако ее женская гордость в конце концов пересиливает, и она отказывается от своего последнего ребенка, прерывая беременность; этот шаг стоит ей жизни. Отчаянная борьба Натальи за свое семейное счастье, ее противостояние с мужем-изменником (пусть и безуспешное), не вызывают осуждения; женщина, делая невероятно сложный выбор в пользу аборта, по сути, становится жертвой патриархального общества. Тем не менее, как сложный инди-

видуальный опыт женственности, аборт Натальи фактически деконструирует великий нарратив патриархата, разрушая условности «святого материнства», навязанные извне.

Несмотря на целый каскад трагических событий и их последствий, смерть Натальи не вызывает у читателя чувства безысходности или отчаяния, ведь жизнь героини продолжается в детях, а значит, стоит ждать будущего, которое обязательно будет более жизнеутверждающим, чем настоящее. Аксинья обретает уверенность и счастье в том, что снова стала матерью, приняв ребенка, как родного, после смерти Натальи. Григорий также обретает единственную свою связь с родной землей в своем единственном ребенке.

Заключение

Завершая рассмотрение генезиса и природы категории хоры применительно к фабуле романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», отметим: переосмысливание Ю. Кристевой платоновской концепции хоры подчеркивает маргинальные качества материнского начала, подрывающие устои патриархального мировосприятия. В пространстве романа Шолохова формируется дилемма сопротивления братоубийственной войне и тоски по родине, неравенства между женщиной и мужчиной в условиях русского «домостроя», а также борьбы женщины за свое будущее, неугасимое стремление к прекращению кровопролития и духовному обновлению.

Смена времен года в романе сопровождается зигзагами судеб героев: великий Дон-батюшка выходит из берегов и затем отступает, чтобы накормить народ, живущий по его берегам; круговорот жизни продолжается; земля жаждет хлебного семени, а энергия материнского начала пронесит через ужасы войны и заколдованный быт надежду на то, что мир станет совершеннее, пусть даже это потребует жестокой борьбы.

Литература

1. Агносов В. Русская литература XX века: пер. с кит. Пекин: Изд-во Китайского народного ун-та, 2001. С. 438.
2. Моу Сюэюань Феминистская критика «Тихого Дона» // Журнал Сианьского педагогического колледжа. 2002. № 01.
3. Платон. Сочинения: в 3 т. Т. 3 (1). С. 491 – 492.
4. Платон. Тимей. Сочинения: в 3 т. Москва, 1972. Т. 3. Ч. 1. С. 455 – 541.
5. Цзинь Тайдун Ключевые слова в западной литературе: хора // Иностранная литература. Пекин: Пекинский университет иностранных исследований. 2021. № 5. С. 128 – 129.
6. Симона де Бовуар «Второй пол»: пер. Тао Тиежу. Пекин: Китайское книжное издательство, 1998. С. 309.
7. Сунь Сюли Исследование аналитической семиотики Ю. Кристевой. Харбин: Издательство Хэйлунцзянского университета, 2016.
8. Шолохов М.А. Тихий Дон. Москва: Изд. Азбука-Аттикус, 2014. С. 3.
9. Best Sue. Sexualizing Space. Sexy Bodies: The Strange Carnalities of Feminism / Ed. Elizabeth Grosz and Elspeth Probyn. London: Routledge, 1995. P. 185.
10. Kristeva J. Le révolution du langage poétique. Paris: Seuil, 1974. P. 25.
11. Moi Toril (ed.). Revolution in Poetic Language. The Kristeva Reader. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 93.
12. Moi Toril Sexual/Textual Politics: Feminist Literary Theory. London: Routledge, 2002. P. 163.
13. Oliver Kelly Reading Kristeva: Unraveling the Double-Bind. Bloomington: Indiana UP, 1993. P. 46.

References

1. Agnosov V. Russkaja literatura XX veka: per. s kit. Pekin: Izd-vo Kitajskogo narodnogo un-ta, 2001. S. 438.
2. Mou Sjujejuan' Feministskaja kritika «Tihogo Dona». Zhurnal Sian'skogo pedagogicheskogo kolledzha. 2002. № 01.
3. Platon. Sochinenija: v 3 t. T. 3 (1). S. 491 – 492.
4. Platon. Timej. Sochinenija: v 3 t. Moskva, 1972. T. 3. Ch. 1. S. 455 – 541.
5. Czin' Tajdun Kljuchevye slova v zapadnoj literature: hora. Inostrannaja literatura. Pekin: Pekinskij universitet inostrannyh issledovanij. 2021. № 5. S. 128 – 129.
6. Simona de Bovuar «Vtoroj pol»: per. Tao Tiezhu. Pekin: Kitajskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998. S. 309.
7. Sun' Sjulj Issledovanie analiticheskoj semiotiki Ju. Kristevoj. Harbin: Izdatel'stvo Hjejilunczjanskogo universiteta, 2016.
8. Sholohov M.A. Tihij Don. Moskva: Izd. Azbuka-Attikus, 2014. S. 3.
9. Best Sue. Sexualizing Space. Sexy Bodies: The Strange Carnalities of Feminism. Ed. Elizabeth Grosz and Elspeth Probyn. London: Routledge, 1995. P. 185.
10. Kristeva J. Le révolution du langage poétique. Paris: Seuil, 1974. P. 25.

11. Moi Toril (ed.). *Revolution in Poetic Language. The Kristeva Reader*. Oxford: Basil Blackwell, 1986. P. 93.
12. Moi Toril *Sexual/Textual Politics: Feminist Literary Theory*. London: Routledge, 2002. P. 163.
13. Oliver Kelly *Reading Kristeva: Unraveling the Double-Bind*. Bloomington: Indiana UP, 1993. P. 46.

*Xu Yinuo,
Heilongjiang University, China*

The Chora concept in Mikhail Sholokhov's novel *Quiet Flows the Don*

Abstract: the Chora concept was first described in the renowned ancient philosophical prose literary work, Plato's dialogues (see the *Timaeus Dialogue*). According to Plato, Chora is "an element assigned to perceive well and in full the prints of all eternally existing things", a kind of "an invisible, shapeless and all-accepting view extremely strangely participating in what is thought and excessively elusive", "the mother and godparent of all that was born by the visible and generally sensuous". In the philosophical sense Chora is viewed as a pre-historical stage in the subject's genesis when the experience of meeting the mother's body is taking place in the pre-personal and unsymbolised space of the subject. The view of Chora was further developed and complemented with new semantic accents by French psychoanalyst and expert in semiotics Julia Kristeva. Using Plato's metaphor of Chora and its motherly element, she associated it with the feminist tradition placing accent at the correlation between Chora and the notion of motherhood (mother's body). According to J. Kristeva, Chora is not just a space or place for some metaphysical processes; it possesses ability to create new life as it is "an unspeakable entirety of the subject created by inclinations and their stagnancies in their movement". Kristeva, above all, is laying stress on the sign-oriented expressions of Chora as an organic characteristic of the language of a literary text.

In his eminent four-volume epic *Quiet Flows the Don* Mikhail Sholokhov depicted the dramatic events of the Civil War that broke out on the ruins of the Russian Empire, as well as of the years preceding the War (the action takes place within the decade between 1912 and 1922). The writer creates a most vivid picture of a tough choice that turned to be fatal for the Don-land Cossacks, dividing these people into two opposing forces and clashing them in a fratricidal conflict.

In the novel, the Chora concept is reflected in two basic ways: firstly, Don-land Cossacks are genetically tied to their land, the Province of the Don Cossack Host, like any baby is tied to its mother's body; secondly, the Cossack women of the novel often directly demonstrate the qualities of the Mother Chora who, being shackled by patriarchal traditions, still carries a strong creative power in herself.

The author of this article examines and analyses the nature of Plato-and-Kristeva's Chora, finding confirmation of her manifestation in the religious and indigenous features of the social life peculiar to Russian man and panoramically described by Mikhail Sholokhov in his novel *Quiet Flows the Don*, a book dedicated to the tragedy of Cossacks who, as fate had it, found themselves at a historical crossroad.

Keywords: Chora, Plato, Mikhail Sholokhov, the novel *Quiet Flows the Don*, Julia Kristeva, semiotics

For citation: Xu Yinuo The Chora concept in Mikhail Sholokhov's novel *Quiet Flows the Don*. *Philological Sciences Bulletin*. 2023. 3 (6). P. 204 – 211.

Received: June 5, 2023; Revised: June 27, 2023; Accepted: June 30, 2023.